

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Книга 4-я

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1979

P2
Ч-37

Составитель **И. И. Шмелев**

Художник **О. В. Камаев**

Чекисты рассказывают: Книга 4-я / Сост. И. И. Шмелев. — М.: Сов. Россия, 1979. — 304 с.

Первые три книги «Чекисты рассказывают» были тепло встречены читателями. Новый сборник тематически как бы продолжает этот рассказ. На страницах книги рассказывается о борьбе с контрреволюцией в первые годы Советской власти, разоблачаются происки империалистических разведок, правдиво и ярко пишется об отваге и патриотическом мужестве советских людей.

Книга воспитывает у советских людей высокую политическую бдительность.

© Издательство «Советская Россия», 1979 г.

Владимир Листов

РЕВОЛЮЦИЯ ЗАЩИЩАЕТСЯ

ЧЕТВЕРТАЯ ОСЕНЬ

Поздним вечером 19 октября 1920 года секретарь Ленина Фотиева принесла Владимиру Ильичу очередную почту. Писем было много, из разных концов России. На тех, которые требовали срочного ответа, Фотиева сделала пометки. Ленин взял телеграмму с такой пометкой. Она была краткой: председатель Тамбовского губисполкома Шлихтер сообщал о захвате антоновцами Рассказовских суконных фабрик.

Ленин задумался. Голодная Москва замерла во мгле за стенами Кремля. Было ненастно и тревожно. Не хватало продуктов, одежды, обуви, хлеба, чтобы накормить армию и население.

Ленин вспомнил свой недавний разговор с писателем Уэллсом. Подумал: «Интервенты разбиты. Государство рабочих и крестьян продолжает жить и развиваться, несмотря на всякие пророчества. Уж очень много развелось пророков!»

Владимир Ильич вспомнил о своем выступлении на четвертой конференции губернских чрезвычайных комиссий.

«Мы до и после Октябрьской революции стояли на той точке зрения, что рождение нового строя невозможно без революционного насилия, что всякие жалобы и сетования, которые мы слышим от беспартийной мелкобуржуазной интеллигенции, представляют собой только реакцию. История, которая движется благодаря отчаянной классовой борьбе, показала, что когда помещики и капиталисты почувствовали, что дело идет о последнем, решительном бое, то они не останавливались ни перед чем...»

Ленин взял ручку и стал быстро писать. Закончив, он поднял трубку телефонного аппарата, попросил соединить с ВЧК.

— Товарищ Дзержинский? — спросил он, когда услышал голос в трубке.

— Слушаю, Владимир Ильич.

— Сейчас я направлю вам записку, в которой кое-что набросал. Речь идет о банде Антонова. Прошу сегодня же рассмотреть и принять меры. С антоновщиной нужно быстро покончить. Свяжитесь со Скиянским и действуйте вместе.

— Хорошо, Владимир Ильич. — Дзержинский отвечал кратко.

Спустя час Феликс Эдмундович прочитал записку Ленина:

Спешно.

Тов. Дзержинскому

Захвачены Болдыревские (Рассказовские) фабрики (Тамбовской губернии) бандитами.

Верх безобразия.

Предлагаю прозевавших это чекистов (и губисполкомщиков) Тамбовской губернии

1. Отдать под военный суд,
2. Строгий выговор объявить Корневу¹.
3. Послать архиэнергичных людей тотчас.
4. Дать по телеграфу нагоняй и инструкции.

Ленин.

Дзержинский поднялся из-за стола, походил по кабинету. Он хорошо помнил ту информацию, которую в течение сентября — октября получал из Тамбова и Воронежа. 19 августа в селе Каменка Кирсановского уезда крестьяне, подстрекаемые кулаками, отказались сдавать хлеб по продразверстке. 30 августа волнение охватило села Кирсановского, Тамбовского, Борисоглебского, Козловского, Моршанского уездов Тамбовской губернии и частично Воронежскую губернию. Движение возглавил авантюрист Антонов, эсер, который при царизме отбывал наказание за экспроприации. В его банду стали стекаться, наряду с кулаками, дезертирами и уголовниками, обманутые крестьяне, недовольные продразверсткой.

На подавление мятежа были брошены местные гарнизоны Красной Армии, мобилизованы чекисты. Но они терпели поражения.

9 октября антоновцы расстреляли захваченных коммунистов и активистов, не пощадили даже женщин. У захваченного в плен красноармейца, имевшего орден Красного Знамени, бандиты вырезали знамя на груди.

Дзержинский вызвал к себе начальника секретного отдела ВЧК Самсонова.

В кабинет вошел, словно бы протиснувшись в дверь, широкоплечий человек, одетый в гимнастерку, полувоенные брюки и поношенные сапоги. Подошел к столу.

— Слушаю, Феликс Эдмундович. — На Дзержинского смотрели спокойные, умные глаза. Дзержинскому нравился этот мужественный человек. Он искренне любил Самсонова и верил ему, зная, что Самсонов так же, как и он, прошел царские застенки, сибирские каторжные этапы. Был грузчиком и лесорубом. Потом сражался с

¹ Корнев — командующий войсками внутренней охраны республики.

Колчаком. Только такой профессиональный революционер, как Дзержинский, мог понять, откуда Самсонов брал время и силы для самообразования.

— Читайте. — Дзержинский дал Самсонову записку Ленина. Поправил шинель, прошелся еще раз по кабинету. — Вам не холодно в гимнастерке? У меня тут не очень натоплено.

— Нет, Феликс Эдмундович, — улыбнулся Самсонов, — я привык.

Самсонов прочитал записку и положил ее на стол.

— Что нового сообщают из Тамбова? — спросил Дзержинский.

— К антоновцам послали двух человек. Но их не подпускают к штабу. Это люди не того масштаба... К тому же на многих руководящих постах в Тамбове засели эсеры и снабжают антоновцев информацией.

Феликс Эдмундович подошел вплотную к Самсонову, словно намереваясь сказать что-то по секрету, хотя прекрасно понимал, что в этом кабинете никто не мог их подслушать. Это была его давняя привычка. Тихо проговорил:

— Нужно найти такого человека, который способен не только собрать сведения об антоновской армии, разведать тылы, количество войск, вооружение, но и уговорить главарей банды приехать в Москву или хотя бы в Воронеж, где их можно арестовать и тем самым обезглавить движение. Со своей стороны наши войска будут готовить разгром этих банд...

Походив немного по кабинету, Дзержинский продолжал:

— Наш человек, которого мы направим к антоновцам, во-первых, должен сам быть из крестьян, так как антоновщина — движение эсеровско-кулацкое по содержанию, а по форме — крестьянское. Основные кадры там — среднее крестьянство. Это те люди, что были в царской армии — бывшие унтер-офицеры, вахмистры, подавшиеся на эсеровскую удочку. Начальник штаба — Эктов — бывший штабс-капитан царской армии. К ним примкнули откровенно уголовные элементы. Вот вам лицо этой банды. Во-вторых. Это должен быть очень грамотный человек, так как там не дураки руководят этим движением, если сумели устроить такую заваруху. И действуют достаточно умело. Части Красной Армии пока терпят поражения.

В-третьих. Это должен быть боевой, очень боевой человек, так как там ему будет несладко.

И наконец, этот человек должен был раньше обязательно состоять в партии эсеров. Другого они не подпустят к себе близко. Но такой бывший эсер, который целиком и полностью, с кишками и потрохами перешел на нашу сторону.

Дзержинский остановился, улыбнулся.

— Много я вам наговорил? Есть у вас такой человек?

— Да-а... — сумел только произнести Самсонов и потер рукой свой подбородок.

Самсонов понимал, что «проникнуть и разведать» — это куда ни шло. Но вывести в Москву главарей! Какими волевыми качествами должен обладать человек, чтобы справиться с этой задачей? На какой риск он должен пойти?!

Немного выждав, он спросил:

— Можно подумать, Феликс Эдмундович?

— Да. Только не затягивайте.

Самсонов возвратился в свой кабинет. Это была довольно просторная комната с печным отоплением, в которой, кроме большого конторского стола, старого дивана, обтянутого черной кожей, и нескольких стульев, ничего не было. Эта «мебель» пропиталась пылью и табачным дымом. В холодное время года в печь подбрасывали кокс. Сейчас был еще октябрь, кокс экономили и поэтому в комнате было зябко.

Самсонов достал из сейфа какие-то списки и стал листать. Потом читал дела. Откладывал в сторону — все не то! Дело оказалось труднее, чем он даже предполагал. Найти человека с такими качествами, как приказал Феликс Эдмундович, оказалось не так просто. Спустя несколько дней он вызвал к себе нового работника:

— Дерибас, зайти!

В кабинет вошел худощавый человек, в пенсне, с рыжеватыми усами и бородкой клинышком. Он пригладил рукой свои длинные волосы, сел на стул. Ему было тридцать семь лет, но выглядел он старше. Самсонов вытащил из ящика стола пачку табаку. Он курил редко, больше посасывал свою почерневшую трубку: с куревом было плохо. А угощал только тогда, когда хотел подчеркнуть тем самым что-то важное. Сейчас он набил трубку и протянул пачку Дерибасу:

— Кури.

Дерибас взял пачку, оторвал листок бумаги, насыпал щепотку табаку, свернул самокрутку, прикурил от зажигалки. Самсонов раскурил трубку и подошел к окну. Дерибас, не отрываясь, следил за ним взглядом. И все это делалось сосредоточенно молча. Наконец Самсонов заговорил:

— Ты хоть и недавно в Чека, но я решил поговорить именно с тобой. Ты изучил все материалы?

— Да.

— Дело очень секретное. Нужен человек к антоновцам. Они примут только своего, эсера, — ты это знаешь. Ты хорошо разбираешься в людях, Терентий Дмитриевич, и знаешь многих бывших эсеров, порвавших с этой партией. Кого мы можем послать?

Дерибас молчал, попыхивая сигаркой. Самсонов выпустил облако дыма, посмотрел в окно. Начинался рассвет. Моросил мелкий дождь, перемешанный со снежной крупой. Повернувшись к Дерибасу, Самсонов уточнил:

— Дзержинский сказал, что это должен быть из перешедших на наши позиции. «С потрохами наш», — как

он выразился. Понял?!

— Понять-то понял. Да ведь как они расправляются!

— В том-то и дело, что человек должен быть с головой. Я перебрал многих... Надо провести самого Антонова... И хорошо знать эту среду... У тебя память хорошая, может быть, вспомнишь, кто справится? Кому можно доверять?

Было слышно, как ударяются тяжелые капли о подоконник. Дерибас сидел, полузакрыв глаза. Где-то невдалеке прогремел трамвай. Потом Дерибас стал размышлять вслух:

— Череванова?.. Нет, ему я не верю... — И вдруг громко и радостно воскликнул: — Вспомнил! Вот кого мы можем послать — Муравьева! Ты его знаешь, живет он в Воронеже. Евдокима Федоровича Муравьева.

— Это тот, кого хотел посадить Александрович?

— Он самый. Муравьев порвал с левыми эсерами и многих членов этой партии перетянул на нашу сторону. Сделал это из идейных убеждений. По всем данным, стойкий и надежный человек.

— Сумеет ли он?

— Человек умный и с хитринкой.

Теперь задумался Самсонов. Поднял усталые глаза и неожиданно сказал:

— Поезжай-ка ты в Тамбов и Воронеж. Изучи все на месте. Сначала в Тамбов, посмотри обстановку, присмотришься к людям. Может быть, там подыщешь кого-нибудь. Если не выйдет, то в Воронеж. Действуй и держи связь со мной... Через двое суток доложи.

Дерибас хотел было сказать, что уже утро, что в Тамбов он попадет в лучшем случае только завтра. Что нужно время, для того чтобы разобраться. И, словно прочитав его мысли, Самсонов сказал:

— Мы и так затянули. Ленин приказал: срочно послать архизэнергичных людей. Понял? Действуй.

В Тамбов Дерибас приехал днем. Была оттепель. Небо заволочло тучами. Когда он вышел из здания вокзала, его ноги почти утонули в месиве из грязи и растаявшего снега. И тут же появилось странное ощущение: город живет ожиданием. На углу стояли женщины и читали воззвание губкома РКП(б). Не было видно привычных извозчиков.

Дерибаса встретил работник губчека Анисимов и повел к одиноко стоящей пролетке.

Ехали по булыжной мостовой, покрытой размякшим снегом, мимо притихших двух-трехэтажных домов, с окнами, закрытыми ставнями, по прямому, словно вычерченному на ватмане, улицам.

Председатель губчека встретил Дерибаса приветливо.

— Жить ты будешь у меня, — сказал он твердо. — В гостинице опасно. Трудно нам приходится. Эсеры помогают антоновцам, много их людей в городе. Население запугано и помогать нам боится. Мы все время живем по боевой тревоге: того и гляди эта армия двинет на Тамбов, а здесь начнут действовать отряды предателей.

Весь вечер Дерибас просматривал дела и окончательно убедился, что ранее полученные материалы, которыми располагал центр, точны, но весьма неполны. Дерибас знал, что в Тамбовской губернии и смежных с ней уездах Воронежской и Саратовской губерний существовал «Союз трудового крестьянства», в который вошли на паритетных началах представители правых и левых эсеров, заключивших тактический блок для борьбы с большевиками.

Было видно, что организация имела тесную и постоянную связь с бандами Антонова. Участники антоновской банды снабжались подложными паспортами через паспортное бюро тамбовской организации эсеров и лично через Данковского, который отвозил эти документы в штаб Антонова.

Теперь же стало ясно, что все действия Антонова строго корректируются тамбовским губернским центром эсеров, а сам главарь неоднократно присутствовал на совещании эсеров в Тамбове.

Переночевав в помещении губчека, Дерибас попытался еще разобраться в обстановке.

— Что вам известно об участниках антоновской банды, проживающих в городе? — спросил он.

— Почти ничего. Нам не удалось проникнуть в их организацию.

— А как эсеры в Тамбове?

— Пока выжидают. Многие, как вы знаете, арестованы. А те, что остались на свободе, затаились. У них хорошо налажены связи с Антоновым.

— Почему вы не послали надежных людей в эсеровский центр? Почему не приняли меры к тому, чтобы нарушить или взять в свои руки связи Антонова в Тамбове?

— У нас не доходили руки...

— А что вы сделали для того, чтобы помешать изготовлению подложных паспортов? Ведь в городе — Советская власть, и уж это в ваших руках?!

Председатель губчека в ответ только пожал плечами и сокрушенно вздохнул. Дерибас решил, что говорить с ним бесполезно. Позвонив Самсонову, он выехал в Воронеж.

Обстановка в Воронеже была спокойнее. Это Дерибас почувствовал сразу: на улице обычное деловое движение. Председатель губчека Кандыбин сразу понравился Дерибасу: коренастый человек, одетый в военную форму: галифе, френч, сапоги. Держался собранно. Старый военспец — так и напрашивалось сравнение, хотя Кандыбин был из рабочих. Чувствовалось, что он владеет обстановкой, хорошо знает ситуацию, умеет организовать свои контрмеры и действует решительно. На такого можно положиться.

Дерибас рассказал Кандыбину о данном ему поручении, о тех сведениях, которыми он располагает в

отношении антоновцев и их связей с эсерами. Кандыбин внимательно слушал, а когда Дерибас закончил, сказал:

— Мы можем найти верных людей. И следует начать операцию именно отсюда. Где она будет закончена — трудно сказать, но начало ей будет положено в Воронеже, — решительно закончил Кандыбин.

— Вы правы, — сказал Дерибас, подумав. — Кого вы имеете в виду конкретно?

— У нас много левых эсеров, которые из идейных побуждений порвали со своей партией и перешли к большевикам... Взять хотя бы Муравьева... — Кандыбин подошел к большому сейфу, одиноко торчавшему в углу кабинета, достал несколько толстых папок.

— Вы читали наши докладные о нем?

— Да.

— Вот здесь собраны все материалы на Муравьева. — Кандыбин положил толстую папку на стол. — Вы можете более подробно с ними познакомиться. Это сложный человек. Я рекомендую прочесть все, что здесь собрано. Его жизненный путь необычен и в то же время типичен для русского интеллигента, выходца из крестьян с его колебаниями и шатаниями до тех пор, пока он окончательно утвердится в какой-то определенной идее. После чего его не сдвинешь с занятой позиции.

— Хорошо. Я читал ваши справки и теперь просмотрю все дело, — с этими словами Дерибас подошел к столу. — Но прежде я хочу знать ваше мнение: можно ли включать Муравьева в операцию?

— Можно, — Кандыбин ответил твердо и определенно. — Муравьев перешел на позиции большевиков, сделал это сознательно по собственной воле и увел за собой воронежскую левозероверскую организацию. Пока об этом широко не известно, знают только секретарь губкома РКП(б), его заместители и мы, чекисты. Но это факт. Что может быть ценнее идейной убежденности?

— В этом вы правы. — Подумав, Дерибас спросил: — А есть ли у него связи с антоновцами?

— Вот этого я не знаю. Тут нужно разобраться...

Евдоким Федорович Муравьев родился и вырос в селе Дегтяное, что на берегу Оки в Рязанской области. Отец его был крестьянином-середняком. Отличался Евдоким от своих сверстников разве лишь тем, что начал работать на год раньше других: пахать, сеять, косить. У отца с матерью было одиннадцать детей, из которых восемь остались в живых, Евдоким — старший.

Земли мало, земля плохая, и нужно было затрачивать много сил, чтобы как-то свести концы с концами. Работали в поле от зари до зари. Чтобы прокормить семью, выезжали раньше других, а уезжали — позже. «Муравли уже копаются», — так говорили соседи, увидев их в поле.

Зимой отец уходил на отхожий промысел, чтобы получить дополнительный заработок. Отходничали в Петрограде. Нанимались к хозяину легковыми извозчиками. Хозяин давал лошадь и пролетку. Об остальном должен был заботиться работник: где и как накормить лошадь, чем питаться самому. Всю свою дневную выручку он должен был отдавать хозяину. За свою работу, четырнадцать часов в сутки, получал от двадцати до тридцати рублей в месяц, в зависимости от выручки.

Хорошо познал Евдоким немудреную крестьянскую жизнь. Знал нужду и изнуряющий труд. Но ему повезло. Когда младшие подросли, а отец немного подработал в Питере, отправили учиться в Рязань. Понял отец, пожив в Петрограде, что без ученья не выбиться крестьянским детям из нужды...

Так поступил Муравьев в рязанскую учительскую семинарию. Он был активен, подвижен, интересовался всем. Вместе с друзьями организовал рязанский «Дом юношества» — объединение молодежи литературно-художественного направления. Здесь познакомился с Софьей Кудрявцевой, а затем с ее родителями, старыми революционерами-народовольцами, поселившимися в Рязани после отбытия ссылки. Понравился отцу Софьи молодой крестьянский паренек. Роста он был небольшого, но выглядел крепышом. Светлые волосы, голубые глаза. Был любознателен, до всего хотел дойти своим умом.

Кудрявцев стал идейным наставником Муравьева. Молодой ученик запоем читал книги Степняка-Кравчинского «Царь-голод», «Подпольная Россия», в которых рассказывалось о социальной несправедливости.

После окончания семинарии сдал Муравьев вступительные экзамены в Воронежский учительский институт. Как один из лучших был сразу зачислен на стипендию. Это случилось осенью 1916 года. Уже два года шла война.

Евдоким Муравьев был освобожден от призыва как студент. Да он и не рвался на фронт: теперь он уже хорошо понимал, кому нужна эта война, кто на ней греет руки. Его все больше возмущали несправедливости в русской действительности. Он видел горе и нищету крестьян, мечтал им помочь, но не знал, как это сделать.

Погожим сентябрьским днем сидел Муравьев в тесной аудитории и слушал лекцию по эстетике. Прозвенел звонок. Евдоким не спеша закрыл свой конспект, задумался: что нового он узнал сегодня? Что культура покоится на материальных ценностях? А кто создает эти ценности? Почему профессор стыдливо об этом умалчивает?

Неожиданно его окликнули:

— Евдоким, тебя внизу спрашивают.

— Кто?

— Интересная барышня. Не знал я, что у тебя есть такие знакомые, — молодой паренек, однокурсник, схватил его за руку. — Познакомь? А?

— Да брось ты, — удивился Муравьев. — Никакой барышни у меня нет. — Нехотя направился вниз, чтобы

разобраться в недоразумении. Но внизу его действительно ждали. На лестничной площадке стояли красивая незнакомая девушка и молодой человек. Барышня выглядела эффектно: в дорогой наряде, в красивых туфлях и модной шляпке. Она первая спросила:

— Вы Евдоким Муравьев?

— Я, — удивленно посмотрел на нее Муравьев.

— Не удивляйтесь, я вам все объясню, — спокойно проговорила Людмила Дембовская, как назвала себя девушка, а стоящий рядом с ней молодой человек ободряюще улыбнулся.

— Познакомьтесь. Это Миша Кондратьев.

— Вас тут, рязанцев, несколько человек, — как ни в чем не бывало продолжала девушка. — Связаться с вами порекомендовал нам Кудрявцев, с которым вы встречались в Рязани.

— А-а... — выдал из себя все еще смущенный Муравьев. Он уже начинал догадываться о цели ее визита.

— Сколько вас человек? — девушка продолжала расспрашивать спокойно. Было видно, что она имеет опыт в такого рода делах.

— Двенадцать...

— Можете вы их собрать?

— Когда это нужно?

— Если можно, в воскресенье. А где удобно?

Муравьев задумался. Договариваться о встрече где-нибудь в парке было рискованно: погода могла резко измениться. Наконец ответил:

— У нас на квартире. Подойдет?

— Условились.

Дембовская и Кондратьев, распрощавшись, ушли, а Муравьев еще долго смотрел им вслед.

В воскресенье Дембовская и Кондратьев вошли в комнату, которую снимал Муравьев вместе с двумя другими рязанцами-студентами. Там уже собрались все двенадцать рязанцев. Гости разделись, поздоровались со всеми за руку. Подсели к столу, покрытому белой скатертью.

— Я и Миша, — кивком головы Дембовская указала на Кондратьева, — состоим в партии социалистов-революционеров, — тихо пояснила она. — Миша был исключен из гимназии за подпольную работу. Может быть, кто-нибудь из вас захочет работать вместе с нами. Подумайте. Только будьте поосторожней и никому не рассказывайте. Сами понимаете.

Молодые ребята согласно закивали.

Расспросив рязанцев об их жизни, о настроениях в деревне, Дембовская и Кондратьев ушли. Прощаясь, Дембовская оставила книгу Кропоткина «Речи бунтовщика» и сказала:

— Читайте. Потом мы объясним, если будет что непонятно.

Муравьев взял книгу. Это было обращение Кропоткина к молодежи. Читал всю ночь напролет, а на лекциях думал о прочитанном: ничего подобного до сих пор не слышал.

Спустя неделю Дембовская и Кондратьев пришли опять. Принесли брошюру Иванова-Разумника «Испытание огнем» — произведение ярко выраженного народнического направления. После непродолжительной беседы Дембовская отозвала Муравьева в сторону:

— Теперь мы тебе будем приносить только книжки. Нужно, чтобы ты ходил и на рабочие собрания.

Муравьев был невероятно польщен таким доверием.

Вскоре он стал читать лекции по истории в рабочем кружке, а затем был избран секретарем больничной кассы (рабочего страхования). Так начинал свой путь в политической жизни молодой крестьянский паренек.

Спустя три месяца Дембовская принесла очередную партию литературы и, уходя, сказала:

— Мы приняли тебя в партию.

— В какую? — удивился Муравьев.

— Социалистов-революционеров.

Муравьев мало еще знал о других партиях, недостаточно разбирался в программах, в тактических приемах набравших в России силы политических партий. Поэтому новое известие воспринял как должное.

А вскоре произошла Февральская революция. Радости и восторгу не было границ. Муравьев был избран членом Воронежского Совета от партии эсеров, и даже членом исполкома Совета. Затем его избирают членом Воронежского губкома партии эсеров. Это было невероятно, так как остальные члены губкома были политкаторжане или в крайнем случае ссыльно-поселенцы, прошедшие большую школу политической борьбы. Все это льстило самолюбию молодого человека.

Муравьев познакомился с Абрамовым, журналистом, любознательным, передовым человеком. От преследования царской полицией ранее он скрывался в эмиграции, учился в Сорбонне. Там прочитал труды Ленина, которые произвели на него неизгладимое впечатление. Абрамов все больше переходил на позиции большевиков и оказывал влияние на Муравьева. Муравьев теперь регулярно читал «Правду», ленинские труды, и у него все больше росло сомнение в правильности левозеро-эсеро-ской политики.

В составе воронежской делегации Муравьев выехал в Петроград на первый учредительный съезд левых эсеров. Там он был очень активен: за четыре дня выступил на съезде пять раз. Но самое главное было в том, что на чрезвычайном крестьянском съезде он слышал выступление Ленина. Он был в восторге. «Вот то, что нужно крестьянам!» — теперь только и думал он.

Муравьев ехал из Петербурга в Воронеж в смятении: как быть дальше? Ведь прав Ленин и большевики, а эсеры все больше скатываются на соглашательские позиции. И он стал широко говорить о том, что партия левых эсеров должна пересмотреть свои позиции. На второй съезд партии левых эсеров Муравьева не пустили, он был подвергнут ostracism. По его «делу» была создана комиссия, и ему было предъявлено обвинение в том, что он подрывает партию левых эсеров.

Защищать Муравьева отправились представители воронежской организации. Они явились в ЦК к Спиридоновой.

— Да вы знаете, какой он нам вред нанес, — замахала она на посланцев руками. — Мы говорим, что большевики творят зло. А что делал Муравьев? Да он хуже всякого большевика!..

После возвращения делегации из Москвы воронежский губком левых эсеров решил: не считаться с мнением ЦК. Предложить Муравьеву продолжать работу.

Муравьев теперь исподволь стал готовить переход воронежской организации в партию большевиков. Пока открыто об этом нигде не говорилось. Знали об этом близкие к нему люди. Знал секретарь губкома РКП(б) и его заместитель.

В июле 1918 года Муравьев поехал в Москву на 3-й съезд левых эсеров, хотя в число делегатов он избран не был. Ему хотелось послушать, о чем будет идти речь. Неожиданно к нему подошла Спиридонова, лидер левых эсеров, женщина красивая, властная и отчаянная. Своей наружностью она напоминала учительницу: гладко причесанные волосы, невысокая, худощавая, с одухотворенным лицом.

— Милый, — сказала она ласково, словно погладила мягкой лапкой по голове. — Ты уж извини. Так меня рязанцы информировали. Неудачно получилось. Товарищи, которые ездили в Воронеж, рассказывали мне, какую ты там работу проводишь.

«О чем это она? — подумал Муравьев. — Уж не дошли ли слухи, что он разделяет взгляды Ленина, читает его труды?» Это не особенно беспокоило Муравьева, но он не хотел преждевременной огласки, чтобы не испортить дело.

— Мария Александровна, что вы передо мной извиняетесь, — потупившись, ответил Муравьев.

— Ты что здесь хочешь делать? — спросила она, не обратив внимания на его слова.

— Поговорить, послушать...

— Нет, нет, ты не должен здесь оставаться. Поезжай в Воронеж и передай Абрамову, чтобы вся организация была в мобилизационном состоянии. Произойдут очень важные события... Очень важные... — При этом Спиридонова загадочно усмехнулась.

«О чем это она? Желание избавиться, отправить меня в Воронеж, подальше от горячих дел? Это ясно. Но о каких событиях идет речь?»

— Что вы имеете в виду, Мария Александровна? — решил уточнить Муравьев.

— Я не могу тебе всего сказать. — Она уже повернулась, чтобы уйти.

— Что, изменения в руководстве Советской властью? — спросил Муравьев, а у самого похолодело внутри. Спиридонова даже взмахнула рукой.

— Нет, что ты! Против Ленина никто не может выступить, ни у кого не повернется язык. — Она отвечала решительно, и Муравьеву показалось, что в данном случае она говорит искренне. — Но произойдут такие события, когда Ленин вынужден будет проводить нашу политику. — Спиридонова зашагала прочь.

Муравьев понял, что он стоит на пороге каких-то очень важных событий, чреватых опасными переменами. А главное в том, что нависла угроза над Лениным. Свой выбор Муравьев уже сделал и понял, что сейчас нужно действовать решительно и быстро.

В тот же день он отправился в Воронеж, чтобы информировать губком РКП(б).

Муравьева сразу принял секретарь губкома Носов. Выслушав, тут же позвонил в Москву. Но в Москве уже начался мятеж левых эсеров. 6 июля левые эсеры Блюмкин и Андреев убили германского посла Мирбаха. Россия оказалась на волосок от войны. На попытку арестовать убийц левые эсеры ответили вооруженным выступлением против Советской власти. Они ворвались в здание ВЧК. Левые эсеры захватили телефонную станцию и вооруженными силами заняли небольшую часть Москвы.

По призыву Ленина на подавление левозэсеровского мятежа выступили рабочие отряды. 7 июля, не найдя поддержки, мятежники стали разбегаться. Советская власть, опираясь на волю проходившего V Всероссийского съезда Советов, приняла все меры к подавлению «жалкого, бессмысленного и постыдного мятежа», как была названа эта авантюра левых эсеров в правительственном сообщении.

Дерибас прочитал все материалы о Муравьеве, имевшиеся в Воронежском губке. С тех пор прошло больше двух лет, но партия левых эсеров продолжала свою работу, хотя ряды ее сильно поредели: многие разочаровались и отошли от нее. Существовала и воронежская организация, но большинство ее членов перешло на позиции большевиков. Работа организации зачахла. Муравьев разговаривал с Носовым о вступлении в РКП(б), но решение этого вопроса откладывалось.

— Где сейчас Муравьев? — спросил Дерибас Кандыбина.

— Это можно выяснить. — Кандыбин вызвал дежурного, выписал из дела адрес и сказал: — Попросите приехать сюда этого человека. Да сделайте это очень осторожно, чтобы никто не знал. Будьте с ним деликатны. Объясните, что хотят поговорить по важному делу.

Дежурный ушел. Дерибас задумался. «Правильно ли мы поступили, что пригласили Муравьева в ЧК? Не напугается ли он? Согласится ли участвовать в операции против антоновцев?.. Нет, никаких сомнений быть не

должно. Вся жизнь этого человека, все его поступки говорят о том, что он достаточно подготовлен для такого дела. Партию большевиков он выбрал сознательно и теперь предан ее идеям. И говорить с ним нужно только начистоту!»

— Ты чем-то озабочен, Терентий Дмитриевич? — спросил Кандыбин.

— Я все время думаю о Муравьеве. Ты понимаешь, ведь это задание Дзержинского, и мы не имеем права ошибиться.

— Я верю, что он справится, — твердо сказал Кандыбин. — Он все время действовал, руководствуясь своей совестью и никакими другими соображениями.

— Да, ты прав.

Наступила ночь. За окном шумел ветер, ударялись и бились о стекла твердые снежинки.

Вой ветер осени третьей,
Просторы России мети...

Дерибас любил стихи, и ему пришлось по душе эти новые строки Валерия Брюсова. Было голодно и неспокойно. Единственная была отрада — курево... И они дымили.

Дежурный вернулся быстро. Он был один. Остановился у порога и четко доложил:

— Товарищ Кандыбин, Муравьева нет. Соседи сказали, что он уехал в деревню к своим родителям. Это где-то под Рязанью...

Жизнь иногда делает невероятные повороты, неожиданные и странные, которые трудно бывает предугадать.

Мария Федоровна Цепляева, женщина энергичная и прямолинейная, цельная, пришла к окончательному решению выйти из партии левых эсеров и перейти к большевикам. Трудным путем шла она к пониманию истины. Выросла в рабочей семье, повидала нужду, и сама рано пошла работать табельщицей на строительство кабельного завода. В партию эсеров вступила до Октябрьской революции, и не оттого, что полностью одобряла программу этой партии, а потому, что большинство рабочих строительства, бывшие крестьяне, были эсерами. Она не любила часто выступать, но за твердость характера ее все уважали. И на заводе пользовалась Мария Федоровна безграничным авторитетом.

Цепляева носила с собой оружие, и некоторые руководящие деятели левоэсеровской партии ее даже побаивались. Абрамов, будучи на нее за что-то рассержен, как-то заявил Муравьеву:

— Никого я не боюсь, а Цепляиху боюсь. Она может и застрелить.

Сейчас ей было тридцать пять лет — возраст, когда решения принимаются осознанно и твердо. Ее желание покончить с эсерами и перейти в партию Ленина было искренним, так как она убедилась в правоте большевиков. Цепляева обсудила этот вопрос с Муравьевым давно и только с ним, так как ему верила. И она думала, что на этом ее знакомство с эсерами закончится.

Но свой разговор с секретарем воронежской губернской организации большевиков она откладывала со дня на день. И не потому, что колебалась, а так складывались семейные обстоятельства, и к тому же ее смущало отсутствие приличного платья.

В этот вечер Мария Федоровна легла спать поздно: зачиталась. Ей попалась книга Короленко, мысли которого крепко запали в ее душу, и она долго не смыкала глаз. Наконец уснула. Неожиданно раздался стук в окошко.

Вставать не хотелось, в комнате было холодно: дрова сэкономили. Но настойчивый стук повторился. Цепляева накинула пальто, зажгла лампу.

Из соседней комнаты выглянул зять, Чеслав Тузинкевич, молодой человек, но Мария Федоровна махнула рукой и сказала:

— Иди спать, Слава. Это, вероятно, меня.

Подошла к двери.

— Кто там?

— Мария Федоровна, открой, — голос вроде бы знакомый.

— Смерчинский, ты?

— Да. Открой, пожалуйста. Срочное дело.

Цепляева хорошо знала левого эсера Смерчинского и считала его порядочным человеком. Повернула ключ в замке. Смерчинский вошел осторожно, но дверь оставил не запертой. Осмотрелся.

— Ты одна? Можно к тебе?

— Да.

— Входи, Золотарев, — высунув голову на улицу, сказал Смерчинский.

В комнату прошмыгнул высокий мужчина средних лет. Он был одет в потрепанное демисезонное пальто. Из-под шляпы выбивались длинные непричесанные волосы.

— Знакомьтесь, — представил Смерчинский. — Товарищ прибыл из Тамбова, — пояснил он, заметив смущение на лице Цепляевой. — У них трудно с людьми и с деньгами. Он — член губкома левых эсеров. Они хотят установить связь с нами. — Пока Смерчинский все это объяснял Цепляевой, Золотарев молча наблюдал за ней.

— Проходите, присаживайтесь, — привычные слова говорила Цепляева, а сама напряженно думала:

«Сказать, что порвала с эсерами, прогнать? Нет, нужно узнать все до конца, разобраться во всем и принять меры: теперь борьба не на жизнь, а на смерть». Решила продолжить разговор.

— Так с кем же вам нужно связаться? — уже спокойно спросила Мария Федоровна.

Золотарев посмотрел на нее долгим взглядом, как бы оценивая, на что она способна.

Цепляева выдержала этот взгляд спокойно и повторила:

— Раздевайтесь. Проходите.

Золотарев снял пальто и присел на край стула.

— Извините, что явились так поздно, но сами понимаете...

— Да, понимаю.

— Вы, кажется, входили в губком левых эсеров?

— Откуда вам это известно? — вместо ответа спросила Цепляева.

Золотарев оглянулся на Смерчинского. Тот пояснил:

— Я сказал.

— У вас остались связи? — спросил Золотарев.

— Остались, — подтвердила Цепляева.

— Кто сейчас решает вопросы?

— Ну, уж так я вам и скажу! — усмехнулась Цепляева.

— Как же быть? Нам это крайне важно. К нам обращались даже от Антонова. Понимаете? — сказал он, понижая голос.

— Понимаю, но сейчас решить не могу.

— Как же нам быть?

— Поезжайте к себе. Привезите письмо от товарищей, которых у нас знают. А я тоже посоветуюсь.

Гости молча переглянулись. Золотарев потер руки, пригладил свои длинные волосы.

— Пожалуй, вы правы. Осторожность прежде всего. Вы посоветуйтесь. А от нас кто-нибудь приедет с рекомендательным письмом. Извините. До свиданья.

Смерчинский и Золотарев ушли.

Цепляева уснуть не могла, хотя разделась и легла в постель.

На следующий день рано утром Мария Федоровна пошла в ЧК. В тот момент, когда Дерибас и Кандыбин, поспав несколько часов, обсуждали вопрос, кого послать в Рязанскую область за Муравьевым, дежурный доложил:

— Товарищ Кандыбин, к вам гражданка Цепляева. Говорит, что вы виделись недавно в губкоме. По срочному делу.

— Да, да. Помню, бывшая эсерка. Что у нее?

— Хочет поговорить лично с вами.

Кандыбин посмотрел на Дерибаса.

— Пригласите ее сюда. Я не помешаю? — ответил на его молчаливый вопрос Терентий Дмитриевич.

Цепляева вошла в кабинет быстрым шагом. Далее по походке было заметно, что она волнуется. Остановилась посередине и посмотрела на Дерибаса. Кандыбина она узнала сразу.

— Это наш товарищ, чекист из Москвы, — сразу представил Кандыбин. — Можете говорить при нем.

Цепляева вначале нерешительно, но потом все оживленнее передала содержание разговора со Смерчинским и Золотаревым. Заканчивая, она спросила:

— Как мне быть? Я не хочу иметь с ними дела. Собственно, Смерчинский человек неплохой и, по-видимому, в эту историю попал так же, как и я. Но они не оставят меня в покое.

Кандыбин переглянулся с Дерибасом. Они сразу поняли, что дело важное, что в руки к ним попали интересные сведения, которые могут оказаться полезными в том деле, которым они сейчас занимаются. Но как все это использовать? Это было еще неясно, и лишь смутно вырисовывалась некая линия связи. Нужно было время, чтобы это осмыслить и наметить какой-то план. Но времени не было. На вопросы Цепляевой нужно было отвечать немедленно.

Дерибас поднялся, медленно прошелся по кабинету, еще раз внимательно посмотрел на Цепляеву, которая, рассказав о событиях ночи, сидела тихо, ожидая ответа. Она порылась в своей сумочке, потом, видимо, не найдя того, что требовалось, слегка поморщилась.

— Вы что-то хотели еще сказать?

— Я искала адрес одного эсера но, видно, оставила его дома.

— Какого эсера, если не секрет?

— От вас не секрет. Мы договорились перейти с ним в организацию большевиков. Это Муравьев...

Дерибас резко повернулся.

— Вы хорошо знаете Муравьева?!

— Да... — с удивлением в голосе произнесла Цепляева. — А почему он вас интересует?

— Он нам сейчас очень нужен, но его нет в Воронеже. Он уехал в деревню к своим родителям.

— И мне он нужен, очень нужен! — воскликнула Цепляева.

— Тогда наши интересы совпадают! — пошутил Дерибас. — Может, вы окажете нам в этом помощь?

— Какую помощь? — не поняла Цепляева.

— Не смогли бы вы съездить за Муравьевым?

Цепляева задумалась. Потом как-то смущенно стала смотреть по сторонам.

— Я буду с вами откровенна. У меня нет денег на дорогу и... вот это единственное пальто. Нет другого платья. Мне не во что переодеться...

— К сожалению, пальто выдать мы не имеем возможности. А что касается платья, то что-нибудь придумаем. И денег на дорогу мы вам дадим. Договорились?

— Договорились... — еще больше засмущалась Цепляева. — Вы уж меня извините.

— Только никто не должен знать, что это наше поручение. Даже Муравьеву вы скажете, что его вызывают в губком левых эсеров. Это нужно для того, чтобы он случайно не проговорился своим родственникам, а оттуда не пошло дальше. Когда он придет, мы объясним ему все... Ну как, согласны?

Цепляева уже смутно догадывалась, что у чекистов имеется свой план действий. И в этом плане ей отводится не последняя роль. Поэтому твердо ответила:

— Согласна. — Это был голос другой женщины, твердый и решительный.

Выяснив у Цепляевой все необходимые детали, Дерибас и Кандыбин с ней распрощались.

Затем они снова и снова обсуждали план предстоящей операции. Просидели весь день. Многого просматривалось вперед. Но были еще и факторы, которые не зависели от чекистов, но могли играть существенную роль. Обедал Дерибас у Кандыбина, но что он ел, ни за что бы не вспомнил. Даже за обедом они продолжали обсуждать детали предстоящего дела. Потом опять сидели в кабинете на службе. Вызывали оперативных работников, наводили справки, требовали дополнительные сведения. Все срочно, немедленно. А через два дня, к вечеру, Дерибас, шатаясь от усталости, сказал Кандыбину:

— Дмитрий Яковлевич, в общих чертах наш план готов. Дождаться приезда Муравьева я не буду. Ты уточнишь с ним детали и сообщить мне в Москву. А за это время я доложу все, о чем мы с тобой договорились, Самсонову и Дзержинскому. Надо получить у них одобрение. Согласен? Уеду я завтра утром.

Казалось бы, от Воронежа до Рязани рукой подать, но нужно устроить дома семью, найти женщину, которой можно поручить хозяйство, заготовить хотя бы что-то из продуктов. Да и самой экипироваться в дорогу и достать билеты. И вышло так, что Цепляевой удалось отправиться в путь только в конце зимы. Поезд подолгу стоял на полустанках. А от Рязани до деревни пришлось искать попутную подводу. Мария Федоровна порядком намучилась, пока добралась. А время шло и шло... Но Цепляева была женщина упорная: дала слово — отступать нельзя. И в конце концов Муравьева она разыскала и переговорила с ним.

Муравьев не очень обрадовался известиям: ведь Мария Федоровна просила приехать в Воронеж для решения эсеровских дел — такие инструкции она получила. Евдоким Федорович не торопился к левым эсерам: «Что у них может быть хорошего?»

Когда Муравьев приехал в Воронеж ранней весной, было холодно и сыро. Шел снег, перемешанный с доедом. Не было никакого желания выходить на улицу...

Но в тот же день к нему пришла Мария Федоровна и сказала:

— Евдоким, тебя просят зайти в губчека.

— Меня? — удивился Муравьев. — Зачем?

— Этого я не знаю. Я пойду вместе с тобой. С нами хотят поговорить.

Муравьев стал быстро собираться.

У Кандыбина они застали целый «консилиум»: там сидел заместитель председателя губчека Ломакин, председатель губисполкома Агеев. Все они поздоровались с Цепляевой и с Муравьевым за руку, и Кандыбин предложил им сесть. Затем спросил Муравьева:

— Почему вы так долго не ехали? — в его голосе Муравьев почувствовал укор. Это было сказано с оттенком досады.

— Почему вы не сказали, что я нужен вам, а не эсерам? Я бы приехал немедленно, — в том же тоне ответил Муравьев.

— Нам не хотелось, чтобы кто-нибудь мог догадаться о нашей заинтересованности. Вы могли случайно проговориться своим родственникам...

— Ну и что же? Я своих взглядов не скрываю. Я решил твердо порвать с эсерами.

— Мы знаем ваши убеждения. Но у нас есть предложение. Это предложение Москвы, — Кандыбин подчеркнул последнее, чтобы дать почувствовать Муравьеву, насколько серьезно предложение. — Нужно оказать помощь в борьбе с антоновщиной.

Муравьев даже привстал. Он не ожидал такого оборота дела. Удивленно посмотрел на лица присутствующих: уж не подшучивают ли они над ним? Но выражения лиц у всех были серьезные, и он стал сосредоточенно думать, как он может пригодиться в этом деле: «Кто из воронежских эсеров может быть связан с бандой Антонова?.. На память ничего не приходило. Да и с тамбовскими эсерами связи никакой нет...» Ничего не придумав, Муравьев покачал головой, развел руками и в недоумении спросил:

— Что я могу?..

Не отвечая на вопрос, Кандыбин снова спросил:

— Как относитесь вы к этому движению?

— Как я могу относиться к бандитам и убийцам?

— Это вы правильно определили: бандиты и убийцы. Тут наши взгляды совпадают. Но сейчас мало дать точное определение этим людям. Ни один честный человек не может спокойно наблюдать за всем, что они

творят...

Муравьев покраснел.

— Я готов вступить в Красную Армию и бороться с оружием в руках, — решительно сказал он. — Когда я ехал сюда по вызову Марии Федоровны, — он оглянулся в ту сторону, где сидела Цепляева, — то был свидетелем разговора между крестьянином и солдатом. Крестьянин защищал антоновцев, а солдат возражал. Я и подумал в тот момент: «Мать честная, если бы я только мог попасть в ряды антоновцев! Я сумел бы убедить крестьян! Да ведь только не дадут. Сразу заткнут глотку штыком!..»

— От вас этого не потребуется, — улыбнулся Кандыбин. — Важнее проникнуть в штаб антоновцев...

— Ну, уж это фантазия! — воскликнул Муравьев. — Это не в моих силах, — он развел руками. — Чего не могу, того не могу!

— А если все же подумать, — не отступал Кандыбин. — Мы поможем кое в чем. Для того чтобы покончить с бандой антоновцев, требуется проявить хитрость, собрать информацию и обезглавить движение. Это чрезвычайно трудно и опасно. Отлично знаем, какому риску будет подвергаться человек, которому удастся туда пробраться... Но зато какая польза для народа!

— Но каким образом? — удивился Муравьев.

— О деталях операции разговор пойдет после. Сейчас нужно знать ваше принципиальное мнение... Вы можете и отказаться...

— Да нет, я согласен, — твердо заявил Муравьев. — Но пока я не вижу путей...

— Если вы согласны, то давайте приступим к обсуждению наших совместных действий. Вот и товарищ Цепляева вам поможет.

Дворянская¹ улица в Воронеже славилась своей гостиницей «Метрополь» да еще столовой Енгальчева, в которой обычно питался простой люд. Дом, где помещалась столовая, был одноэтажный, с мезонином. Так и остался бы этот дом безвестным, как десятки других одно-двухэтажных домов, если бы не одно обстоятельство. После Октябрьской революции хозяин с семьей перебрался жить в мезонин, где было посуше и теплее, а первый этаж конфисковали городские власти. Окна были закрыты ставнями, столовая бездействовала. Да и нечем было кормить...

И вдруг ведущая к дому асфальтовая дорожка была расчищена, внутри велись какие-то работы — слышался стук. Прохожие останавливались и с удивлением рассматривали особняк: что там такое происходит? Опять откроют столовую? Но где же возьмут продукты?

В доме срочно оборудовали две комнаты под зал. Утепили окна, затопили печь. Поставили столы. Потом на столах разложили книги, журналы, газеты, брошюры. А над входной дверью, выходящей на улицу, была прибита вывеска: «Воронежский комитет левых эсеров». Немного ниже стояла надпись более мелким шрифтом: «Клуб левых эсеров».

В комитете за большим столом, покрытым красным сукном, на котором стопкой были сложены бланки со штампом комитета левых эсеров и печати, сидел Муравьев. В другой комнате хозяйничала Цепляева.

Иногда заходили посетители. Муравьев с ними беседовал. Рассказывал о работе левых эсеров, о том, что готовятся выборы нового губкома.

Они ждали, терпеливо ждали. Кандыбин в Воронеже, Дерибас в Москве. Их расчет был построен верно. Они не могли ошибиться.

И вот в одну из ночей, когда весна пробивала свой путь сквозь пургу и ветер и на землю падал липкий снег с дождем, в комнате Смерчинского послышался негромкий стук. Кто-то стучал в окошко. Первая услышала жена.

— Бронислав, опять кто-то! — тронула мужа за плечо с тревогой. — Ей надоели эти ночные визиты, вечные разговоры, таинственные и приглушенные. Она хотела спокойной жизни. — Прогони их! — сказала она в сердцах.

Смерчинский поднялся, накинул пальто, вышел в сени.

— Кто там? — негромко спросил он.

— От Золотарева я. Откройте.

Смерчинский открыл щелкуну. Незнакомец вошел быстро, снял рукавицу, поздоровался.

— Я прибыл, как договорились. Привез письма. — Его голос звучал твердо и уверенно.

Смерчинский снова запер дверь и провел его во вторую комнату. Засветил керосиновую лампу. Поставил ее на стол. Предложил знакомцу раздеться и сказал:

— Давайте знакомиться. Смерчинский.

— Донской, — тихо, но как-то внушительно произнес незнакомец. Произнес так, что Смерчинский ни о чем больше не стал расспрашивать. Донской выглядел молодо, ему было примерно столько же лет, сколько и Брониславу — не больше двадцати пяти, — но держался он уверенно.

— Вы отдохнете здесь или сразу пойдем к Марии Федоровне? — спросил Смерчинский.

— Если удобно, то здесь, — ответил Донской. — Уж очень тяжела была дорога. Сильный ветер и слякоть. Я думал, что это к лучшему, да чуть не попал в лапы к чекистам: наварлся на заставу красных. Едва ушел. — Заметив, как ему показалось, испуганный взгляд Смерчинского, добавил: — Да вы не беспокойтесь. Ушел

¹ В настоящее время — проспект Революции.

чисто. Никого за мной не было.

Гостю постелили на диване. Тот поблагодарил и, укладываясь, сказал:

— Если я не встану, поднимите меня в восемь часов.

— Хорошо. — Смерчинский удалился.

Разбудив гостя утром, он сказал:

— Вас покормит жена. Я должен предупредить Цепляеву. Нужно застать дома, пока она еще не ушла. Она должна организовать вам встречу.

Когда Смерчинский возвратился домой, Донской сидел за столом, пил чай. По другую сторону стола сидела жена Смерчинского и ела хлеб с ветчиной. Угостил гость. Жена, как заметил Смерчинский, смягчилась: гость произвел выгодное впечатление. Донской выжидающе смотрел, как Смерчинский не спеша раздевается, ему хотелось побыстрее узнать новости, но он проявил выдержку. Предложил:

— Садитесь завтракать.

И только тогда, когда Смерчинский утолил голод, Донской попросил, не потребовал, а попросил:

— Вы можете мне рассказать?

Смерчинский увел его в другую комнату и сообщил:

— Цепляева разговаривала с Муравьевым. Поэтому я немного и задержался. Он готов вас принять. Просил выяснить, может ли кто-нибудь узнать вас на улице и не грозит ли вам это неприятностями?

Гость задумался. Покачав головой, сказал:

— Пожалуй, меня здесь никто не знает...

— Тогда, если для вас это неопасно, может быть, мы вместе пойдем к нам в комитет?

Получив согласие Донского, Смерчинский отправился вместе с ним в город. Возле особняка на Дворянской улице Донской остановился, прочитал вслух: «Комитет левых эсеров», с удивлением посмотрел на Смерчинского.

— Я думал, что вы поведете меня на квартиру. У вас еще не прикрыли? Ну и ну...

Вошли внутрь дома, где их поджидал Муравьев. Поздоровавшись, Донской подошел к столу, где в беспорядке лежали брошюры. Муравьев и Смерчинский молча наблюдали, как у него разгорелись глаза.

— Где нам можно поговорить? — Донской огляделся по сторонам.

— Можно здесь, можно у меня дома, можно на улице. Правда, на улице сейчас холодно. Где вам удобнее?

— Сюда никто не войдет?

— Мы попросим Марию Федоровну закрыть дверь, а Смерчинский подежурит.

— Хорошо.

Донской снял пальто и сел к столу. Рядом с ним, отдав нужные распоряжения, сел Муравьев. Гость вытащил из кармана пиджака письмо, отпечатанное на машинке:

— Вот рекомендательное письмо. Подписали два члена тамбовского губкома эсеров. Вы их должны знать.

Муравьев прочитал. Там было сказано, что губком просит оказать всяческое содействие их представителю, Донскому.

Возвращая письмо, сказал:

— Ну, что ж, все ясно. Этих людей я знаю. Какая помощь вам требуется?

— У вас есть связь с Москвой?

— Есть.

— Вы можете связать нас?

Вопрос поставлен прямо. Связать Донского с Москвой, с ЦК левых эсеров, такой вариант еще не подготовлен. Конечно, можно пообещать и потянуть. Но тогда на этом круг и замкнется.

Муравьев задумался.

— Давайте отложим решение этого вопроса, — сказал он. — Завтра у нас состоится диспут на тему «Народничество и марксизм». Придут члены нашего губкома, я поговорю кое с кем из них, тогда и решим.

Донской согласился. Договорились, что он поживет у Смерчинского.

На следующий день состоялся диспут. В нем участвовали Муравьев и член губкома РКП(б) Баклаев. Зал был набит до отказа. Стульев не хватало. Пришло немало большевиков, которые не были в курсе дела. Донского усадили на почетное место.

Особенно трудно на диспуте пришлось Муравьеву. Ничего не сказать нельзя. А много сказать — тоже невозможно. Он должен был играть, говорить слова, высказывать мысли, которые теперь противоречили его истинным убеждениям.

Помогло то, что он хорошо знал предмет спора, читал много народнической литературы и раньше верил в эти идеи.

Большевики, которых пригласили на диспут, ни о чем не предупредив, недоумевают. Высокий молодой человек, редактор воронежской газеты Михайлов, наконец, не выдерживает и довольно громко говорит:

— Черт те что происходит!

Вслед за ним вскакивает группа партийных работников из небольшого уездного городка Боброва:

— Долой! Мы у себя все ликвидировали, а тут эта гидра действует! Да мы ее сейчас...

В поднявшейся суматохе Муравьев схватил Донского под руку и увел на улицу.

— Ну, как? — спросил, улыбаясь.

— Потрясающе! — Донской его обнял. — Об этом я Александру Степановичу расскажу. Обязательно.

— Кто такой Александр Степанович?

Оглянувшись по сторонам, Донской прошептал на ухо:

— Антонов. Теперь я вам могу сказать это. Я — начальник контрразведки Антонова.

Муравьев остановился и с сомнением посмотрел на своего спутника.

— Не верите? Приезжайте к нам в армию.

Муравьев опешил. С сомнением покачал головой. Такого оборота дела он не ожидал.

— Зачем же я к вам поеду?

— Посмотреть. Установить контакты.

— Я должен посоветоваться в ЦК.

Проводив Донского к Смерчинскому, Муравьев задумался: «Неужели удача?... Нет, не может быть. Этот Донской, как он себя называет, еще очень молод. На вид ему двадцать с небольшим... Не может быть, чтобы матерый волк Антонов поручил такое ответственное дело такому молодому человеку!.. А сколько лет мне? — тут же усмехнулся Муравьев. — Двадцать четыре! Но ведь поручили же мне очень важное дело! Нужно срочно переговорить с Кандыбиным».

Председатель губчека сразу заметил, что Муравьев сильно возбужден и спросил:

— Тяжело достался диспут?

— Диспут диспутом, — ответил Муравьев, — к таким вещам мне не привыкать. Тут дело в другом. Человек, прибывший из Тамбова, сказал, что является начальником контрразведки Антонова. Фамилия его — Донской.

Теперь Кандыбин удивленно вскинул брови вверх и переспросил:

— Так и назвал себя? Начальником контрразведки?

— Да. А когда я не поверил, пригласил приехать в армию Антонова и лично убедиться в этом.

— Да-а!.. — задумчиво произнес Кандыбин. — Тут есть над чем подумать! Где сейчас Донской?

— У Бронислава Смерчинского.

— Решать этот вопрос без Дерибаса мы не имеем права. Я дам срочную телеграмму в Москву... А пока давайте разыграем следующий вариант. — И Кандыбин изложил свой план.

Поздно ночью в специально подобранном помещении на окраине города состоялось заседание мнимой военной организации левых эсеров Воронежца. На улице, вблизи дома, была выставлена «охрана» из двух человек, на которую Муравьев, проходя мимо, обратил внимание Донского.

— Чтобы гарантировать от всяких неожиданностей, — сказал он тихо, подавая условный сигнал. Донской понимающе кивнул.

Открыл заседание «белый офицер», который якобы возглавляет организацию. В роли офицера выступал Кандыбин. Вид у него действительно был офицерский. Членами «руководящей группы» были председатель губисполкома Агеев, заместитель председателя губчека Ломакин. Разговор шел о подготовке восстания. Кандыбин обратился к Донскому:

— Нас может поддержать армия Антонова? Какими силами?

— Я должен посоветоваться.

— Только просим вас без спешки. Мы должны как следует подготовиться. Иначе все дело может провалиться.

Донской согласно кивал головой.

В конце совещания в комнату вошли еще два человека.

— Это — товарищи из Москвы, — представил их Кандыбин. — Представители ЦК левых эсеров, — уточнил он. В роли одного из них выступал Митрофан Попов, старый воронежский большевик, друг Муравьева.

Когда совещание подходило к концу, Попов сказал Муравьеву, но так, чтобы отчетливо слышали все:

— Скоро состоится съезд левых эсеров, на котором будет заслушан политотчет ЦК. Так как твоя организация, Евдоким, — особенно подчеркивая роль Муравьева, говорил Попов, — считается одной из лучших, ты должен будешь выступить с докладом.

«Члены ЦК» передали Муравьеву «директиву ЦК» об объединении всех антибольшевистских сил. Особое удовлетворение выразили по поводу установления связи с антоновцами.

Выйдя после совещания на улицу, Донской крепко стиснул локоть Муравьева:

— Ну, Евдоким Федорович, порадовал ты меня сегодня. Теперь успех нашего дела обеспечен. Александр Степанович будет доволен.

А на следующий день, прощаясь с Муравьевым, пообещал:

— Через неделю я приеду к вам опять. Но если вам понадобится что-либо срочно, можете меня найти через адвоката Федорова, проживающего в Тамбове. — При этом Донской назвал адрес и пароль, по которым можно связаться с Федоровым.

ФАРАОН

Каждое утро Муравьев приходил к «своему особняку», открывал дверь, раскладывал на столе эсеровские брошюры со штампом комитета эсеров, бланки, штампы и печати, чтобы любому вошедшему человеку была

видна работа «комитета». Со дня на день ждал он приезда связника от Донского. Вместе с Кандыбиным он обсудил, о чем и как говорить с посланцем Донского, чтобы подготовить поездку «представителя воронежских эсеров» в штаб Антонова.

В соседнюю комнату приходила Цепляева. Она тоже находила себе дело: прибирала, наводила чистоту, следила за библиотекой.

Прошла неделя. В обеденное время Цепляева заглядывала к Муравьеву с надеждой, что он не один. Но Муравьев был в одиночестве, и Цепляева спрашивала, нет ли поручений? Поручений не было, и тогда она отправлялась домой: нужно было накормить дочь и зятя. Муравьев перекусывал где придется: у него не было семьи, и в Воронеже он жил один. Затем они возвращались в «комитет» и сидели в помещении до вечера, никуда не отлучаясь.

Но и вторая неделя прошла впустую. Муравьев стал сомневаться; появились сомнения и у Цепляевой. Однажды она прямо спросила у Муравьева: «А ты посмотрел у него документы?» И хоть Муравьев понимал всю бессмысленность такого шага, все же сам засомневался. «Может быть, действительно нужно было убедиться, кто он такой?»

Когда прошла третья неделя, Муравьев решил поговорить в губчека. Был конец апреля. Зеленые газоны радовали глаз, от распутившихся тополей исходил тонкий аромат. В обеденный час Муравьев позвонил Кандыбину и попросил его принять.

— Не могу я так дальше! — в сердцах воскликнул Муравьев, едва переступив порог кабинета. — Нужно что-то делать, а не выжидать! Да и тот ли это человек, за кого он себя выдавал. Может быть, антоновцев он и не знает, а контрразведки и не нюхал!

— Что ты предлагаешь? — походив по комнате, спросил Кандыбин.

— В Тамбов мне нужно ехать. Вот что! Там все прояснится.

Кандыбин посмотрел на этого белокурого молодого человека: с виду щуплый, а так и лезет в драку. «Но в общем-то он прав», — подумал про себя и сказал:

— Вот что. Через пару дней я дам тебе знать. А сейчас продолжай свою игру. Да будь поосторожней.

Спустя два дня, когда совсем стемнело, в дверь комнаты Муравьева кто-то постучал. Муравьев вышел в коридор. В неясном полумраке он увидел высокого молодого человека. Сразу екнуло сердце: «Связник от Донского! Наконец-то!» Пригласил войти.

Но незнакомец не стал раздеваться, а тихо сказал:

— Вас просит к себе Кандыбин.

На улице было сыро от недавно прошедшего дождя. Воздух, наполненный весенней свежестью, пьянил. Муравьев наслаждался прелестью весеннего вечера, не заводя разговоров.

Идти было недалеко, и вскоре они были на месте. В ярко освещенной комнате с зашторенными окнами сидели Бронислав Смерчинский и Кандыбин. О том, что Смерчинский в курсе затеянной игры, Муравьев знал, но никак не ожидал встретить сто здесь. А Смерчинский, увидев Муравьева, заулыбался и пошел ему навстречу. Кандыбин тоже встал из-за стола, поздоровался за руку.

— Ну, Евдоким Федорович, разрешение из Москвы получено. Теперь будем действовать! — Он наблюдал за реакцией Муравьева. Увидев спокойно-уверенное выражение лица, открытый взгляд, продолжал: — Раздевайся, садись. Надо основательно все обсудить.

Муравьев снял пальто. Разделся и пришедший с ним молодой человек. Он был худощав, как теперь рассмотрел Муравьев, и на нем был такой же френч, как на Кандыбине. Сбоку на ремне висела кобура с пистолетом. Держался он скромно.

— Вы еще не знакомы? — спросил Кандыбин.

— Нет. — Муравьев еще раз посмотрел на молодого человека.

— А я думал, что вы знаете друг друга, — с некоторым удивлением в голосе произнес Кандыбин. — Ведь это — Чеслав Тузинкевич, зять Марии Федоровны Цепляевой.

— Я бывал частым гостем Марии Федоровны и ни разу вас не видел, — произнес он с удивлением.

— По-видимому, вы заходили тогда, когда я был на службе, — Тузинкевич приветливо улыбался. — А на службе я нахожусь день и ночь...

Когда все уселись за стол, Кандыбин перешел к делу:

— Евдоким Федорович, когда ты можешь выехать в Тамбов к Федорову, а оттуда, если удастся, к антоновцам?

— Меня ничто не связывает, — сказал он после недолгого размышления. — Семьи у меня нет. Я готов выехать тогда, когда это потребуется...

— Чеслав Тузинкевич и Бронислав Смерчинский поедут вместе с тобой, Евдоким Федорович, — продолжал Кандыбин. — Смерчинского Донской знает, поэтому представлять его не потребуется. Что касается Тузинкевича, то отрекомендуем его как активного эсера, выделенного вам в помощь. Они будут выступать в роли связников. Тузинкевич отправится с тобой в антоновскую армию, если это удастся, а Бронислав будет все время в Тамбове. Тебе как представителю ЦК левых эсеров, нужны будут помощники. Я думаю, что это логично и ни у кого не может вызвать сомнений, — подвел итоги Кандыбин. — Как считаешь?

— Вы правы.

— Теперь второй вопрос: вам всем нужны документы. Донской Донским, а если вы его не встретите?.. Самыми надежными документами для вас в этих условиях могут быть удостоверения эсеровской партии.

Евдоким Федорович, сможешь обеспечить изготовление таких документов?

— Смогу, — без запинки ответил Муравьев.

— Как скоро?

— Если нужно, то завтра днем они будут готовы. На какие фамилии их выписать?

— Вопрос законный, — после недолгого раздумья сказал Кандыбин. — Ты, Федорович, — голова! Под своими настоящими фамилиями ехать вам действительно не следует. Антоновцы удивятся, что вы не побоялись...

Они еще долго обсуждали детали «миссии». Решили, что Муравьев будет выступать под псевдонимом «Петрович», для Тузинкевича будут изготовлены документы на фамилию Михаила Андреева, а Смерчинский будет жить в Тамбове по своим настоящим документам. Все понимали, что операция сложная и опасная, и отдавали себе отчет в том, что их ждет в случае неудачи.

— С Федоровым попробуйте договориться о его поездке в Москву, Убедите в необходимости встретиться с кем-либо из членов ЦК партии эсеров. Договоритесь о месте, времени встречи и сообщите через Смерчинского. Понятно?

— Понятно.

— То же самое с Донским. Но с ним следует говорить только об эсеровской организации. Место встречи — у входа в Сокольники. Договоритесь о пароле... Все это я говорю на тот случай, если все пойдет удачно. Но главная ваша задача — это главари: Антонов, Ишин, Матюхин, Эктов.

Наступила глубокая ночь. Прощаясь, Кандыбин сказал:

— Билетами и деньгами займется Чеслав. Твоя задача, Евдоким Федорович, подготовить документы и эсеровские материалы. После майских праздников вы должны быть в пути. Слишком затянулась наша операция! Желаю удачи!

В Тамбов приехали днем. Порядком устали. Все находились в напряженно-ожидающем состоянии, поэтому почти не разговаривали.

Если Федоров получил указания от Донского, то он должен будет устроить Муравьева и Тузинкевича на ночлег, накормить и обеспечить дальнейший путь. А Бронислав Смерчинский остановится у своего родственника Попова. В этом случае они не смогут сделать и шага в сторону Тамбовской губчека.

Если же все окажется липой, то, как договорились, Тузинкевич отправится в ЧК и там согласует дальнейшие шаги.

«И все же не зря Донской дал пароль! — в десятый раз обнадеживал себя Муравьев. — Не может быть, чтобы он придумал все с ходу». Он прекрасно запомнил слова пароля и независимо ни от чего скажет их Федорову.

Муравьева обнадеживал еще и тот факт, что Федоров действительно существует и Донской дал его правильный адрес. Тамбовские чекисты это проверили.

И вот они идут по тихим улицам Тамбова. Потеплело, но моросит дождь. Совсем недавно раскрылись почки на деревьях, набухают бутоны сирени, и стоит в воздухе пьянящий запах весны.

Тузинкевич шагал быстро и вел своих спутников уверенно, лишь время от времени посматривая на фонари у домов с названием улиц. Вот и Флотская. На этой улице живет Федоров. Нужный дом, вероятно, через два квартала.

Тузинкевич остановился, посмотрел на Муравьева:

— Как пойдем дальше? — спросил он.

Все понимали, что настает самая ответственная минута.

— Расстанемся на углу, — ответил Муравьев. — Будете ждать меня там. Пошли.

Вот и нужный дом. Двухэтажный, бревенчатый, он смотрит темными глазницами окон.

— Ну, Евдоким Федорович, ни пуха ни пера! — Смерчинский остановился. — Мы будем ждать тебя здесь, как договорились. Если что, зови на помощь.

— Спасибо. В любом случае я дам знать. Ну, не поминайте лихом...

Муравьев пожал им руки и уверенно зашагал к дому... Открыл калитку и вошел во двор. Поднялся на крыльцо и постучал три раза. Подождал две секунды и постучал снова. Так было условлено. Тихо. Никаких признаков жизни. В доме не торопятся. Ни звука ни шороха... Муравьев терпеливо ждет. Наконец кто-то зашаркал в прихожей и послышался женский голос:

— Кто там?

— Мне бы хотелось повидать господина Федорова, я привез для него посылку, — Муравьев произнес слова, которым научил его Донской.

Продолжительное молчание. Потом задвигались запоры, отворилась тяжелая дверь и пожилая женщина впустила его внутрь.

— Войдите.

Муравьев переступил порог дома и оказался в большой полутемной прихожей. Женщина предложила снять пальто и пригласила пройти в комнату. И Муравьев не сразу увидел мужчину, который внимательно его рассматривал.

— Чем могу служить?

Пожилой господин с подстриженной бородкой пошел ему навстречу. Ростом он был выше Муравьева и

значительно старше. На располневшей фигуре складно сидел костюм из чесучи. Подойдя почти вплотную, он снова тихо спросил:

— Что вам угодно? — чувствовалось, что он умышленно говорит тихо. «По-видимому, хозяин привык к подобным визитам», — мелькнуло в голове.

— Здесь продается картина Саврасова? — Эти слова пароля Муравьев твердил тысячу раз.

Муравьев пытливо смотрел на хозяина дома и напряженно ждал ответа. Мужчина не торопился. Еще раз внимательно оглядел Муравьева, о чем-то подумал, потом так же тихо сказал:

— Картину Саврасова я продал три дня тому назад.

Муравьев облегченно вздохнул. Хозяин стоял, ожидая дальнейших объяснений, и гость сказал:

— Моя фамилия Муравьев. Ваш адрес дал мне Донской.

Теперь мужчина доверчиво улыбнулся. Протянул руку с длинными холеными пальцами.

— Проходите, садитесь, — предложил Федоров.

Муравьев сразу вспомнил о своих товарищах, которые ожидали его на улице и так же волновались, как он. Поэтому сказал:

— Я не один. Вместе со мной два человека, которых я взял для связи. Если разрешите, я их позову.

Федоров понимающе кивнул.

Муравьев снова оделся и вышел на улицу. Тузинкевич издали увидел его, но с места не стронулся. И только когда Муравьев подошел вплотную, тихо спросил:

— Как?

— Все нормально. Принял, как полагается. Идемте все. Вы, Чеслав, будете находиться при мне, а вы, Бронислав, постарайтесь занять хозяйку дома.

Когда Муравьев и его спутники возвратились в дом, стол был накрыт для обеда. Федоров познакомил их со своей женой и пригласил к столу. Жил он в достатке, и обед был сытным. За столом вели самые общие разговоры: Федоров расспрашивал, как доехали, какая обстановка в Воронеже. Муравьев интересовался Тамбовом, условиями жизни населения.

После чая Брониславу Смерчинскому удалось увлечь разговором уже немолодую жену Федорова, и они ушли в другую комнату, откуда время от времени раздавался смех.

Муравьев и Федоров остались сидеть рядом за столом, а Тузинкевич сел на диван и стал рассматривать какой-то журнал.

— Господин Донской рассказывал мне, — Федоров перешел к серьезному разговору, — что у него остались хорошие воспоминания от визита в Воронеж. Мы надеемся, что с вашей помощью удастся установить нужные связи и в Москве. — Федоров, улыбаясь, смотрел на Муравьева.

— Господин Донской мне тоже понравился. С ним можно иметь дело. Главное сейчас, — продолжал Муравьев, — объединить все силы для борьбы с большевиками. — Он посмотрел на Федорова, чтобы угадать его реакцию. Тот одобрительно кивнул головой. — Что касается будущего России, то об этом можно договориться потом.

— Вы говорите от себя или у вас имеются инструкции? — спросил осторожный хозяин.

— Я поддерживаю постоянную связь с Москвой. Это, видимо, вам известно. Приехал к вам затем, чтобы выработать совместную политическую платформу между левыми социалистами-революционерами, конституционными демократами и армией Антонова. Должен вам пояснить, что у эсеров имеется несколько течений. Но сейчас левые эсеры, которых я представляю, объединились с правыми для совместной борьбы.

— Видите ли, — Федоров говорил все так же осторожно. — Я — бывший рядовой член партии кадетов и не имею никаких полномочий для переговоров о выработке согласительной платформы. Вопрос этот весьма сложный и важный, и решить его могут только комитеты партии на высоком уровне, но не рядовые члены.

Последнее заявление насторожило Муравьева. Прием получался довольно холодный. Действует ли Федоров от себя лично или получил такие инструкции? Путь дальше, к антоновцам, будет закрыт, если не удастся договориться здесь по принципиальным вопросам! Федоров просто не окажет содействия, а без него туда не попадешь. По-видимому, нужны более веские аргументы.

— Мне известно, что руководство нашей партии ведет за границей переговоры с членами ЦК партии кадетов, — нашелся Муравьев. — Больше того, недавно в Москву приезжали представители вашей партии и генерала Деникина. Состоялись важные переговоры. Это я говорю лично вам, по секрету. Надеюсь, я могу доверить вам эту тайну?!

— Ну-у! — Федоров так и подался вперед, услышав о Деникине. Заулыбался. — Дай-то бог! — Он стал весь светиться.

— Я не знаю подробностей переговоров, но мне точно известно, что они будут продолжены, — закончил Муравьев.

Федоров задумался. Сообщение гостя его заинтересовало. «О чем он думает?» — Муравьев терпеливо ждал.

— Не смог бы я принять участие в переговорах с представителем генерала Деникина? — неожиданно спросил Федоров. — Могли бы вы это организовать?

— Вы действительно хотели бы участвовать в таких переговорах? — удивился Муравьев. — И имеете возможность поехать в Москву?

— Несомненно. Это, конечно, трудно. Но у меня сохранились кое-какие связи в Москве...

— Хорошо, — решительным тоном сказал Муравьев. — Здесь, в Тамбове, останется мой помощник, — Муравьев кивнул в сторону другой комнаты. — Я поручу Смерчинскому связаться с Москвой и все организовать. Вас это устроит?

— Вполне. Я и сам собирался в Москву, меня просил съездить туда еще и Донской. Решено — я еду!

— Теперь второй вопрос. Как я могу попасть к Антонову? Донской мне сказал, что вы можете оказать в этом помощь.

— Завтра же я все устрою. Это несложно. — Федоров стал разговаривать с Муравьевым, как с равным. — Я сведу вас с одним человеком, который организует поездку.

Поезд из Тамбова прибыл в 11 часов 25 минут, с опозданием на 10 минут. Федоров Дмитрий Федорович, в дальнейшем Фараон, вышел из спального вагона последним. Огляделся по сторонам и направился к выходу из вокзала. В руках у него был коричневый кожаный чемодан средних размеров.

Приметы: рост выше среднего, лет 50—52, волосы русые. Небольшая аккуратно подстриженная борода. Небольшие усики. Одет в темно-серый костюм в полоску. На ногах черные полуботинки. Особых примет нет.

Фараон вышел на вокзальную площадь, нанял извозчика и приехал в Газетный переулок, где проживает его сестра. Пробыл там два часа, вышел без чемодана. Пришел на Тверскую, шел медленно, рассматривая витрины магазинов.

Пришел в Коммунхоз, поднялся на второй этаж в общий отдел, где встретился с Тимофеевым А. Я.

Тимофеев Александр Яковлевич, 56 лет, бывший присяжный поверенный, одинокий. Ранее состоял в партии кадетов.

В Коммунхозе Федоров пробыл недолго. Вышел, нанял извозчика, приехал снова в Газетный переулок, к сестре, откуда до вечера не выходил.

Поздно вечером вышел из квартиры сестры. Остановился у ворот дома и стал внимательно наблюдать за прохожими. Медленно пошел по переулку. Увидел извозчика, быстро остановил, сел и велел гнать. Круглым путем приехал к Никитским воротам. Сошел с пролетки, огляделся. Подошел к Гранатному переулку, остановился и затем зашел в дом № 9, квартира 16, где проживает Тимофеев А. Я.

Когда Федоров вечером зашел домой к Тимофееву, тот сразу стал выговаривать:

— Что же это вы, Дмитрий Федорович?! От вас-то я этого никогда не ожидал. Явиться прямо на службу! Сотрудники, с которыми я работаю, вас видели и заприметили. Разве так можно!

— Александр Яковлевич, прошу прощения, но другого выхода у меня не было. Свой домашний адрес вы мне не сообщили, а дела не терпят отлагательств, — пытался оправдаться Федоров.

Немного успокоившись, Тимофеев предложил, указав на стул:

— Присядьте. Зачем я вам срочно понадобился?

Федоров поднял голову, тяжело вздохнул и тихо, полупрошептом, спросил:

— Александр Яковлевич, вы знаете о событиях в Тамбовской губернии?

— Знаю.

— Там бунт. Туда сбежалось много кулаков, недовольных политикой большевиков.

— Ну и что же?

— Движение все разрастается, но оно принимает чисто бандитские, а не политические формы. Это движение необходимо направить в правильное политическое русло, необходимо оздоровить его идейно. Вы понимаете, придать идейную направленность. — Федоров все более возбуждался.

— Что мы сейчас можем? У нас нет никаких сил и связей... Какое принять участие? Какую придать идейность? — Тимофеев продолжал держаться осторожно.

— Об этом я и приехал просить вас, Александр Яковлевич. Вы занимали руководящее положение в партии кадетов. У вас остались связи... А вы спрашиваете, что делать! Вы мне не доверяете?

— Ну, что вы, батенька! Вас-то я знаю давно. — Тимофеев стал говорить более доброжелательно. — Вам я могу сказать: кое с кем встречаюсь. Иногда вижу Николая Михайловича Кишкина, Вы его должны знать. Это член ЦК нашей партии и бывший член Временного правительства. Могу при случае рассказать ему, но не знаю, что из этого получится.

— Движение, которым руководит Антонов, очень многообещающее. Там — реальные силы. Но у них нет оружия, вернее мало. Во что бы то ни стало нужно получить оружие. Это движение нужно прибрать к рукам, — с горячностью в голосе повторил Федоров, — ну, хотя бы путем объединения кадетско-эсеровских сил для придания идейной направленности. Я и прибыл к вам с той целью, чтобы убедить ЦК партии кадетов в необходимости установить контакт с ЦК левых эсеров и выработать согласительную платформу по совместной вооруженной борьбе с большевиками. Если мы упустим, история нам не простит.

Тимофеев задумался. Потом покачал головой и сказал:

— Мне думается, что никаких результатов здесь, в России, добиться не удастся. Нужно ехать за границу... И все же, я поговорю с Кишкиным. Это я вам обещаю... Я постараюсь выяснить у него местонахождение ЦК партии кадетов. Зайдите ко мне послезавтра.

Федоров покинул квартиру Тимофеева с уверенностью, что ему удалось склонить этого политика на свою сторону. «У него-то связи остались. И дело пойдет на лад». Потом стал размышлять о том, что ему предстоит завтра. Завтра должна состояться важная встреча. С представителем генерала Деникина. Увидятся они в десять тридцать вечера, когда начнет смеркаться. Все развивается по плану...

Самсонов стал с утра готовиться к этой встрече. Хотя это был человек с крепкими нервами, ему было все же не по себе. Дерибас, который то и дело заходил к Самсонову, чтобы информировать его о ходе наблюдения за Федоровым, заметил это сразу.

— Что мне одеть? В каком виде может появиться в Москве деникинский офицер? Как ты считаешь, Терентий Дмитриевич? — спросил Самсонов, и уже в этом вопросе Дерибас почувствовал его волнение. Да он и сам волновался не меньше...

— Прежде всего, ясно, что не в офицерской форме! — пошутил Дерибас. — Я думаю, что в костюме, недорого, чтобы не выделяться из общей среды, но хорошо сшитом.

— Так. А головной убор? Ботинки?

— Мне кажется, что лучше надеть кепку. Большинство москвичей ходит сейчас в кепках.

Самсонов подошел к раскрытому окну. Постоял.

— Как сегодня тепло на улице. Настоящее лето, — задумчиво произнес он. — Вот что! Я думаю, что у деникинского офицера будет ранение в голову. В этом случае даже что-нибудь сказанное невольно будет вполне объяснимо и оправдано. Нужно забинтовать мне голову. А поверх бинтов надену кепку, чтобы повязка не особенно бросалась в глаза.

— Верно.

И вот наступил вечер. К двадцати часам все были наготове: и Самсонов, и Дерибас, и сотрудники группы. В двадцать один час Самсонов вышел из здания ВЧК и сразу слился с толпой прохожих. На нем был темно-синий костюм, светлая сорочка с галстуком, черные полуботинки. Из-под кепки выглядывали белые бинты. Шел не спеша, так как в запасе было еще полтора часа.

На Лубянской площади Самсонов взял пролетку и велел ехать на Кудринскую площадь, где была назначена встреча с Федоровым.

К месту встречи Самсонов прибыл на пять минут раньше. Посмотрел на часы, расплатился с извозчиком, прошелся немного по улице. Точно в назначенное время он вошел в аптеку. У прилавка, несколько в стороне, стоял пожилой господин с тросточкой в правой руке. Он рассматривал какую-то бумажку, возможно рецепт. Самсонов сразу по приметам опознал Федорова.

— Извините, здесь не продают лекарственную сушеницу? Или ее лучше купить в аптеке на Мясницкой? — Самсонов четко произнес слова пароля и смотрел на Федорова.

— Какое совпадение. Я вот тоже имею рецепт на сушеницу, — Федоров потряс бумажкой. Натянуто улыбнулся.

— Может быть, прогуляемся, — предложил Самсонов.

— Как вам угодно.

На улице Самсонов, взяв Федорова под руку, спросил:

— Вы не возражаете? Так будет лучше... Мне передали, что вы хотите меня видеть. Чем могу быть полезен?

— Простите, как вас называть? — спросил Федоров.

— Зовите меня Завидовым. А вас?

— Меня — Горским.

— Вы хотели обсудить со мной какие-то актуальные вопросы, — осторожно продолжал Самсонов.

— Видите ли, речь идет о некоторых аспектах политической ситуации в России. Не могли бы вы поделиться со мной сведениями об имеющихся на этот счет возможностях?

— Я доверяю тем людям, которые уговорили меня на эту встречу. — Они на минуту остановились, Самсонов огляделся по сторонам, как бы проверяя, не подслушивает ли их кто-нибудь, и продолжал: — У нас имеется крепко сколоченная организация с филиалами в ряде городов...

— Есть филиал и в Тамбове? Извините, что я перебил вас, — не удержался Федоров — Горский.

— Нет, в Тамбове пока мы еще не создали... У нас есть оружие, несколько складов.

— И много? — опять перебил Федоров.

— Оружия достаточно. Во главе нашего дела стоит «руководящий штаб», которому я должен буду доложить и о сегодняшней встрече с вами.

— Речь идет об объединении всех «антибольшевистских сил» для совместной борьбы с Советами. — Федоров заговорил откровенно. — Я связан с армией Антонова, являюсь членом ее «оперативного штаба», нам требуется оружие. Много оружия.

Прогуливаясь по улицам, они проговорили около двух часов. Расставаясь, договорились о встрече через день.

Распрощавшись с Федоровым, Самсонов пришел в ВЧК. Доложил Дзержинскому.

— Эта птица поважнее, чем мы предполагали, — сказал Феликс Эдмундович, внимательно выслушав. — Его нельзя выпускать из виду ни на минуту.

Дерибас дожидался возвращения Самсонова и договорился с ним о программе действий на следующий день.

В середине следующего дня Дерибас позвонил начальнику группы:

— Как дела?

— Все нормально. Известный вам человек посетил сестру своей жены на Смоленском бульваре. Потом

побывал в Манеже. Там он ни с кем не встречался, смотрел на лошадей. Сейчас направляется в сторону Лубянки...

Спустя два часа Дерибасу доложили:

— Терентий Дмитриевич, Фараон посетил Внешторг. Был в кабинете у Гольдштейна. Того на месте не оказалось, и тогда Фараон в столе личного состава узнал его домашний адрес.

А в семь часов вечера начальник группы взволнованным голосом доложил:

— Терентий Дмитриевич, с Фараоном творится что-то непонятное. Посетив квартиру Гольдштейна, он вдруг усиленно стал оглядываться. Часто осматривал всех, кто шел за ним. Заходил в проходные дворы и выжидал, кто пойдет следом. Потом взял пролетку, приехал на вокзал и купил билет на поезд, отправляющийся сегодня вечером в Тамбов.

Дерибаса это сообщение не на шутку встревожило. Он тут же зашел к Самсонову. Последний еще не ходил обедать, внимательно выслушал Дерибаса и спросил:

— Что ты предлагаешь?

— Арестовать, и немедленно.

— Ну, ну, не паникуй, — сказал Самсонов. — Арестовать успеем.

— Если он заметил слежку, то сумеет от нее и удрать, — настаивал Дерибас. — А что будет, если Федоров проберется к антоновцам? В Тамбов пускать его нельзя. Ведь там, у антоновцев, Муравьев, Тузинкевич и Смерчинский. Федоров может их погубить.

Походив по кабинету, подумав, Самсонов сказал:

— Я доложу Феликсу Эдмундовичу. Если будет решено арестовать, то допрашивать Федорова будешь ты. Тебе приходилось вести следствие?

— Нет. За исключением того, что меня самого неоднократно допрашивали жандармы, — пошутил Дерибас. — Но постараюсь справиться.

В тот же день, поздним вечером, Федоров был арестован.

Спустя два часа его привели на допрос к Дерибасу. Как только он вошел в кабинет, резким голосом спросил:

— На каком основании?

— Садитесь, гражданин Федоров, — не отвечая на вопрос, спокойно сказал Дерибас и указал рукой на стул. Это спокойное обращение, тишина в кабинете повлияли на арестованного, и он стал сдержаннее.

— На основании ордера, который был вам предъявлен, — только теперь ответил Дерибас.

— В чем меня обвиняют?

— До этого мы дойдем. В свое время, как полагается по закону, вам будет предъявлено обвинение. А сейчас ответьте, пожалуйста, мне на вопросы анкеты: фамилия, имя, отчество, год рождения, место работы, адрес проживания, социальное происхождение, — заполнив анкету, он положил ручку на стол и спросил: — Вы зачем приехали в Москву?

— В командировку, — не моргнув глазом ответил Федоров. — В моих документах это указано.

Времени на то, чтобы вести длительные дискуссии с арестованным и избличать его шаг за шагом, не было, и Дерибас повел разговор более решительно:

— Вы связаны с антоновской бандой. Это установлено точно. Расскажите, когда и где вы установили эту связь?

Федоров побледнел. И все же он решил не сдаваться.

— Ни с какой бандой я не связан. Я советский служащий и приехал в Москву для выполнения служебного задания. Это подтверждается документами.

— Ну, что ж, не хотите говорить? Будем вас избличать. Надеюсь вы, как юрист, понимаете, что это значит. Сейчас я отправлю вас в камеру, и вы еще подумайте.

Было два часа ночи, когда Дерибас зашел к Самсонову. Начинался рассвет.

— Придется тебе, Тимофей Петрович, опять переодеваться и завтра выступать в роли денкинца. Нужно избличать Федорова. Добровольно рассказывать он не хочет.

— Этого и следовало ожидать.

На следующий день Федорова снова вызвали на допрос.

— Может быть, одумались и сами будете рассказывать? — спросил Дерибас.

Арестованный, насупившись, смотрел куда-то в сторону.

— Мне нечего рассказывать.

Дерибас позвонил по телефону:

— Введите арестованного Завидова.

Федоров вздрогнул и уставился на дверь.

Через несколько минут два чекиста ввели в кабинет Самсонова. Состоялась короткая очная ставка. Уже через несколько минут Федоров заявил:

— Хорошо. Я расскажу все. Но прошу, чтобы мои показания учли на суде.

— Напишите заявление. Я передам его в суд, — сухо ответил Дерибас. Дал ему бумагу и ручку.

Пока Федоров писал заявление, Дерибас ознакомился с другими материалами. Потом прочитал написанное:

Заявление.

Если будет постановление меня расстрелять, то я заранее примиряюсь с этим постановлением.

Но если принять во внимание мое чистосердечное признание, то я по справедливости подлежу оправданию.

В случае оправдания я не желаю возвращаться в Тамбов, а прошу оставить меня или в Москве или дать возможность переезда в Вятку или какой-либо другой город, по усмотрению ВЧК. Конечно, от дальнейшей политической деятельности, после неудачно произведенного опыта, я отказываюсь.

Для того же, чтобы моя жена, Н. И. Федорова, имела возможность с вещами сменить местожительство, прошу дать ей возможность получить в Тамбове, до места назначения, вагона-теплушки, если возможно, бесплатно...

Д. Федоров.

Дерибас прочитал заявление, и его охватил гнев. «Зверства антоновских бандитов, сотни замученных большевиков и советских активистов, подготовка правительственного переворота — все это для него только неудачно произведенный опыт! К тому же ему еще нужна теплушка для перевозки личных вещей, в то время как не хватает транспорта для подвоза продуктов и люди голодают!» Дерибас тяжело вздохнул, положил заявление в папку и спросил:

— С чего начнем?

— С чего хотите. Могу ответить на те вопросы, что вы задали мне вчера.

— Отвечайте.

— В Москву я приехал для установления контакта с членами партии кадетов, Тимофеевым и Кишкиным.

— Кто такой Тимофеев?

— Тимофеев Александр Яковлевич, бывший присяжный поверенный, член партии кадетов с 1905 года. Некоторое время был председателем Тамбовского губернского комитета этой партии. Избирался членом Государственной думы. С ним я обсуждал вопросы борьбы с большевиками. С бывшим членом ЦК партии кадетов Кишкиным установить связь я не успел...

— Кто такой Гольдштейн?

— Я случайно узнал, что в Москве, во Внешторге, занимает большой пост некто Гольдштейн. Я предположил, что это бывший присяжный поверенный из Саратова, мой очень хороший знакомый. Подумал, что с его помощью смогу получить командировку за границу для себя и двух представителей армии Антонова.

На службе я Гольдштейна не застал, узнал его домашний адрес и приехал на квартиру. Из переговоров с женой я узнал, что ее муж — бывший профессор и никогда в Саратове не был. Жена встретила меня настороженно, я вынужден был назвать свою фамилию. А когда я вышел из этого дома, то мне показалось, что за мной следят. На всякий случай я решил купить билет до Тамбова. Вскоре я был задержан.

— А ваши документы. Они подлинные?

— Документы подлинные. Их изготовил по моему указанию мой подчиненный, Таубе.

— Расскажите подробно о Таубе.

— Таубе Владимир Васильевич, дворянин, бывший подполковник, заведует конторой Автогужа в Тамбове. Так же, как и я, недоволен политикой Советской власти.

— Зачем вы привезли деньги?

— Отобранные у меня при обыске два миллиона рублей принадлежат Донскому Н. Я., который просил провезти их в Москву для него. Послезавтра я должен был вручить их ему, мы так условились.

— Теперь расскажите о ваших связях с антоновцами.

— Примерно четыре месяца тому назад ко мне на квартиру в Тамбове явился Николай Яковлевич Донской, который знал меня раньше, до революции, по Шацкому уезду. Донской заявил, что является членом штаба Антонова и что цель его прихода — установление духовной связи штаба Антонова с Тамбовом.

Дальше на допросах Федоров рассказал, что по заданию антоновцев он шпионил за частями Красной Армии, расположенными в Тамбовской губернии, собирал сведения о их передвижениях, о складах боеприпасов, о составе и дислокации штаба Тухачевского и передавал эти сведения Донскому. Свои донесения антоновцам он подписывал псевдонимом «Горский».

По заданию Донского он должен был установить связь с левыми эсерами и кадетами.

Что касается антоновской армии и ее замыслов, то Федоров рассказал, что Антонов имеет связь с бандой Попова в Саратовской губернии, с Колесниковым в Воронежской губернии. С бандами на Дону и на Украине связи пока нет.

— В настоящее время движение вне пределов трех тамбовских уездов невозможно из-за отсутствия у антоновцев запасов хлеба, — заявил Федоров. — Разрешение этого вопроса возможно лишь при снятии нового урожая...

Более подробными сведениями о дислокации, численности, вооружении антоновской армии Федоров не располагал, так как находился все время в Тамбове. Этому можно было поверить.

ГЛАВАРИ

Муравьев и Тузинкевич переночевали на конспиративной квартире антоновцев в Тамбове, которую приобрел Федоров специально для этих целей. Хозяином квартиры был местный сапожник, который хотя и не был в курсе дела и не знал, для каких целей сдает комнату, но сочувственно относился к этому движению. В разговоры с ним Муравьев не вступал.

Смерчинский сразу поселился в гостинице.

Рано утром следующего дня на квартиру к сапожнику явился мужчина, осторожно постучал в дверь и, когда его спросили, кто нужен, ответил:

— От Федорова я. Степанов. Мне нужен Петрович.

Муравьев пригласил Степанова к себе в комнату.

Это был грузный, крупный человек. Он приветливо поздоровался с Муравьевым и Тузинкевичем и сказал:

— Собирайтесь побыстрей. Пока в городе еще спят, пройдем ко мне, оттуда я переправлю вас дальше.

Чтобы добраться до Степанова, долго шли поросшими травой улицами, глухими переулками. Вышли на самую окраину Тамбова: кругом пустыри, железнодорожные насыпи.

Дом Степанова был похож на большую землянку, глубоко сидел в земле. Но когда вошли внутрь, то Муравьев был удивлен: довольно богатая обстановка, просторная комната, чисто прибранная.

Степанов усадил пришедших на скамью, сказал, что скоро вернется, и вышел из землянки. Отсутствовал он довольно долго. Возвратился, когда уже наступил полдень, вместе с молодым пареньком и сразу спросил:

— Вы верхом-то ездите? Вот Володя привел лошадей.

— Приходилось, — уверенно ответил Муравьев.

— Володя доставит вас куда надо, — с этими словами Степанов повернулся и ушел в другую комнату, показывая, что разговор окончен.

Муравьев, Тузинкевич и Володя вышли на улицу. На привязи у ограды стояли три оседланные лошади. Не мешкая отправились в путь.

Долго ехали по дороге, пролегающей по голым, безлесым местам. Местность выглядела уныло: заброшенные пашни, поросшие сорняками, пыльная дорога.

Солнце припекало, становилось жарко и душно. Стала мучить жажда, а поблизости не было воды. К тому же Володя подгонял лошадей и не намерен был задерживаться...

Муравьев думал только об одном: как встретят антоновцы? По-видимому, о том же думал и Тузинкевич. Говорить с Федоровым хотя и было трудно, но он был один. Да и что он мог сделать в Тамбове. А здесь совершенно другое дело: много опытных бандитов, а они творят, что хотят...

Только когда стало уже совсем темнеть, вдали показался лес.

— Вот и приехали, — сказал Володя, до сих пор не проронивший ни слова. — Пожалуй, утомились?

— И утомились и проголодались, — ответил Муравьев.

— Здесь вас накормят и скажут, как быть дальше.

На опушке леса стояло несколько построек. Среди них выделялся большой бревенчатый дом, крытый железом. «Богатый хозяин, — подумал Муравьев. — Что-то нас ждет? Жестокий допрос или сытный ужин?»

Возле дома Муравьев и Тузинкевич с трудом слезли со своих лошадей. К длительной езде верхом они не привыкли и теперь стояли, пошатываясь. Володя привязал лошадей и повел гостей в дом, окна которого ярко светились в наступившей темноте.

Когда вошли в помещение, то сразу поняли, что там идет какое-то собрание. Подвешенные к потолку большие керосиновые лампы «молния» хорошо освещали просторную комнату. За несколькими столами, составленными вместе, сидело много крестьян, одетых в полувоенную форму. Все повернули головы в сторону вошедших.

Муравьев был ослеплен светом, прищурил глаза в надежде что-нибудь рассмотреть. Неожиданно услышал знакомый голос:

— Проходите к нам. Вот замечательно, что вы приехали. Как это здорово! — Навстречу им бросился высокий молодой человек. «Да ведь это Донской!» — Муравьев искренне обрадовался встрече.

Тепло поздоровавшись с прибывшими, Донской громко объявил:

— Вот он, тот самый мой большой друг, председатель Воронежского комитета эсеров, о котором я вам рассказывал, — он взял Муравьева под руку и повел к столу.

Муравьев улыбнулся из последних сил, остановил Донского и тихо сказал:

— Подымай выше! Я теперь не только председатель воронежской организации, но член Центрального комитета.

— Как так?

— Помнишь, когда ты был в Воронеже, к нам приезжали два члена ЦК?

— Помню.

— Они известили меня, что будет съезд. Я должен быть не просто участником съезда, а содокладчиком по вопросу о политическом моменте.

— Да, да. Припоминаю...

Присутствовавшие с интересом прислушивались к разговору.

— Так вот, съезд состоялся, и меня выбрали в состав Центрального комитета. И совсем тихо, чтобы не слышали окружающие, Муравьев добавил: — Сейчас я прибыл к вам под фамилией Петрович. Называй меня, пожалуйста, Петровичем. Сам понимаешь, для чего это нужно...

— Понимаю, — радостно рассмеялся Донской. — Ну и молодец же ты, Петрович. — И громко объявил: — У нас теперь свой член ЦК. Видите, как крепко наше дело! — И предложил: — Скажи несколько слов, Петрович.

Муравьеву ничего другого не оставалось, как выступить с информацией о политическом моменте. Преодолевая усталость, он рассказал о состоянии экономики России и о работе партии левых эсеров.

Когда он закончил, кто-то крикнул:

— Пора от разговоров перейти к делу. Помогите достать нам оружие...

Муравьев снова поднялся, оглядел присутствующих и спокойно сказал:

— Я затем и приехал к вам в армию, чтобы помочь. Но, прежде чем принять меры, я должен разобраться в обстановке. Наша партия социалистов-революционеров знает о ваших нуждах и послала меня к вам, чтобы на месте выяснить, в чем вы нуждаетесь, какое требуется вооружение и сколько. Скажу вам по секрету, — Муравьев посмотрел на Донского. Тот согласно кивнул головой. — Предварительно мы уже согласовали вопрос о выделении вашей армии оружия, которое нужно получить в Воронеже и в Туле. О деталях мы договоримся с вашим командованием.

Не успел Муравьев сесть на свое место, как в комнате раздалось громкое «ура-а».

Закончив совещание, гостей повели ужинать.

— Ну, как там, в Москве? Расскажи, пожалуйста, Евдоким Федорович, — попросил Донской, когда они утолили первый голод.

— Что ж, расскажу. — Муравьев отложил вилку в сторону. — В Москве все бурлит. Большевики подложили нам большую свинью, заменив продразверстку продналогом. Это сильно осложнило нашу работу.

— Да, да. Откуда-то проникают эти сведения и в нашу армию, хотя мы и принимаем меры к тому, чтобы этого не допускать. Кое-где уже поговаривают, что нужно прекращать борьбу, идти с повинной. С такими настроениями мы боремся самым решительным образом. Но приток новых сил прекратился. А что еще в Москве?

— Кроме эсеровского съезда, на котором я был, в ближайшее время состоится съезд всех антибольшевистских армий и отрядов. Туда от нас тоже кое-кто поедет.

— Я тоже намерен поехать в ближайшее время в Москву! — воскликнул Донской. — Это задание Антонова. Мог бы я присутствовать на этом антибольшевистском съезде?

— А почему же нет.

— Как это организовать? — Донской был воодушевлен новой идеей.

— Это несложно. Мой связник, Бронислав Смерчинский, живет сейчас в Тамбове... Да, впрочем, ведь ты его знаешь!

— Бронислав? Ну, конечно!

— Поговоришь с ним от моего имени, и он сделает все, что нужно.

Немного подумав, Муравьев продолжал:

— Я пошлю вместе с тобой в Тамбов Михаила. — Муравьев указал кивком головы на сидящего напротив и жадно уплетающего жаркое Тузинкевича, который прибыл в антоновскую армию под псевдонимом Михаил Андреев. — Он должен выполнить некоторые поручения для нашего Воронежского комитета. Михаил и Бронислав договорятся о твоей поездке в Москву и дадут тебе нужные явки. Но Михаил после этого должен возвратиться сюда ко мне, так как он мне будет нужен. Ты можешь организовать его возвращение?

— Я дам указание нашим связным в Тамбове, и они доставят его к тебе обратно. А что ты намерен делать здесь?

— Прежде всего, хотел бы встретиться с Антоновым и членами его штаба. Побывать в частях, посмотреть армию, побеседовать с командным составом армии, чтобы потом я сумел доложить о виденном членам нашего Центрального комитета. А главное, — организовать выборы на «всероссийский повстанческий съезд».

— Завтра же мы поедем с тобой по полкам. Потом я познакомлю тебя с первым заместителем Антонова Иваном Ишиным. Не знаю, удастся ли тебе встретиться с Александром Степановичем, так как он все время в разъездах. Но Иван Егорович Ишин — это тоже фигура! Думаю, что тебе он поправится. Не человек, а гранит!.. Ну, ты ешь, ешь, — любезно угощал Донской.

Спать легли за полночь. Муравьеву и Тузинкевичу отвели небольшую, но чистую комнату, которую сквозь открытое окно наполнял душистый, лесной воздух. Он пьянил. После напряженного дня они сильно устали. Муравьев и Тузинкевич перемигнулись, друг друга поняли, разделись и улеглись в постели.

Разбудили их рано. На траве лежала блестящими крупная роса, а из леса тянуло прохладой. Вошел Донской.

— Извини, Евдоким Федорович. Если хотите ехать со мной, то нужно собираться сейчас.

Муравьев протер глаза. Хотелось спать, не прошла еще вчерашняя усталость. Но понял, что нужно согласиться с предложением Донского. «Быть с ним как можно дольше, с ним безопасно, а главное, можно много сделать, используя его расположение».

— Сейчас встаем, — сказал он.

Наскоро позавтракав, они вышла на улицу. Собственно, улицы здесь не было, а была проложена дорога между домом, сараем и подсобными пристройками. По этой дороге Муравьев прошел на лужайку и стал

прохаживаться, поджидая Донского и Тузинкевича, которые задержались в доме. Неожиданно к Муравьеву подошел незнакомый человек. Был он тоже невысок, но выглядел крепышом. На нем был костюм городского покроя, а поверх пиджака, на ремне, висел большой, в деревянном чехле «маузер». Незнакомец остановился рядом и, улыбаясь, как Муравьеву показалось, загадочно, произнес:

— Здравствуйте, товарищ Муравьев, а я вас знаю...

У Муравьева сердце сжалось. Человека этого он не помнил. «Неужели что-нибудь знает?! Где виделись?»

Ответил:

— Извините. Не помню...

— Да вы могли меня и не знать, — незнакомец держался дружелюбно, улыбка его была, как теперь рассмотрел Муравьев, не загадочной, а немного смущенной. Тревога отступила сразу, и Муравьев протянул руку, чтобы поздороваться. Незнакомец продолжал:

— Я жил в соседнем с вами селе. Лавка у меня там: лопаты, грабли, ведра — в общем, все что нужно крестьянину. Отец-то ваш меня хорошо знает. Морев я. Алексей Морев. Большевики хотят отобрать у меня лавку, вот я и подался к Антонову. Нужно защищать свое добро...

— А-а... Теперь я вспоминаю. Рад, что с вами познакомился.

— Вы обязательно приезжайте к нам в полк. Уж мы-то вас встретим!

— Спасибо. Приедем. А семья-то ваша как?

— Жена и дочь остались там, под Рязанью. Никто не знает, что я здесь.

Из дома вышли Донской и Тузинкевич. Морев вскочил на коня, попрощался и поскакал вдоль опушки леса.

— Земляка встретил, — Муравьев показал на удалявшегося Морева.

— А-а. Хороший парень Алексей, — сказал Донской и заторопил: — Нужно и нам побыстрей. — Он подвел своих спутников к лошадям, привязанным возле дома, и по-хозяйски предложил: — Вот, выбирайте. Чего-чего, а лошадей у нас достаточно. — И опять посетовал: — А вот с оружием — беда...

— Ничего. Оружие будет, — Муравьев сказал твердо. Он взял первую приглянувшуюся ему лошадь, потрогал поводья и вскочил в седло. Группа тронулась в путь.

Ехали часа три по жаре и порядком устали. Наконец прибыли в большое село. Всюду виднелись сожженные дотла дома и хозяйственные постройки.

— Что это? — указав плетью на один из полусгоревших домов, спросил Муравьев ехавшего рядом с ним Донского.

— Это халупы тех, кто был связан или подозревался в связях с большевиками, — ответил Донской. — Одних расстреляли, другие сами убежали. А дома мы сожгли.

В селе их издали. На площади собралось «войско», расквартированное здесь. Муравьева попросили на трибуну. И он снова должен был рассказывать о политическом положении, о целях и задачах партии эсеров.

После выступления Донской познакомил Муравьева с Василием Матюхиным, грузным, солидным человеком, начальником военизированной охраны антоновских войск, братом Ивана Матюхина, командира полка, особенно отличавшегося своими жестокостями.

— Дальше вас будет сопровождать Матюхин, — объявил Донской. — А я должен собираться в Москву. — И, посмотрев на Тузинкевича, спросил: — А как Михаил?

— Миша, тебе придется поехать с Донским, чтобы помочь ему, — сказал Муравьев. — Тебе все понятно?

— Да.

Договорились, где они встретятся, и Муравьев распрощался с Тузинкевичем и Донским.

Вторую неделю ездил Муравьев в сопровождении Василия Матюхина и охранников по селам, в которых обосновались антоновцы. Везде заранее были извещены о их прибытии и ожидали с нетерпением. Муравьев выступал на митингах и в то же время внимательно присматривался к вооружению антоновских банд, подсчитывал примерное количество бойцов, смотрел укрепления. Но он прекрасно понимал, что многое от него скрывают. Да и он не был военным специалистом.

Василий Матюхин, который пользовался большим влиянием, ограждал Муравьева от различных неприятных «случайностей», устраивал его быт так, что у того не было никаких претензий. Однако на вопрос Муравьева о том, когда же он встретится с Антоновым и другими руководителями «главного оперативного штаба», Матюхин неизменно отвечал:

— Подожди, всему свое время. — Муравьев терпеливо ждал.

Однажды под вечер они прибыли в Шаболовку. Большое село раскинулось на двух холмах. На одном из них, на дальнем, там, где чернела кромка леса, возвышалась церковь. С их въездом забил колокол.

Василий Матюхин незадолго до этого куда-то отлучился.

— Стой! — задержала их на окраине села группа вооруженных всадников. — Кто такие?

— Свои, — ответил один из охранников.

— А ну, слезай с коней! — скомандовал всадник.

Пришлось подчиниться. Их под конвоем провели по улицам села, где столпились любопытные. Привели в богатый дом. Навстречу вышел крупный мужчина лет под пятьдесят, в темном костюме, в сапогах гармошкой, с маузером в деревянной колодке на боку.

— Кто такие? — спросил строго.

— С Василием Матюхиным мы. Это Петрович из ЦК, — ответил все тот же охранник, оставшийся,

очевидно, за старшего.

— Так вы Петрович? — незнакомец подошел к Муравьеву. — Извините. Здравствуйте. Я Ишин. — Он протянул свою большую руку, которую Муравьев с трудом пожал, — Почему же Матюхин меня не предупредил? Я о вас знаю. Проходите, давайте вместе ужинать.

Разговаривая с Ишиным, Муравьев думал: «Ведь неспроста все это! Что-то задумал Ишин».

Ишин держался спокойно и даже, казалось, сожалел о происшедшем недоразумении. За ужином они долго говорили о политической ситуации, об эсеровском съезде, о планах партии, о ее намерениях вступить в коалицию с другими партиями. Говорил больше Муравьев, а Ишин все слушал и расспрашивал. Потом, когда они уже собрались лечь спать, Муравьев спросил:

— Вы не скажете, когда и где я могу повидать Антонова?

— Скажу... — как бы раздумывая, ответил Ишин. — Повидать Александра Степановича вам не удастся. Сейчас он лечится после тяжелого ранения. Все вопросы вы можете решить со мной.

На следующий день в поездку по селам он отправился вместе с Ишиным. Прошел день, другой. Ишин находился с ним неотлучно. Это было самое тягостное время. Ишин все время присматривался к Муравьеву, и последний это чувствовал. Иногда он ловил на себе такие взгляды Ишина, что внутренне холодел.

Однажды они приехали в большое село. Как всегда, Муравьев выступил на митинге. Потом выступил Ишин. Говорил он складно, сочным крестьянским языком, с юмором, часто вставляя к месту пословицы и поговорки, его слушали затаив дыхание.

После митинга пошли в кулацкий дом обедать. Сидели в полутемной комнате с задернутыми занавесками, так как был жаркий день. В конце сытного обеда в столовую неожиданно вошел человек с винтовкой в руке. Муравьев сразу узнал в нем Морева.

— Что случилось? — Ишин поднялся из-за стола.

— Все готово для казни захваченного большевика. Можно начинать?

— Сейчас мы выйдем. Начинайте, — Ишин вытер вспотевший лоб рукавом. Обернувшись к Муравьеву, позвал: — Пойдем, Петрович!

— А что там?

— Будут отпиливать голову ржавой пилой большевистскому агитатору, — эти слова были сказаны с такой ненавистью и одновременно так спокойно, что Муравьеву стало не по себе. Он с ненавистью посмотрел на трясущийся затылок Ишина, отвернувшегося, чтобы дать последние распоряжения.

«Так бы и размозжил голову». Быстро взял себя в руки. Глухим голосом ответил:

— Я не пойду.

— Почему? — Ишин удивленно повернулся.

— Не годится представителю ЦК партии эсеров присутствовать при казни. Это ваше внутреннее дело. Вы старый социалист-революционер, должны это понимать.

Ишин потоптался в комнате, покосился на Муравьева.

— Ну, как хотите, — повернулся и пошел.

Вскоре послышались крики истязаемого человека, потом их заглушил шум толпы. Когда Ишин вернулся, он опять с подозрением покосился на Муравьева и как бы про себя произнес:

— Не пойму я тебя, Петрович. — И, не задерживаясь, прошел в другую комнату.

Дерибас сидел в кабинете у Самсонова, когда принесли срочную телеграмму. Самсонов пробежал глазами несколько строк, посмотрел на Дерибаса и озабоченно спросил:

— Когда у Федорова должна состояться встреча в Москве с Донским?

— Семнадцатого июня, — четко ответил Дерибас. — Если, конечно, Донской рискнет приехать сюда.

— Сегодня, четырнадцатого июня, Донской выезжает из Тамбова. Вот телеграмма от Смерчинского. — Самсонов показал на бумагу. — Прибудет завтра. Итого на работу с Донским у нас остается один, нет, полтора дня. Не густо. Потом нужно все закончить, так как, не найдя Федорова в Москве, он может заподозрить неладное и выскользнуть из-под нашего контроля... — Самсонов поднялся из-за стола, походил по кабинету. — Встречать Донского и вести с ним переговоры буду я. Ты же опять организуешь наблюдение и поможешь мне на заключительной стадии.

Они обсудили план предстоящей операции.

На следующий день Донской был взят под наблюдение. С вокзала он проехал на специально подготовленную квартиру, адрес которой дал ему Смерчинский. Там его приняли, накормили и дали возможность отдохнуть. Вечером к нему пришел Самсонов. После обмена словами пароля Самсонов спросил:

— Как доехали, товарищ Донской? Как отдохнули?

— Спасибо, хорошо.

Выглядел он действительно хорошо: молодой, высокий, загорелый парень, двадцати трех лет. Он жаждал активных действий. Поэтому спросил:

— Когда состоится совещание «штаба боевых сил Москвы»?

— Завтра, в одиннадцать часов дня, — спокойно ответил Самсонов. — Решено провести его в Сокольниках, там безопаснее. Вы там бывали?

— Нет. Я вообще в Москве первый раз.

— У вас есть какие-то дела? — осведомился Самсонов.

— Да нет. Так, по мелочам... — Самсонов понял, что Донской не хочет говорить о назначенной встрече с Федоровым.

— Хорошо, сейчас отдыхайте. Если захотите погулять, то не удаляйтесь далеко от дома, чтобы не случилось беды.

— Хорошо. Я понимаю.

На следующее утро в парке Сокольники состоялось заседание «Московского штаба».

«Члены штаба» попросили Донского доложить о настроениях, обстановке в армии Антонова и планах командования. К сожалению, он, как и Федоров, был далек от чисто военных дел, не знал детального расположения частей и укрепленных пунктов, обрисовал положение дел в «армии», особенно много говорил о трудностях.

— Общее положение мы уяснили, — подвел итоги выступления Донского Самсонов. — На этом закончим.

На автомобиле Самсонова Донской после «совещания» был доставлен в здание ВЧК.

В тот же день его допрашивал Дерибас.

— Вы знаете, где вы находитесь?.

— Да. — Донской был растерян.

— Вы будете сами рассказывать или вас нужно будет избличать?

— Я расскажу все, что знаю, — ответил Донской. — Собственно, к тому, что вы знаете, мне добавить почти нечего.

— Как вы попали к антоновцам? — спросил Дерибас, отпустив конвой.

— В 1920 году я бежал из Донской области от ареста за саботаж. Когда у меня кончились все деньги, я поехал в Тамбов искать знакомых. Случайно услышал о банде и отправился к Цапаеву, который свел меня в штаб, к Богуславскому. Антонов тогда занимал должность командира полка, а Богуславский, раньше он был подполковником царской армии, занимал высшую должность. И только позднее Антонова выбрали главным командиром. Я сказал им, что бежал из Донской области, где готовил восстание.

— Ваша настоящая фамилия?

— Герасев. А Донской — это моя кличка по армии Антонова.

«До сих пор мы этого не знали», — подумал Дерибас.

Следствие по делу Донского продолжалось недолго. Дерибас утром приходил на службу и сразу вызывал арестованного. Теперь он едва успевал записывать: Донской назвал многих членов антоновской банды и их пособников.

На третий день, глубокой ночью, к Дерибасу в кабинет зашел Самсонов.

— Тузинкевич где? — тревожно спросил он.

— Выехал из Воронежа.

— Он уже вернулся к антоновцам?

— Утром проверю. Сейчас в Тамбове все спят, а дежурный губчека не в курсе дела... Что случилось?

— Мы с тобой упустили из виду одно обстоятельство: длительное отсутствие Федорова и особенно Донского может вызвать подозрение у антоновских главарей. А что будет тогда с Муравьевым и Тузинкевичем? Нужно, чтобы они срочно закругляли свои дела и ехали сюда. Как можно организовать их вызов?

— Если Тузинкевич уже на пути к Муравьеву, то это можно сделать только через Смерчинского. Я позвоню в Тамбов и выясню.

На следующий день Дерибас передал приказ Смерчинскому о немедленном возвращении в Москву.

Муравьев проснулся рано. Разбудил ли его крик петуха, или он проснулся оттого, что почувствовал на себе пристальный взгляд? Муравьев поднял голову: Ишин сидел на своей кровати в нижнем белье и не отрываясь смотрел на Муравьева.

Вот уже вторую неделю они ездили из села в село. Ели и спали они вместе. Останавливались в лучших домах. Кулаки, мелкие хозяйчики встречали их как дорогих гостей.

Заметив, что Муравьев проснулся и смотрит на него, Ишин спросил осипшим голосом:

— Ты что спишь так беспокойно? — Взгляд был у Ишина сумрачный. Муравьев насторожился.

— Мешаю вам? — спросил он.

— Разговариваешь во сне. Вот так... — испытующе глядя в лицо, продолжал Ишин.

«Неужели что-нибудь выдал? — мелькнуло в голове. — Что мог сказать?» Решил перейти сам в наступление.

— Нет у меня причин спать спокойно! — ответил довольно резко.

— Что так? — удивился Ишин.

— Вы останетесь здесь, а мне скоро возвращаться обратно в Воронеж. А если что-нибудь дойдет, просочится? Сколько здесь людей, и все меня видят. Вы знаете, как большевики поступают?

— Слышал. Ну и что?

— Как что?! Надо принимать меры, решать быстрее, а вы затягиваете дело...

Ишин впервые улыбнулся.

— Молодой, а рассуждаешь правильно. Что предлагаешь?

— Нужно договориться с Антоновым о координации действий. Нужно выделить делегатов на «всероссийский повстанческий съезд».

— Хорошо, я подумаю.

Ишин лег и вскоре засопел. Муравьев уснуть больше не мог.

Теперь каждый вечер, укладываясь спать, Муравьев думал только о том, чтобы не уснуть. Через три дня после этого разговора к Муравьеву возвратился Тузинкевич. Он сообщил подробности отъезда Донского в Москву; все было хорошо. Смерчинский достал билеты на поезд, оба они усадили Донского в вагон. Потом Смерчинский звонил в Москву начальнику военного отдела ЦК левых эсеров Курбатову и получил подтверждение, что Донского встретили и хорошо устроили.

— Все развивается нормально! — подвел итоги Тузинкевич.

— Дай-то бог! — сказал Ишин и отправился по своим делам.

— Что с тобой? — с тревогой спросил Тузинкевич, едва они остались одни. — На тебе лица нет.

— Четвертую ночь не сплю, — ответил Муравьев и рассказал о своем ночном разговоре с Ишиным.

— Меня просили передать тебе приказ: нужно быстрее возвращаться. Как можно быстрее. Встретиться с Антоновым тебе, пожалуй, не удастся. Нужно отобрать десятка два отпетых головорезов и послать их за оружием в Воронеж. С этим отрядом поеду я. Такую же группу подбери в Москву. Поедешь с ней сам. О дне выезда предупредишь Москву через Смерчинского. Понял?

— Понять-то понял, но как это сделать? Как быть с главарями? Каким образом заманить их всех в Москву? Эта мысль не дает мне покоя.

— Вот что, Евдоким, — решительно заявил Тузинкевич, — ложись-ка ты поспи. Отдохни немного, иначе ты не выдержишь. А я посижу рядом, покараулю.

— И то правда, — согласился Муравьев. Через минуту он уже спал.

— Пора, Евдоким, — через два часа разбудил его Тузинкевич, — Ишин идет.

— Опять красные потеснили наш отряд, — с порога выкрикнул раздраженно Ишин. — А все оттого, что не хватает оружия. Мы бы им всыпали!

— Скоро оружие будет, — сказал Муравьев. — Нужно посылать отряд в Воронеж. Там все подготовили, и требуется только получить.

— Не может быть?! — радостно воскликнул Ишин. — Ну и молодцы! Не ожидал... Когда ехать?

— Хоть завтра, — сказал Тузинкевич. — Но лучше через два-три дня. Чтоб не заметили мои поездки туда-сюда.

— Договорились. Через два дня отправим, — Ишин хлопнул ладонью по столу так, что доски затрещали.

— Второй отряд нужно послать за оружием в Тулу, — Муравьев решил воспользоваться моментом и выполнить хотя бы часть задания. — И будет лучше, если этот отряд отправится вместе с делегатами на «всероссийский съезд повстанческих армий и отрядов», для чего требуется выбрать делегатов. И не откладывая, так как съезд скоро начнется.

Ишин походил по комнате, сел на скамью, потер лоб, посмотрел на Муравьева и твердо сказал:

— Я все организую.

И вот — собрание представителей антоновской армии. Муравьев и Тузинкевич пришли заранее, сели на большое бревно в тени раскидистой березы и стали наблюдать, изредка переговариваясь.

— Может быть, пожалует сам? — с надеждой произнес Тузинкевич.

— Нет. Он еще не поправился после ранения, — ответил Муравьев. — Это точно. Мне говорили несколько человек.

— Кто из главарей поедет в Москву?

— Хорошо бы склонить Ишина и Эктова, но я еще не знаю, как это сделать.

Издали Муравьев увидел Ивана Ишина, Ивана Матюхина и заместителя начальника «главоперштаба» Павла Эктова (начальником «главоперштаба» был сам Антонов). Это была верхушка антоновской армии. Все они направлялись туда, где был поставлен небольшой, шаткий стол, принесенный лесником.

— Пойду, — наконец сказал он Тузинкевичу, — а ты оставайся где-нибудь поблизости.

Заметив Муравьева, Ишин, а вслед за ним остальные подошли к нему и поздоровались за руку.

— Будем начинать? — спросил Ишин.

— Да. Хорошо бы закончить все в один день, — ответил Муравьев.

Главарь занял места за столом. Туда же Ишин пригласил Муравьева и открыл собрание. Говорил он недолго и перешел к основному вопросу — выборам делегатов.

— Морева, — крикнули в одном конце поляны. — Алексея Морева.

— Василия Матюхина, — предложил кто-то другой.

— Кого еще? — спрашивает Ишин. Все молчат.

«Как же быть? Никого из главарей, — с досадой думает Муравьев. — Не Моревы и Матюхины решают судьбу антоновской армии...»

— Прошу дать слово, — поднимается один. — Морев я. — Муравьев сразу узнал своего земляка, который недавно беседовал с ним на улице. — Не могу я ехать в Москву. Семья у меня в Рязани. Узнает меня кто-нибудь в Москве, несдобровать семье...

Морев садится на место.

— И я не могу, — поднимается Василий Матюхин. — Не могу я вести такие переговоры. Не привычный я...

Тихо кругом, ни ветра, ни дуновения. Застыли делегаты. Напряженно работает мысль Муравьева. «Этим нужно воспользоваться! Сейчас — единственный шанс».

Муравьев тронул Ишина за локоть:

— Дайте мне слово.

— Сейчас будет говорить представитель ЦК, — громко объявляет Ишин.

Муравьев поднимается и громко, с возмущением переходит в наступление:

— Трусые вы! Самые настоящие трусы! Мы в ЦК думали о вас, как о храбрых солдатах. Все надежды возлагали на вас и хотели помочь вам оружием. Кому же помогать? — Муравьев окинул сидящих перед ним антоновцев презрительным взглядом. — Да как же вам помогать, если вы срываете объединение всех антибольшевистских сил в стране! Мы просто объявим вас дезертирами и трусами. — Выждал. Делегаты сидели не шелохнувшись. — Я как член Центрального комитета отменяю выборы и на основании данных мне полномочий назначаю делегатами на съезд Ишина и Эктова... В связи с тем, что Антонов сейчас болен и поехать не может, его назначаю почетным делегатом. — Муравьев опять посмотрел на сидящих перед ним притихших бандитов и, чтобы закончить, решительно сказал: — Кто за это предложение, прошу голосовать.

Руки потянулись вверх, послышались возгласы: «Правильно!»

— Принимается единогласно, — подвел итог Муравьев и посмотрел на Ишина. Тот растерянно улыбался... По всей вероятности, это решение было ему не по нутру, но отступать было поздно. Эктов же смотрел на Муравьева серьезно и деловито.

Участники «съезда» стали расходиться, а Муравьев попросил Ишина и Эктова задержаться. Подозвал к себе Тузинкевича.

— Нужно договориться о комплектовании отрядов для получения оружия. Кому можно поручить это дело?

— Этим займется Эктов, — заявил Ишин. — А кто организует поездки? Достанет документы, билеты?

— Вот он, — Муравьев указал на стоявшего рядом Тузинкевича. — У нас есть надежные люди в Тамбове. Миша, тебе лучше отправиться заранее и все подготовить.

— Правильно, — подтвердил Ишин. — Поезжай сегодня, а мы отправимся послезавтра.

ИМЯ ТВОЕ НЕИЗВЕСТНО, А ДЕЛА ТЫ ДЕЛАЛ ВЕЛИКИЕ

30 июня 1921 года поздно вечером Дерибас получил телеграмму из Тамбовской губчека. В ней говорилось о том, что на следующий день в Москву выезжает группа антоновцев во главе с Ишиным и Эктовым. Петрович по прибытии в Москву позвонит с вокзала Дерибасу, чтобы получить инструкции.

Дерибас позвонил по телефону Дзержинскому:

— Феликс Эдмундович, получена телеграмма из Тамбова. Завтра антоновцы выезжают в Москву.

— Хорошо. Записывайте, что нужно сделать: первое, членов отряда, едущих за оружием, арестовать и доставить на Лубянку; второе, устраивать сейчас «всероссийский съезд повстанческих армий и отрядов» для Ишина и Эктова довольно трудно. Это слишком громоздкое дело, да и ни к чему. Давайте организуем «заседание центрального повстанческого штаба». Понятно?

— Понятно, Феликс Эдмундович.

— Тогда действуйте.

Конечно, проще всего было бы арестовать Ишина и Эктова сразу на вокзале, но Дзержинский понимал, что в этом случае добиться от них показаний да еще получить точные сведения о дислокации банд, их вооружении и численности было бы длительным, если не бесполезным делом.

Как обычно, ночь пролетела незаметно. И вот уже утро.

Дерибас сидит у телефона в своем кабинете и ждет звонка. Поезд должен прибыть в одиннадцать часов десять минут, время еще есть.

В одиннадцать часов Дерибас позвонил начальнику группы:

— Как дела?

— Все подготовлено.

— Учтите, что по Москве с вокзала пойдет целая банда — двадцать отъявленных головорезов с оружием в руках и два главаря.

— Об этом я знаю, и меры приняты.

— Держите меня в курсе дела.

— Хорошо.

Резко зазвонил телефон. Дерибас схватил трубку:

— Алло...

— Терентий Дмитриевич, говорит Колосовский. Я хотел бы навести у вас справку...

— Позвоните, пожалуйста, часа через два. Сейчас не могу. Извините. — Дерибас стал прохаживаться по кабинету.

Без десяти минут двенадцать Дерибас опять поднял телефонную трубку:

— Слушаю, Дерибас.

— Говорит Муравьев, — услышал он наконец незнакомый голос. — Мы на вокзале... — По уверенному

голосу Муравьева Дерибас понял, что все в порядке.

Стал спокойно инструктировать:

— У дежурного по вокзалу вас ожидают два наших представителя. Найдите их, назовите свою фамилию и отправьте отряд вместе с ними на Лубянку, якобы для получения денег на покупку оружия. Они знают, как действовать дальше. После этого вместе с Ишиным и Эктовым поезжайте на Маросейку. Адрес знаете?

— Знаю.

— Поселите их там. Скажите, что это конспиративная квартира эсеров. Там их встретят и накормят. Вечером за ними придут и поведут на совещание. Пусть пока никуда не выходят. Ясно?

— Все понял.

— Действуйте. Когда все устроите, зайдите ко мне, я буду вас ждать.

Отряд антоновцев, разбившись на группы, шел по Домниковке, потом по Мясницкой. Прохожие с удивлением смотрели на приезжих парней, одетых в измятые полушерстяные брюки, рубашки-косоворотки, сапоги. В свою очередь приезжие с интересом рассматривали московские здания, витрины магазинов, оставшиеся от прежних времен. В первой группе шли два чекиста, выступавшие перед антоновцами как представители военного отдела ЦК левых эсеров. Они указывали дорогу.

Когда они подошли к зданию ВЧК на Лубянке, один из чекистов сказал:

— Подождите здесь. Я возьму пропуска. — Он зашел в комендатуру. Там его ждал Дерибас. Вместе с ним была еще группа чекистов.

— Пропускайте по одному, — распорядился Дерибас. — И сразу ведите в дальнюю комнату.

Антоновцев одного за другим пропускали в здание, провожали в дальнюю комнату, где отбирали оружие и обыскивали. Оттуда их препровождали в тюрьму. Когда с этим было покончено, Дерибас поднялся к себе в кабинет и стал ждать Муравьева.

Муравьев пришел около двух часов дня. Был он невысок, подвижен, с веселой искоркой в глазах. Длинные волосы, круглое лицо. Войдя в кабинет, он представился:

— Муравьев. — И остановился у порога.

— Так вот ты какой, Петрович! — Дерибас радостно вышел из-за стола, подошел к гостю, обнял его. — А я представлял тебя совсем другим: эдаким высоченным богатырем. Жаль, что не успел повидать тебя в Воронеже. Ну, садись, рассказывай.

— Вы, наверное, в курсе дела?

— Да. Но хотелось бы узнать подробности... Как настроение у крестьян?

— После декрета о замене продразверстки продналогом даже середняк отвернулся от Антонова. Нового притока нет, а кое-кто убегает. Крестьянин стосковался по земле.

— Ишин и Эктов не проявляют беспокойства?

— Нет. Во всем полагаются на меня. Отвел на квартиру, где их встретили как своих, накормили. Были недовольны, когда узнали, что на «всероссийский повстанческий съезд» они опоздали, что он уже закончил свою работу. Ишин даже с укоризной посмотрел на меня. Но потом, когда пояснили, что съезд избрал «центральный повстанческий штаб», который специально соберется сегодня, чтобы заслушать посланцев Антонова и наметить план совместных действий, воспрянули духом. Я привез с собой кое-какие бумаги: протоколы и резолюции антоновского съезда, другие документы. Куда мне их девать? — Муравьев достал из портфеля тугой сверток.

— Давай мне. Читать будем потом. Сейчас пойдем к Менжинскому.

Они шли длинными извилистыми коридорами, пока не попали в просторный кабинет. Вячеслав Рудольфович сидел за большим столом и что-то читал. В кабинете находились еще два человека: один сидел на стуле возле Менжинского, второй — в стороне на кресле. Не будь такого срочного дела, Дерибас не стал бы нарушать порядок, но он выполнял приказ и, не раздумывая, вошел.

Менжинский оторвал взгляд от бумаги, которую читал, посмотрел на Дерибаса и спросил:

— Что у вас?

— Вот он, наш Петрович, он только что приехал с антоновцами...

Чекисты обернулись, и Дерибас узнал Артузова и Благодрава. Они с интересом рассматривали Муравьева.

— Садитесь, пожалуйста, — Менжинский был чрезвычайно тактичный человек. Никогда никто не слышал от него грубого слова. А когда нужно было кого-либо послать на задание, то он не приказывал, а вежливо просил: «Сделайте, пожалуйста». Он быстро закончил разговор с Благодравым и отпустил его, Артузов ближе подвинул свое кресло.

— Все прибыли? — спросил Менжинский.

— Да.

— Ну, рассказывайте, как вам удалось провести таких матерых хищников?

— Трудно было, очень трудно... Иногда казалось, что все срывается... А с Антоновым так ничего и не вышло.

— Антонов Антоновым, а Ишин с Эктовым тоже кое-чего стоят. Да еще Федоров с Донским. Вы не умаляйте своих заслуг.

Менжинский был в курсе проводившейся операции, и, когда Муравьев закончил рассказывать, он спросил

у Дерибаса:

— Кто будет председательствовать на сегодняшнем заседании «центрального повстанческого штаба»?

— Вам, конечно, нельзя, — сказал Дерибас нерешительно, — вас могут знать. — Оглянувшись, увидел Артузова и сразу нашелся:

— Вот сидит председатель. Лучшего нам не сыскать! Артур Христианович.

Менжинский улыбнулся тому, как Дерибас удачно вышел из затруднительного положения, и спросил:

— Как вы, Артур Христианович?

— А что ж, я могу, — Артузов тоже улыбнулся и подошел к Муравьеву. Протянул руку: — Давайте знакомиться.

Квартира, на которой должно было состояться совещание мнимого эсеровского «центрального повстанческого штаба», находилась на Трубной улице, в старом кирпичном доме. Просторная, богато обставленная комната на первом этаже, большие окна которой выходили во двор, была специально оборудована под зал заседаний: поставлены ряды стульев, стол для президиума. Окна зашторены.

Стояли самые короткие ночи, и в половине десятого, когда Дерибас и Артузов вышли из здания ВЧК, было еще совсем светло. Вечер был теплый и безветренный. На больших скамейках, установленных вдоль Рождественского бульвара, отдыхали москвичи. Кругом тихо и спокойно.

«Совещание» было назначено на десять часов вечера. Дерибас и Артузов шли довольно быстро. Хотя квартира находилась недалеко, они хотели убедиться, что все подготовлено к встрече. Но беспокойство их оказалось напрасным: зал уже был заполнен чекистами. Сидело человек пятнадцать, все одеты в обычные, штатские костюмы. В руках у них — карандаши и листы бумаги: ведь на совещании полагается вести записи. Кое-кто курил в коридоре.

Без пяти минут десять за стол президиума сели Артузов и Дерибас. Оба они были похожи на дореволюционных интеллигентов-народников. Особенно Дерибас со своей неизменной бородкой и длинными волосами: типичный социалист-революционер. Остальные уселись в зале, создавая тем самым видимость, что совещание начинается...

Вот и условный стук в дверь. Вслед за Муравьевым вошли Ишин и Эктов. Они громко поздоровались, и Артузов пригласил «гостей» в президиум.

Первым с информацией «центральному повстанческому штабу» выступил Муравьев. Он рассказал, как ему удалось установить связь с антоновским командованием, с каким почетом его принимали. Не скупился на похвалы Ишину, который оказал ему большую помощь. Заканчивая свое выступление, он сказал:

— Более подробно о делах в этой «армии» может рассказать Ишин.

— Эх, Муравьев, — поднявшись со своего места, в сердцах произнес Ишин, — член Центрального комитета партии, а конспирации не научился... Нет здесь Ишина. А выступать буду я, Иванов Николай Петрович.

Ишин действительно приехал в Москву с документами на имя Иванова Николая Петровича, агента Тамбовского губпотребсоюза.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Артузов, — здесь все свои, и дальше этих стен ничего не уйдет. Говорите спокойно.

Ишин сделал подробный доклад о социальном составе антоновцев, рассказал, откуда они черпают свои кадры, о принудительной мобилизации, о планах и целях этого кулацкого мятежа.

Эктов тоже говорил откровенно, рассказал о планах боевых операций, так как лично принимал участие в их разработке, и дал характеристику командного состава армии.

Совещание затянулось далеко за полночь. Гости ответили на вопросы. Дерибас как секретарь совещания вел записи, Пометки в своих блокнотах делали многие чекисты.

Когда на улице совсем рассвело, погасили свет и раздвинули шторы. Открыли окна. В душную комнату проник свежий воздух, и сразу захотелось спать. Было тихо и торжественно. Поднялся Артузов и спросил:

— Как товарищи, разобрались во всех вопросах? — Он оглядел сидевших в зале: все приумолкли. Он посмотрел на сидящих в президиуме. У них тоже был усталый вид. Решил, что пора кончать.

— Объявляется перерыв.

Ишин в сопровождении группы чекистов вышел в коридор. Здесь его и арестовали.

Только в тот момент, когда два человека схватили Ишина за руки, а третий начал вытаскивать из его кармана пистолет, бандит понял, что произошло. Сопротивляться он не мог.

Эктова арестовали в зале. Когда Дерибас предъявил ему ордер на арест, он побледнел, сел на стул и тихо спросил:

— Может быть, я вам пригожусь?

Арестованных отправили в тюрьму, чекисты стали расходиться.

На следующий день Муравьев зашел к Дерибасу.

— Ну, вот и закончилась твоя миссия, Евдоким Федорович! — торжественно объявил Дерибас. — Мы решили представить тебя к ордену.

— Да не за орден я все это делал... — отмахнулся Муравьев.

— И еще вот что, — продолжал Дерибас. — Феликс Эдмундович сказал, что твоя преданность делу рабочего класса и коммунизма настолько очевидна, что он поддерживает и приветствует твоё желание вступить

в партию большевиков. Он с тобой еще встретится.

Части Красной Армии, в составе которых действовала кавалерийская бригада Котовского, начали решительное наступление на районы, занятые антоновскими бандами. В течение десяти дней была разбита так называемая «первая армия» Антонова.

Вскоре в Москву из Тамбова возвратился Самсонов.

— Ну, как там дела? — спросил у него Дерибас, как только они встретились.

— Операция развивается успешно. Крестьяне-середняки раскусили предательство эсеров и затеянную ими авантюру. Начался массовый отход от этого движения. Но не все обстоит так, как нам хотелось бы, — последние слова Самсонов произнес с горечью, и Дерибас насторожился:

— А что такое?

— Тяжело ранен Котовский.

— Как это случилось?

— Как ты знаешь, Эктова привезли к нему в отряд. Был разработан план разгрома антоновской банды с его участием. Котовский с бойцами из своей бригады, переодетыми в крестьянскую одежду, выехал в расположение антоновцев. Все шло хорошо. Котовскому удалось связаться с Иваном Матюхиным и с большим трудом выманить его полки из лесу в село. Эктов со своей ролью справился. Ты, наверное, знаешь Матюхина по рассказам Муравьева. Котовский говорит, что это человек-зверь. Похлеще Ивана Ишина. Так вот, Котовский пригласил Ивана Матюхина вместе с другими антоновскими главарями на совещание в свой штаб. И там все началось...

Во время совещания красноармейцы открыли огонь по бандитским главарям. Котовский прицелился в Ивана Матюхина, но его пистолет отказал, дал подряд две осечки. Один из бандитов выстрелил в Котовского и ранил его в плечо. А Иван Матюхин воспользовался суматохой и бежал...

— Как Котовский?

— Сейчас ничего. Сделали операцию. Будет жить. Мы же обязаны принять меры, чтобы поймать Ивана Матюхина.

— Где он скрывается?

— В том то и дело, что никто не знает.

— Вот дьявол! — Дерибас только выругался. Он понимал, что предстоит задача не менее трудная, чем та, которую она выполнили. Антонов скрывается неизвестно где, он ранен, и пока реальной силы у него нет. Но теперь на арену выдвинулся Иван Матюхин, человек жестокий и волевой. За ним пойдут остатки бандитского войска. К тому же он научен на горьком опыте. Эктову он теперь не поверит, да и будет ли верить кому-либо другому?

С другой стороны Иван Матюхин не может существовать сам по себе. Без оружия, без продовольствия он долго не продержится. Он вынужден будет искать связи, так же, как искал Антонов. Постепенно Дерибас приходил к новой мысли...

— Кого мы можем послать к Матюхину? Муравьев для этого дела не подойдет. Да и выдержал он достаточно много. Хорошо бы кого-то другого. Феликс Эдмундович дал указанна особому отделу армии вместе с нами принять участие в этой чекистской операции. Может быть, Чеслава Тузинкевича?

Чеслав Тузинкевич приехал в Воронеж с отрядом антоновцев на рассвете. На вокзале их ожидал Кандыбин с группой чекистов. Так же, как и в Москве, операция тихо и бескровно была закончена. После этого Кандыбин дал Тузинкевичу три недели для отдыха.

В конце третьей недели Тузинкевич был у Кандыбина. Тот поднялся ему навстречу, пожал руку и спросил:

— Как отдохнул?

— Спасибо. Хорошо.

— Как дома, как жена?

— Все в порядке.

— Понимаешь, Чеслав, — перешел Кандыбин к основному делу. — Во время боя с частями Котовского Иван Матюхин сбежал. Сейчас создал новый отряд. Ты Матюхина знаешь?

— Да. Ивана и Василия — обоих братьев.

— А он тебя?

— По-видимому, тоже. Я присутствовал на совещаниях, где был Иван. Несколько раз с ним разговаривал в присутствии Муравьева.

— Москва просит нас принять участие в розыске Ивана Матюхина, чтобы провести войсковую операцию. Он скрывается в лесах, где-то в районе Тамбова. Как ты на это смотришь?

— А как же быть с отрядом, который я привез в Воронеж за оружием и который теперь сидит в тюрьме? Иван ведь знает, что я поехал с отрядом.

— Вот в этом-то все и дело. Если тебе удастся найти Матюхина, то ты скажешь, что отряд получил оружие и скрывается у надежных людей в Воронеже. Проехать в тамбовские леса отряду теперь невозможно, так как многие дороги перекрыты частями Красной Армии. Ты и приехал, чтобы договориться, где и как передать оружие и куда следовать участникам отряда. Понял идею? Самое главное — узнать, где находится Иван Матюхин!

— Я согласен, — без колебания ответил Тузинкевич.

— Должен тебя предупредить, — продолжал Кандыбин. — После того как Матюхин ускользнул от Котовского, он может тебе и не поверить. Ведь вместе с Котовским был Эктов. Так что решай. Это не приказ, а просьба.

Тузинкевич задумался. Он отлично понимал, на какой риск должен пойти. Но он был коммунист, чекист, сознательно пошел защищать революцию и за дело пролетариата готов был отдать свою жизнь. Сейчас поляк Тузинкевич в социалистической России обрел свою вторую Родину.

Ответил:

— Я согласен.

— Тогда давай обсудим, как ты будешь искать Матюхина.

Вечерело. Они говорили долго и оба устали. Договорились, что на следующий день утром Тузинкевич отправляется в путь.

Тузинкевич сошел с поезда в Тамбове, когда солнце жарило вовсю. Он остановился в тени дерева и стал обдумывать, что делать дальше.

С Кандыбиным обсудили несколько вариантов.

Первый: Тузинкевич остановится в гостинице, посетит жену Федорова и попытается узнать, нет ли у нее связей с антоновцами. На возможные вопросы о судьбе мужа ответит, что ему ничего не известно.

Второй: Тузинкевич идет на квартиру железнодорожного мастера Степанова, который организовал первую поездку Тузинкевича и Муравьева к антоновцам. Кандыбин сказал, что Степанов арестован чекистами, но в доме осталась его семья. И, может быть, у кого-то из членов семьи остались нужные связи.

И наконец, третий вариант: Тузинкевич выходит на дорогу, ведущую к Кирсанову, то есть на ту дорогу, по которой она ехали верхом в сопровождении Володи. Здесь он попросится подвезти его до деревни Ляды, где проживает Баранов, антоновец, с которым Тузинкевича познакомил Донской.

Какой вариант выбрать из этих трех — должен решить Чеслав на месте. И вот он стоит в тени дерева, размышляя, как лучше поступить.

Идти пешком по пыльной дороге в такую жару нет никакого желания. Но этот вариант показался Тузинкевичу наиболее перспективным.

Взвалив узелок с пожитками на плечо, как делали в ту пору ходоки, Тузинкевич вышел за город. Пыльная, побуревшая дорога безрадостно тянулась вдоль выгоревшей, иссохшей степи. Она терялась где-то вдали и выглядела невероятно уныло. Тузинкевич снял потную рубашку, накинул ее на голову и споро зашагал, жадно всматриваясь вдали.

Так прошагал он часа полтора. Вдали, на обочине, показался невысокий зеленый куст. Он решил передохнуть и немного подкрепиться. Подошел к кусту, сложил свой багаж, сел в тени и первым делом отпил из фляги теплой невкусной воды. Затем пожевал бутерброд. С тоской посмотрел вдали, где не было видно ни кустика, а желтели только заброшенные поля. Некоторое время сидел, закрыв глаза.

Когда снова открыл глаза, то увидел над дорогой, в той стороне, откуда он недавно пришел, большое облако пыли. Вскоре на дороге показалась телега, запряженная исхудалой лошастью. Тузинкевич собрал свои пожитки и, когда телега поравнялась с ним, окликнул мужика, сидящего в полудреме:

— Добрый день, хозяин. Куда путь держите?

Тот очнулся, поморгал глазами от неожиданности и, придержав лошадь, ответил:

— Тут, недалеко...

— Подвезете?

— Садись... Сам-то откуда?

— Из Тамбова, — дружелюбно ответил Чеслав. — В село Ляды мне нужно.

— Кого там?

— Баранова Ивана.

— О-о! — с удивлением оглянулся возница на седока. — Его, поди, уж и дома нет.

— А где же он?

— Этого я не знаю. Да и знает ли кто-нибудь?! — он с сомнением покачал головой.

— Что так?

— Да есть к этому свои причины, — уклончиво ответил крестьянин.

Остальную часть дороги проехали молча. Тузинкевич смотрел на степь, то спускающуюся в глубокие лощины, где вечернее солнце уже не могло достать земли своими лучами и поэтому там было сумрачно и прохладно, то поднимающуюся на высокие холмы, где было светло и весело, но уже нежарко. Появились перелески. А когда солнце скрылось за горизонтом, они въехали в большое село.

— Это и есть Ляды, — сказал возница. — Вы знаете, где дом Баранова?

— В селе я ни разу не был.

Телега проехала почти все село и остановилась у дома, в котором светилося одно окно.

— Вот дом Баранова, — сказал возница.

Тузинкевич поблагодарил, соскочил с телеги и пошел к дому. Его спутник поехал дальше. Тузинкевич постучал в дверь. Никто не ответил. Он постучал сильнее. На порог вышла женщина. Пригласила:

— Войдите в дом.

Тузинкевич переступил порог, прикрыл за собой дверь. В комнате было светло от большой керосиновой

лампы. Деревянный стол посредине, рядом скамья. В углу — иконы. Женщина выжидающе смотрела на незнакомого человека.

— Я к Ивану Баранову. Могу я с ним поговорить?

— А вы кто? — женщина спросила строго.

— Я был знаком с ним в Тамбове. Миша я. Он должен меня помнить...

— А Ивана нет...

Тузинкевич потоптался в нерешительности.

— Как же быть? Я приехал специально к нему, мне он очень нужен.

— Пройдите, присядьте, — женщина смягчилась.

Тузинкевич сел на лавку, рядом положил свой мешок.

— Скоро приедет племянник, поговорим с ним.

Чеслав сидел на скамье и гадал о своей судьбе. Он пытался было посмотреть на улицу, но в наступившей темноте уже ничего не мог различить.

Спустя примерно час в сенях послышалась возня, и в комнату, где сидел Тузинкевич, вошел подросток. Он окинул незнакомца долгим, пристальным взглядом. Потом спросил:

— Вам нужен дядя Иван?

— Да.

— Сейчас уже поздно. Утром я схожу в соседнее село и попробую разузнать о нем.

— А как же я? — спросил Тузинкевич, глядя на хозяйку.

— Переночуйте у нас. Можно и на сеновале, а если хотите, то в комнате.

— Лучше на сеновале.

Хозяйка дала Чеславу старый ватник подложить под голову, и паренек повел его на сеновал. По дороге спросил:

— Что сказать дяде Ване?

— Скажи, что его ждет Миша. Он меня должен помнить. Мы с ним встречались в Тамбове.

Сеновал находился над большим амбаром. С одной стороны, там, где не было сена, крыша была решетчатая и проглядывало черное, бездонное небо с несметным числом звезд. Чеслав улегся на спину и смотрел на небо.

Вскоре он уснул. Спал спокойно, ничто его не тревожило. «Что будет, то будет!» — решил он.

Проснулся рано, отчего — и сам не понял. Было прохладно. Солнце освещало верхушки высоких тополей, на которых разместились вороны. Решил еще полежать: куда, собственно, идти? В дом? Кто его там ждет?

Пролежал до тех пор, пока из дому не вышла хозяйка и не подошла к амбару. Тогда Тузинкевич слез с сеновала и спросил:

— Племянник еще спит?

— Да что вы, — ответила хозяйка. — Он с рассветом ушел искать Ивана. — Взяв что-то в амбаре, она предложила: — Зайдите в дом, попейте хоть чайку.

Иван Баранов пришел к полудню. Едва взглянув на Тузинкевича, сразу признал его, приветливо поздоровался и спросил:

— Звали меня?

— Да. У меня важное дело к Ивану Матюхину. Помогите его разыскать.

— Я сам его давно не видел. Да и видеть не хочу...

«Если не видел и видеть не хочешь, тогда зачем пришел ко мне? — мгновенно сообразил Тузинкевич. — Отлично знаешь, кто я такой и по какому делу пришел». Спокойно сказал:

— Он будет и мне и вам благодарен.

Баранов помолчал.

— Ну, ладно. Может, в другом селе кто знает. Пойдем.

Они шли степной дорогой, потом перелеском. Порядком устали. Часа через два пришли в соседнее село. Баранов оставил его у околицы и вскоре появился в сопровождении высокого незнакомого мужика. Приблизившись, сказал:

— Василий попробует вам помочь. Я больше ничего не знаю. Бывайте здоровы. — Повернулся и пошел обратно, в свою деревню.

— Жди меня здесь, — сказал Василий. — Достану подводу, припасу продуктов и поедем. Точно не знаю, где теперь Иван, но попробуем поискать.

Выехали только под вечер. Когда совсем стемнело и не стало видно дорогу, соорудили в кустах шалаш. Развели костер. Поужинали тем, что было у Тузинкевича. Улеглись спать, подложив под себя охапки сена. Рядом посапывала, пережевывая овес, привязанная лошадь.

Едва рассвело, Василий поднял Тузинкевича. Наскоро перекусив, они поехали дальше. Василий был человеком неразговорчивым. И только однажды, когда взошло солнце, показывая кнутовищем в сторону большого холма, едва вырисовывающегося в утренней дымке, сказал:

— Там Бондари. Нам нужно быстрее проскочить мимо, чтобы нас не заметили красные. Там стоят их части.

Часа через два въехали в лес. Лесная дорога, вначале широкая, петляя и извиваясь, становилась все уже, и Василий направлял лошадь по одному ему известным приметам. Сквозь листву высоких дубов и кленов

пробивались лучи солнца, и было приятно передвигаться в этом зеленом полумраке.

— Далеко еще? — поинтересовался Тузинкевич.

— Должно быть, где-то здесь, поблизости, если не перебрались в другое место.

Но они ехали еще не меньше часа, пока в лесу их кто-то не окликнул. Василий ответил на крик громко. Потом назвал свое имя. Остановил лошадь. Вскоре к ним подъехали верхом на лошадях два мужика с винтовками за плечами.

— Что нужно? — спросил один из них грубо.

— Василий я, — повторил спутник Тузинкевича. — Меня знает командир ваш — Иван. Вот ему, — он показал на Чеслава, — нужно срочно с ним поговорить.

— Кто ты такой? — спросил мужик Чеслава.

— Иван меня знает, — спокойно ответил Тузинкевич.

— Поезжайте за ним, — тот, что спрашивал, кивнул головой на своего спутника, а сам ускорил в лес. Второй всадник свернул на едва заметную тропу и медленно поехал впереди.

Теперь мысли Тузинкевича были заняты одним: «Как встретит Матюхин?» Он уже не сомневался, что его доставят к этому бандитскому главарю. Так они ехали версты две-три, пока их не остановили снова. Подошла вооруженная группа. Василий остался сидеть на телеге, а Тузинкевичу предложили следовать куда-то дальше в лес. Он уже порядком устал. В лесу становилось сумрачно. Вскоре он почувствовал запах лесной гари, потом запахло конюшней. Они вышли на большую поляну, в дальнем конце которой стояла изба, куда и ввели Тузинкевича.

Два человека вошли следом за ним.

— Вот этот спрашивает тебя, — сказал один из сопровождавших.

— Ты кто? — спросил жесткий голос из дальнего угла комнаты.

— Мне нужен Иван Матюхин, — не отвечая на вопрос, твердо сказал Тузинкевич.

— Кто тебя направил ко мне?

— Вы меня должны помнить, — опять Тузинкевич не ответил на вопрос. — Я Миша, приезжал вместе с Петровичем.

— Я тебя помню. Но почему ты ищешь меня, а не кого-нибудь другого? Объясни мне сначала это! — голос Матюхина звучал угрожающе.

— Организация эсеров, в которой я состою, о чем вам должно быть известно, связалась в Москве с Ишиным. Он посоветовал разыскать вас...

— Что с ним?

— Он надежно укрыт... Так же, как и отряд, который был послан в Воронеж за оружием.

Наступило длительное молчание. Тузинкевич все так же стоял у порога. Войти в комнату его никто не приглашал. В сумраке он стал различать контуры какого-то человека. Он не мог с уверенностью сказать, что разговаривает с Иваном Матюхиным, но весь тон беседы свидетельствовал о том, что говорит он с главарем.

— Хорошо. Иди отдыхай. Я подумаю, — наконец сказал Матюхин. — Потом позову.

Прием был не из приятных. Да Чеслав и не рассчитывал на радостную встречу. И все же весь остаток дня он провел в размышлении: «Кто его знает, что придет в голову этому бандиту! Может быть, он будет допрашивать «особыми методами», которыми допрашивали антоновцы коммунистов?» И когда его снова позвали к Матюхину, он был весь напряжен.

— Послушай, а где Эктов? — Матюхин задал свой вопрос сразу, едва Чеслав переступил порог, в расчете на то, что если Чеслав к нему подослан, то должен знать, что Эктов участвовал в операции по уничтожению антоновской армии вместе с Котовским. В этом случае он растеряется и тем себя выдаст.

Но Тузинкевич был готов к этому вопросу и спокойно ответил:

— Когда я уезжал с отрядом в Воронеж за оружием, Эктов оставался в селе Хитрово. Да и вы там были. Почему вы меня об этом спрашиваете?

Опять молчание. В свете керосиновой лампы Тузинкевич хорошо теперь видит Ивана Матюхина — крепкого, широкоплечего мужика, который сверлит его злыми маленькими глазками.

— Я тебе поверю, — наконец говорит он. — Что тебе нужно?

— Мне ничего не нужно. Воронежские эсеры хотят знать, что делать с отрядом, который находится там. И с оружием, которое отряд получил...

— Где оружие?

— Запрятано в Воронеже.

— Какое?

— Двести винтовок, пять тысяч патронов.

— Та-ак! — Матюхин поднялся со скамьи. Он был еще выше ростом, чем казался Тузинкевичу раньше. Посмотрел на сидевшего рядом с ним человека, одетого в полувоенную форму. Спросил: — Что будем делать, Мошков?

Тот потер лоб рукой, отмолчался.

— Ну, вот что, — Матюхин подошел к Тузинкевичу. — Можете вы доставить оружие в Тамбов?

— Попытаемся. А куда?

— Заройте в огороде железнодорожного мастера Степанова. Потом мы решим, как забрать его оттуда... После этого всем отрядом приезжайте ко мне. Место встречи тебе укажут... И еще хочу предупредить, если что,

то найдем тебя и твою семью даже на том свете.

— Почему вы угрожаете?! — возмутился Тузинкевич.

— Я не угрожаю, а предупреждаю. Ты не обижайся, я предупреждаю всех... Время сейчас такое...

В сопровождении Василия Тузинкевич доехал почти до самого Тамбова. Поблагодарив за помощь, пешком пошел в гостиницу. Как только Тузинкевич подошел к дежурному и подал свои документы, тот передал ему записку, в которой неизвестный человек просил Тузинкевича подняться в двадцать первый номер. Тузинкевич несколько удивился, но пошел. Постучался в дверь.

— Войдите, — громко сказал басовитый голос.

Тузинкевич открыл дверь и увидел незнакомца. Остановился у входа.

— Меня просили зайти к вам, — он показал записку.

— О-о! — воскликнул тот, — проходите, здравствуйте. Я вас жду уже третьи сутки.

Тузинкевич закрыл дверь и нерешительно спросил:

— Простите, а кто вы?

— Я Белугин. Нас познакомил товарищ Кандыбин. Помните?

— Да, да... Извините, я вас сразу не узнал. Это так неожиданно, да и видел я вас тогда, у Кандыбина, недолго. Как хорошо, что вы уже приехали.

Тузинкевич и Белугин провели в гостинице весь остаток дня, обсуждая, как лучше провести порученную им операцию. Вечером они отправились в Особый отдел армии, чтобы доложить командованию свои предложения.

Полуэскадрон выступил из Кирсанова рано утром. Впереди, на расстоянии десяти минут верховой езды, двигался отряд во главе с Белугиным. Отряд был небольшой, насчитывал двадцать сабель, кроме Тузинкевича и солдата-кавалериста, местного уроженца, хорошо знающего местность и вызвавшегося проводить отряд к домику, где укрывался Матюхин.

Тузинкевич ехал рядом с Белугиным во главе отряда. Они все обговорили и теперь молча рассматривали местность. А смотреть было на что: утреннее солнце сбоку освещало лес, и он был наполнен пестрыми красками. Начавшие желтеть листья берез и кленов, гроздья покрасневшей рябины создавали неописуемо красивую картину. Из леса доносилось щебетание птиц. И все это наполняло душу Чеслава радостным спокойствием. Все развивалось так, как он хотел. А в мыслях было: скоро домой...

В том месте, где должен был находиться передовой пост Матюхина, Тузинкевич и Белугин поехали быстрее и оторвались немного от своих. За ними на небольшом расстоянии пристально наблюдал солдат-кавалерист. Вскоре Тузинкевича окликнули из лесу:

— Эй, кто там?

Как было условлено, он ответил:

— Миша. Еду к Ивану.

К ним навстречу выехали два всадника. Заметив это, солдат-кавалерист поотстал, а потом поехал в обратном направлении. Он отправился предупредить командира полуэскадрона.

Тузинкевич, Белугин и подтянувшиеся к ним бойцы передового отряда, которых Тузинкевич представил как членов антоновского отряда, ездившего в Воронеж, не спеша поехали к дому, где располагался штаб Матюхина.

Вот и небольшая поляна. Отряд неторопливо выезжает на открытое место, откуда видна изба. На траве расположились члены матюхинской банды: кто чистит лошадь, кто занят другими делами. Все с удивлением смотрят на приехавших. Один из всадников, встретивших Тузинкевича, вошел в избу.

Из избы на крылечко вышел Иван Матюхин. Он щурится в свете дня на приехавших красноармейцев.

— Вот он, Иван Матюхин, — тихо говорит Тузинкевич Белугину.

Но Белугин не торопится начинать бой. Он ждет, пока подтянутся основные силы. Он понимает, что его отряд не справится с бандой Матюхина, численно превосходящей его.

— Почему не слезаете с лошадей? — с удивлением кричит Матюхин.

— Сейчас слезем, — отвечает Белугин и подъезжает ближе.

Но Матюхин уже понял, в чем дело.

— Предатели! — кричит он и пытается бежать в дом.

Белугин выхватывает маузер. Раздается выстрел, и Матюхин падает. Кавалерийский полуэскадрон, следовавший сзади, врывается на поляну...

Стоит в Тамбове, напротив здания губчека, памятник. Высечена на нем надпись: ИМЯ ТВОЕ НЕИЗВЕСТНО, А ДЕЛА ТЫ ДЕЛАЛ ВЕЛИКИЕ.

Нельзя было в те годы высечь на памятнике имя Чеслава Тузинкевича, погибшего в этом сражении, так как оставалось еще много недобитых антоновцев.

Приказом Тухачевского за уничтожение особо опасного бандита Ивана Матюхина Белугин был награжден орденом Красного Знамени.

Дмитрий Быстролетов

PARA BELLUM

ГЛАВА 1 «ПЕСТРАЯ КОРОВА»

Туристы, выходя из чистенького здания центрального амстердамского вокзала, обычно прежде всего пересекают улицу и направляются к одному из баров, длинным рядом выстроившихся лицом к вокзалу, — их манят яркие рекламные картины, изображающие смуглых креолок, которые были бы похожи на испанских мадонн, если бы не отсутствие одежды — у одних частичное, у других полное.

Туристов можно понять: они спешат попробовать знаменитого голландского ликера с острова Кюрасао, ликера, равного которому нет на свете. Еще бы! Апельсины, выведенные на Кюрасао, обладают тонкой темно-малиновой кожурой и сильнейшим ароматом, а стручки ванили там начинают покрываться сахарной пудрой уже при созревании на ветви. И делается ликер не на грубом свекольном сахаре, а на тростниковом. Ах, что за чудо — ванильный или апельсиновый ликер с Кюрасао! Он прозрачный и густой, как сироп, но без всякой приторности. Капнешь в рюмку, и он медленно сползает вниз, оставляя на стекле густые слезы. На второй рюмке вы их плохо видите, на третьей они ползут как будто снизу вверх, а на пятой вы уже вообще ничего не видите, ибо лежите под столом... Вот почему приход поезда на центральный вокзал в Амстердаме прежде всего знаменуется шумной толпой туристов, спешащих от солидной двери, охраняемой толстым железнодорожным сторожем с длинной трубкой в зубах, прямо к другой двери, над которой широко раскрыты объятия обнаженной креолки с огромными черными глазами.

Но один из пассажиров, вышедших из вокзала в толпе туристов, не поспешил вслед за всеми под зазывные вывески баров. Это был высокий плечистый человек лет тридцати, белокурый, но с лицом настолько загорелым, что сразу можно было понять: оно опалено не жиденьким светом голландского солнца. Поставив небольшой и, по-видимому, легкий чемодан возле ног, он закурил сигарету и с удовольствием окинул взглядом улицу.

Гай ван Эгмонт не видел родного Амстердама лет пять и теперь испытывал смешанное чувство глубокой грусти и облегчения, как это бывает с человеком, который долго не мог исполнить данный им обет побывать на дорогой сердцу могиле и который наконец-то его исполнил.

В Амстердаме у него не осталось больше родных, как, впрочем, и во всем остальном мире. Мать умерла и похоронена в Нидерландской Новой Гвинее. Отца упокоили воды Ла-Манша. Но Гай стремился в Амстердам так, словно могилы родителей были здесь, в городе.

Ему, конечно, надо отдохнуть после всего, что было там, в Испании, отдохнуть и разобраться в себе. Гай, если бы его спросили, не смог бы вразумительно объяснить, как все это произошло, каким образом и по каким причинам он, выходец из вполне обеспеченной голландской семьи, изучавший право и медицину в Германии, разбиравшийся в музыке и живописи, владевший в совершенстве, кроме немецкого, английским, французским, испанским и вдобавок венгерским, так как его мать была венгеркой, человек, которому на роду было написано наслаждаться вольно избранным трудом, путешествиями и вообще всеми благами жизни, — каким образом такой человек вдруг бросил все и вступил в Интернациональную бригаду, чтобы защищать от фашистов народную власть Испании? Совесть? Да, разумеется. Но на свете, слава богу, живет очень много людей, совесть которых возмущается действиями генерала Франко и его немецких и итальянских помощников, однако не все они пошли в Интернациональную бригаду... Может быть, он, Гай ван Эгмонт, обладает обостренным чувством справедливости? Нет, тоже не объяснение... Тогда что же? Любовь к свободе? Но абстрактно свободу любят решительно все... Личных мотивов ненавидеть фашистов у него не было. А если бы и были, разве он унизился бы до сведения личных счетов? Как знать, как знать, это еще не известно... Сейчас-то он уже точно ненавидит фашизм. А того гитлеровского фашиста в голубом берете, который в бою под Мадридом стрелял в него с трех шагов из парабеллума и которого он через секунду уложил выстрелом в лоб, Гай, не задумываясь, снова бы и застрелил, и пронзил штыком... Как знать, как знать... Необходимо ведь считаться и с тем обстоятельством, что он, Гай, был в Германии, когда Гитлер пришел к власти, он видел штурмовиков Рема в действии, он с профессиональной объективностью врача и юриста следил за тем, как эта страшная зараза — коричневая чума — поражает организм еще вчера казавшегося нормальным общества, он наблюдал фашистов, что называется, *in puris naturalibus*¹. На его взгляд, придуманное коммунистами выражение «коричневая чума» в применении к фашизму предельно точно отображало суть этого омерзительного явления, опутавшего Германию, которую Гай успел глубоко полюбить...

Гай пошевелил левым плечом. Боль потекла по мышцам груди, по руке и медленно растаяла в пальцах. Доктор, удаливший ему ту фашистскую пулю, предупредил, что спайки, образовавшиеся после операции, возможно, еще долго будут его беспокоить. Но Гай не в претензии, наоборот — ему приятна эта боль. Подернешь плечом — и видишь жаркий, выжженный солнцем день, неглубокий узкий окоп, в котором ждут атаки бойцы его взвода, никогда не отступавшие бойцы Интернациональной бригады, и слышишь громовой

¹ В голым виде (*лат.*).

раскат: «No pasaran!»

В Париже Гай встретился с адвокатом, который вел все дела отца, и адвокат первым долгом постарался обрадовать его, сообщив, на какую сумму увеличилось доставшееся ему наследство, пока он воевал в Испании. Отец двадцать лет прожил в Нидерландской Новой Гвинее, где у него было большое поместье. До того как стать плантатором, он служил в королевском флоте. Списавшись на берег, он оставался в душе моряком и всегда мечтал о том времени, когда снова ступит на мостик корабля. Хозяйство он вел спустя рукава, туземных работников не притеснял, и все же поместье приносило солидный доход. Гаю было двенадцать лет, когда умерла мать. Отец не захотел оставаться в колонии, на третий день после похорон продал имение, и они вернулись в Амстердам. Гай уехал учиться в Германию — в Гейдельберг, а отец ринулся осуществлять свою затаенную мечту. Но в королевский флот его не взяли по возрасту, и он начал работать шкипером на маленьких каботажных судах. Это вызвало крайнее удивление и даже раздражение у тех, кто знал, что у ван Эгмонта лежит в банке капитал, достаточный для безбедного существования на сто лет. Если уж его так тянет заниматься каким-нибудь делом, рассуждали они, ван Эгмонт с его деньгами мог бы открыть солидную фирму или заняться операциями на бирже, а он вместо этого шляется вдоль берега на чумазных пароходах и не брезгает пить джин из одной бутылки с цветными матросами. Непонятное чудачество...

Гай заканчивал медицинский факультет в Галле, когда ему сообщили, что его отец, как подобает капитану, не пожелал покинуть мостика своего гибнущего судна и пошел вместе с ним и с не успевшей прыгнуть за борт командой на дно Ла-Манша. В одной из голландских газет позже Гай прочел, что пароход «Пестрая корова» потерпел катастрофу при невыясненных обстоятельствах, столкнувшись с немецким пароходом, но в чем заключалась невыясненность, заметка не сообщала. И вот в Париже он слушал отчет адвоката о делах...

Не увидев на лице Гая ожидаемой радости от пятизначного числа, на которое стараниями адвоката возросло наследство ван Эгмонта, этот почтенный и, без сомнения, честный человек искренне огорчился и промолвил что-то насчет фамильной странности ван Эгмонтов, странности, выражавшейся в непостижимом безразличии к финансовому успеху и мнению уважаемых людей. Гай собирался освободить адвоката от обязанности быть его нянькой, так как ему претило пользование наемным трудом, в какой бы форме оно ни выражалось. Но огорченный вид старика и его из души вырвавшиеся слова изменили решение: Гаю не хотелось его огорчать еще больше... Гай спросил, не знает ли адвокат подробностей гибели судна, но тот как-то странно отвел глаза, буркнул: «Нет», а затем сообщил, что, как выяснилось, один из членов команды, кок, сумел спастись. Правда, при этом он был изувечен, но сейчас жив-здоров и даже процветает. И дал Гаю адрес: бар «Пестрая корова», неподалеку от центрального вокзала в Амстердаме. Фамилия владельца — Манинг. Гая удивило, что бар носил то же название, что и судно. Можно было подумать, что спасшийся моряк хотел придать своему питейному заведению характер мемориала.

Скорее всего именно желание увидеть и услышать свидетеля последних минут отца и заставило Гая в тот же день сесть в поезд на Амстердам.

...Он еще раз пошевелил левым плечом, чтобы ощутить тихую, приглушенную боль, бросил окуроч в урну, взял чемодан и не спеша перешел улицу. Шагая по тротуару, он время от времени поднимал голову и разглядывал вывески баров. После множества полногрудых красавиц глазам его предстала вдруг необычная картина, висевшая над входом в большой бар. Она была выполнена мастерской рукой и изображала морскую трагедию: дряхлый пароходик с надписью на борту «Пестрая корова» погружается в пучину, протараненный огромным угольщиком; на мостике в спокойном ожидании гибели одиноко стоит капитан с длинным красным лицом и черными бровями, напоминающими сапожные щетки. Под вывеской надпись:

«Заходите сюда, немцы, здесь вы — дома!»

Гая покорило, он вновь перевел взгляд на картину и рассмотрел подробности, которых не заметил раньше. Оказывается, картина имела еще и второй, не менее зловещий смысл: на носу тонущего пароходика болтался гюйс голландского военного флота, а на мачте угольщика гордо развевался флаг со свастикой. Все это было, разумеется, выдумкой, так как посуда отца не имела права носить гюйс, а немецкий угольщик не мог в те годы ходить под фашистским флагом, так как этот флаг тогда не стал еще государственным. К тому же Гай хоть и не очень-то разбирался в морском деле, но все же знал от отца, что гюйс поднимается на кораблях только на якорной стоянке.

Судя по свежести красок, картина была писана совсем недавно, во всяком случае, не раньше весны текущего, 1937 года. Краски были дешевые, но еще не выцвели.

Гай сам не уловил момента, когда раздражение, вызванное картиной, перешло в глухую злобу. Он вспомнил о лежащем в чемодане пистолете, из которого выпустил по нему пулю фашистский офицер и с которым он дал себе клятву никогда не расставаться, и подумал, не переложить ли его в карман. Но тут же подавил эту вздорную мысль и ногой распахнул дверь в бар.

Просторный зал был пуст, лишь за столом в углу сидела компания молодых людей, человек шесть. Они пили пиво и громко разговаривали по-немецки. Высокие табуреты у длинной стойки тоже пустовали. За стойкой сидел толстый старик с кирпично-красным лицом и взъерошенными седыми кудрями. Он курил черную сигару и явно скучал.

Гай подошел к стойке, опустил чемодан на пол.

— Добрый день, — первым приветствовал его краснолицый. Он сказал это по-немецки, его хриловатый бас звучал ворчливо.

— Здравствуйте, — ответил Гай по-голландски и сел на табурет прямо против него.

— Чего желаете? — краснолицый охотно перешел на голландский и говорил без малейшего акцента.

Гай оглядел полки с разноцветными бутылками за его спиной. Ром, джин, шнапс, виски... Здесь явно отдавали предпочтение крепким напиткам.

— Шнапс, — сказал Гай.

Старик, не поднимаясь, повернулся на своем крутящемся сиденье, взял с буфета откупоренную бутылку, одним быстрым движением, но не пролив ни капли, наполнил рюмку и аккуратно поставил ее перед Гаем. Его толстые красные руки были в синей татуировке — чайки, якорь, штурвал...

Гай рассматривал его, пока он манипулировал бутылкой и рюмкой, и вынужден был заключить, что это отнюдь не старик, как ему показалось поначалу. Пожилой человек — пожалуй, но еще весьма крепкий, и по очертаниям плотно обтянутых белой курткой плеч можно было судить о могучей физической силе.

— Вы здесь хозяин? — спросил Гай таким тоном, словно собирался жаловаться на плохое обслуживание.

— Да. А что? — не слишком-то дружелюбно откликнулся краснолицый.

— Вы Манинг?

— Да, Микаэл Манинг. А в чем дело?

— Вы плавали на «Пестрой корове»? — все тем же тоном допытывался Гай, смутно ощущая, что ведет себя неподобающим, не свойственным его натуре образом. Но тут виновата была злость, возникающая еще на пороге бара и не улегшаяся окончательно.

Манинг поморщился, вынул сигару изо рта и презрительно проворчал:

— Во-первых, не плавал, а ходил. Плавать знаете что?.. — Он сделал короткую паузу и повысил голос: — А во-вторых, если вы шпик, то не туда попали.

— Не шпик, не волнуйтесь, — сказал Гай уже спокойно. — Просто я надеялся услышать, что вы все-таки не Манинг.

— Это почему же я должен быть не Манинг?

— Ведь вы плавали на «Пестрой корове»...

— Ходил, — снова поправил хозяин, страдальчески поморщившись.

— И вы спаслись один из всей команды?

— К сожалению...

— И «Пестрая корова» пошла ко дну после столкновения с немцем?

— Да.

— И в память об этом вы открыли кабак для немцев?

Манинг сощурил свои очень светлые, почти белые глаза и сплюнул на пол. Ему, кажется, надоел этот странный разговор.

— У каждого своя реклама, — сказал он жестко. — А теперь, молодой человек, пришла моя очередь задавать дурацкие вопросы. Кто вы такой? Почему вы приходите в чужое заведение и учиняете допрос? Кто дал вам право пытаться честного человека?

— Меня зовут ван Эгмонт.

Седые брови Манинга сошлись на переносице. Такого ответа он не ожидал.

— Вы сын капитана ван Эгмонта? Вы Гай?!

— Да. Показать паспорт?

Но Манинг, сделавшись вдруг еще краснее прежнего, повернулся к полуоткрытой двери на кухню и заорал так, словно его резали:

— Вильма-а-а!

Ему откликнулся тоненький девичий голосок:

— Что-о-о?

— Иди сюда!

Из двери вышла маленькая белокурая девушка с голубыми глазами.

— Обслуживай гостей, — приказал Манинг. — Я ушел в банк. — Он поглядел на Гая, кивнул на дверь: — Идемте, прошу вас.

Гай тоже не ожидал такого поворота беседы, но, не раздумывая, слез с табурета, взял чемодан и последовал за хозяином, уже громыхавшим по длинному узкому коридорчику. Он с некоторым удивлением обнаружил, что вместо левой ноги у Манинга была деревяшка, стесанная от колена книзу на конус, с резиновым набалдашником на конце, простая деревяшка, даже не крашенная. Мелькнула мысль о пиратских историях, читанных в далеком детстве...

Манинг толкнул последнюю дверь и пропустил Гая. Вероятно, это была комната, где хозяин отдыхал, устав от посетителей, а может, он здесь жил. Широкий диван был застелен грубым ворсистым пледом, перед диваном стоял старинный неподъемный стол, у стола — два таких же неподъемных кресла с прямыми высокими спинками. Над диваном стену украшал пробковый спасательный круг с надписью «Пестрая корова».

— Садись! — сказал Манинг, хлопнув ладонью по спинке кресла, а сам, круганувшись на деревяшке с неожиданной для своей комплекции ловкостью, метнулся обратно к двери и снова заорал: — Вильма-а-а!

Вильма явилась незамедлительно.

— Принеси нам бутылку джина.

Она убежала. Манинг сел на диван, упер руки в колени, широко расставив локти, и посмотрел в глаза Гаю:

— Где же ты пропадал, парень?

Гай сунул руку во внутренний карман пиджака.

— Извини, я по-свойски, — продолжал, не оправдываясь, а просто объясняя, краснолицый Микаэл Манинг. — Мы и с твоим отцом были на «ты»... Он звал меня Мик... Можешь звать так же...

Гай вертел в пальцах пулю, желто-серую, с чуть сплюсненной закругленной головкой. Повертел, поставил ее на стол.

— Это что? — сбившись и переведя дыхание, довольно наивно спросил Манинг.

— Пуля. — Гай криво усмехнулся.

— Какая пуля? При чем здесь пуля?

— Фашистская пуля.

— Зачем ты ее таскаешь в кармане? — продолжал недоумевать Манинг.

— Чтобы не таскать вот здесь. — Гай дернул левым плечом, ощутив тихую боль.

— Где получил?

— В Испании.

— Ты был в Испании? — раздельно произнес по слогам, изумился Манинг.

Гай убрал пулю в карман и сказал с издевкой:

— Вполне возможно, стрелял в меня один из ваших клиентов. Вроде тех, что кутят там сейчас.

— О-о-о! — Манинг воздел руки горé и не то застонал, не то зарычал.

Тут вошла Вильма, поставила на стол бутылку и две рюмки. Вероятно, только ее появление не дало Микаэлу Манингу произнести, а Гаю услышать те страшные проклятия, что знакомы лишь морякам. Она вышла, а Манинг сказал угрюмо:

— Эх, сынок, не надо обижать человека, если ты его плохо знаешь...

Гай почувствовал себя неловко. Похоже было, он и впрямь сказал несправедливые слова.

— Я не хотел вас обидеть... Простите...

Хозяин налил ему и себе, опрокинул свою рюмку в рот, посидел с закрытыми глазами, тихо покачивая головой. Гаю показалось, что он сейчас заплачет.

— Все правильно, — с горечью заговорил Манинг, глядя в пустую рюмку. — Сначала фашистская сволочь топит старого марсофлота и отгрызает ему ногу, а потом этот марсофлот открывает питейное заведение для фашистов и рассыпается перед ними, как грошовая шлюха...

Гай молчал, не зная, что тут можно сказать.

Манинг поставил рюмку на стол и продолжал как бы для себя одного:

— Но это не все... Надо знать еще кое-что... Надо знать, почему и как потопили эту старую калошу, и двадцать душ команды, и капитана, которого не любил только тот, кто не любил сам себя... Ты ничего не знаешь?

— Абсолютно ничего.

— Тогда слушай... Один темный тип организовал тут компанию по страхованию и затоплению судов... Они так все обстряпали, что «Пестрая корова» была застрахована на очень большую сумму... А на борту имела будто бы ценный груз... А потом наняли угольщик, и он пустил нашу «Пеструю» ко дну. Хапнули денежки и закрыли контору. Между прочим, тот тип и сейчас жирует в Германии.

— Он немец?

— Он фашист... Отпетая гадина...

— Тогда я вас совсем не понимаю... Зачем же вы открыли бар специально для фашистов?

Микаэл Манинг посмотрел на него, как показалось Гаю, со скрытой усмешкой.

— Ладно, оставим этот вопрос в покое. Скажи лучше, как твои дела?

— Какие у меня дела? Живу...

— Чем собираешься заняться?

— Видно будет...

— Планов нет?

— Отдохну здесь недельки две...

— Заходи, буду рад. У меня кухня хорошая.

Они выпили еще по рюмке.

Гай, пообещав наведываться, покинул бар. Он устроился в отеле неподалеку от вокзала, а потом отправился в универмаг: надо было обзавестись гардеробом.

На следующий день он зашел к Манингу позавтракать. В баре опять сидела компания молодых немцев — кажется, тех же самых, что были здесь вчера. А может, других, но очень похожих: такие же аккуратные проборы в напomaженных светлых волосах, тот же надменный гогот. Они были в штатских костюмах, но по всему чувствовалось, что это офицеры.

Манинг обрадовался ему, проводил в свою комнатку, а Вильма принесла ветчину с горошком, хлеб, кофе и сливки. Все оказалось очень вкусным. Подойдя к восседавшему за стойкой Манингу после завтрака, чтобы расплатиться, Гай увидел его разговаривающим с плотным коренастым человеком лет пятидесяти. Говорили они по-немецки, и у незнакомца был ярко выраженный берлинский акцент.

— Мой друг, — объяснил Манинг Гаю. — Познакомьтесь.

Они пожали друг другу руки.

— Гай ван Эгмонт.

— Зовите меня просто Фриц. — Немец внимательно поглядел на Гая из-под нависших седых бровей. — Мик рассказывал мне о вас.

Гая стало скучно. Ему не нравилась в людях такая сближающая откровенность, но незнакомец сказал это от чистого сердца, и не было причин на него обижаться.

— Рад познакомиться, — сказал Гай. — Не выпить ли нам по рюмке?

Фриц посмотрел на свои часы.

— Рановато...

— Ничего, ничего, будет в самый раз. — Манинг уже откупоривал бутылку.

Они выпили, Гай заплатил. Потом угощал хозяин, а потом Фриц.

Гай мог бы пить и дальше, без конца, так как с некоторых пор перестал пьянеть даже от самых забористых напитков. Но действительно было еще слишком рано пить джин. Он распрощался и ушел.

Прямо за центральным вокзалом протекала широкая в этом месте Аматель, запруженная большими и малыми судами. Между вокзалом и рекой набережная была застроена пакгаузами. Многочисленные краны опускали свои длинные шеи в трюмы судов. Ближе к морю находился рыбный порт и рынок — оттуда на километр тянуло рыбой.

Гай долго бродил по набережной, глядя на разномастные суда и представлял себе, как уходил отсюда в последний рейс его отец на своей жалкой посудине. Смутно было у Гая на душе.

Что делать? Куда себя девать?

Там, в Испании, он понял, что может быть по-настоящему счастлив, только когда видит ясную цель и когда должен действовать. Сейчас у него было такое состояние, словно он с разбегу уткнулся в глухую стену.

Покинув набережную, он отыскал книжный магазин, набрал целую связку французских и английских томиков и вернулся в гостиницу.

Три дня он не выходил никуда, еду заказывал в номер. Читал, спал, снова читал. Курить старался поменьше, окна держал открытыми, но к концу третьих суток так продымил свое жилье, что официантка из ресторана, принеся ужин, спросила, жмуря глаза: «Вы еще не задохнулись?»

На четвертый день все книги были прочитаны. Гай выполз на белый свет и решил позавтракать у Манинга. Народу в баре было много.

— Я уж думал, что ты уехал, — обрадованно встретил его Микаэл. — Гулял?

— Отлеживался.

— Э, я вижу, у тебя настроение неважное.

— Тоска.

— Заходил бы вечером. Мы тут с Фрицем в картишки балуемся.

— Я не играю.

— Напрасно. Иногда помогает. Что будешь есть?

— Как в прошлый раз.

— Понравилось, значит? Уважил старика!

Он проводил Гая в свою комнатку, крикнул Вильму.

Не успела она принести заказ — вернулся Манинг. Открыв дверь и не заходя, он сказал:

— Ты не против позавтракать в обществе Фрица? Он звонил, что сейчас придет, а у меня там не протолкнешься...

У Гая было такое ощущение, будто старик специально все это подстроил: глазки у Манинга как-то лукаво поблескивали.

— А почему я должен быть против?

— Ну и хорошо!

Манинг исчез, а вскоре Вильма принесла на подносе ветчину, хлеб, кофе и сливки — все на двоих. Через пять минут появился Фриц.

Он очень вежливо поздоровался и, сев на диван, спросил:

— Не помешаю?

— Что вы, что вы, наоборот!

По всему было видно, что Фриц чувствует себя здесь как дома.

Кончив завтрак, они закурили — Гай сигарету, Фриц трубку. Гай все ждал, когда Фриц начнет разговор, ради которого была затеяна совместная трапеза, ибо по каким-то неуловимым признакам догадывался, что Фриц пришел не просто позавтракать. И не ошибся.

Раскурив трубку, Фриц спросил серьезно:

— Могу я задать вам вопрос?

— Пожалуйста.

— За что вы ненавидите немцев?

Гай бросил на него удивленный взгляд и ответил тоже очень серьезно:

— Вы ошибаетесь. Я не делю людей по национальному признаку.

— А по какому же?

— Ну, это в двух словах не объяснишь. Я ненавижу фашистов.

Фриц покачал головой.

— Личные мотивы?

— Нет, знаете, скорее по чисто нравственным соображениям. Мне не нравятся их идеи.

— Они в вас стреляли...

— На войне принято стрелять, — попробовал отшутиться Гай. — К чему весь этот разговор? Можно подумать, вы собираетесь меня агитировать.

— Ну, а если это и в самом деле так? — улыбнулся Фриц.

— Вы коммунист?

— Нет. Но я тоже был в Испании. А до этого сидел в Германии в тюрьме...

Гай оживился. Разговор начинал ему нравиться.

— За что, если не секрет?

— Ну, это неважно. Не по уголовным делам. Просто не поладил с новым режимом... Что касается коммунистов, то из всех противников фашизма они, по-моему, самые серьезные...

— Согласен. А из Германии вас выслали?

— Как бы не так! — Фриц снова улыбнулся. Улыбка делала его суровое морщинистое лицо очень добрым, каким-то домашним. — Пришлось бежать. Спасибо, помогли друзья.

Они помолчали. Фриц выбил золу из трубки в пепельницу, поднял свои серые усталые глаза на Гая и спросил с легкой, иронией:

— Вы значит, свою войну закончили?

— Выходит, закончил.

— А вам не кажется, что Адольф Гитлер свою войну только собирается начать?

— Не думал над этим.

Фриц размеренно принялся набивать трубку из кожаного кисета, уминая табак пальцем и приговаривая ворчливо:

— Я не думал, ты не думал, они не думали, мы не думали... Что же получится?

Теперь улыбнулся Гай.

— По-моему, наш разговор уже достаточно откровенен. Что вы предлагаете? Не стесняйтесь, я, кажется, не из болтливых.

Фриц посмотрел на него из-под своих мохнатых седых бровей.

— Это я знаю.

— Откуда бы? — не скрыл удивления Гай.

— Вы знакомы с Гансом Копецким? — вопросом на вопрос ответил Фриц.

— Ганс из Праги? — воскликнул Гай. — Ну еще бы!

Ганс Копецкий был радистом и служил в контрразведке в Мадриде. Гай познакомился с ним весной тридцать седьмого — они вместе выполняли одно специальное задание в тылу у франкистов. После того случая Гаю предлагали перейти в контрразведку, но он отказался, не пожелав оставлять товарищей по Интербригаде.

— Я видел Ганса позавчера, — сказал Фриц.

— Что он поделявает?

— Поехал в Германию.

— С ума сошел!

— Не под своим именем, конечно, — успокоил его Фриц и спросил как бы между прочим: — А вы в Испании имя не меняли?

— Нет.

— Не очень-то дальновидно...

— Я их не боюсь.

— Бояться их и не надо, — одобительно заметил Фриц. — Но что с тобой произойдет, если они дотянутся и сюда?

— Вы думаете?

— Сдается мне, скоро руки у них отрастут очень длинные.

— Считаешь, будет большая война?

— Пушки делаются для того, чтобы стрелять...

Они незаметно для самих себя перешли на «ты», и это выглядело вполне естественно. Гай, во всяком случае, не испытывал никакой неловкости с того момента, когда Фриц упомянул о Гансе Копецком.

— Не пойму, зачем Гансу ехать в Германию? — задумчиво сказал Гай. — Заметут...

— Он поехал по моей просьбе, — словно невзначай обронил Фриц.

Этого Гай услышать не ожидал... Тут уж всякие околичности были неуместны, и он задал прямой вопрос:

— У вас организация?

Фриц не считал нужным дипломатничать.

— Нечто вроде того.

— На кого вы работаете?

— Видишь ли, это звучит нехорошо, потому что неправильно. — Тон у Фрица сделался не то чтобы назидательным, но он говорил так, словно старался растолковать непонимающему человеку очевидные истины. — Против кого — другое дело. Могут же порядочные люди найти общий язык, чтобы поставить себя против кучки бандитов?

— Разумеется.
— Гитлер готовит свою войну — мы будем готовить свою.
— Но кто это «мы»? — допытывался Гай.
— Ты, я, он... Антифашисты...
— У Гитлера слишком большая сила... Чем вы ему можете помешать?
Фриц ответил не сразу.
— Понимаешь, есть разные формы борьбы... Тебе, должно быть, известно, что сильнее тот, кто лучше информирован...
— Так считается, — иронически согласился Гай.
— Полезно знать как можно больше о военных приготовлениях Германии. И вообще собирать все, что имеет отношение к секретным делам Гитлера. И вредить ему, где только можно.
— И что потом?
— А потом посмотрим.
Они опять помолчали.
— Опасная работа, — сказал Гай, поднявшись со стула.
— Не без этого. Работа не для слабонервных.
Гаю показалось, что Фриц дразнит его.
— Ну, а если я попрошу оказать мне доверие? — Он прошелся к двери и обратно, остановился перед Фрицем.
— Я тебе и так верю.
— Нет, не то, — поправился Гай. — Если я предложу вам свои услуги?
Фриц сощурил глаза:
— А не упрекнешь после, что тебя затянули?
Гай резко отвернулся.
— Ну, ну, — примирительно произнес Фриц, — не обижайся. Сам же сказал — работа опасная... И не за деньги... Наоборот, придется тратить свои...
— Денег у меня много!
Фриц оставил эту вспышку без внимания.
— У нас все построено на доброй воле. Из-под палки никто ничего не делает...
— Я в Испании был по собственной воле.
— Иначе бы мы с тобой тут и не толковали. — Фриц взглянул на часы. — Ладно, мне нужно идти. Ты можешь появиться здесь завтра... скажем, в половине десятого, утром?
— Когда угодно.
— Ну и хорошо. Значит, до завтра. У тебя еще есть время подумать.
— Я уже все сказал! — воскликнул Гай.
— Не так горячо, — улыбнулся Фриц. — Будь здоров.
Они обменялись рукопожатием, и Фриц ушел.
Пятью минутами позже покинул бар и Гай. Настроение у него было прекрасное. Мир снова обретал для него четкие очертания, и он снова знал свое место в этом мире.

На следующее утро они обо всем договорились. Фриц оказался дотошным и педантичным, когда речь зашла о практической стороне дела. Можно было подумать, что он всю жизнь занимался вопросами конспирации.

Во-первых, надо было снабдить Гаю новыми документами. Это взял на себя Микаэл Манинг.

Во-вторых, Фриц разработал довольно сложную систему явок и паролей. Записывать ничего не полагалось, приходилось все запоминать.

Гаю предстояла работа в Германии. Фриц тоже должен вскоре появиться в Берлине. В группу Гаю входят, кроме него самого, еще три человека — Иштван, Ганс, Альдона. Все связи — через Иштвана.

Так как с Гаю еще не успел сойти испанский загар, ему удобнее всего въехать в пределы Германии откуда-нибудь с юга. К тому же он должен выдавать себя за голландца, вернувшегося в Европу из Нидерландской Новой Гвинеи, где у него имеются обширные поместья. Вполне натурально выглядело бы, если б голландец прибыл на пароходе в Амстердам, а затем отправился в Германию. Но все же Фриц счел более подходящим путь через Турцию.

Все остальное — при встрече в Берлине...

Через неделю Гай обзавелся двумя новенькими паспортами. В одном из них он значился как Ганри Манинг, — у Микаэла Манинга был когда-то племянник Ганри. В другом его звали Ганри ван Гойеном. Он мог выдавать себя при необходимости за представителя этой знатной и богатой семьи, но у него было гражданство Соединенных Штатов Америки. Все это обошлось в триста гульденов. Группу Гаю называли *Para bellum*¹.

Прощаясь перед отъездом в Турцию с Микаэлом Манингом, Гай сказал:

— Извини и зла на меня не держи.

¹ Вторая часть латинского выражения «*Si vis pacem — para bellum*»: «Хочешь мира — готовься к войне». На вооружении вермахта имелся пистолет «парабеллум».

— За что? — не понял Мик.
— Я же думал, ты с фашистами.
— Эх, сынок, это меня только утешает: значит, они тоже сильно ошибаются. — Мик расхохотался и похлопал Гая своей короткопалой пятерней по простреленному левому плечу.

ГЛАВА 2 ТАКОЙ УДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Отвратительная погода бывает в Стамбуле зимой!

Весь декабрь и январь жителей попеременно изводят дождь и снег: если ветер потянет с юга со стороны Мраморного моря, то начинает лить дождь, а если с севера — тогда с Черного моря хлынет волна морозного воздуха, по мокрым улицам закрутит снег, и тут уж без теплого пальто не обойтись. Но в феврале случаются ясные прохладные деньки, предвестника близкой весны: неяркое солнце мягко серебрит быстрые воды Босфора, с улицы Пэра просматривается голубой силуэт далекой Антигоны, а к вечеру весь город — древние седые башни и султанские мраморные дворцы, черные стрелы кипарисов и белые современные дома, уступами спускающиеся к морю, — все вокруг станет сначала золотым, а потом розовым. После захода солнца на город спускается прозрачная сиреневая мгла, сквозь которую тускло мерцают крупные южные звезды.

Вот в такой февральский вечер к перрону Западного вокзала, как всегда, был подан Ориент-экспресс — синие лакированные вагоны с белыми табличками, указывающими, что скоро поезд ринется в ночь и, громяхая через всю Восточную Европу, умчит путешественников далеко на север: Istanbul — Sofia — Beograd — Wien — Berlin (Anh. Bf.).

На перроне к этому времени всегда собирается пестрая и беспокойная толпа: у провожающих на глазах блестят слезы, а уезжающие рассеянно и нетерпеливо улыбаются из зеркальных окон, и в их глазах уже виден иной, далекий мир, куда их сейчас увлечет синий экспресс.

У ступенек вагона-люкс группа американских офицеров провожает седого французского генерала и его молоденького адъютанта. Вытянулся проводник в синей форме, белых перчатках и кепи. Вместе с другими пассажирами к этому вагону подходит смуглый молодой человек лет тридцати, с темными усиками. На нем прекрасное серое пальто, дорогое кашне, щегольская шляпа. Носильщик несет за ним добротный чемодан с мозаикой пестрых наклеек: они наглядно показывают долгий путь из Голландской Индии в Турцию. Молодой человек закуривает, рассеянно оглядывает перрон. Расплачивается с носильщиком и входит в вагон.

— Господа пассажиры, до отхода поезда осталась одна минута! — вразнобой кричат проводники. — Извольте занять места!

В толпе возникает движение — одни торопливо спрыгивают со ступенек, другие поспешно входят в вагоны. Последние улыбки и рукопожатия... Наспех брошенные слова...

Едва поезд миновал пригороды, проводник начал обход купе — отбирал у пассажиров паспорта и билеты. В двухместных он молча совал их в кармашки своей папки в синем переплете, но в купе класса люкс почтительно приложил руку к козырьку:

— К вашим услугам, господин генерал! Вы можете вызвать меня в любое время дня и ночи нажатием вот этой кнопки. Спокойной ночи, господин генерал!

И в следующем купе-люкс — тоже с почтением:

— Спокойной ночи, господин... э-э-э... Ганри Манинг! — Имя и фамилию смуглого молодого человека с усиками проводник не сразу разобрал в его нидерландском паспорте. — Приятного отдыха, господин Манинг!

Гай проверил замок, прислушался к звукам в других купе, разделся, лег и накрылся синим одеялом с большим белым вытканым вензелем WL.

Следующие сутки прошли в бесцельном перелистывании журналов и газет, но когда экспресс пересек германскую границу, Гай почувствовал волнение: он вступал на поле боя.

Хотелось выпить чашку кофе, но было еще очень рано. Он стал смотреть в окно, но с этой стороны зимний пейзаж был уныл, и Гай вышел в коридор. Пейзаж за окном и тут не радовал, но он решил выкурить сигарету в коридоре, чтобы не дымить у себя в купе. Когда он прикуривал, чья-то рука легла на его левое плечо. Оно еще болело. Скосив глаза, Гай увидел черную лайковую перчатку, рукав черного мундира и серебряную тесьму на обшлагах со словами: «Мертвая голова». Эсэсовец. Обернувшись, Гай встретил спокойный, твердый взгляд светлых глаз. «Начинается», — подумал он. Эсэсовец поднял пальцы к козырьку и вежливо проговорил:

— Моя зажигалка не дотянула до Берлина. Разрешите прикурить?

— Пожалуйста.

Они стояли плечом к плечу у окна, молча курили, провожая глазами проплывающие мимо серые мокрые поля.

Погасив окурок в пепельнице, Гай вернулся в купе. От нечего делать перебрал лежавшие на столике рекламные брошюры. В одной из них его внимание привлек адрес «комфортабельного пансиона для солидных деловых людей» в Берлине близ Виттенбергплац, в центре буржуазной западной части города. В нем он и решил остановиться, пока не подыщет себе подходящей квартиры...

Гай был недоволен собой. Невинная просьба прикурить заставила его сердце екнуть. А что же будет

дальше — там, в Берлине, где таких фашистов, в форме и в штатском, ему придется видеть с утра до ночи и на каждом шагу? Но одновременно он был и доволен: этот легкий внутренний испуг явился как бы последней контрольной отладкой для его нервов.

Остаток пути прошел без неожиданностей.

В Берлине Гай с вокзала приехал на такси в намеченный пансион и получил хороший номер.

Едва устроив его вещи в комнате и открыв краны в ванной, горничная столкнулась в коридоре с высоким мужчиной в спортивном костюме.

— Утренний обход. Иностранцы есть? — спросил он.

— Да, господин блокварт. В триста десятом. Вот его паспорт.

Блоквартами назывались квартальные уполномоченные гитлеровской партии, наблюдавшие за политической благонадежностью населения.

Пробежав глазами странички документа, блокварт постучал в дверь и, не дожидаясь приглашения, вошел в номер.

— Господин Манинг?

— Да. Чем могу быть полезен? — Гай вышел из ванной комнаты и приветливо улыбнулся незнакомцу.

— Позвольте представиться: Эрвин Литке, блокварт. Хотел бы лично познакомиться и задать несколько вопросов. Я не задержу.

Гай жестом пригласил гостя сесть.

— По долгу службы я обязан знакомиться со всеми иностранцами, поселяющимися в моем квартале, и оказывать им посильную помощь. Чем вы думаете заняться у нас, господин Манинг?

— Я хочу изучить постановку дела в большой немецкой больнице.

— В Голландии немало больших больниц, господин Манинг, не так ли?

— Безусловно, господин Литке. Но немецкие больницы поставлены лучше. Финансовая отчетность и экономическая эффективность — вот что меня интересует. А уже после этого я намерен поработать в хорошей частной клинике.

— Благодарю вас. Теперь я все понял, — сказал блокварт и встал. — Завтра в пять вы получите на Александерплац свой паспорт и разрешение на жительство сроком на один год. Но без права занимать платное место — заметьте себе это!

— Мой отец — владелец плантаций в нашей Индии, господин Литке. Я не нуждаюсь в жалованье. Мне нужны знания и практика, они хорошо окупятся в будущем.

Блокварт Литке пожелал ему успеха и покинул номер.

Побрившись и приняв ванну, Гай попросил горничную принести завтрак и с аппетитом поел. Когда горничная унесла посуду, он запер дверь, взял позавчерашнюю турецкую газету, которую купил перед отъездом из Стамбула и которую здесь, в номере, разбирая свой багаж, небрежно бросил на стол. Между страницами этой газеты лежал обрывок другой, тоже турецкой, спрятанный им самим. Газету он бросил в корзину для мусора, а вынутый из нее обрывок разгладил и положил в бумажник: это был явочный документ.

Едва он надел шляпу и пальто, звякнул телефон. Вежливый голос с сильным греческим акцентом сообщил, что говорит Аристотель Какис и в его магазине, помещающемся за углом в первом квартале, уважаемый господин Манинг может купить в кредит и с доставкой в номер сыры, копчености, рыбные продукты, фрукты, сласти и вино. Господин Какис очень просит господина Манинга зайти в магазин лично ознакомиться с ассортиментом товаров и открыть счет, а также высказать пожелания, какие товары, помимо имеющихся, он хотел бы заказывать лично для себя, — например, какие-нибудь специальные блюда голландской кухни. Гай поблагодарил и сказал, что постарается воспользоваться услугами господина Какиса.

Он захватил фотоаппарат и направился к выходу, но снова раздался телефонный звонок. На этот раз приветливый женский голос по-голландски сообщил, что в баре «Квик», недалеко от Цоо, имеются голландские ликеры и водка, газеты и библии, а также молодые девушки, говорящие по-голландски. В задней уютной комнате всегда можно отдохнуть, почитать Библию или наедине побеседовать с хорошенькой девушкой. Бросив трубку, Гай шагнул к двери. Но резкий звонок снова вернул его к телефону. Черт побери, скольким же предпринимателям швейцар гостиницы уже успел продать вест о его приезде?

Неуловимо знакомый мужской голос сказал что-то неразборчиво.

— Алло, я вас плохо слышу, — ответил Гай, сясь вспомнить, где он слышал этот голос, и ожидая, не скажут ли ему еще чего-нибудь. И мужчина сказал отчетливо:

— Мы коммунисты, мы еще вернемся!

Гай положил трубку на рычаг.

Из номера он выскочил так, словно за ним гнались.

У лестницы встретился блокварт Литке, уже не такой официальный.

— Идете погулять, господин Манинг? Как устроились?

Вот откуда ему знаком этот голос! Что же это было? Проверка? Провокация? Гаю просто не хотелось верить, что этот пышущий здоровьем и, по-видимому, незлой человек может быть настолько глуп.

— Спасибо, господин блокварт, — искренне поблагодарил он. — Тут у вас реклама по телефону поставлена отлично. По-моему, вы мне тоже звонили? Но я, знаете, ничего не понял — телефон хрипит, да и к берлинскому выговору я еще не привык.

Блокварт ничуть не смутился. Наоборот, он смотрел на Гаю снисходительно и говорил громко, как с

глухим:

— Вы не разобрали, господин Манинг! Я сказал: когда вы вернетесь из полицейского управления, я зайду проверить разрешение!

Гай улыбнулся, поклонился и сбежал по лестнице вниз. Этому Литке можно только позавидовать — врет в глаза, и хоть бы хны! Но все-таки, пожалуй, больше блокварт провоцировать его по телефону не будет. И то хорошо...

Побродив по центру, Гай вышел на набережную позади рейхстага. Было без четверти десять, утро выдалось ясное. На том месте, где ему назначили встречу, одна за одной останавливались и отъезжали частные машины. Бойкое место, подходящее. Сделав несколько снимков рейхстага с тех точек, которые рекомендуют туристам путеводители, Гай ровно в десять подошел к условленному месту. Там как раз остановилась машина. У нее был номер, который Гаю велел запомнить Фриц еще месяц назад. Из машины смотрел на прохожих молодой черноволосый водитель. При приближении Гая он взял лежавшую на сиденье газету и положил ее на баранку. Гай закрыл колпачком объектив фотоаппарата и застегнул чехол. Первая часть пароля отработана, теперь с ним должны заговорить.

— Прогуливаться изволите? — спросил водитель.

— Знакомлюсь с городом.

— Издалека приехали?

— Я — кругосветный путешественник. Если у вас есть время, не прокатите ли вы меня по Берлину?

— С удовольствием!

Все было в порядке. Гай сел в машину. Сделав несколько поворотов по аллеям Тиргартена, водитель достал из кармана обрывок турецкой газеты. Гай отдал ему свой. Водитель сложил их — они точно совпали, и только тогда он улыбнулся.

— Меня зовут Иштван, — сказал водитель. — Сейчас мы проедем мимо парикмахерской Шнейдера, запомни адрес. Мы ждем тебя в восемнадцать. В парикмахерской будут работать хозяева, Генрих и его жена Эльза. Скажешь им, что хочешь помыть голову, и их хромой сын Вилли проведет тебя к нам. Вся семья — надежные люди.

Иштван высадил его у Цоо, и Гай пешком добрался до гостиницы.

Без пяти шесть вечера он вошел в парикмахерскую Шнейдера. В мужском зале было еще пусто. Лишь в одном кресле сидел клиент, которого стриг пожилой мастер — видимо, сам хозяин.

— Я хотел бы помыть голову, — обратился к нему Гай.

— Вилли! — негромко позвал хозяин.

Из маленькой двери в дальнем углу появился невысокий юноша, сильно припадавший на левую ногу.

— Да, отец...

— Господин желает помыть голову.

Вилли пригласил Гая следовать за ним.

Они прошли через дамский зал, Вилли толкнул плотно прикрытую дверь, пропустил впереди себя Гая, но сам не вошел. Сидевший в кресле возле умывальника пожилой мужчина в распахнутом белом халате поднялся навстречу Гаю. Это был Фриц.

— Здравствуй! Как устроился?

— Все нормально.

Они обнялись. Но Фриц тут же отстранил его.

— Сядь-ка в кресло, ты же пришел мыть голову.

Однако разыгрывать весь спектакль конспирации до конца осторожный Фриц не счел нужным — стало быть, обстановка позволяла. Он сразу заговорил о деле.

— Очень рад, что ты не задержался. Ты знаком с положением в Германии?

— Читаю газеты, слушаю радио.

— Твое мнение?

— Все это всерьез и надолго. Их демагогия сильно пахнет кровью. Италия и Германия лихорадочно вооружаются. Зачем, если не для войны?

— Вот именно... Поэтому нам нужна самая широкая информация о дальних замыслах Гитлера. В Европе не все понимают то, что понял ты. Мы должны добывать конкретные, точные факты, которые скрыты за демагогией.

Он замолчал, полез в карман за трубкой и табаком. Гай воспользовался паузой.

— Кто ты сейчас?

— Канадец германского происхождения. Имею достаточный капитал, чтобы лечить в германских санаториях свой проклятый суставной ревматизм.

Он, как сказал Гаю Микаэл Манинг, действительно страдал суставным ревматизмом, по всей вероятности — неизлечимо.

Гай про себя отметил, что Фриц сильно изменил внешность, чему способствовал галстук бабочкой и платочек в кармане модного костюма. Хотя опытный глаз мог бы определить, что хорошо одеваться он научился не так уж давно.

— Что за человек Иштван?

— Он по образованию юрист, держит контору. Прошлое пестро... Был офицером в австро-венгерской

армии, попал в плен к русским, потом вернулся на родину. Теперь, видишь, здесь. Довольно с тебя?

— Вполне.

Фриц наконец набил свою трубку, раскурил ее от спички.

— Теперь слушай. Я буду предельно краток, дам грубую схему... Мне известно, что Гитлер и Муссолини организовали сугубо засекреченную фельдьегерскую связь.

Гай с сомнением покачал головой:

— Есть же совершенно безопасные дипломатические каналы...

— Каналы есть, а традиций у гитлеровцев пока нет, дипломатическая служба засорена старыми дипломатами, преимущественно аристократами-монархистами, и им новая власть не доверяет. Им нужен надежный личный контакт, а для этого нужно иметь своих людей, которым можно было бы довериться.

Гай ждал долгого разговора, но Фриц, помолчав, кончил неожиданно быстро:

— Тебе предлагается найти одну из линий связи.

Гай даже рот раскрыл: все это представилось ему чистой фантазией. Разумеется, теоретически рассуждая, у всякого, пусть самого запутанного, клубка где-то обязательно есть два конца, и если терпеливо искать и найти один, то потом найдешь и второй. Но тут дело шло о главах двух фашистских государств. Связь между ними — линия самого высокого напряжения, а Фриц предлагает взяться за нее голыми руками. Даже если бы, предположим, по этой линии передавались обыкновенные сводки погоды или поздравления по случаю именин, все равно подключиться к ней невероятно трудно. А в данном случае следовало ожидать, что переговоры касаются подготовки к большой войне... Гай спросил:

— Есть что-нибудь наводящее, хоть какая-нибудь малость?

— Ничего пока нет. С нуля. Но давай порассуждаем... — Фриц примял пепел, побулькал трубкой. — В политическом смысле отношения у них сложные. Дуче мечтает о восстановлении старой римской империи, Гитлеру это не нравится. В Греции и Югославии их интересы уже столкнулись. Но есть одна вещь, которая их объединяет и которая для обоих очень злободневна...

— Вооружение?

— Да. Идем дальше... В переговорах по этому вопросу активной должна быть итальянская сторона. Почему? — Фриц посмотрел на Гая, но не стал ждать его соображений: чувствовалось, что все эти выкладки обдуманы им раньше. — Немцы в области вооружений обогнали итальянцев. Если кто-то у кого-то просит, то итальянцы у немцев, а не наоборот. Логично?

— Вполне.

— Дальше. Германская военная промышленность — это Рур, а сердце Рура — Дюссельдорф. И тут я могу сделать тебе единственное конкретное сообщение: начальник гестапо в Дюссельдорфе штандартенфюрер СС Ганс Раушбергер. Он — главная власть в Рурском районе. Деловая переписка по вооружениям должна идти через него. Он может быть передаточным звеном, а может и конечным.

— А что о нем известно?

— Не так много. Старый член гитлеровской партии. До переворота служил в фирме «Немецкие текстильные фабрики» в Хемнице. Потом посадил владельца фирмы — еврея Иосифа Лифшица — в лагерь и присвоил себе его фирму. Дал взятку и быстро пошел в гору... В общем, обыкновенная история...

Оба долго молчали. Курили, глядели в окно, ходили по комнате. Потом Фриц сказал:

— Конечно, может, все наши прикидки — игра воображения, и больше ничего...

— Нет, — возразил Гай, которому дело уже не казалось столь неосуществимым, как вначале. — Из всех возможных вариантов ты выбрал, по-моему, самый дельный.

— Тогда ты говори, а я послушаю.

— Начать, наверное, надо с Хемница... Что за человек Раушбергер? Поговорить со служащими...

— Кое-что можно выяснить и здесь, в Берлине. Частное информационное агентство Шиммельпфенга уже лет двести или триста занимается сбором сведений о всех промышленниках и коммерсантах Германии. У хозяина есть помощник, его старый друг Рафаил Рубинштейн. Он должен много знать...

— Ты, оказывается, тоже знаешь немало.

— Так ведь все это нашему троюродному дяде двоюродные племянники, — усмехнулся Фриц и посмотрел на часы. — Время. Видеться мы с тобой будем редко. Все — через Иштвана. Он сведет тебя с твоими помощниками — Гансом и Альдоной. Оглядишь, обживись... И помни: слепой судьбы не бывает. Твоя судьба — в твоих руках...

Они попрощались. Фриц снял халат, надел пальто и ушел.

Минут через десять покинул парикмахерскую и Гай. В гостиницу он вернулся в половине двенадцатого.

Как всякий аккуратный человек, он вменил себе в правило перед сном обязательно перебрать в памяти все события дня, отметить плюсы и минусы. А прошедший день был из ряда вон выходящим: он прямо с вагонных колес включился в дело. Потушив свет и закрыв глаза, Гай поминутно прокрутил минувшие сутки: от курения в вагоне рядом с эсэсовцем, — Гай в темноте даже потрогал себя за левое плечо, где утром лежала рука в черной перчатке, — до разговора с Фрицем. Не нарушил ли он правил конспирации? Не просмотрел ли какой-нибудь мелочи, которая позднее, когда этого совсем не ждешь, взорвется, как бомба замедленного действия? Как будто бы нет... Блокварт, по всей вероятности, успокоился на его счет... На встречу с Иштваном он вышел точно... Из парикмахерской исчез чисто...

Засыпая, он чувствовал, что губы его сами собой складываются в улыбку. Таким удачным получился этот

день...

ГЛАВА 3 ДЕВУШКА ИЗ ВИТРИНЫ

Гансу и Альдоне было лет по двадцати пяти или семи. Ганс, немец из Праги, сухощавый, белокурый, уже заметно лысеющий молодой человек, с очками в золотой оправе на бледном лице, казался старше своих лет, вероятно, еще и потому, что хотел походить на Иштвана — был немногословен, хмур и рассудителен. Альдона всегда вышучивала его за это. Ганс работал в библиотеке — писал книгу по древнегерманской грамматике. Он окончил в Праге юридический факультет. Альдона, полноватая зеленоглазая брюнетка из Мемеля, отличалась живостью характера и отчаянной храбростью. Она работала медсестрой в частной клинике доктора Пауля. Ганс и Альдона по линии техники связи подчинялись Иштвану, а по линии оперативной работы — Гаю. И еще одно объединяло Ганса и Альдону: их отцы погибли от рук гитлеровцев.

Первая встреча с Гансом была у Гая короткой, они только показали друг другу, зато на следующий день им удалось поговорить как следует. Вспоминали Испанию...

Отправляясь в частное «Информационное агентство Шиммельпфенга», Гай по пути захватил Ганса и Альдону, с которой Иштван познакомил его неделей раньше.

Ганс и Альдона остались на улице рассматривать витрины, а Гай один вошел в контору. Сидевший в первой комнате чиновник показал ему кабинет Рубинштейна. Он вошел без доклада.

— Господин Рубинштейн?

— К вашим услугам. Но сейчас начинается обеденный перерыв, и я прошу...

Собственно, Гай именно на это и рассчитывал.

— Меня зовут Ганри Манинг, я импортировал немецкие ткани в Голландскую Индию... Не могу ли я попросить вас отобедать со мной?

Рубинштейн не возражал, и они отправились в ресторан «Кемпинский», считавшийся лучшим в деловом центре города.

Когда новоявленные знакомые уселись в уютном углу зала, Гай сказал:

— Политические события в вашей стране, господин Рубинштейн, конечно, грандиозны, но многим кредиторам они спугали все расчеты.

Господин Рубинштейн счел за благо промолчать и только кисло улыбнулся.

— Но если говорить конкретно, я имею в виду Иосифа Лифшица в Хемнице, который прекратил оплату векселей фирмы «Немецкие текстильные фабрики».

— У него есть к тому веские основания: фирма перешла в другие руки. Новый владелец — господин Ганс Раушбергер.

— Он принял на себя обязательства господина Лифшица?

— Не знаю. Думаю, что нет, господин Манинг.

— Не могли бы вы уточнить этот вопрос, господин Рубинштейн?

— Новый владелец — лицо очень высокопоставленное, о таких людях мы справок не наводим и не даем.

— Вы советуете мне съездить в Хемниц и обратиться лично к нему?

— Я вам ничего не советую. Адрес господина Раушбергера мне не известен, а в Хемнице он не живет.

— Какой же смысл ему жить вдали от фабрик?

— Может быть, смысл в том, что господин Раушбергер недавно женился.

— Кто его жена?

— Нет, господин Манинг, я не смею касаться личной жизни этого высокопоставленного лица. И почему меня должна интересовать какая-то там итальянка?!

При последних словах Гай чуть не хлопнул собеседника по плечу. Ай да Рубинштейн! Ничего не знает, советов не дает, справок не наводит...

— Да, печально все это, господин Рубинштейн... Коммерческие дела не должны страдать от чьих-то честолюбивых или матримониальных устремлений.

В ответ Рубинштейн только посмотрел на него хитро из-под своих свисавших на глаза густых бровей, придававших его лицу выражение неизбывной печали.

Обед был вкусный, вина хороши. Гай попросил принести сигары, и Рубинштейн не отказался покурить, хотя по неумелости в обращении с сигарой было видно, что он некурящий. Может быть, именно это обстоятельство сделало его более разговорчивым: пожилой человек, пускающий дым ради баловства, невольно молодеет и, стало быть, обретает некоторое легкомыслие.

— Не хочу сыпать соль на раны, но не могу удержаться от вопроса... — дружеским тоном начал Гай.

— Пожалуйста, — сказал Рубинштейн, и это прозвучало, как «Чего уж там, ваяйте!». Он еще ворчал, но тон заметно изменился.

— Для вас настали трудные времена?

— Что касается старика Шиммельпфенга, то вы несколько запоздали с соболезнованиями. Его вместе со всей семьей арестовали полгода назад. Директор фирмы теперь я.

— Но ведь вы тоже?..

— Да, да... Но... видите стальной шлем у меня в петлице? Я фронтовик, два раза ранен. Это имеет большое значение.

— Но не настолько большое, чтобы вы осмелились дать мне маленький совет?

Господин Рубинштейн отставил подальше от себя дымящуюся сигару и заговорил сердито:

— Такие штучки еще действовали на меня, когда я торговал средством для увеличения бюста, а хотел торговать машинками для стрижки травы на газонах. Поэтому не затрудняйтесь. — Он победительно посмотрел на Гая и продолжал: — На той неделе гестаповцы забрали у нас весь архив. Теперь он в подвале нашего дома, только вход не с Ляйпцигерштрассе, а с Фридрихштрассе. Там раньше размещались архивы давно ликвидированного оптового склада. Все лежит на полках в полном порядке. Дело Лифшица — десятое или одиннадцатое в стопке под литерой «Л». Я сам укладывал папки.

Гай внял совету Рубинштейна «не затрудняться».

— А не можете вы взять это дело хотя бы на час?

— Решительно нет. Кто меня тогда будет спасать? Шлем в петлице?.. Но прежде всего, я — честный человек.

— О, разумеется!

Глядя в сторону, Рубинштейн сказал ворчливо:

— Если бы вы имели гестаповский жетон... Но такие жетоны стоят дорого, очень дорого, господин Манинг...

— Такова жизнь: все хорошее всегда стоит дорого...

Гай достал из кармана бумажник.

— Нет, нет, не здесь, — спокойно осадил его Рубинштейн.

В тот же день Гай осуществил еще два важных дела.

В главной городской больнице, учрежденной, вероятно, еще во времена Фридриха Великого и носящей с тех пор французское название «Шарите», он договорился о практике — администрация ничего не имела против того, чтобы голландец изучал больничный бюджет и доискивался, каким образом можно при минимальном кредите добиваться максимальных лечебных результатов.

Потом он снял помещение для своей конторы и квартиры. Состоятельному дельцу полагалось это сделать.

Красных бумажек с черными буквами «Zu mieten» — «Сдается» на окнах и парадных дверях было много на всех улицах, по которым он ходил. Ему приглянулись две комнаты во втором этаже облицованного гранитом старого дома на Уландштрассе. Одна комната служила спальней, в другой стоял письменный стол, два мягких стула и книжный шкаф. Ему большего и не требовалось. Телефон имелся.

Хозяйке, очень вежливой немке лет пятидесяти пяти, прилично говорившей по-английски, он объяснил, что сидеть в своей конторе с утра до ночи не собирается и вообще жить по расписанию не умеет. Она была тем более довольна, что плату он отдал за три месяца вперед.

Модную машину последнего выпуска — шоколадный «хорьх» — он взял напрокат и сразу заплатил за год.

Блокварт Литке, когда Гай при встрече мимоходом обмолвился, что нашел постоянную квартиру, тоже остался доволен — меньше ответственности.

...Через две недели Рубинштейн передал Гаю жетон гестапо. За это время Ганс купил эсэсовское обмундирование, Альдона подогнала форму по его фигуре. Для Гая были куплены сапоги и черное кожаное пальто, в каких ходило эсэсовское начальство.

Поздним весенним вечером из темного подъезда большого углового дома на Фридрихштрассе вышла, дымя дешевой сигаретой, Альдона. Вскоре ее обогнал Гай с портфелем в руках и в сопровождении эсэсовца с лакированной кобурой на поясе. Они подошли к запертой двери, ведущей в подвал, и Гай крикнул в слуховую трубку возникшему за зеркальным дверным стеклом старенькому вахтеру:

— Гестапо. Отворите! — и показал жетон.

Старичок в сером мундире и в форменной фуражке отпер дверь.

— Где здесь подвал с делами фирмы Шиммельпфенг?

— Пожалуйста сюда, господин начальник, вниз по лестнице, потом направо. Дверь не заперта, я проверял там подачу света и воды.

Гай повернулся к Гансу.

— Никого не пускать...

Тот щелкнул каблуками.

Альдона перешла на другую сторону улицы и фланировала напротив.

Гай спустился вниз.

Ряды железных полок и сложенные на них папки. Вот литера «Л». Двенадцатое дело с надписью: «Лифшиц Иосиф. Немецкие текстильные фабрики. Хемниц». Он раскрыл папку.

Между тем из ближайшего полицейского участка к подвалу спешил дородный вахмистр.

— У нас сигнал! — набросился он на старичка вахтера, прохладившегося на улице, — Ты кому отпер дверь?

Старичок кивнул на стоявшего в дверях эсэсовца.

— Не видишь? Ищут какие-то документы в архиве.

Вахмистр сразу успокоился:

— Надо было тебе сигнализацию отключить...

— Да не успел за ним! Быстро летает...

Тут из подвала поднялся Гай с портфелем в руке. Вахмистр козырнул ему.

— Вы что? — спросил Гай. — Это мой участок...

— Все в порядке, вахмистр...

Примерно через час хозяин парикмахерской Шнейдер с книгой в руках вышел во двор подышать воздухом и оставил дверь черного хода незапертой. Туда вскоре скользнули две темные фигуры. Не зажигая света, они прошли через кухню в чулан, заперли дверь и зажгли тоненькую свечу. Сели на пустые бочки, склонились над папкой.

— Я уже просмотрел, Фриц, — сказал Гай. — Не будем терять время на пустяки. Покажу главное. Вот Раушбергер.

Гай поднес свечу ближе. С фотографии смотрело грубое волевое лицо с жесткой складкой у опущенных углов рта.

— А вот его молодая жена...

На фотографии была изображена хорошенькая молодая брюнетка, почти девочка. Гай засмеялся.

— Что тебя так обрадовало? — спросил Фриц.

— Раушбергер говорит по-итальянски и до гитлеровского переворота представлял фирму Лифшица в Риме. По документам папки, то есть по секретным свидетельствам служащих канцелярии фирмы, Раушбергер давно сватался к Фьорелле Мональди. Но брак дочери с немолодым немецким коммерсантом не соблазнял проконсула¹ итальянской фашистской милиции, и он отказал Раушбергеру. Однако после того, как этот соискатель захватил фабрики и стал штандартенфюрером СС, положение изменилось, и маленькая Фьорелла стала почтенной фрау Раушбергер.

— Ну-ну...

— Слушай дальше. В Дюссельдорфе супруги живут в сильно охраняемом доме... Как ты думаешь, очень весело двадцатилетней итальянке в обществе пятидесятилетнего штандартенфюрера?

— Всяко бывает... Только не говори мне, что собираешься за нею поухаживать.

— Нет, конечно! Фьорелле нужно подвести женщину... Жалко, Альдона не годится — не тот типаж... Тут нужна красивая, богатая аристократка...

— Утопия...

— Но поискать можно?

— Поищи...

Погасив свечу, они разошлись. Папку с делом Лифшица Фриц взял себе.

Два месяца Гай и его помощники искали ту единственную, идеальную, неповторимую девушку, портрет которой — внешние данные, душевный склад и положение — нарисовали они сами и которая так была необходима. Гай не представлял себе, как впервые подойдет к ней, о чем заговорит, каким образом завоюет ее доверие, как подготовит ее к той роли, которая ей предназначалась. Он надеялся, что все это в нужный момент подскажет ему интуиция...

Альдона, Гай и Ганс заглядывали в церкви, посещали скачки, бывали на автомобильных гонках, в модных дансингах и даже два раза присутствовали на похоронах престарелых кайзеровских генералов. Увы, ничего подходящего не встречалось, и у Гая стало закрадываться сомнение.

В погожий теплый весенний день они случайно проходили втроем мимо небольшого спортивного магазина в торговой, далеко не шикарной части Берлина — где-то около Александерплац. Их внимание привлекла толпа молодых мужчин у витрины, оживленно что-то обсуждавших и смеявшихся. Гай подошел, ближе, взглянул через головы.

В витрине, в узком пространстве между стендом с развешанным товаром и стеклом, стояла девушка лет двадцати в белых трусиках и белой косыночке на груди. Она изображала спортсменку, по очереди брала спортивные принадлежности и то играла в теннис, то гребла, то сражалась с воображаемым противником на шпагах. Но для спортсменки она была слишком изящна, а для манекена — слишком серьезна, и улыбки, которые она посылала зевакам, не производили впечатления очень веселых.

— В чем тут дело? Дорогу! — прозвучал вдруг задорный голос, и молодой штурмфюрер СС плечом вперед протиснулся к витрине. В фарватере за ним следовал, видимо, его товарищ.

Гай остался посмотреть, что будет дальше. Альдона и Ганс ждали чуть поодаль.

Эсэсовец помахал девушке в витрине рукой, обернулся к приятелю:

— Ты знаешь, Пфуль, кто это? Маргарита-Виктория Равенсбург-Равенау. Настоящая графиня! Да, из этого известного рода... Семью разорили спекулянты, родители умерли, она сирота, и вот, видишь, перебивается. Я ее знаю... И не будь я Гюнтер Валле... — Дальше Гай не расслышал, потому что Гюнтер Валле остальное досказал приятелю на ухо.

Растолкав толпу, эсэсовцы исчезли. Гай все ждал чего-то.

В час дня наступил обеденный перерыв, и девушка ушла из витрины. Хозяин закрывал магазин.

Гай присоединился к Гансу и Альдоне.

¹ Подполковника.

— Не знаешь, где найдешь... — сказал он.
— Странная картина, — откликнулся Ганс, — режет глаза.
— Не по клетке птица — ты это имеешь в виду? — спросила Альдона.
— Да.

— Ее зовут Маргарита-Виктория. Из семьи Равенсбург-Равенау. — Гай оглянулся на витрину, словно для того, чтобы еще раз почувствовать все несоответствие звучаний: такое громкое имя, и этот жалкий балаган во имя торговли. — Альдона, ты должна узнать в адресном столе, где она живет. Расспроси у дворничихи, у соседей...

Гансу он велел вернуться к магазину перед закрытием, а потом последить за девушкой — куда пойдет, что будет делать...

Вечером, часов в десять, они собрались в кафе «Ам Цоо». Ганс и Альдона рассказали, что им удалось выведать.

Живет Маргарита-Виктория на Кляйстштрассе, 21. Дом солидный. На двери квартиры медная табличка: «Граф Родерих Равенсбург-Равенау». После работы девушка зашла в дешевую закусочную, съела два бутерброда и выпила чашку кофе, затем прогулялась до кафе «Колумбус», около Ангальтского вокзала, и просидела там час. Потом пешком, через Ноллендорфплац и Виттенбергплац, отправилась домой.

Альдона познакомилась с соседкой Маргариты-Виктории. Этой старушке Альдона помогла собрать рассыпавшиеся яблоки. У нее разорвался пакет. Старушка оказалась в курсе семейных дел всех жильцов дома. У Маргариты был богатый жених, друг ее отца, некий господин фон Вернер. Он платил за старую квартиру графа, помогал девушке, пока она не окончила в прошлом году гимназию. Затем, очевидно, потребовал, чтобы она вышла за него замуж, или какой-то иной компенсации... Но Маргарита ему отказала, и господин фон Вернер перестал платить за квартиру. Теперь она вынуждена переехать к своей бывшей кормилице и няньке, Луизе Шмидт, которая живет с сыном Куртом, молочным братом Маргариты, в Веддинге, по Оливаерштрассе, 101, на втором этаже. Курт слесарь. Квартира у них — одна комната. Муж Луизы погиб под Верденом. Старушка, между прочим, сказала, что Маргарита по дороге с работы домой всегда заходит посидеть в кафе «Колумбус».

На следующий день с утра Гай отправился в контору «Информационного агентства Шиммельпфенг». Рубинштейна он встретил на улице — тот прохаживался по тротуару, заложив руки за спину, перед входом в свою контору. За три месяца, прошедшие после обеда в ресторане «Кемпинский», господин Рубинштейн сильно изменился, и не в лучшую сторону. Небритый, под глазами синие мешочки. Гай не очень этому удивился, потому что уже стал привыкать к быстрым переменам в жизни берлинцев.

— Рад видеть вас, герр Рубинштейн!

Рубинштейн поднял к небу печальные глаза.

— Не спешите радоваться. Я больше не работаю в агентстве.

— Значит, все-таки?..

— Вот именно... Жену и сына арестовали... И как вы думаете, где мой штальгельм?

Стального шлема в петлице у него действительно не было.

— Отобрали?

— Выбросили на помойку.

— Но что вы здесь делаете?

— Подстерегаю бывших заказчиков. Они дают мне возможность подработать.

Гай вынул бумажку, на которой он заранее написал вопросы.

— Это касается частной жизни одной девушки. Можете?

Пока Рубинштейн читал бумажку, Гай приготовил деньги.

— Придется побегать, но это не Раушбергер. — Рубинштейн спрятал деньги в портмоне. — Графиня имела няnek и горничных. Где есть женщины, там нет секретов. Через десять дней я буду ждать вас на этом месте в это же время...

Мимо с тяжелым грохотом кованых сапог прошла рота эсэсовцев. Рубинштейн грустно проводил их глазами.

— Целую жизнь я думал, что деньги могут купить все. И ошибался: деньги не могут купить арийскую кровь. В мире хозяин — кованый сапог, господин Манинг!

— Нет, господин Рубинштейн: в мире хозяин — правда. Но в силу правды надо верить...

Рубинштейн покачал головой:

— А я не верю.

Все эти десять дней Гай готовил знакомство с Маргаритой. Каждый вечер часов около семи он являлся в «Колумбус» и занимал столик слева у окна, второй от входа. За третьим всегда сидела она — это было ее любимое место. Он приносил с собой и читал какой-нибудь из медицинских журналов, чаще английский «Ланцет», — в расчете, что Маргарита обратит на это внимание. Он давно усвоил, что человек, если он сам не медик, как правило, относится к врачу с бессознательным, как бы врожденным доверием. Такое доверие не ограничивается отношениями лечащего доктора и пациента, часто оно простирается за сферы собственно медицины очень далеко.

Будучи по образованию врачом, Гай все же не разделял мнения тех своих коллег, которые лишали физиогномику достоинств точного познавательного метода, и поэтому украдкой, но очень внимательно изучал

внешность Маргариты.

Лицо ее всегда было бледным, но эта бледность не вызывала представления о нездоровье. В платье она казалась излишне худой и хрупкой; однако он видел ее там, в витрине магазина, почти раздетую и отлично помнил, что впечатления худобы у него не было. Гибкая — да, изящная — да, но не худая.

По выражению лица можно было предположить, что Маргарита обладает задатками решительного характера и чужда предрассудков. Впрочем, об этом легко догадаться и без изучения ее лица: тот факт, что девушка из столь аристократического семейства не сочла для себя зазорным добывать честный хлеб столь неаристократическим занятием, сам по себе говорил о многом. Не всякая девушка захочет показывать себя из витрины за несчастные две марки в день.

Несколько раз он был свидетелем, как с него пытались завязать знакомство. Она разговаривала с этими назойливыми молодыми людьми очень просто и вежливо, и они отставали быстро, не испытывая при этом никакой обиды, а только сожаление.

Учтя уроки этих неудач, Гай попытался было составить детальный план собственных действий, пробовал прикинуть, как он подойдет к ней, как поклонится, как заговорит. Но вовремя одумался, справедливо сочтя это занятие бесплодным и даже вредным. Тут больше следовало полагаться на вдохновение. С такой девушкой фальшивить нельзя: любой отрепетированный жест может быть замечен, и тогда уж пропало все и навсегда.

Но эти десять дней прошли не в одних только наблюдениях. Однажды он, на правах постоянного соседа по столику, молча поклонился ей, покидая кафе, и она ответила поклоном. На следующий вечер он с нею поздоровался, когда вошел, и она улыбнулась ему, — с тех пор они обязательно здоровались и прощались друг с другом. А один раз, когда она хотела купить вечернюю газету и у газетчика не оказалось сдачи, Гай разменял ей бумажку мелочью. Бумажка пахла духами, какими — он не мог вспомнить, но запах был приятный. Бумажку эту он положил в портмоне в отдельный маленький кармашек — без всяких умыслов, просто захотелось ее сохранить.

Так их отношения потихоньку налаживались, но Гай не хотел ничего предпринимать, пока всезнающий Рубинштейн не вооружит его исчерпывающими данными о жизни и быте семьи графа Равенсбург-Равенау, о ее расцвете и упадке...

И вот наконец Рубинштейн выполнил заказ. Гай буквально наизусть выучил семнадцать страниц убористого машинопечатного жизнеописания семьи Равенсбург-Равенау за последние двадцать лет, содержавшего такие интимные подробности, которые могли быть известны разве лишь домашнему коту, который ходит, где хочет.

А на следующий вечер он с нею познакомился как следует.

Все произошло просто: он пригласил ее танцевать, а посла танца они сели за ее столик. При этом он забыл свой журнал, сна ему напомнила, и разговор начался с профессии.

— Вы врач? — спросила она.

— Да, психиатр. Но не только.

Она покосилась на его бриллиантовые запонки.

— Я чуть не принял вас за профессионального танцора, которых нанимают...

Он засмеялся:

— Нет, я приехал сюда из глубин Азии...

Чутье говорило ему, что Маргарита еще очень наивна, она пребывает пока в том блаженном состоянии, когда человек одинаково охотно верит и во всемогущество науки, и в предопределения судьбы. Он решил ее поразить.

— Кроме того, я — йог.

— Значит, вы знаете все? — Теперь засмеялась она.

Он сделался серьезным.

— Люди всегда склонны шутить над тем, чего они не понимают, фрейлейн... — он запнулся, потер лоб и закончил неуверенно: — фрейлейн Маргарита-Виктория... э-э-э... графиня Равенсбург-Равенау?

То, что изобразилось на ее лице в этот момент, можно было назвать недоверчивым удивлением. Как будто человеку показали фокус, он чувствует, что его ловко мистифицируют, а как именно — понять не может.

Не давая ей опомниться, Гай взял руку Маргариты в свои руки и заговорил глухим ровным голосом, словно читая по невидимой книге:

— Вижу улицу... это Кляйстштрассе... Вхожу в подъезд серого дома... Надпись на медной табличке: «Граф Родерих Равенсбург-Равенау». Отворяю дверь. Пустые вешалки. Направо зеркало, закрытое серой материей. Отворяю двери... Пустые комнаты... Мебель и люстры в чехлах... Пыль... Вхожу в дальнюю комнату. Она чиста. Здесь живет последняя представительница рода, молодая девушка... В прошлом году она окончила гимназию. Сейчас за ней ухаживает пожилой господин, некий генерал в отставке фон Вернер... Комнату заботливо убирает старая кормилица и няня, матушка Луиза, единственное в мире существо, которое обожает девушку... Она в детстве звала ее Мави — от первых слогов двойного имени. Так звала девушку и мать, графиня Августа-Тереза Эстергази, умершая при родах в фамильном замке на берегу Шуссена...

Маргарита выдернула свою руку из его рук и смотрела уже с испугом. Он вдруг подумал: а не принимает ли она своего нового знакомого за шпика? Порылся в каком-нибудь тайном досье, посплетничал с прислугой и теперь преподносит все а форме ясновидения... Но опасения исчезли, когда он услышал ее тихий, сразу отчего-то сделавшийся хриплым, голос:

— Не надо, прошу вас...

Она больше не смотрела на него, замкнувшись и боясь поднять глаза от скатерти. Положение становилось странным: надо было как-то разрядить возникшую напряженность, и Гай вернулся к своему естественному тону. Спасти его могла только откровенность и неподдельная чистосердечность.

— Простите меня, фрейлейн Маргарита, я просто дурачусь.

Она покачала головой, и он продолжал извиняющимся голосом:

— Я действительно много о вас знаю. Специально интересовался.

— Зачем? — Она наконец подняла глаза.

— Если я скажу: чтобы обеспечить себе успех при знакомстве с вами — это ведь не очень вас обрадует?

Сказанное можно было понимать как угодно. Гай расчетливо взвешивал каждое слово в отдельности и общий смысл фразы в целом, и оттого совесть его восставала при виде полной беззащитности сидевшей перед ним девушки. Мефистофель во вкусе берлинских мюзик-холлов весны 1938 года — такая роль была ему не по душе... Однако Маргарита, кажется, отлично разглядела двоечение в слове «успех».

— Все-таки — зачем? — повторила она свой вопрос, и голос ее вновь обрел обычное звучание.

Гай решил рискнуть. Нет, выкладывать все до конца он не собирался, до этого еще далеко, но момент был таков, что или он сделает сейчас же, перескочив сразу через несколько запланированных им этапов, самый радикальный шаг к сближению, или эта девушка потеряна раз и навсегда.

— Мне нужна помощница, которой бы я мог доверять, как себе, — сказал он серьезно.

— Но кто вы?

— Я действительно приехал в Берлин из Азии.

И Гай изложил вкратце биографию наследника богатого плантатора-голландца и под конец показал Маргарите свой паспорт, украшенный множеством различных виз, который, впрочем, она смотреть не захотела.

— Вот теперь вы откровенны, — наивно сказала она, и Гай объяснил ей, для чего ищет помощницу.

В настоящее время он изучает банковское дело, а также финансовую сторону деятельности крупных германских медицинских учреждений. В условиях острой конкурентной борьбы, чтобы рассчитывать на успех, необходимо досконально знать конъюнктуру и хотя бы в общих чертах — перспективы. Для этого надо уметь разбираться в сложном механизме экономики, пружиной которого, как известно, является политика (а может быть, наоборот, но от этого не легче). А чтобы, в свою очередь, правильно понимать изгибы политики, надо иметь доступ за ее кулисы.

Очертив таким популярным образом круг проблем и забот, которые одолевают начинающего предпринимателя, Гай свел речь к просьбе: не согласится ли фрейлейн Маргарита поступить к нему на службу, скажем, в качестве референта? Ее обязанности он сам представляет себе еще довольно смутно, но одно может обещать уверенно: работа будет нескучная, даже творческая, Маргарита сумеет проявить все свои способности. Во всяком случае, речь идет не об унылом секретарстве. И, разумеется, платить он будет гораздо больше, чем получает она в спортивном магазине.

Маргарита слегка покраснела:

— Вы и об этом знаете?

— Впервые я увидел вас именно там. — Ему очень приятно было говорить ей правду. — Вот только не понял, кто такой Гюнтер Валле?

Они долго молчали, потом она вздохнула как-то легко и коротко и сказала с неожиданной улыбкой:

— Валле? Ах, да!

— Знакомый?

— Он живет на одной улице с моей кормилицей. Вернее, жил... У его отца была мастерская и магазинчик... Делал пуговицы, пряжки... Все из металла... Я иногда заказывала у них кое-что...

— Похоже, вы ему очень нравитесь...

Она пожала плечами:

— Это смешно... Герр Шульц объявил мне, что с понедельника могу больше не выходить. Выдал жалованье за две недели вперед.

— Это хозяин спортивного магазина?

— Да.

— Недоволен вашей работой?

— Не столько он, сколько фрау Шульц.

Гай счел уместным пошутить:

— Вот видите, вы уже разбираетесь в тайных пружинах, движущих торговлю. Это лучшая рекомендация при поступлении на новую службу.

Он испытывал уверенность, что Грета согласится на его предложение, и имел все основания считать ход дела удачным. Но его порою жгло нетерпение, он еще не до конца отшлифовал в себе одно бесценное при его теперешней работе качество — умение безошибочно чувствовать ритм событий и точно соизмерять с ними собственные действия, так, чтобы ни в коем случае ни на секунду не опередить события, но и ни на секунду не опоздать. Это сродни жокейскому чувству пейса. Если жокей хорошо чувствует пейс — то есть точно знает в каждый данный момент скачки, с какой резвостью идет его лошадь и какой посыл она еще может выдержать до призового столба, — значит он мастер, он может выиграть и не загнать понапрасну свою лошадь. Нет этого чувства — лучше не садиться в седло, а мирно чистить конюшню...

Сверх всяких надежд и ожиданий Грета позвонила утром на следующий день; и, видно, радость его так явно прорывалась в голосе, что она спросила после обмена приветствиями:

— У вас сегодня праздник?

Банальный комплимент сам напрашивался на язык, но он давно научился отказываться от всего, что лежит сверху, и потому тоже спросил:

— А у вас?

— Я переезжаю. Не хотите помочь?

— Ну конечно!

— Вещей совсем мало...

— Я сейчас же выезжаю!

Через десять минут он был у нее.

Вещей действительно оказалось мало: три кожаных чемодана, большой, в человеческий рост, лакированный кофр для верхнего платья, тюк с постельным бельем и подушками и связка книг. Остальное — мебель и прочее, — как объяснила Грета, было продано оптом перекупщику и ушло на уплату долгов.

Гай подрядил на улице посыльного в красном кепи с медным номером, тот погрузил вещи, и они поехали к матушке Луизе. Ехали долго: кормилица жила на Оливаерштрассе. Говорили о пустяках, Грета все время подсказывала дорогу.

Выгрузиться и перенести вещи в тесную квартиру им помогал Курт, молочный брат Греты. Матушку Луизу можно было бы и не называть матушкой. Она, правда, имела усталый вид, лицо в морщинах, но когда взглянула на Грету и улыбнулась, ей можно было дать лет сорок пять, не больше. Курт произвел на Гая впечатление парня основательного. Они не разговаривали, Курт спешил. Работал он, как сказала Грета, слесарем на каком-то машиностроительном заводе.

Еще больше, чем утренним звонком, Грета удивила его предложением поехать на озеро Ванзее — ей хотелось подышать воздухом, чего она не делала, кажется, уже сто лет...

Эта поездка запомнилась Гаю надолго. И вовсе не потому, что по глади озера скользили под парусами белые яхты, а над озером парили чайки, что небо было голубое и солнце светило ласково. И лишь наполовину потому, что, когда они катались на лодке — он на веслах, она перед ним, колени в колени, — Грета была прямо-таки счастлива, и когда глядела на него, ее серые глаза блестели, что после, когда они ужинали на веранде летнего ресторана и когда возвращались на электричке в Берлин, она так искренне, от души, смеялась его шуткам. Главное состояло в том, что он узнал и понял ее в этот день.

Она не умела врать, хотя ей в высшей степени было присуще женское искусство скрывать истинные чувства, придавая произносимым вслух словам обратный смысл.

Его поразил ее серьезный взгляд на некоторые вопросы бытия. От представительницы аристократического рода было довольно неожиданно услышать суждения, суть которых лучше всего можно передать в лаконичной, концентрированной форме пролетарских лозунгов.

Оказывается, она и до этой проклятой витрины успела кое-что понять. Ее отца, человека, совершенно лишнего практической жилки, бесчестные спекулянты недвижимостью обобрали до нитки, и он умер нищим, лишь перед самой смертью сообразив, что мир, в котором он так несчастливо жил, устроен крайне несправедливо. Разумеется, у него не возникло бунтарских мыслей, но свой протест он все-таки выразил, как умел, отказавшись от причастия. Это, между прочим, потрясло двенадцатилетнюю Грету до глубины души. После смерти отца, оставшись круглой сиротой, девочка могла бы пропасть, если бы не Луиза Шмидт. Эта простая женщина стала ей матерью и воспитывала наравне со своим сыном. Мытьем полов и стиркой зарабатывать на хлеб и маргарин она могла, но не больше. Кое-какие вещи, оставшиеся после отца, продавались постепенно ради того, чтобы маленькая графиня могла кормиться получше, но Грета устраивала забастовки, если Луиза не клала на тарелку Курта такого же куска, какой давала ей. Чтобы закончить гимназию, Грете пришлось подрабатывать. Она побывала и продавцом газет, и горничной, и посудомойкой. А когда в один прекрасный день старый друг отца фон Вернер по какой-то своей прихоти навестил ее и с приятным удивлением обнаружил перед собою красивую девушку, он вознамерился обеспечить ей существование, достойное происхождения. Была возвращена старая квартира с мебелью, назначено месячное пособие. Но Грета очень скоро поняла, что фон Вернер отнюдь не бескорыстен и не дружеские чувства к ее отцу питают его благотворительность. Сначала он попросил Грету стать его женой — он был вдовец. Она решительно отказалась. Тогда он предложил ей сделаться его содержанкой. Грета, наверное, покончила бы с собой, если бы не матушка Луиза. Ну, а потом она поступила в спортивный магазин...

Гай прямо спросил ее: «А как вы относитесь к новой власти?». И она так же прямо ответила: «Я ненавижу гитлеровцев и их свастику». Она недостаточно понизила при этом голос, и лишь по счастливой случайности никого не оказалось рядом. Он посоветовал никогда впредь не произносить таких вещей вслух.

В городе он подвез ее к дому, где жила Луиза Шмидт и где отныне будет жить и она. И на прощание Грета сказала, что согласна работать у него.

Гай был твердо убежден, что в честности и порядочности Греты можно не сомневаться. Нужно только привести в систему ее собственные мысли и взгляды, и она самостоятельно сделает правильные выводы.

На следующий день он заключил с нею джентльменский договор — без всяких письменных обязательств, — суть которого заключалась в том, что фрейлейн Маргарита-Виктория Равенсбург-Равенау в качестве референта голландского предпринимателя Ганри Манинга должна исполнять его отдельные поручения,

а он, в свою очередь, обязуется выплачивать ей жалованье в размере 200 марок в месяц.

Из конторы они отправились обедать. И с того обеда на протяжении недели расставались лишь на ночь — он отвозил ее домой и возвращался к себе, чтобы наутро увидеться в конторе.

Когда он в один подходящий момент сообщил ей, что приехал в Германию не только для того, чтобы изучать финансовое дело, но и для того, чтобы ознакомиться кое с какой негласной деятельностью гитлеровцев, она не очень-то удивилась, сказала лишь: «Что-то в этом роде я и предполагала». Он спросил, не побоятся ли Грета теперь исполнить одно необычное поручение. Она ответила, что верит ему во всем и готова слушаться. Напоследок Гай объявил, что, по всей вероятности, ей придется поехать в Дюссельдорф.

И вот после этого он встретился с Фрицем, чтобы доложить обо всем и договориться насчет действий в Дюссельдорфе, где правил власть штандартенфюрер СС Раушбергер, обожавший свою юную супругу Фьореллу.

Что касается Маргариты, Фриц целиком полагался на разум и чутье Гая, но содержание предстоящей операции существенно менялось: Фриц тоже не терял времени. Из достоверных источников ему стало известно, что отец Фьореллы, проконсул первого легиона милиции Мональди, приезжает из Италии в Дюссельдорф повидаться с дочерью регулярно два раза в месяц. Ездит он на итальянской армейской машине и под охраной. По дороге в Берлин через Дюссельдорф и обратно останавливается на отдых в Базеле, на вилле, которую ему «подарил» Раушбергер.

— Не исключено, что именно папа Мональди и есть тот фельдкурьер, которого мы ищем, — сказал Фриц.

— Значит, Грета тут не нужна?

— Это решать тебе. Я ведь ее не знаю... Пока сделай вот что... Ганса и Альдону немедленно перебрось в Базель. Пусть найдут виллу проконсула и разведают систему охраны. Нужно определить, так сказать, ритм жизни обитателей виллы. Пусть изучат город и прилегающие шоссе. Трех недель им на это хватит. — И добавил, видя, что Гая не отпускает какая-то мысль: — А насчет Греты подумай...

Раздумья Гая кончились тем, что через две недели Грета с богатым набором платьев, шляпок, туфель и прочего и с белой болонкой по имени Коко, которую матушка Луиза приобрела щеночком три года назад и в которой не чаяла души, отправилась на поезде в Базель, где она, еще будучи маленькой девочкой, при жизни отца, училась два года в частном пансионе для благородных девиц...

ГЛАВА 4 300 000 + 300 НА МЕЛКИЕ РАСХОДЫ

Перед отъездом в Швейцарию Гаю оставалось повидаться с Иштваном, который должен был передать ему последние донесения Ганса и Альдоны из Базеля, после чего взять билет и сдать чемоданы в багаж. Гай намеревался сделать это после завтрака. Но Иштван опередил его, позвонив по телефону и условным языком назначив срочную встречу.

Гай сел к нему в машину на стоянке у Ангальтского вокзала.

Первая фраза Иштвана испортила ему настроение.

— Ты не едешь в Швейцарию, все изменилось...

Нет, конечно, они ведь договаривались, что личные желания, а тем более капризы ни в какой расчет приниматься не будут, но в Швейцарии его ждало безусловно серьезнейшее дело, и он настроился туда ехать, испытывал нетерпеливую потребность двигаться и действовать и потому не мог сразу подавить в себе недовольство. А может, случилось что-то с Гансом и Альдоной? Или с Маргаритой?

— Прокол? — хмуро спросил он.

— Там все в порядке, — успокоил Иштван. — Фриц велел сказать тебе следующее. В Базеле надо все подготовить основательно, а для этого потребуется месяца два, не меньше. Тут сам фактор времени будет средством, орудием... Я передаю тебе слова Фрица буквально, понимаешь?

— Это не ново. Постепенность — девиз проверенный...

— Не нравится — скажешь ему самому, когда увидите. Это у тебя что-то новое. — Иштван, по видимому, категорически не одобрял реакцию Гая.

Поняв это, Гай сразу пришел в себя:

— Прости, Иштван, дорогой! Чертов характер!

Иштван тихо засмеялся, что бывало с этим пятидесятилетним, но выглядевшим на все шестьдесят, серьезным и несколько меланхоличным человеком весьма редко.

— Могу поставить десять против одного, что в детстве у тебя никто не отнимал игрушек, — сказал он.

— Это верно, — искренне удивленный, подтвердил Гай.

— Думаю, Фриц очень хорошо понял твой характер, если велел изложить тебе такую длинную мотивировку, да еще слово в слово, а?

— Он разбирается.

— Успокоился?

— Я слушаю. Прости еще раз.

Иштван сообщил, что Фриц будет ждать Гая на явочной квартире — у парикмахера Шнейдера —

послезавтра. А до тех нор, чтобы не терять времени, надо разыскать Рубинштейна, узнать, как дела у этого пройдохи, и прощупать почву — не согласится ли он сотрудничать с Гаем в одном коммерческом предприятии. Одна существенная деталь: это будет сопряжено с переездом в Амстердам. Остальное Гай узнает от Фрица.

Ему сразу стало легче: намечалось что-то новое, необходимо было действовать — этого достаточно. Его предотъездные меры не напрасны — придется уезжать, хотя и не сегодня вечером. Но хозяйке квартиры объяснить некоторую задержку не составит труда.

Расставшись с Иштваном, он наведлся на Ляйпцигерштрассе, где располагалась контора бывшей фирмы Шиммельпфенга и где он в последний раз видел Рубинштейна, караулившего клиентов на тротуаре перед входом в контору. Но Рубинштейна там не оказалось. Старик швейцар ничего о нем сказать не мог, но посоветовал обратиться в еврейское благотворительное общество, обосновавшееся рядом с Лертербангофом. Так Гай и сделал.

Со старой квартиры Рубинштейн съехал, а нового адреса Гаю в этом обществе не сообщили — вероятно, уже обжигались на молоке и теперь дули на воду, а может, действительно не знали, но бесплатный совет дали: Рубинштейна можно увидеть в Тиргартене. Гай отправился в Тиргартен.

Часовое гулянье по саду оказалось не напрасным: в одной из боковых аллей, на ярко-желтой скамье с черной надписью «Только для евреев», он увидел неподвижно сидевшего старика, в мятой шляпе со слишком большими бесформенными полями, в потертом, лоснившемся на рукавах пальто и в ботинках с разноцветными шнурками, в котором с трудом, но можно было узнать Рубинштейна.

Гай обрадовался:

— Здравствуйте! Что вы здесь делаете, господин Рубинштейн?

Старик медленно поднял голову. Он был давно не брит. Лицо темное, из-под шляпы торчат пряди седых волос.

— Он еще спрашивает... Что может делать еврей на желтой скамейке? Отдыхаю, господин Манинг! А вы гуляете?

— Искал вас. Мне подсказали в еврейской столовой около Лертербангофа...

— Что ж, эта скамья — теперь мой адрес. А зачем я вам? — Рубинштейн смотрел на него не то чтобы с неприязнью, но без всякой радости.

Гай присел рядом, закурил сигарету и весело сказал:

— Мне сегодня приснился пророк Исаак. Он был чем-то недоволен. Ругался на все племя человеческое. А потом читал длинную проповедь. Я запомнил только последние слова: «Грош цена тому еврею, у которого нет своего торгового дела!»

— Не морочьте мне голову, — сердито отозвался Рубинштейн.

— Нет, серьезно. У меня к вам деловое предложение. Мне нужен компаньон.

Рубинштейн наконец изменил позу, сел прямо.

— Мой нос не украсит ничью фирму.

— Я собираюсь организовать кое-что, но не здесь, а в Амстердаме. Могли бы вы туда поехать?

Рубинштейн начал верить, что с ним не шутят.

— Как все это будет выглядеть?

— О деталях после. Сейчас мне нужно знать в принципе — согласны вы или нет.

— Моя жена и сын сидят в лагере. Меня к ним не пускают. Я не могу им помочь. — Он словно рассуждал сам с собой. — Что еще может держать меня в этом проклятом городе?

Гай промолчал.

— Но я смогу сюда вернуться? — спросил Рубинштейн.

— В этом я вам помогу.

— Но что я должен делать?

— Я же сказал: детали позже. Мы займемся чистой коммерцией.

— Я вам скажу, господин Манинг: если на свете есть ариец, который лучше сотни евреев, так он-таки есть вы!.. — Он вздохнул и добавил: — Только знаете, что я вам скажу? Никогда не говорите мне, кто вы и что вы. Вы платите жалованье, а я честно исполняю распоряжения. А кто и что — я не знаю...

Гай не мог не улыбнуться:

— А почему вы решили, что я собираюсь вам говорить?

— Ну, тогда я спокоен.

Они условились, что встретятся вновь через два дня в кафе «Уландэкк» в восемь часов вечера.

В парикмахерской Шнейдера Фриц изложил задачу. Они говорили целый час, и Гай услышал от него такие подробности, относящиеся к предстоящей операции, что у него все время вертелось на языке спросить: откуда все это известно? Но задавать подобные вопросы он не имел права, да, скорее всего, и не получил бы ответа.

Суть дела заключалась в следующем.

Гитлеровская разведка имеет немало осведомителей во Франции. Пока они за свою иудину деятельность не получают сребреники, фашисты не могут зачислить их в свой постоянный актив, не могут держать их в руках и управлять ими. Чтобы превратить добровольных осведомителей в платных агентов, их необходимо повязать деньгами.

У гестапо созрел такой план. В Голландию будут нелегально переправлены деньги, которые через посредство какой-нибудь фирмы поступят в банк, а банк переведет их во Францию малыми суммами по тем

адресам, которые ему укажут. Предпочтение будет отдано еврейской фирме: такой камуфляж, кроме того, что он соблюдает главное условие — анонимность, дает к тому же возможность при желании использовать эту финансовую операцию в провокационных целях. Получатели на почте дадут расписки в получении денег, и потом их можно шантажировать скандалом.

Гай должен добыть списки адресатов.

Так как, по всей вероятности, нацисты хотят повернуть дело в самом скором времени, следует поторопиться.

Рубинштейн учредит в Амстердаме посредническую фирму. Курьера, который привезет из Германии деньги, надо подвести именно к этой фирме. Задача трудная, но осуществимая. Остальное предусмотреть невозможно, все будет зависеть от расторопности Гая. Прибегать к помощи Микаэла Манинга запрещается, и вообще появляться у него в баре Гай не имеет права...

День выезда курьера и его имя Гаю сообщат. Сам Гай должен будет действовать уже под именем графа ван Гойена, голландца, живущего в Соединенных Штатах. Полезно сделать пробу для этой легенды и вжиться в новую оболочку.

И опять на лице у Гая явственно обозначился вопрос: ну откуда Фрицу могут быть известны такие вещи о курьере? Фриц, видно, легко прочел его, этот немой вопрос, но ничего не сказал, только улыбнулся...

Штурмбанфюрер Дитер Бюлов сидел в большом кресле под портретом Адольфа Гитлера в своем служебном кабинете в министерстве иностранных дел. В левой руке у него дымилась толстая сигара, в правой он держал служебную анкету красивого блондина в штатском, стоявшего перед Бюловым руки по швам.

— Штурмфюрер Клаус Лёлке явился в ваше распоряжение, штурмбанфюрер, — отпартовал блондин.

— Вижу, — сухо бросил Бюлов и продолжал просматривать анкету. Прочитав до конца, он положил папку на стол, сделал несколько неглубоких затыжек и все так же сухо спросил: — Вы служили в фирме Герзона?

— Так точно!

— Ваш магазин находился в начале Курфюрстендамм? По левой стороне, под синей вывеской?

— Так точно!

Бюлов откашлялся.

— Вас временно откомандировали из группы охраны рейхсфюрера к нам, в министерство иностранных дел. Вам известно — почему?

— Никак нет!

— Потому что вы имели обширное знакомство среди евреев, и даже говорите на их жаргоне... Это верно?

— Да.

— Гм... Садитесь, штурмфюрер, и слушайте внимательно. — Бюлов положил сигару в пепельницу. — Вы из газет знаете, что учение нашего фюрера находит сочувствующих и последователей во многих странах, даже во Франции. Из-за своих убеждений они подвергаются гонениям и терпят невзгоды. Мы обязаны их поддерживать материально. Я мог бы и не говорить вам всего этого, но мне надо, чтобы вы прониклись важностью и благородством предстоящей вам задачи и выполняли ее сознательно.

— Я понимаю, штурмбанфюрер.

— Высшее руководство дает вам совершенно секретное поручение. Завтра вечером вы отправитесь в Амстердам. Надо подыскать фирму, которая могла бы, действуя от своего имени, через банк перевести деньги во Францию по указанным вами адресам. Избранная вами фирма должна быть свободна от подозрений в сочувствии нашей стране или идеям фюрера. Скажу больше: пусть это будет прямо враждебно настроенная фирма. Чем враждебнее, тем лучше. Вы поняли?

— Так точно!

— Вы работали в торговле, штурмфюрер, и понимаете, что главная техническая трудность заключается в передаче денег наличными: в наше время денег в чемоданах никто не возит. Этот момент целиком будет зависеть от вашей изобретательности и инициативы. Если чувствуете себя не готовым, вам следует отказаться теперь же.

— Я готов, штурмбанфюрер!

— Тем лучше. Завтра вы получите дипломатический паспорт. В Амстердаме для вас заказан номер в отеле «Карлтон». Там вы будете не Клаус Лёлке, а Абрам Моссе. Вам что-нибудь говорит эта фамилия?

— Впервые слышу.

Бюлов поморщился: каждый грамотный немец знал фамилию издательского короля, еврея Моссе.

— Придите ко мне через два часа. Я дам вам кое-что прочесть, и мы поговорим насчет того, как следует вести себя в Амстердаме.

Открыть новую фирму оказалось трудно. При самом благоприятном ходе дела улаживание всех необходимых формальностей требовало не меньше двух месяцев. А между тем уже спустя неделю по прибытии в Амстердам Гай получил сообщение, что интересующий его клиент выезжает через несколько дней и должен остановиться в отеле «Карлтон» под именем Абрама Моссе. Надо было срочно что-то предпринимать.

Стреляный воробей Рубинштейн видел выход лишь в одном: найти фирму, которая из-за финансовых затруднений стоит на грани краха, и вступить в пай, а еще лучше — откупить патент, не меняя вывески.

Ничего иного не оставалось. Они начали лихорадочные поиски.

В ту пору в Амстердаме уже появилось много коммерсантов-евреев, которые в предвидении худшего предпочли бросить в Германии хорошо налаженные дела и убраться подальше от фашистов. Среди этой публики у Рубинштейна имелись обширные знакомства. И в конце концов он получил ценный бесплатный совет: ему указали на фирму «Импорт — экспорт», сокращенно «Импэкс», основанную еще перед мировой войной и в настоящее время из-за недавней смерти старого владельца и благодаря мотовству и распутству его наследника находящуюся при последнем издыхании.

Резиденция этой фирмы, всегда пользовавшейся безупречной репутацией, которую молодой владелец еще не успел, несмотря на мотовство, сильно подмочить, располагалась на третьем этаже старинного пятиэтажного дома на площади Рокин, украшенной в центре четырехугольным бассейном, соединенным с рекой узким каналом.

Соглашение, которое заключил молодой владелец фирмы с Рубинштейном, было его первой и, вероятно, последней выгодной сделкой. Подписав минимально необходимые бумаги, он взял деньги наличными и исчез, предоставив Рубинштейну возможность самому вводить себя в курс немногочисленных дел фирмы.

Это произошло накануне появления в Амстердаме Абрама Моссе, то есть штурмфюрера Клауса Лёльке. В отеле «Карлтон», где он занял довольно скромный номер, тремя днями раньше поселился и Гай — граф ван Гойен, вернувшийся из Соединенных Штатов.

Предстояло создать Абраму Моссе такие условия, чтобы он в своих поисках неизбежно уткнулся в вывеску «Импэкс» и непременно перешагнул порог фирмы. Рубинштейн в разговоре с Гаем вспомнил про детскую головоломку — фанерный ящик с верхней крышкой из стекла, в ящике заключен хитрый лабиринт, в котором бегают стальной блестящий шарик. Он сказал, что провести шарик по дорожкам лабиринта и загнать его в черную дырку гораздо легче, чем то, что предлагает сделать Гай, но тут же отправился к своим берлинским коллегам. А сам Гай, с удовольствием отметив, что господин Рубинштейн за последнее время опять обзавелся брюшком, а костюм его обрел те обтекаемые линии, которые свидетельствуют о благополучии, сел на телефон и принялся звонить в рекламные отделы газет и радио.

В Берлине, инструктируя штурмфюрера Клауса Лёльке, штурмбанфюрер Дитер Бюлов сообщил ему, конечно, некоторые данные о семье владельцев крупнейшей издательской фирмы Моссе. Абрам Моссе должен был выдавать себя за дальнего родственника этой семьи. Но так как во время беседы выяснилось, что Лёльке вообще не слышал о такой фамилии, а из этого, в свою очередь, следовало, что он книжек не читал, — мнимое родство с издателями практической выгоды не давало. Поэтому главная ставка делалась на великолепное знание штурмфюрером того жаргона, на котором изъяснялись еврейские коммерсанты в Берлине.

Действительно, перед Абрамом Моссе в Амстердаме открылись все двери. Исправно посещая синагогу и еврейские культурные общества, он через неделю стал своим в торговых и финансовых кругах. Почти всякий раз, когда он заводил речь о некоей гипотетической деликатной финансовой операции и просил совета насчет фирмы, наиболее сведущей в этом вопросе, его собеседники без колебаний называли «Импэкс». Не полагаясь на собственные впечатления и зная, как в Берлине любят документацию, Лёльке обратился за помощью к частным информационным конторам. Его требования были противоречивы и сбивали информаторов с толку, но кипа справок росла, и в конце концов, перечитав их снова и снова, Клаус Лёльке решил, что наиболее скромной, враждебной национал-социалистам и в то же время солидной в лучшем смысле этого слова является фирма «Импэкс», выполняющая иногда и поручения финансового характера. Ни одного скандального случая об этой фирме ни в синагоге, ни в лучшем еврейском ресторане, ни в торговой палате он не услышал.

Довольный сделанным, он сел однажды вечером на скорый поезд и утром доложил свои наблюдения штурмбанфюреру Бюлову.

Осторожный Бюлов с неделю понемногу его расспрашивал, в то же время, очевидно, советуясь со своим начальством, и наконец объявил:

— Ну, хорошо. Выбор одобрен. Теперь вы поедете на Принц-Альбрехтштрассе и примете деньги. Их надо сдать в Нидерландский коммерческий банк через фирму «Импэкс». А список французских адресатов вы сами отдадите непосредственно банку.

— Я понял.

— Вы назвали сумму в восемнадцать тысяч долларов?

— Да. Столько полагается фирме и банку за услуги.

— Хорошо. Значит, вы получите на Альбрехтштрассе триста тысяч долларов и эти восемнадцать.

При этих словах перед глазами у Лёльке проплыли большие радужные круги во главе с высокомерной тройкой, целый поезд с паровозом. Дальнейшее доходило до его ушей как бы под отдаленный звон колоколов, хотя он слушал Дитера Бюлова со всем вниманием.

— Вы поедете на машине. Кроме шофера, вас будут сопровождать двое в качестве охраны. Таможенный досмотр вас не касается — вы имеете дипломатический паспорт. Пересечь границу будет просто. Выгрузиться в «Карлтоне» тоже не трудно. Пока вы будете улаживать дело в банке и у дирекции фирмы, чемодан с деньгами должен находиться в запертом номере под охраной. Опасным моментом будут десять минут переноса чемодана из «Карлтона» в банк на Калверстраат или двадцать минут в помещение фирмы на Рокине. Но Амстердам не Чикаго, эсэсовцы — не американские полицейские.

Дитер Бюлов встал.

— Желаю удачи. — И, нарушая ритуал, протянул одеревеневшему Клаусу Лёльке руку.

Когда Лёльке вышел, Бюлов из неплотно прикрытой боковой двери впустил в кабинет молодого и очень

интеллигентного на вид штурмфюрера Конрада Рейтера.

— Вам хорошо было слышно?

— Вполне!

— Вы назначаетесь ответственным за целостность денег при всех обстоятельствах. Вам заказаны комнаты по соседству с номером Лёльке. В случае нападения захватите чемодан и немедленно пересекайте границу в любом удобном месте. Не бойтесь нарушить законы. Если понадобится — стреляйте.

Получив подробные инструкции, Рейтер покинул кабинет, и тогда Дитер Бюлов пригласил из своей комнаты для отдыха ожидавшую там молодую женщину в форме унтерштурмфюрера СС.

Вошедшая была светлой блондинкой, великолепно сложена, и даже эсэсовская форма не могла убавить впечатления яркой женственности, и лицо ее, матово белое, было красиво. Но стоило только раз взглянуть в ее зеленоватые узкие глаза, и возникало странное ощущение какого-то тревожного несоответствия. Они убивали всю женственность. Глядя в них, человек невольно начинал лихорадочно соображать: а не натворил ли он чего-нибудь, противного закону и совести?

— У этой девки палаческие глаза, — сказал Бюлов майору вермахта Цорну из Цвайгштелле-5. Цорн был начальником отделения-5 Отдела документации крупнейшей технической фирмы Германии. Под этой маской новорожденный генштаб вермахта держал один из своих разведывательных центров. Именно Цорн рекомендовал Бюлову свою сотрудницу Дорис Шерер для этой операции.

Женщина щелкнула каблуками и вытянулась в ожидании.

— Вот и все, унтерштурмфюрер. Вы слышали разговор со всеми участниками операции, и вы одна знаете систему в целом... Больше я у себя никого не прячу. — Он хмуро усмехнулся. — Ни деньги, ни их охрана вас интересовать не должны. Ваша забота — Клаус Лёльке. Вы должны оберегать его... как бы это выразиться... от него самого. Вам понятно?

— Так точно!

— Если он начнет мудрить — застрелите его.

— Так точно!

Бюлов помолчал, не зная, что еще сказать этой особе, взгляд которой рождал в нем смутную беспричинную тревогу.

— Вы можете идти, унтерштурмфюрер Шерер, — проговорил он наконец, глядя в сторону.

Она щелкнула каблуками и неслышно исчезла.

Лёльке обладал прекрасной арийской наружностью, какую весьма ценили богатые пожилые дамы, посещающие модные магазины берлинского запада. В одном из них Клаус Лёльке достиг положения старшего приказчика, потому что умел вовремя со сладкой улыбкой подать покупательнице стул и терпеливо предлагать ей бесчисленные образцы дамского белья. Клаус Лёльке уважал своего хозяина до тех пор, пока однажды ненароком не обманул его доверия. С того дня он стал намеренно повторять такие случаи, совершенствуя приемы и увеличивая количество украденных денег. Одновременно с тайным сознанием собственной нечистоплотности в нем росло желание нагадить хозяину как можно больше. Когда у Лёльке появился собственный домик около Крумме Ланке и свой автомобиль, он был уже глубоко убежден, что честными способами нельзя нажить даже честного имени. Набожность жены внушала ему одно лишь раздражение — он понимал, что глупая Эльза, похожая на лошадь, чище и лучше его, белокурого красавца Клауса. Он бессознательно завидовал ей, считая справедливыми ее пощечины за многочисленные измены, но изобретал себе оправдания, почему-то старался представить себя невинным страдальцем, и именно этот скрытый комплекс неполноценности заставил его вступить в штурмовой отряд.

Все текло спокойно, пока не произошел переворот, приведший Гитлера к власти. Давнишний приятель Лёльке, ресторанный официант Эрнст, стал всесильным начальником берлинских штурмовиков. Как-то он попросил взаймы денег, Лёльке дал втрое больше и без отдачи, и Эрнст, кое в чем искажив партийную биографию друга, произвел его в командиры батальона. В «Ночь длинных ножей» Эрнста расстреляли, чему Лёльке был весьма рад, потому что таким образом устранялся нежелательный свидетель. Послушный, аккуратный и воспитанный Лёльке перешел из штурмовиков в СС и за арийскую внешность и безупречное поведение был назначен в личную охрану фюрера. К чести Лёльке, он не был идейно убежденным национал-социалистом. Просто вовремя сориентировался. Будучи нечистым на руку и обладая задатками мелкого авантюриста, рассчитывать на крупную карьеру не приходилось. Но Лёльке твердо знал, что своего-то он не упустит.

Когда его привели в подвал на Принц-Альбрехтштрассе, 9, где посреди стальной комнаты-сейфа стоял железный стол, на котором высились груды денег, то Лёльке вначале оцепенел и стал как будто бы плохо видеть и слышать: точно сквозь кисею он увидел стальной чемодан, снаружи обтянутый кожей, аккуратные штабеля долларов в крупных купюрах, которые люди в белых халатах аккуратно укладывали в чемодан, и наконец цифру 300 000, запечатленную на бумаге, где он и расписался... А затем поставил подпись на отдельной бумаге, где значилось число 18 000...

С той минуты он как бы не принадлежал себе. Он стал придатком колесницы из пяти радужных нулей и высокомерной тройки. Его приковали золотой цепью к этой колеснице, и куда она его влечет, было никому не ведомо...

На длинном, как торпеда, черном бронированном «мерседесе», в обществе двух немолодых охранников, Лёльке без происшествий прибыл в Амстердам и поселился в знакомом номере отеля «Карлтон». Ему

оставалось осуществить чисто техническую часть операции — отнести чемодан в Нидерландский коммерческий банк, где вице-директор сдаст деньги, а он, Лёлке, вручит ответственному служащему банка список адресатов.

За день до прибытия Абрама Моссе Гай, уже успевший приглядеться к текущему составу обитателей «Карлтона», отметил появление в отеле целой группы новых путешественников. Они заняли на втором этаже все номера по соседству с номером, где до этого останавливался Моссе, исчезнувший на целую неделю, но оставивший номер за собой. Гай жил на том же этаже, но в другом конце коридора.

Новых обитателей роднила не только манера поведения и речь. Посидев в ресторане за обедом неподалеку от них, Гай без труда установил, что все шестеро подчиняются одному — симпатичному блондину с интеллигентным лицом.

Тут все было ясно. Но, сосредоточив интерес на этой группе, Гай поначалу не обратил внимания на свою новую соседку — молодую красивую женщину, приехавшую в тот же день. Он слышал утром плеск воды в смежном номере, который до этого пустовал; позже, в середине дня, выйдя купить сигарет, встретился с нею в коридоре. В светло-сером английском костюме, белой шляпе, белых перчатках и туфлях-лодочках на высоком каблуке, она шла по мягкой ковровой дорожке преувеличенно мелкими шажками, и у Гая мелькнула мысль, что вероятно, у этой странной красавицы жмут туфли или слишком узка юбка. И еще он отметил, что она упорно глядела прямо себе под ноги, словно боялась споткнуться. Так, наверное, ходят мужчины, переодетые в женское платье.

Но все эти мимолетно зафиксированные подробности не имели бы никакого значения, если бы вечером, прогуливаясь возле бассейна на площади Рокин в ожидании, когда Рубинштейн опустит жалюзи на окнах и выйдет из конторы, — граф ван Гойен был одним из клиентов фирмы «Импэкс» и часто встречался с вице-директором в нерабочее время, — если бы в этот вечерний час Гай вновь не увидел свою соседку и не был поражен происшедшей в ней переменной. Одета в скромный темный костюм, в черной шляпе, в черных башмачках, она шагала широко, почти по-солдатски. Можно было подумать, что это совсем другая женщина, но Гай отлично запомнил ее лицо.

Она прошла по тротуару мимо подъезда, взглянув на табличку фирмы, затем вернулась и скрылась в подъезде. Минут через десять жалюзи на окнах опустились, еще через минуту появился Рубинштейн, а женщины все не было.

На четырех верхних этажах дома размещались различные торговые конторы, так что странная дама могла задержаться где угодно, но Гай почему-то испытывал такое ощущение, что целью ее прихода был именно «Импэкс», и у него шевельнулась тревога.

— К вам сейчас заходила молодая дама? — спросил он у подошедшего Рубинштейна.

— Да. С такими, знаете, глазами... — Старик пошевелил пальцами, не находя определения.

— Что она хотела?

— Поинтересовалась, может ли фирма взять на себя продажу недвижимого имущества и последующий перевод денег в Германию.

— Угу... — Гай продолжал смотреть на двери подъезда. Дамы не было.

Прошло еще десять минут, и вдруг он увидел ее идущей по тротуару широким солдатским шагом. Она появилась из-за угла соседнего с конторой дома, стоящего впритык, другая сторона которого выходила в переулок.

— Идите в «Палас» и ждите меня, — сказал Гай Рубинштейну.

Тот ушел. А Гай, проводив глазами непонятную даму, пока она не скрылась из виду, поспешил к дому.

Вверх до четвертого этажа вела солидная широкая лестница с пологими маршами, с частыми удобными ступенями. Поднявшись на четвертый этаж, он с площадки посмотрел вниз. Отсюда отлично была видна и входная дверь, и дверь конторы «Импэкс».

Пятый этаж явно был достроен позже. И лестница уже не та, и с площадки в обе стороны тянутся длинные коридоры, в которые выходят узкие двери маленьких каморок. Свет проходил через длинные стеклянные окна в потолке. Похоже на чердачные кладовые. А может, жилье для прислуги...

Гай пошел по левому коридору, в конце которого на торцевой стороне тоже была узенькая дверца. Открыв ее, он увидел коридор соседнего дома. Здесь было полутемно, горела лишь маленькая тусклая лампочка.

Гай прошел коридор насквозь и очутился на лестничной площадке пятого этажа соседнего дома. Спустился и вышел из дома в переулок.

Вот, значит, каким образом молодая дама появилась не оттуда, откуда он ее ждал.

Кто же она такая? Чего здесь искала?

Впервые за последние пять месяцев Гай выругал себя самым нещадным образом. Если какая-то смазливая дамочка сочла необходимым так тщательно исследовать место интересующего ее действия, то о чем же думал он?

В том, что эта дама имеет прямое отношение к предстоящим событиям, можно было не сомневаться. Оставалось только определить, какую роль она играет.

У швейцара Гай узнал, что оба смежных дома принадлежат одному хозяину, а коридор на пятом этаже сделан по настоянию пожарной городской охраны. Почему именно на пятом? Очень просто: на остальных четырех этажах уровни домов не совпадают...

Выпив с Рубинштейном чашку кофе и договорившись о контакте на завтра, Гай вернулся в отель.

Портье не очень удивился, услышав от графа вопрос, касающийся красивой дамы. Заглянув в книгу, он сообщил, что это Эрна фон Штиллер, студентка из Берлина. Цель ее приезда — занятия в городской библиотеке Амстердама.

Гай познакомился с нею за табльдотом — их места оказались рядом. Он изобразил склонного к пустой болтовне беспечного космополита-одиночку, шляющегося по свету в надежде убежать от скуки. Вставил и поместье в Новой Гвинее, обширное, но бестолково ведущееся, и надоевший Вавилон современности — Нью-Йорк, покинутый им недавно и, к счастью, навсегда... Однако Эрна фон Штиллер совсем не горела желанием поддерживать разговор в том легком взаиморасполагающем тоне, который с места в карьер взял этот легкомысленный граф. В тех местах его словоизлияний, где полагалась бы поощряющая улыбка, она лишь снисходительно кривила свои свежие, полные, яркие без помады губы. А взглянула на него только раз, и тем едва не оборвала его болтовню. Гай подумал: принадлежи эти глаза мужчине, он не хотел бы с ним повстречаться на узенькой дорожке.

Но все же они познакомились и жили в смежных номерах, а это уже кое-что...

Наконец появился Моссе с чемоданом из толстой зеленой кожи, и коридор второго этажа с этого момента уже не пустовал: кто-нибудь из немцев обязательно прохаживался по ковровой дорожке.

И уже к вечеру Гай установил непреложный факт: Эрна и Моссе связаны одной веревочкой. Трижды Моссе покидал отель, и трижды покидала его Эрна. Моссе посетил контору «Импэкс», почтамт и синагогу. У конторы и синагоги Эрна, следовавшая за ним незаметно, останавливалась ждать на улице, а в почтамт даже зашла. Гай отметил, что к аксессуарам ее скромного темного костюма добавилась непропорционально большая и тяжелая на вид сумка. В такой вполне мог уместиться и крупнокалиберный револьвер дальнего боя. Сумочка заметно оттягивала ей руку. Тому, кто видел эту дамочку воздушно двигавшейся по коридору «Карлтона» в элегантном сером костюме и белой шляпе, обязательно бросилась бы в глаза разительная перемена: она сделалась вдруг быстрой и решительной.

Визит Моссе в «Импэкс» был довольно продолжительным, и Гаю не терпелось узнать, о чем там шел разговор. Поэтому, проведив после синагоги Моссе и Эрну в отель и убедившись, что сегодня, за поздним временем, больше ничего существенного ждать не приходится, он отправился в «Палас», где условился встретиться с Рубинштейном.

Он весь день не ел и потому заказал плотный ужин, а затем уже повернулся к Рубинштейну:

— Ну?

— Вы хорошо сидите на стуле? — по своей всегдашней манере вопросом на вопрос отвечал старик.

— Ну, ну, не тяните.

— Герр Моссе, хотя я-то знаю, что это совсем не герр Моссе, — он не такой уж проходимец, как вы, может быть, себе думаете... Он почище!

— Короче можно?

Но Рубинштейн не спешил. С видом гурмана, которому в еврейском ресторане на Калверстраат подали петушиную печенку, жаренную в духовой печи на бумаге и приправленную нудлями, посыпанными корицей и тмином, он смаковал предстоящее удовольствие. И только полностью наладившись, приступил к делу:

— Герр Моссе интересуется достать голландский заграничный паспорт.

У Гая даже уши заложило — несколько секунд он не слышал оркестра.

— Что вы ему сказали?

— Что я могу сказать? Вы помните, что я сказал вам, когда вы попросили достать жетон гестапо: нужны деньги, много денег.

— Это все? Он ведь торчал в конторе битый час...

— Еще он спрашивал, могу ли я положить деньги в банк на имя какого-то одного человека.

— Ну?

— Я ему сказал: какая мне разница?

— И до чего же вы договорились?

— Придет завтра в девять...

— А вы действительно можете достать паспорт?

— Я? Нет... Деньги — могут.

Гай и не хотел, а улыбнулся:

— С вами пообщаешься — жить научишься.

— Ого-го! — Рубинштейн был явно польщен.

— А много надо денег? — спросил Гай.

— Вы говорите так, как будто в кошелек надо лезть вам, а не ему.

— Но все-таки: сколько?

— Этого я не знаю, но это легко узнать.

— А с чего вы взяли, что он не Моссе?

— Когда этот мальчик шлялся тут по городу, его встретила одна моя знакомая — она работает посудомойкой в столовой. Удрала из Берлина еще три года назад. Она знает этого Клауса Лёльке, как я вас.

— Придется доставать паспорт.

— А кто говорит, что не придется?

Из ресторана, взяв такси, Гай отвез Рубинштейна не к нему домой, а на квартиру к его хорошим знакомым,

жившим в Амстердаме с незапамятных времен, которые, как сказал Рубинштейн, знали здесь всех, кроме кладбищенских сторожей, и которых тоже знали все, кроме налоговых инспекторов.

А утром, ровно в девять, Рубинштейн встречал в конторе дорогого, уважаемого клиента — Абрама Моссе.

Поговорив о преимуществах берлинской погоды перед амстердамской, они перешли к сути.

— Как насчет паспорта? — смахивая со стола несуществующие пылинки, как бы между прочим, поинтересовался клиент.

— Можно. Тысяча долларов.

Клиент кивнул головой.

— А как скоро?

— Три дня.

— Что от меня еще требуется?

— Фотокарточка и ваш паспорт.

Клиент вынул из кармана немецкий паспорт на имя Абрама Моссе, порылся в портмоне, извлек фотокарточку, положил то и другое на стол. Рубинштейн спрягал паспорт и карточку в свой карман и выжидающе взглянул на клиента. Тот понял и отсчитал из толстой пачки, лежавшей в портмоне, десять столотларовых купюр.

— Может быть, вы хотите взять другую фамилию? — осведомился предупредительный вице-директор, приняв и пересчитав деньги.

Клиент подумал и сказал:

— Пожалуй...

— Как же?

— Карл Герзон.

Если бы Рубинштейн знал, что Абрам Моссе, он же Клаус Лёльке, штурмфюрер СС, пожелал взять себе фамилию своего бывшего хозяина, обворованного и в конце концов доведенного им до краха, даже такой тертый калач подивился бы вычурности человеческих прихотей. Но он этого не знал, и потому бесстрастно записал в блокнот новое имя герра Моссе.

— Теперь о деньгах, — сказал клиент.

— Да, я слушаю...

— Вы должны положить их в Нидерландский коммерческий банк на это имя.

— Как прикажете, так мы и сделаем. Процент за услуги тот же.

— Но это не все. Необходимо соблюсти еще одно условие...

— Слушаю...

— Мне непременно надо иметь документ из банка, подтверждающий отправку денег во Францию по нескольким адресам.

Рубинштейн наморщил лоб:

— Это сложнее.

— Но можно?

— В принципе все можно...

— Я готов платить сколько надо.

— Но по каким адресам?

Клиент извлек из портмоне сложенный вчетверо лист, протянул его вице-директору.

— Хорошо, постараюсь, — скромно обещал Рубинштейн.

— Значит, через три дня!.. Сегодня вторник... Прикажете в пятницу?

— Приказывает тот, кто платит, герр Моссе, — еще более скромно прозвучало в ответ.

Клиент как будто маялся еще каким-то невысказанным желанием. Вице-директор подбодрил его.

— Если у вас возникнут затруднения...

— Один вопрос, — прервал его Моссе. — Мне нужен билет на пароход. Скажем, в Суринам...

— Ничего не может быть легче, — сразу понял вице-директор, снял трубку телефона и назвал телефонистке номер. Моссе внимательно слушал его разговор: — Алло, скажите, милая, если мне надо побыстрее сесть на пароход, который доставил бы меня в Суринам, — что я должен делать?.. Да... Пожалуйста, я подожду... Да-да... Очень буду благодарен... Один билет, да... Каюту... — И к Моссе: — Люкс? — Тот кивнул. — Да, люкс, пожалуйста... «Королева Вильгельмина»? Спасибо, я приеду за билетом... — Рубинштейн положил трубку. — Ну вот, видите. Лайнер «Королева Вильгельмина» снимается из Амстердама ровно в двадцать четыре в пятницу.

Моссе был доволен, и только поэтому, вероятно, его напоследок пожелание облеклось в такую мягкую форму:

— Вы не болтун?

— О чем вы говорите! — весело запротестовал Рубинштейн. — Что́ хочет наш клиент, то́ умирает вот здесь. — Он ткнул себя пальцем в левый бок.

— Хорошо. Насчет квитанции из банка мы договоримся в пятницу — как и что. До свидания...

Гай, ожидавший конца этой затянувшейся деловой беседы, сделал еще одно немаловажное открытие.

Когда он шел за Моссе на площадь Рокин, сюда же шла и Эрн. Слежка сильно осложнилась для Гая с тех пор, как она составила ему компанию в этом неблагоприятном занятии: приходилось быть незаметным и для

Моссе, и для нее, причем для нее — в большей степени, ибо с Моссе он, по крайней мере, не был знаком и не завтракал с ним за табльдотом. Некоторое успокоение он почувствовал, когда установил, как сильно эта красивая особа поглощена предметом слежки. На него, графа ван Гойена, просто не хватало ее пронзительных зеленых глаз.

Так вот, придя втроем на площадь Рокин, они разъединились. Моссе, естественно, скрылся в конторе, Гай занял удобный пост за бассейном, а Эрн минутой позже после Моссе тоже вошла в подъезд фирмы.

Зная о существовании пожарного коридора на пятом этаже, Гай держал под наблюдением и подъезд, и переулок. И был вознагражден забавным зрелищем. Сначала из двери в переулок быстро, как будто и вправду спасаясь от пожара, выскочила Эрн. Минуты через две оттуда же появился и Моссе-Лёльке. Гай даже поцокал языком от удовольствия. Значит, вот оно как: Эрн сторожила его, наверное, на площадке четвертого этажа, откуда удобно наблюдать за дверью фирмы и за выходом, а этот голубчик тоже почему-то заинтересовался внутренним устройством дома и повторил открытие, которое уже сделали сначала Эрн, а потом Гай. Ей пришлось спастись бегством.

А потом они пошли по городу, являя собой некий странный треугольник, гораздо более необычный, чем классический треугольник, который так безотказно выручает литературу и театр не одну тысячу лет и будет выручать, по крайней мере, еще столько же. Лишь Моссе слегка напоминал одну из сторон классического треугольника, а именно мужа, который всегда ничего не знает. Каждый его шаг наблюдали две пары глаз, а он об этих глазах не знал. Эрн видела Моссе, но не видела Гая. Гай видел и его, и ее. Зато Моссе выбирал желания и шел, куда хотел, а им оставалось лишь следовать за ним.

Покинув фирму через запасной, так сказать, выход, Моссе, он же штурмфюрер Лёльке, отправился в магазин игрушек. Гай не заходил в него и не знал, что там было куплено. Эрн заходила.

Моссе вышел с небольшим синим пакетом, и они втроем отправились дальше.

Внимание Моссе привлек морской магазин. Опять Гай остался на улице, а Эрн вошла.

Из этого магазина Моссе уходил с более капитальной покупкой: в руке он нес матерчатую сумку-торбочку, набитую довольно плотно. Сверху синел угол уже знакомого пакета.

Дальше Моссе взял курс на отель, за ним и Эрн, а Гай — к Рубинштейну.

Выслушав подробный отчет, он надолго задумался. Первым побуждением было — не упустить такой редкий случай, отнять у нацистов деньги.

Главное, ради чего Гай приехал в Амстердам, — список нацистской агентуры во Франции — был у него в руках. Но вдобавок получить для общего дела 300 тысяч долларов — это было бы совсем неплохо.

Гай взял список себе, чтобы в гостинице снять его на пленку. Он быстро распрощался с Рубинштейном, сказав, что придет завтра утром и сообщит, что делать дальше. Он почувствовал усталость. Надо было полежать, глядя в потолок, и обмозговать все до последней косточки.

Но, придя в номер, он сначала поработал с фотоаппаратом.

А в результате раздумий, как он ни комбинировал, ему пришлось заставить себя в половине десятого вечера собрать несессер, предупредить портье о срочном отъезде, заплатить за трое суток вперед, оставив номер за собой, на такси поехать к Рубинштейну, отдать ему список, сказать, чтобы делал все, как обещал клиенту, и ждать его через два дня. А потом — на вокзал.

Утром он был в Берлине, а в обед встретился с Фрицем. И впервые получил от него нагоняй. Фриц по-настоящему расстроился, когда Гай изложил ему заветный план экспроприации трехсот тысяч нацистских долларов. Вдаваться в подробности Фриц не стал, заметил только, что в их работе есть свои закономерности, и по этим закономерностям отправка нацистских денег тайным агентам во Францию важнее и дороже трехсот тысяч наличными. Эта отправка со временем может принести общему делу борьбы с фашизмом такую пользу, что никакими деньгами не оценишь. Он, Фриц, очень огорчен тем, что Гай своим умом не постиг простой истины. Но об этом они потолкуют на досуге, если таковой выпадет им когда-нибудь. Гай прямо из парикмахерской Шнейдера поехал на вокзал, имея ясный план дальнейших действий...

У Клауса Лёльке тоже имелся свой план, и даже не один. Первый — для фирмы «Импэкс» и для тех, кто следил за ним, — а штурмфюрер, разумеется, давно догадался, что, кроме двух охранников и шофера, которые прибыли вместе с ним, рядом живет еще много других его соотечественников, готовых в любой момент остановить его если не рукой, то пулей. Второй — только для себя.

План номер один заключался в следующем. Чемодан с деньгами он, Лёльке, в сопровождении своих охранников и вместе с вице-директором фирмы доставляет в банк, вице-директор сдает деньги, их отправляют для подсчета. Пока считают, вице-директор передает ему квитанцию банка, которая подтверждает отправку денег по адресам. Лёльке показывает квитанцию охранникам и объявляет, что теперь, наконец, все свободны, могут пойти погулять и поспать, а завтра часов в одиннадцать дня они уедут в Берлин. Чтобы избавиться от слежки, Лёльке в шесть часов вечера зайдет в «Импэкс» поблагодарить вице-директора и уйдет оттуда не через парадное, а поднимется на пятый этаж, в коридоре нацепит бороду и усы, наденет плащ и фуражку с «крабом». И — прощайте, дорогие соотечественники!

Ровно в 24.00 из Амстердама снимается лайнер «Королева Вильгельмина», и на нем, согласно билету, купленному фирмой «Импэкс», отправится в Суринам новый голландский подданный с чековой книжкой на 300 000 долларов в кармане, а за час до этого в конторе фирмы «Импэкс» Абрам Моссе оформит последние документы, расплатится с фирмой и пообещает дорогому вице-директору прислать из Суринама до

востребования открытку от имени племянницы Клары. Пожмет руку и пойдет на пристань. Вещей у него не будет, кроме небольшого чемодана.

План номер два — настоящий — выглядел иначе. В магазине игрушек он купил фальшивую бороду и усы на резинке, а в морском магазине — плащ с капюшоном и морскую фуражку с голландским офицерским «крабом». Эти покупки он упаковал в темную бумагу и сунул за трубу в пожарном коридоре в самом темном углу.

Напрасно господин вице-директор будет ждать открытку из Суринама, а молодчики от штурмбанфюрера Бюлова стеречь у трапа «Королевы Вильгельмины». Клаус обманет их всех и уедет в Англию: граница тут рядом, в Гуке, и он проскочит прежде, чем кто-нибудь из тех, кто следит за ним, успеет сообразить, что к чему.

Штурмфюрер был не оригинален: он считал себя умнейшим человеком и внутренне смеялся над своими соглядатаями.

Но он не знал, что скромно одетая красивая женщина со странными глазами ни на минуту не выпускала его из поля зрения, что она видела, как он покупал фальшивую бороду, фуражку и плащ с капюшоном, и, самое главное, что, наблюдая за дверью фирмы «Импэкс» сверху, с площадки четвертого этажа, она все же нашла время осмотреть коридор и обнаружить сверток. После этого ей не останется ничего другого, как вынуть из сумочки револьвер, дослат патрон в патронник и спокойно прицелиться в лоб поднимающемуся по лестнице предателю, когда он, наконец, решит воспользоваться спрятанными предметами...

В пятницу без десяти девять утра Лёльке со стальным чемоданом, обтянутым зеленой кожей, явился, как было условлено, в контору фирмы «Импэкс». Один из сопровождавших его охранников вошел внутрь и остался у двери кабинета вице-директора, другой стоял под окном. Эти не таились. Трое других, во главе со штурмфюрером Конрадом Рейтером, составляли, если можно так выразиться, вторую линию охраны и старались соблюдать хотя бы видимость маскировки. Сам Рейтер стоял у бассейна. Под крышей двух сообщающихся домов, в полутемном проходе, притаилась Дорис Шерер с пистолетом в раскрытой сумочке. Бюлов пришел бы в умиление от количества пистолетов, готовых к стрельбе на площади Рокин.

— Извольте обождать здесь, господин Моссе, — сказал Рубинштейн, едва клиент прикрыл за собою дверь и отпустил чемодан на пол. — Я приглашу того, кто вам нужен.

— Не понимаю, — несколько растерялся Лёльке.

— Я говорю о паспорте. Человек из полиции, который все это устроил, не хочет при свидетелях.

Объяснение явно не удовлетворило штурмфюрера, но Рубинштейн не дал ему времени соображать дальше. Он исчез за дверью, которая вела в смежную комнату, и оттуда через секунду появился Гай, одетый в черный плащ и котелок. В руке у него был тощий портфельчик.

— Имею честь говорить с господином Герзоном? — спросил он вкрадчиво.

— Да.

— Я из полицейского управления, господин Герзон. Благоволите получить ваш паспорт. Деньги уже уплачены.

Лёльке взял протянутую ему книжечку, раскрыл ее и с минуту, не меньше, не поднимал головы. Гай видел, как у него сначала побледнело, а потом покраснело лицо, как запылали малиновым цветом белые уши, заиграли на скулах желваки.

Так, не поднимая головы, он исподлобья уперся взглядом в лицо Гая и выдал из себя:

— Что за шутки?

— Я не шучу, — сказал Гай грубо. — Это всего лишь фотокопия того паспорта, который вы хотите получить.

— Сколько же вы еще хотите?

— Вы ничего не поняли, герр Герзон. И какой вы Герзон? Вы даже и не Моссе.

Лёльке все еще не мог понять, что же тут происходит. Только правая рука сама вдруг вспомнила, что в заднем кармане брюк у него есть пистолет и предохранитель снят еще в отеле.

— Не надо, — очень убедительно произнес Гай. — У вас за дверью охрана, и под окном тоже, и еще есть. Я это знаю. Но если вы поднимете шум, голландский паспорт с вашей фотокарточкой на имя Герзона уйдет в Берлин... С описанием всей этой некрасивой истории.

— Что вам надо?

— Я хочу, чтобы вы честно исполнили поручение, которое вам дали. Потом благодарить будете.

До Лёльке, наконец, дошло, что все рухнуло, но он никак не мог взять в толк, кто этот человек, по чьему приказу действует, с какой целью. Он только отчетливо ощущал, что влип в очень нехорошую историю. Обрывки мыслей кружились в голове, не желая выстраиваться ни в мало-мальски логичную догадку, ни в какое-либо решение. То ему казалось, что перед ним кто-то из неведомых агентов штурмбанфюрера Бюлова, то мелькало подозрение, что это вербовщик из какой-то иностранной разведки, то являлась мысль о гангстерах. Но ведь он сейчас своими ушами слышал: от него требуют честно исполнить долг, то есть сдать деньги в банк. Значит, варианты с вербовщиком и гангстерами отпадают. А если это человек Бюлова — зачем ему тут разводить церемонии, пугать паспортом? Все вертелось в горячей голове Клауса Лёльке, и он молчал, словно онемел. Состояние, в котором он пребывал, глаз врача оценил безошибочно. Не давая рассеяться шоку, Гай положил на стол автоматическую ручку и три стодолларовые бумажки, вынул из бьюара чистый лист и тихо приказал:

— Возьмите эти деньги и напишите расписку.

Он вынул из рук Лёльке фотокопию паспорта и за локоть подвел его к столу:

— Пишите, вам же лучше будет. Ну!

Лёльке сел в кресло Рубинштейна.

— Пишите, — сказал Гай, стоя у него за плечом. И начал диктовать: — Расписка. Я, Клаус Лёльке, получил за оказанные мною негласные услуги от держателя данной расписки триста долларов. — Гай следил за пером. Лёльке писал крупно, но чувствовалось, что почерк не менял. Да и вряд ли он сейчас был способен на такие осмысленные действия. — Так. Подпись. И число. — Гай взял расписку и спрятал авторучку. А затем вынул из кармана законный немецкий паспорт на имя Абрама Моссе и вложил его в руку оцепеневшему Клаусу Лёльке вместе с тремя стодолларовыми бумажками. — Я вас обязательно найду в Берлине, — сказал Гай, направляясь к двери. — А сейчас продолжайте свои дела с вице-директором и будьте здоровы.

Таким образом, эта история кончилась к общему благополучию, Клаус Лёльке успешно завершил возложенную на него миссию и, кроме трёхсот долларов, получил денежную награду от министерства иностранных дел. Конрад Рейтер и Дорис Шерер также справились со своей задачей.

Рубинштейн решил продолжать службу в фирме «Импэкс», справедливо полагая, что из Амстердама, оставаясь на свободе, ему скорее удастся оказать какую-нибудь помощь жене и сыну. Восемь тысяч долларов, полученных от Лёльке в качестве комиссионных, покрыли сумму, выплаченную основному владельцу за половинный пай, и еще осталось, за вычетом трехсот известных долларов и расходов на месячное пребывание в Амстердаме, пятьсот. Двести Гай взял на свой баланс, а триста оставил Рубинштейну.

Только закрыв дверь в купе берлинского экспресса и растянувшись на мягком диване, Гай вспомнил о Грете и попытался представить, что она сейчас может делать. Но тут вклинилась другая мысль, если бы знало начальство Клауса Лёльке, кому оно обязано успехом в амстердамском деле!

ГЛАВА 5 БАЗЕЛЬСКИЙ РОМАН ПРОКОНСУЛА МОНАЛЬДИ

Уже второй месяц жила Маргарита-Виктория Равенсбург-Равенау в лучшем базельском отеле «Кайзергоф», и нельзя сказать, чтобы это время прошло даром. К ней успели привыкнуть, завязалось несколько тех приятных, необременительных, ни к чему не обязывающих знакомств, которые возможны разве лишь на трансатлантическом пароходе, на курорте да а гостинице. Одно дело, когда людей соединяет многолетнее оседлое соседство — тут часто отношения поддерживаются просто в силу необходимости, и эти отношения порою больше напоминают необъявленную войну. Своих соседей люди, узы, выбирать не могут. И совсем другое дело — временное сообщество, образованное чистой случайностью и распадающееся с окончанием пути.

Маргарита подружилась с хозяином отеля. Ему было изрядно за пятьдесят, но он просил называть его Иоганном, без всяких почтительных приставок. По его распоряжению цветы в номере Маргариты менялись дважды в день.

Музыканты из ресторанного оркестра прониклись к ней такой симпатией, что однажды их руководитель, трубач, попросил Маргариту назвать любимые вещи, и с тех пор джаз каждый вечер встречал ее появление в зале исполнением блюза. А ударник, толстый добродушный мулат из Алжира, подарил ей свой талисман — выточенную из черного дерева обезьянку, которая висела у него на стойке для тарелок.

За нею пробовали ухаживать, правда не очень настойчиво, два джентльмена, оба из Англии, с одним из них она несколько раз танцевала. Но вскоре приехали их жены, и флирт с джентльменами сразу потерял с их стороны всякую домогательскую окраску, чему она была только рада.

Вся прислуга в отеле полюбила ее, хотя Маргарита, как это делают некоторые, совсем не играла в демократизм.

Она вообще никогда ни под кого не подлаживалась ради достижения мелких житейских благ или каких бы то ни было корыстных целей. Именно поэтому роль, которую поручил ей сыграть этот обаятельный, непонятный, но внушающий беспредельное доверие Ганри Манинг, долго пугала ее необходимостью притворяться. Она не представляла себе, как это можно — рассчитанно лгать незнакомому солидному человеку, чтобы добиться его расположения, а потом употребить это расположение ему во вред. Правда, у нее лично никаких интересов в данном случае нет, а Ганри, когда они говорили на эту тему при ее отъезде, иронически заметил, что еще не известно, кто тут сколько потеряет и сколько приобретет. А насчет рассчитанной игры он дал один совет: ей надо вообразить, что она попала на затянувшийся бал-маскарад. Ведь когда все в масках, принято друг друга дурачить и разыгрывать.

Как ни странно, прожив в Базеле две недели и не видя своего «объекта», Маргарита начала испытывать нетерпение. Ей хотелось испытать себя, представлялось страшно заманчивым выступить в роли соблазнительницы и играть эту роль в твердой уверенности, что границы, ею же намеченные, никогда не будут переступлены.

И вот настал, как говорили в старину, этот долгожданный день...

Все, что произошло на протяжении тринадцати часов того дня, от одиннадцати утра до двенадцати ночи,

сильно смахивало на шикарный роман в почти великосветском духе, то есть выглядело довольно пошло. И это не удивительно, ибо главный герой, несмотря на свою солидность и респектабельность, оказался отменным пошляком.

С Бернского шоссе в Базеле к гостинице «Кайзергоф» свернула огромная машина итальянского армейского цвета — темно-оливковая, покрытая пылью и грязью. Военный водитель и охранник остались сидеть, а задняя дверца открылась, и из машины выбрался высокий красивый мужчина с черными аккуратными усиками и седыми висками. Он, разминая ноги, подошел к владельцу гостиницы, стоявшему в широком портале массивного здания.

— Здравствуй, Иоганн! — сказал приезжий по-итальянски и раскрыл объятия.

— Привет, Гаэтано, старый друг! Со счастливым прибытием!

Они обнялись.

— Ложись спать, Гаэтано, а к вечеру я тебя жду в баре.

— Эх, Иоганн, как безмерно я устал! Позади пыль и чад городов и бесконечных автострад, и вот теперь, через полчаса, наконец буду в ванне...

Он заметил прогуливавшуюся неподалеку молодую даму.

— Не дурна, а? Кто это?

— Наша немецкая графиня из Берлина. Появилась две недели назад, отдыхает после болезни.

Послышался голос дамы:

— Коко! Коко!

К мужчинам в ноги подкатилась шустрая крохотная собачка, похожая на белый шарик. Проконсул Гаэтано Мональди молодцевато подкрутил черные усы и ловко подхватил собачку на руки: он уже забыл об усталости. Иоганн понимающе вздохнул и удалился.

— Негодная собачонка! — подходя, сказала Маргарита. — Извините, пожалуйста.

— Ну что вы, я счастлив! — проконсул говорил по-немецки с мягким приятным акцентом.

Маргарита протянула руки, чтобы взять Коко, но Мональди так прижал его к груди, что он завизжал.

— Простите, синьора, это от избытка чувств, — проконсул совершенно растерялся под взглядом молодой красивой женщины и уже сам не ведал, что говорил.

Она все-таки отобрала у него собачку и, поклонившись ему с легкой улыбкой, повернулась, чтобы продолжить свою прогулку. Но Мональди решил завязать знакомство прямо на улице.

— Осмелюсь вас задержать, синьора, — сказал он Маргарите в спину. Она обернулась. — Разрешите представиться: Гаэтано Мональди, проконсул первого легиона итальянской милиции безопасности. Я знаю, что вы немка, и это великолепно!

Маргарита назвала себя и спросила:

— Но почему вас так вдохновляет моя принадлежность к германскому народу?

— Мои... моя родственница живет в Германии, в Дюссельдорфе, я еду сейчас именно к ней, — объяснил Мональди, постеснявшись сказать, что «родственница» — это его дочь, ровесница Маргариты. Он не хотел показаться старым.

— Я рада за вас, — не находя ничего иного, учтиво заверила его Маргарита. Она с любопытством ожидала, как этот, по всему видно, редко встречавший отказ бонвиван приступит к делу. И он, что называется, не заставил себя ждать.

— Мы с вами уже знакомы, — с игривой улыбкой начал Мональди. — Разрешите на правах старого знакомого сделать вам предложение? — И, не ожидая разрешения, извергнул целый Везувий слов: — Я с дороги, и завтра меня опять ждет дорога, но сегодня... Если вы будете так благосклонны, то мы могли бы чудесно провести вечер. У меня здесь особняк, правда, там идет ремонт, но одно крыло в порядке, и под этим крылышком вы будете чувствовать себя уютно. Мы можем поужинать в «Кайзергофе», Иоганн мой верный друг, он примет нас по-царски, а потом мой дом и мои слуги — в вашем распоряжении. Могу ли я просить вас?

Маргарита инстинктивно уже приготовила подобающую случаю отповедь, но вовремя вспомнила о маскараде.

— Наверное, во всем виновата дорога, — сказала она шутливо.

— В чем, синьора? — не понял Мональди.

— Дорога и автомобиль приучают человека спешить. Быстро, быстрее, еще быстрее!

Теперь он понял:

— О да, вы правы, синьора! И к тому же я как-никак военный.

— Ну что ж, синьор проконсул, — сказала Маргарита по-итальянски, — мы действительно можем поужинать вместе.

— Вы знаете итальянский?! — задохнулся от восторга Мональди.

— Немножко.

— Ваш итальянский звучит как музыка!

Она пожала плечами. Было ясно, что пооригинальнее он придумать не мог.

Но Мональди, воодушевленный согласием на ужин, не замечал ничего. Цель была ясна — оставалось действовать.

— Я иду принять ванну, — сообщил он доверительно, — а затем ищу вас.

— Не торопитесь, — посоветовала Маргарита.

...За ужином проконсул блистал учтивостью, щедростью, веселостью и, разумеется, остроумием — в той мере, в какой оно было ему доступно. Шампанское лилось рекой, и единственное, что омрачало его восторг, заключалось в невозможности напоить беленького Коко, который в рот не брал никаких спиртных напитков, даже таких великолепных, как французское «кликко». С тем, что очаровательная хозяйка собачки пила обидно мало, проконсул, предупрежденный ею еще в начале ужина, вынужден был примириться. А так как он не желал пить за ее здоровье и красоту в одиночестве, она посоветовала угостить музыкантов из джаза. Послав им полдюжины бутылок, Мональди мог упиваться со спокойной совестью.

А Маргарита с удивлением обнаружила, что эта маленькая уловка — доставить симпатичным ребятам из оркестра удовольствие за счет веселящегося проконсула — пришла ей в голову сама собой, по ходу дела, была осуществлена с непринужденной легкостью и принесла ей радость. Она как бы сдала первый экзамен для вступления в ту необычную школу, куда вознамерился ее зачислить Ганри Манинг.

Мональди вообще не был жадным человеком. А в тот вечер он готов был угощать весь белый свет. Во всяком случае, его двое слуг — супруги Феррито, шофер и охранник получили от него деньги с условием, что будут пить за прекрасную синьору с синими, как Неаполитанский залив, глазами, — что они и сделали.

К половине двенадцатого Маргарита уже раз пять успела посмотреть на часы, а Коко спал на свободном кресле. Но проконсул считал, что самое главное только начинается. Объявив прекрасной синьоре, что ей нет равных среди всех женщин мира и что на этом основании она может рассчитывать на его вечную любовь, проконсул распорядился отправить к нему в особняк две бутылки самого старого коньяку, какой только найдется в подвале «Кайзергофа».

Дело кончилось тем, что Иоганну пришлось проводить своего друга в его опочивальню в особняке, где проконсул, несмотря на перегруженность, все же нашел время разбудить охранника, спавшего на ковре возле замаскированного под старинный секретер сейфа, и прочесть ему краткое наставление о правилах поведения часового на посту. А затем приказал себя раздеть и захрапел, не дождавшись исполнения приказа.

Маргарита у себя в номере, уставшая, с головной болью, сначала уложила скулившего во сне Коко, а потом выпила порошок снотворного и постаралась уснуть.

Утром она увидела на столиках и подоконниках цветы — обычную порцию, яркое свидетельство немого восхищения владельца «Кайзергофа». Тут были и розы, и нарциссы, и тюльпаны, и гиацинты. Но, повернувшись на бок и опустив глаза, она обнаружила и нечто необычное: у изголовья, прямо на полу, стояло серебряное ведро с крупными алыми розами, каких она до тех пор еще не получала. В цветах торчал запечатанный голубой конверт.

Надорвав его, Маргарита вынула и прочла написанное по-итальянски письмо. Мональди просил извинить его за вчерашнюю неумеренность с вином, клялся в любви до гроба, а также извещал, что на обратном пути из Дюссельдорфа сумеет пробыть в Базеле подольше, и выражал надежду, что она дождется его.

Через неделю он и вправду явился, под вечер. Без всяких церемоний навестил Маргариту в ее номере и с удрученным видом сообщил, что, к сожалению, вынужден без промедления следовать в Италию, не позволив себе даже побыть с нею хотя бы час — водитель заправит машину и запасные канистры, и тут же в путь.

Он непременно рассчитывал вновь посетить Базель недели через две-три. Не уедет ли она к тому времени? Услышав в ответ, что Маргарита собирается пробыть здесь до сентября, Мональди хотел стать на колени, и обязательно стал бы, если бы Коко не залаял в панике, а Маргарита не удержала бы проконсула за руку.

С тем они расстались.

А через две недели Маргарита, начинавшая понемногу скучать и нервничать из-за отсутствия каких бы то ни было вестей от своего патрона Ганри Манинга, наконец-то увидела его — единственного человека, которому она могла поведать об успехах на новом для нее поприще во всех юмористических подробностях и, главное, без опасения быть дурно понятой. Как Маргарита ни храбрилась, общение с проконсулом она считала столь для себя унижительным, что после ужина в ресторане почти физически ощущала у себя на левом плече пылающее тавро, каким клеймили в старые века падших женщин. Хотя проконсул до нее и пальцем не дотронулся, она испытывала острую потребность оправдаться перед кем-нибудь, словно этот кто-нибудь мог сомневаться в ее чистоте и непорочности. Добропорядочные протестанты обращаются в подобных случаях непосредственно к богу, но отец не старался внушить ей с детства религиозные чувства, Маргарита выросла безбожницей. Поделиться было не с кем, приходилось все переживать в себе. И потому так обрадовала ее встреча с Ганри Манингом, настолько же неожиданная и необычная, насколько и долгожданная.

Встрече этой предшествовало одно событие, микроскопически ничтожное с точки зрения исторической, но очень важное для настоящего момента. В довольно многочисленном штате служащих базельской мясоторговой фирмы произошло изменение: маленький живой испанец Мануэль, развозивший мясо заказчикам на дом, по чьей-то протекции нашел местечко получше — кельнером в одном из ресторанов, — взял расчет и уехал, а на его место поступил красивый высокий югослав родом из Фиуме.

Однажды утром Маргарита во время прогулки отправилась навестить семью шведов, с которой она свела знакомство еще в первые дни пребывания здесь и которая снимала особняк на самом берегу Рейна. У ворот особняка стоял бело-розовый автофургон мясоторговцев: Густавссоны ресторанной еде предпочитали домашние обеды, и продукты им привозили ежедневно. Маргарита уже несколько раз видела этот фургон на этом месте и знала в лицо маленького быстроглазого испанца, развозившего мясо. Коко давно уже перестал облаивать яркую коробку на колесах, издававшую непонятный запах — смесь бензина и свежей крови.

При ее приближении из калитки появился высокий уса́тый мужчина в белой куртке с голубым клеенчатым

фартуком поверх нее и в форменной фуражке. Маргарита прошла бы мимо, но человек этот вдруг заговорил с нею:

— Доброе утро, фрейлен Маргарита-Виктория!

Она даже вздрогнула. Остановилась, подняла глаза — вот уж действительно маскарад: перед нею стоял Ганри Манинг!

Он тут же нахмурил брови, хотя глаза его улыбались.

— Нельзя показывать, что вы знаете меня. Приходите завтра в восемь вечера в кафе «Старый Рейн», я буду ждать. И не смотрите так, пожалуйста.

Униформа мясника, небритый подбородок, фургон, терпкий дух парной крови — какое мерзкое обрамление... Но это он, Ганри Манинг, непонятный, удивительный человек, которого она так ждала и которому так верила.

Он закрыл задние дверцы фургона, сел за руль, развернулся и тихо поехал в переулок, а Маргарита все еще слышала частый стук собственного сердца...

В кафе «Старый Рейн» она пришла в половине восьмого, села за столик в углу.

Когда, распахнув портьеру, на пороге зала возник одетый с иголочки молодой красавец с фатовскими усиками, Маргарита только раз мимолетно взглянула на него и отвернулась к окнам — какое ей дело до всяких ресторанных завсегдатаев! Но этот господин, минуя свободные столы, направился прямо к ней.

— Вы разрешите, мадам?

Перевоплощение из мясника в богатого сноба было столь полным и разительным, что Маргарита сама ощущала, какой у нее глупый и беспомощный был вид в тот момент, когда она подняла глаза в ответ на эти слова. Да, это был человек, которого она в Берлине называла Ганри Манингом, а вчера видела за рулем автофургона, но не подожди он к ней вплотную — Маргарита ни за что бы его не узнала.

— Прошу вас, садитесь, — еще не справившись с растерянностью, сказала она.

— Ну, здравствуй, Грета, — произнес он тем знакомым по Берлину голосом, который мягко напутствовал ее перед поездкой в Базель и звучал потом у нее в ушах всю дорогу.

Пожалуй, тут она окончательно отдала себе ясный отчет в собственных, глубоко затаенных чувствах, которые пустили первый смелый росток в жаркий день на озере Ванзее. Теперь она могла без всякого ложного стеснения признаться самой себе, что на свете для нее нет никого дороже этого Ганри Манинга, или кто бы он там ни был и как бы ни именовался. По-детски облокотившись на стол и подавшись всем телом вперед, она тихо сказала:

— Здравствуй, Ганри.

— Поговорим о деле, — сказал Гай. — Но сначала закажем чего-нибудь.

Он взглядом подозвал ожидавшего в отдалении официанта, заказал вина и фруктов. И попросил Маргариту подробно рассказать обо всем, что произошло за эти полтора месяца. Историей знакомства с проконсулом Мональди он остался доволен, но сказал, что это только начало, что позднее Маргарите придется употребить все свои актерские способности. Дело, в котором он отвел ей главную роль, достаточно серьезно, чтобы на время оставить пустые предрассудки.

Гай с первого взгляда понял состояние Греты, и у него возникло было желание сейчас же рассказать ей о себе все до конца, но он сдержался. Психологически было бы опрометчиво посреди пути давать ей такую эмоциональную нагрузку. Он решил открыться после того, как с проконсулом Мональди все будет ясно.

Из кафе Маргарита ушла с подробными инструкциями на ближайшее будущее.

...В Базеле Гаю пришлось существовать в двух сильно разнящихся обличьях, и это делало его жизнь трудной. Маску графа ван Гойена он испытал и обкатал еще в Амстердаме. Влезть в шкуру развозчика мяса в общем было тоже не так уж сложно.

В обоих случаях Гай, как всегда, выступал в качестве иностранца, и это позволяло не опасаться таких вещей, подозрительных для местных жителей и потому нежелательных для занимающегося нелегальными делами, как неизбежный акцент речи и столь же неизбежное поверхностное проникновение в местную этнографию, доскональное знание которой дается только с молоком матери.

Сложность представлял сам момент перемены обличий. Артисты, подвизающиеся на эстраде в жанре трансформации, пользуются для незаметных зрителю переодеваний элегантными ширмочками. Его ширмой по необходимости должна быть как минимум отдельная квартира. Не может же развозчик мяса повсюду таскать с собой изысканные графские костюмы, как графу не пристало носить чемодан с пропитанной запахом крови одеждой мясника.

Югослав из Фиуме снимал комнату в верхнем этаже старого дома на окраине Базеля и, будучи зарегистрирован в полиции и состоя на службе в мясоторговой фирме, имел юридический статус.

Граф ван Гойен существовал в городе только де-факто и являлся на свет очень редко.

Единственным общим признаком у этих двух лиц были темные узкие усики. Но на каждом из лиц они выглядели столь разнo и участвовали в мимике так непохоже, что Гай по долгом размышлении перед зеркалом не побоялся их оставить.

Комнату югослава для трансформаций использовать было невозможно: с какой стати вдруг появится в этой конуре щеголь-аристократ?

На квартире, где жили Ганс и Альдона, Гаю просто нельзя было появляться.

Поэтому пришлось Гансу и Альдоне снять на тихой улочке недалеко от центра помещение из трех комнат

на втором этаже и открыть заведение медицинско-куафюрного профиля под вывеской: «Гигиенический массаж». Познания Альдоны в этой области были вполне достаточны, а особенного наплыва клиентуры не предвиделось.

Ширма получилась удобная. Под вывеской этого тихого заведения можно было переделывать графа в мясника и обратно без боязни вызвать нездоровое любопытство окрестных обывателей.

Маргарите было сказано, что в случае крайней необходимости она должна прийти или позвонить к Альдоне. Условный язык, простой и надежный, она усвоила в пять минут. А повседневная связь — целиком забота Гая. С помощью Ганса и Альдоны ему не составляло особого труда держать под постоянным наблюдением отель «Кайзергоф» и особняк, который штандартенфюрер СС Раушбергер подарил своему тестю — проконсулу Гаэтано Мональди.

С каждым днем хозяин «Кайзергофа» относился к Маргарите все лучше — такая формулировка была бы вполне уместна, если бы не одно соображение. Отношение Иоганна Брандта в данном случае не поддавалось никаким градациям.

Этот много повидавший на своем веку стареющий джентльмен уже по роду занятий должен был сделаться психологом, тонким знатоком человеческих душ. Владелец гостиницы, если он желает своему предприятию процветания, обязан все видеть и слышать, но ничего не замечать и не говорить. Клиент только подошел к портю и еще не успел вымолвить ни слова, а настоящий хозяин уже знает, сколько у клиента наличными в бумажнике и как себя чувствует его печень. Иоганн, сверх того, умел по одному взгляду определять почти безошибочно даже совершенно не поддающиеся прогнозированию вещи: например, в какой день господин Зет начнет страдать бессонницей и попросит снотворного, а господина Игрек, напротив, одолеет сонная болезнь, и он станет опаздывать к завтраку. Ясновидческие способности Иоганна, продемонстрируй он их для публики, могли бы вызвать у впечатлительных людей мистический ужас. Но все объяснялось лишь его многолетним опытом общения с громадным количеством самых разнообразных человеческих особей.

Он, без сомнения, быстро оценил Маргариту по всем возможным статьям и статьям. Фамилия Равенсбург-Равенау, конечно же, была ему известна, но он давно понял, что далеко не всегда можно ставить знак равенства между титулом и его носителем. Определяя степень благородства, он больше верил своим глазам и чутью, чем визитным карточкам. Маргарита была камнем чистейшей воды.

Все угадал верно опытный Иоганн и поэтому с первого дня пребывания Маргариты в «Кайзергофе» отдал ей все свои симпатии без всяких оговорок. И именно поэтому неправильно было бы говорить, что он относился к ней день ото дня все лучше. Лучше относиться было просто невозможно.

Маргарита прекрасно это чувствовала. Ей, как всякой молоденькой женщине, льстило молчаливое, бескорыстное поклонение умудренного жизнью сидящего мужчины, у которого такие умные и всезнающие глаза.

И, однако, был один пункт, в котором Иоганн допустил колоссальную ошибку. Как и все остальное, он правильно определил состояние финансов фрейлейн Маргариты-Виктории, но сделал из этого неправильные выводы.

Однажды вечером, вернувшись от Густавссонов, Маргарита заглянула на минутку в бар выпить чего-нибудь холодного и нечаянно сделалась участницей маленького летучего торжества: служащие отеля и ресторана поздравляли своего хозяина с днем рождения — ему исполнилось пятьдесят семь. Маргарита порывалась тут же пойти куда-нибудь, чтобы купить подарок, но Иоганн удержал ее, подал бокал шампанского.

Выпив со всеми вместе и сказав слова благодарности, он взял Маргариту под руку и пригласил пройти по аллее в гостиничном саду.

— Я надеюсь, вы не осудите меня за навязчивость в такой знаменательный день, — сказал он, когда они ступили на белый песок дорожки.

— По-моему, менее навязчивого человека, чем вы, трудно представить, — искренне возразила Маргарита.

— Рад, что вы так думаете. Это придает мне смелости. — Вероятно, Маргарита сделала какое-то произвольное движение, потому что Иоганн тут же воскликнул: — Нет, нет, не беспокойтесь! Я не буду объясняться в любви!

Она рассмеялась. Иоганн тоже.

— Кажется, с вас довольно и одного старичка, — сказал он шутливо.

— Вы имеете в виду вашего друга проконсула Мональди?

— Да. Но он мне друг лишь постольку — поскольку... Приятели — еще куда ни шло, но друг...

— Разве? — удивилась Маргарита. — А он так восторженно о вас отзывается...

— Я тоже ничего плохого о нем не говорю. Но все-таки друг — это слишком сильно сказано. Много ли у вас друзей?

Маргарита задумалась, слушая, как скрипит песок под их шагами. Иоганн явно неспроста затеял этот разговор, но для чего?

— Не считайте, я уверен — их не так уж много. — Голос Иоганна звучал отечески мягко. — Но сколько бы их ни было, вы можете смело причислить к ним еще одного.

— Благодарю вас.

— И уж если мы коснулись этой темы, разрешите дать вам дружеский совет?

— Зачем такие предисловия?

Он коротко откашлялся — видно, тому, что предстояло сказать, Иоганн придавал большое значение. У него даже румянец выступил на щеках.

— Проконсул Мональди немножко не тот человек, за которого он себя выдает, фрейлейн Маргарита. К тому же староват для вас...

Маргарита даже приостановилась:

— Вы хотите сказать...

Но Иоганн, раз решившись, обрел смелость. Он не дал ей договорить, его прямо прорвало:

— Я хочу сказать, он — банкрот, у него кроме жалованья и этого чужого домика, нет ничего. Он просто хочет воспользоваться вашей неопытностью. Он даже мне должен довольно солидную сумму. И вас угощал — вернее, себя — на мои деньги, в кредит.

Маргарита не знала, смеяться ей или обидеться. Она спросила растерянно:

— Господи, зачем вы мне все это говорите?

— Мне больно видеть, как он плетет вокруг вас свои сети. Он не принесет вам ничего — ни комфорта, ни покоя. Вы можете рассчитывать на гораздо более достойную партию.

Ах, вот оно что! Она наконец-то поняла, что Иоганн принимает ее за ловца богатых женихов — за робкого, неумелого, но все-таки ловца! И она рассмеялась.

— Неужели я похожа на тех женщин... на тех... — Маргарита не находила нужного выражения.

— Нет, — горячо, не похоже на себя, возразил Иоганн. — Но он собирается сделать вам предложение, это совершенно точно, и я хотел предупредить...

— Предложение? Так быстро?

— Он совсем обезумел от вас. И потом... Думая о вас, он думает о Берлине. Для его карьеры женитьба на немке, да еще на аристократке, очень выгодна.

— Кое-что я уже поняла, — сказала Маргарита. — Но все равно — спасибо вам.

— Вы на меня не сердитесь?

Маргарита протянула ему руку.

Этот приступ откровенности, неожиданный со стороны всегда невозмутимого Иоганна, навел Маргариту на размышления. Она попыталась оценить все сообщенное хозяином отеля с точки зрения Ганри, но никаких ясных выводов сделать не смогла. Она скорее сердцем, а не головой, понимала, что в общении с проконсулом Мональди должна как-то учитывать новые факты, узнанные от Иоганна. Но как именно? Это мог определить только сам Ганри.

В тот же вечер Маргарита встретила с ним. И это оказалось своевременно, так как через день, в субботу, у «Кайзергофа» остановился оливкового цвета запыленный автомобиль, и из него бодро выскочил словно бы помолодевший на двадцать лет бравый проконсул.

Забегая немного вперед, стоит отметить, что развитие скоротечного базельского романа проконсула Гаэтано Мональди в последующие три дня превзошло даже самые худшие опасения Иоганна. Ему пришлось испытать чувство горькой обиды из-за того, что прекрасная женщина, наделенная таким обаянием и, без сомнения, умная, столь легкомысленно пренебрегла его предостережениями.

Проконсул Мональди, видимо, решил на этот раз не терять даром ни одного часа. В прошлый свой приезд он только вышел на исходные рубежи. Теперь требовалось осуществить генеральное наступление, окружить высоту и предложить противнику сдаться на милость победителя без всяких предварительных условий. А если не удастся — взять высоту с боя, каких бы жертв это ни стоило. И проконсул сразу после ванны и бритья явился в полном боевом вооружении на поле битвы...

Для начала он пригласил Маргариту покататься в автомобиле по городу и окрестностям. Шофер с помощью слуг и охранника должен был через полчаса привести машину внутри и снаружи в надлежащее состояние.

После катания уже само собой разумелось пообедать в особняке, который, как давно заметила Маргарита, ремонтировался чисто теоретически, но который имел вполне приличную столовую, где к их возвращению кулинары от Иоганна накрыли стол, не посрамивший бы даже римского императора Вителлия, прославившегося непомерным обжорством и самолично учредившего для одного из своих пиров блюдо под названием «щит Минервы градодержавы», куда входили в фантасмагорической смеси печень рыбы скар, фазаны и павлиньи мозги, языки фламинго, молоки мурен и еще сотни других экзотических компонентов.

Проконсул извлек уроки из предыдущего и на сей раз держался молодцом.

Часам к восьми вечера он созрел для крупных акций и сделал Маргарите предложение. Она отвечала в том смысле, что лучше им отложить решение этого вопроса до утра, на свежую голову, и выдвинула предложение: недурно было бы завтра повторить обед, но не в ресторанном исполнении. Заказать продуктов на дом, а слуги пусть приготовят все по-итальянски...

Эта мысль привела проконсула в восторг.

Перед уходом Маргарита любезно согласилась исполнить последнее желание проконсула — осмотреть его апартаменты, и это был первый за весь день случай, когда он точно угадал ее собственные желания.

Комната супружеской четы слуг, комнатенки шофера и охранника, равно как и прилежащие необходимые помещения, никакого интереса не представляли. Экскурсия свелась к подробному осмотру кабинета и спальни.

В кабинете Маргарита сейфа не увидела и потому подумала, что он, скорее всего, спрятан где-нибудь в стене и замаскирован. Она уже мысленно подбирала подходящие слова, чтобы выудить из сильно нетрезвого

проконсула необходимые сведения, но он увлек ее в спальню, где в глаза ей сразу бросился старинный секретер, выглядевший в окружении новейших и моднейших предметов спального гарнитура довольно нелепо. Сразу было ясно, что секретер поставлен сюда не мебелировки ради.

Маргарита громко выразила горячее одобрение вкусу Мональди и робко подивилась присутствию дисгармонирующего предмета, на что полковник хитро осклабился и, подведя ее к секретеру, показал фокус: откинул вертикальную крышку, под которой обнаружилась муарово переливающаяся стальная дверца с тремя небольшими, круглыми, как у карманных часов, циферблатами, расположенными один под другим. Маргарита удивилась еще больше, и тогда полковник установил имевшуюся на каждом из циферблатов стрелку на определенную цифру — получилось число 377, затем потянул за ручку, и сейф раскрылся. Он был пуст, если не считать маленького черного портфеля свиной кожи, сиротливо лежавшего в стальной пещере. Проконсул попросил Маргариту отвернуться на секунду, что она и исполнила, — а когда он разрешил снова взглянуть, сейф был уже заперт. Вероятно, будь Мональди трезвым, он сделал бы наоборот: повернул бы Маргариту, когда открывал сейф, а не когда закрывал. Но, к счастью, он все-таки был пьян...

В предвкушении завтрашних приятных хлопот проконсул лег спать, а Маргарита отправилась на свидание с Ганри. Они разговаривали долго, и Маргарита уходила с этого свидания очень озабоченная. Заснула она поздно и спала беспокойно.

Муж и жена Феррито, слуги Мональди, отлично знали итальянскую кухню. Получив от хозяина задание приготовить обед, они взялись за дело с воодушевлением, и с самого раннего утра в особняке началась бурная деятельность. Работы хватило всем — и шоферу, и охраннику, и самому проконсулу.

С зеленщиками и с мясниками договорились о доставке на дом, а все остальное — рыбу, специи, сласти, фрукты и прочее — надо было покупать в городе. Общее руководство осуществляла Маргарита, которой проконсул и отдал полторы тысячи франков, занятые им у Иоганна.

Гаэтано Мональди рассматривал предстоящий обед как помолвку. Юная красота Маргариты обострила его мужское тщеславие, он жаждал гласности и потому хотел бы созвать побольше гостей, но тут мешало одно обстоятельство: у него не было в Базеле знакомств. Он мог пригласить только Иоганна и директора небольшого банка, в котором Мональди уже взял, опять-таки под поручительство Иоганна, солидную ссуду на выгодных условиях — из четырех процентов годовых — на ремонт особняка и собирался взять еще больше. Кстати, по его расчетам, присутствие директора на обеде должно было повысить его кредитоспособность. Со стороны Маргариты ожидалось участие Густавссонов. А пригласить их должен был лично проконсул Мональди. Охранник был послан на такси в оранжерею за цветами.

Маргарита, отправляя проконсула к Густавссонам, поручила заодно проверить на почтамте, нет ли ей писем до востребования, а также купить в музыкальном магазине граммофонную пластинку с записью нового блюза в исполнении Армстронга: хозяин магазина просил ее навестись — в конце недели он ждал получения новинок.

Маргарита выпроводила проконсула без десяти минут десять, а ровно в десять к служебному входу особняка, выходящему в переулок, подъехал бело-розовый автофургон. Заглушив мотор, веселый, с черной сумкой через плечо, разносчик мяса выпрыгнул из кабины, раскрыл дверцы кузова, взял большой клеенчатый мешок, из которого торчала культя бараньей ноги, и, насвистывая, вошел в особняк.

Супруги Феррито хлопотали на кухне у разделочного оцинкованного стола. Огромная плита, облицованная белым кафелем, вся в никеле и бронзе, издавала напряженное гудение, как чрево океанского лайнера, — в топке бушевал огонь. Кастрюли, как трубы, изрыгали курчавый пар. Казалось, сейчас прозвучат отвалы гудки, и плита снимется со швартовых, чтобы уйти в далекий рейс.

Разносчик приветствовал заказчиков по-итальянски и громким голосом, иначе бы они не услышали. Мясо — и говядина, и баранина — им понравилось. Феррито-муж восхищенно закатил глаза, нервически бросил в воздух двумя руками какую-то замысловатую фигуру и тут же забыл о существовании разносчика, которому ничего более не оставалось, как исчезнуть.

Плотно прикрыв за собою дверь кухни, Гай в три шага преодолел коридор, открыл дверь, ведущую в буфетную, и увидел Маргариту, ожидавшую его на пороге столовой.

— Он уехал десять минут назад и будет примерно через час, — сказала она шепотом, когда они шли через столовую. Гай кивнул.

Маргарита проводила его в спальню и вернулась в столовую, чтобы следить из окон за дорогой.

Гай снял с плеча черную кожаную сумку, достал из нее фотоаппарат и металлический штатив, привинтил аппарат, установил треножник перед столом, затем достал из сумки и надел тонкие резиновые хирургические перчатки.

В спальне было полутемно из-за спущенных штор. Гай нашел выключатель, зажег люстру.

Освещения должно хватить. Теперь надо проверить сейф.

Он тщательно осмотрел секретер, и не напрасно: одна из инкрустированных перламутром накладных плашек на правой стенке оказалась подвижной. Она поворачивалась на оси на сто восемьдесят градусов, не нарушая орнамента. Повернув ее на девяносто, Гай увидел контакты: металлическая кнопка на изнанке плашки и такая же в пазу на стенке. Значит, Маргарита не за всем уследила, когда полковник показывал ей свой фокус...

Откинув крышку, он перевел стоявшие на ноле стрелки трех циферблатов... 377... Потянул за ручку. Сейф не открывался.

Как всегда в трудные минуты, жилка на правом виске запульсировала.

Проконсул, оказывается, не такой уж рохля. Все-таки сменил шифр. Стало быть, и отвернуться он ей велел не просто так...

Но Маргарита совершенно отчетливо зафиксировала, что, отвернувшись от сейфа, она стояла не более пяти секунд. За это время изменить весь шифр целиком пьяному человеку трудно. Одну цифру — пожалуй, а три...

Гай начал быстро менять положение стрелки на верхнем Циферблате, ставя ее поочередно на единицу, двойку, четверку... Дверца не поддавалась.

Значит, не этот циферблат.

Установив стрелку опять на тройке, он начал пробовать средний. И на восьмерке сейф открылся.

Итак — 387... Жилка на виске утихомирилась.

Гай взял портфель.

Снять, не повредив, печати с пакета плотной серой бумаги было делом двух минут — Гай использовал для этого нехитрые приспособления, лежавшие в черной сумке.

В пакете лежала пачка машинописных страниц обычного формата. Бегло просмотрев их, он отобрал содержавшие закодированный текст — они были сплошь усеяны цифрами — и сфотографировал в первую очередь. За ними — остальные.

Подумав, сфотографировал и конверт. Затем сделал снимки с лежавших в сейфе паспорта проконсула, его офицерского билета и командировочного листа, выданного в личной канцелярии Муссолини.

После этого собрал пачку в прежнем порядке, аккуратно наклеил печати, положил портфель в сейф и запер его, поставив все три стрелки на ноль.

Когда фотоаппарат и штатив были уложены в сумку, он погасил люстру, снял перчатки и посмотрел на часы. Они показывали двадцать две минуты одиннадцатого. Кажется, быстрее работать было невозможно...

Маргарита, бледнее обычного, с закушенной губой, вздрогнула, обернувшись на тихий скрип двери, когда он вошел в столовую.

— Уже? — шепотом спросила она.

Он громко засмеялся.

— Да, синьора! Заказывайте у нас почаще — не прогадаете. — И добавил вполголоса: — Проводи меня.

Краски вернулись на лицо Маргариты. Она проводила его до кухонной двери. Но эти предосторожности были излишни: супруги Феррито вряд ли могли что-нибудь увидеть и услышать. Из кухни доносился дробный стук ножей и мощное гудение плиты. Тяга в печной системе особняка, несмотря на его ветхость, была великолепная.

...Обед удался на славу. Если он мог бы быть немного и повеселее, то кулинарная часть оказалась выше всяких похвал. Маргарите особенно понравилось фирменное блюдо супругов Феррито — стуффати ди манцо алля пьемонтезе, в просторечии — баранина с тушенным в вине черносливом и острым сыром, к которой подавалось холодное асти.

Не известно, повысилась ли кредитоспособность проконсула Мональди у директора банка, но у Иоганна она явно упала. И сам Мональди узнал об этом очень скоро.

В понедельник он отбыл на Дюссельдорф и дальше на Берлин, заручившись у Маргариты обещанием не забывать и ждать. А ровно через неделю вернулся, чтобы прогостить в Базеле пять дней, которые собирался употребить для окончательного покорения и завоевания сердца графини и совместной поездки в Рим для знакомства с его родителями. Для этого требовались деньги, а кошелек проконсула был пуст.

Он обратился к Иоганну, и между ними произошел неприятный разговор. Иоганн напомнил, что проконсул уже задолжал ему лично без малого четыре тысячи франков, не считая поручительства перед банком, под которое проконсул получил на ремонт особняка и прогулял пять тысяч. Каким образом и из каких доходов он надеется погасить задолженность? Вспыливший Мональди в ответ понес какую-то чепуху насчет того, что солдата обогащает война, что скоро он будет богат, как Ротшильд, и купит отель Иоганна со всеми потрохами, а Ротшильд станет беднее церковной мыши.

Если бы Иоганн жил не в нейтральной Швейцарии, запальчивые речи проконсула могли бы повергнуть его в уныние. Но Иоганн был швейцарцем, и заклинания Гаэтано Мональди не произвели на него никакого впечатления. Денег он не дал.

Первым побуждением Мональди ввиду этого отказа была ревизия принадлежащего ему особняка на предмет определения вещей, годных для продажи или залога. Таковых не оказалось, за исключением спального гарнитура, купленного в кредит три месяца назад. Но, во-первых, без него обойтись было совершенно невозможно, особенно в предвидении женитьбы, а во-вторых, какой дурак захочет покупать бывшие в употреблении вещи, когда мебельные магазины предлагают богатейший выбор?

От Маргариты не укрылось удрученное состояние его духа, когда он после разговора с Иоганном и лихорадочного обыска в особняке пришел к ней в номер. Она спросила, чем он озабочен.

Непосредственность и спорадические вспышки откровенности, свойственные проконсулу Гаэтано Мональди, при желании можно было считать инфантилизмом, задержкой развития или признаком недалекого ума. Так или иначе, уже через пять минут Маргарита знала все о затруднениях, терзавших душу молодящегося жениха. И тут она сдала последний экзамен на зрелость, который был гораздо серьезнее того первого, когда Маргарита сумела угостить музыкантов из джаза шампанским со стола проконсула Мональди.

Выслушав исповедь, она задумалась, как бы перебирая возможности, и наконец сказала:

— Кажется, я нашла выход. Слушайте. Тут недалеко от Базеля, в Леррахе, работает брат моей подруги по пансиону для благородных девиц. Зовут его Андреас, он швейцарец, дипломированный инженер, принимает от немецких фирм какие-то машины. Весьма состоятельный человек, да к тому же у него всегда есть свободные деньги фирмы для оборота. Если я его попрошу, он даст вам в долг.

Мональди воспрянул духом:

— Но когда мы устроим встречу?

— Я сегодня вечером позвоню ему из отеля, договорюсь на завтра.

Утром следующего дня проконсул принял Маргариту и Гая у себя в кабинете.

Представив их друг другу, Маргарита сказала, что не хочет им мешать, и вышла в сад.

Проконсул испытывал неловкость, не зная, с чего начать разговор о займе, но предупредительный молодой человек все решил очень просто. Раскрыв свой большой деловой портфель, он без лишних слов выложил на стол пачку долларов.

Мональди покраснел и торопливо произнес:

— Сейчас я напишу расписку.

— Не надо, проконсул, — остановил его Гай. — Здесь тысяча долларов. Они ваши, вы их честно заработали.

Мональди не верил собственным ушам. Странные шутки позволяет себе этот дипломированный инженер! С какой стати он хочет подарить незнакомому человеку тысячу долларов?

— Это не подарок, — словно угадав его мысли, сказал по-итальянски Гай. — Вы, правда, их заработали. Взгляните-ка сюда.

И с этими словами Гай разложил веером на столе фотографии шифровок, паспорта, офицерского билета и командировочного листа.

Мональди смотрел и ничего не понимал. Между тем молодой инженер достал из портфеля еще одну пачку долларов, листок чистой бумаги и авторучку и молвил с приятной улыбкой:

— Тут еще тысяча. Ее вы получите, если позволите в следующий раз сфотографировать бумаги, которые повезете в Берлин. А когда вернетесь из Берлина, мы опять сфотографируем, и опять тысяча... Вас устраивает?

Лицо Мональди сделалось багровым.

— Что все это значит? — закричал он.

— Тише, — улыбаясь еще более ласково, посоветовал гость. — Обратите внимание: фотографии вашего паспорта и командировочного удостоверения очень убедительно доказывают, что шифровки получены именно от вас. Даты на командировке сообщают, когда это произошло. Что будет, если об этом узнает гестапо и ваша итальянская ОВРА, вы, надеюсь, хорошо себе представляете. Генрих Гиммлер и Артур Боккини таких вещей не прощают. Следовательно, выхода у вас нет. Надо соглашаться.

Проконсулу стало душно, кровь отхлынула от лица. Он медленно опустился в кресло.

— Но если вы согласитесь на наше предложение, — спокойно объяснял гость, — можете жить в свое удовольствие и ничего не бояться. Как там говорится в вашем лозунге? Лучше прожить день львом, чем год овцой! Так что есть прямой расчет...

— Кто вы такой?

— Это не имеет для вас принципиального значения. Ведь вам важны деньги, не так ли?

— Чего вы от меня хотите?

— Возьмите перо, я вам продиктую.

Мональди повиновался.

— Пишите: «Я, проконсул первого легиона милиции национальной безопасности, Гаэтано Мональди, обязуюсь предоставлять для фотографирования документы личной переписки Гитлера и Муссолини за тысячу долларов в каждую поездку». Подпись. Дата.

Проконсул, белый как мел, написал, поставил точку и сидел, не поднимая головы. Гай спрятал расписку в портфель, оглядел кабинет, увидел лежавшую на свободном кресле стопку итальянских газет, взял одну, оторвал лист, а затем зигзагом разорвал его на две части. Одну положил перед проконсулом.

— Когда приедете из Дюссельдорфа, задерните окно кабинета голубой материей — наш человек будет знать, что вы здесь, — заговорил Гай серьезным тоном, уже без улыбки. — У него будет вторая половина этого листа. Не надейтесь на глупостей. Повторяю, выхода у вас нет. И прекратите эти безобразные кутежи, они вас к добру не приведут. Не исключено, что рапорты о вашей прошлой пьянке в ресторане уже получены Боккини и Раушбергером. Зачем вам это?

Проконсул молчал.

Гай спрятал обрывок газеты, застегнул портфель и направился к двери.

Мональди наконец поднял голову.

— Да, вот еще что, — сказал Гай. — Маргариту вы больше не увидите.

— Она уезжает?

— Здоровье не позволяет ей оставаться в Базеле.

Проконсул горестно покачал головой.

— Она ничего не знает. Она не имеет к этому никакого отношения, понимаете? — сказал Гай.

— Да, да, понимаю...

— До свидания.

Проконсул не ответил.

Так остался незавершённым скоротечный базельский роман проконсула Гаэтано Мональди.

Гай встретился с Маргаритой в Цюрихе, где она ждала его, чтобы договориться о ближайшем, а может быть, — такая мысль блуждала у нее в голове, — и об отдаленном будущем.

Маргарита не стала задавать ему вопросов насчет исхода переговоров с проконсулом — она по выражению лица увидела, что все в порядке, а в детали вникать ей не хотелось.

На коротком пути из Базеля в Цюрих Гай составил для Маргариты простой план. Сентябрь она должна посвятить настоящему отдыху — скажем, на Ривьере, так как базельское времяпрепровождение стоило ей слишком много нервов, и считать его отдыхом можно только условно. А затем Маргарита вернется в Берлин, где он сам найдет ее и определит, что делать дальше.

Но Маргарита не захотела слушать ни о Ривьере, ни о других курортах. Она хотела в Берлин, потому что смертельно соскучилась по матушке Луизе. А главное, потому, что ей лучше быть не на курорте, а поближе к нему, к человеку, которого она сначала узнала как Ганри Манинга, а теперь как ван Гойена и чье настоящее лицо она так хотела узнать. Но об этом она Гаю не сказала. Просто объявила, что предпочитает сразу ехать в Берлин. Он пробовал возражать, но не очень настойчиво.

Ехать в одном поезде, как рассчитывала — вернее, надеялась — Маргарита, они не могли. Гай сказал, что у него еще есть дела в Цюрихе.

Проводив ее, он дал себе слово при первой же берлинской встрече поговорить с Маргаритой начистоту. Теперь ей можно было довериться до конца.

ГЛАВА 6 ИГРА НА ПОВЫШЕНИЕ

Фриц и Гай просидели в парикмахерской Шнейдера больше трех часов. Выслушав подробный отчет, Фриц остался доволен работой в Базеле. Сказать по совести, Гаю следовало бы отдохнуть. Хотя внешне он выглядел прекрасно, Фриц знал, что такая работа для нервов даром не проходит. Тут как у шоферов: за баранкой можно провести и сутки напролет, да только какой ценой? Уже после пяти-шести часов непрерывной езды даже самый опытный и закаленный водитель начинает постепенно терять остроту реакции, и если утром, в начале пути, он выходил из опасной ситуации, возникшей на дороге, играючи, то теперь каждое препятствие, вдвое менее сложное, требует напряжения всех сил. Водитель сам может и не замечать этого, но уж нельзя с уверенностью поручиться, что его правая нога успеет нажать на тормоз именно в ту неуловимую сотую долю секунды, которая отделяет легкий испуг от дорожного происшествия с трагическим исходом.

— Как ты насчет отдыха?

Хитрить с ним Фриц совсем не умел, но Гай понимал и другое: вопрос этот все-таки задан чистосердечно, а не из одной лишь вежливости. Он решил пошутить:

— Устал смертельно. Не сплю без снотворного. Аппетита никакого.

Фриц озабоченно нахмурился, и Гай не выдержал:

— Да шучу же, шучу! Ты не бойся, я здоровый. Ведь ты же хотел мне что-то предложить?

— Все мы здоровы до поры до времени, — со вздохом сказал Фриц. — Я тоже был не последнего десятка...

— Давно замечено: ревматики любят поворчать...

— Как твое плечо?

— Совсем прошло.

Фриц выбил на газету докуренную остывшую трубку, снова зарядил ее табаком, оторвал от газеты порядочный клоч, скрутил его в жгут, поджег спичкой и от жгута прикурил. Все это он делал не спеша, размеренно. Гай давно привык к тому, что манипуляции с трубкой предшествуют серьезному разговору, и терпеливо ждал.

— Есть интересное дело для тебя, — сказал Фриц, взглянув на него из-под мохнатых бровей. — Именно для тебя.

Гай молча кивнул головой.

— Я тебе не говорил, где работает твоя амстердамская знакомая, которая следила за Клаусом Лёльке, эта блондинка с рысьими глазами?

— Нет.

— Цвайгштелле-пять.

— А что это такое?

— Учреждение сложное, но нам сейчас важны две стороны их деятельности. Во-первых, к ним стекаются донесения от иностранной агентуры, касающиеся военной промышленности. Во-вторых, они располагают исчерпывающими данными о размещении военных заказов Гитлера в промышленности Германии. Надо найти ход в этот Цвайгштелле-пять.

— Через блондинку?

— Между прочим, ее зовут Дорис Шерер, она унтерштурмфюрер.

— А что она там делает?

— Должность у нее небольшая, но Шерер пользуется неограниченным доверием и имеет доступ к самым секретным материалам.

— Суровая особа. Не подступиться.

— Цвайгштелле очень нужен, Гай.

— Понимаю...

Фриц положил ему руку на плечо.

— Я тебя торопить не буду. Тут с налету ничего не выйдет. Но какая она там ни суровая, а все равно — ест, пьет, дышит. Думаю, на пистолетный-то выстрел она тебя к своей особе подпустит? — Фриц еле заметно улынулся. — И еще сдается мне, что у красивой женщины, даже если она закоренелая фашистка и ходит в эсэсовском мундире, не об одном фюрере мечты.

— Вообще-то и Христовы невесты детей рожали, это факт.

— Ну вот видишь...

Гай снял для себя квартиру в одном из новых кварталов около Цицероплац. Граф не мог ютиться где попало, поэтому ему потребовалась квартира из трех комнат. С домовладельцем он договорился о мебелировке и о приходящей прислуге.

В таком большом и многолюдном городе, как Берлин, человеку легко затеряться. Но все же Гай учитывал возможность неожиданной встречи на улице, скажем, с блоквартом Литке. Это было единственное, чего он должен опасаться, и на такой случай он заранее приготовил меры безопасности. В их ряду наиболее надежной была одна: в публичных местах всегда первым обнаруживать своих знакомых, чтобы самому не попасть им на глаза, если ты этого не желаешь.

Острая наблюдательность еще ни разу не подводила Гая. К тому же в роли графа ему придется возвращаться совсем на других орбитах, где встреча с людьми типа блокварта Литке маловероятна. Так что, выработав в своем сознании сигнальную систему тревоги, он мог больше не отвлекаться мыслью от главного.

Его помощники, Ганс и Альдона, тоже вернулись в Берлин. Ганс возобновил изыскания в области древнегерманской грамматики, Альдона приступила к своим старым обязанностям в клинике доктора Пауля.

Гай знал, что Маргарита живет у матушки Луизы, и ему не хотелось беспокоить ее без особой нужды. Но как он ни прикидывал, без нее было не обойтись уже на самых первых порах. Для осуществления его планов насчет Дорис Шерер требовалось участие женщины, и лучше всего именно такой, как Маргарита.

Но прежде чем потревожить ее, Гай провел подготовительную работу, которая заняла почти две недели.

Когда-то Ганс, Альдона и Рубинштейн легко добыли ему массу сведений о девушке из витрины. Сейчас под рукой не было продувного Рубинштейна, а главное — объект на сей раз был совсем другого порядка. Любая, даже самая тихая возня вокруг унтерштурмфюрера Дорис Шерер могла обратить на себя внимание гестапо. Альдоне и Гансу приходилось действовать с предельной осторожностью.

В конце концов Гаю стало известно не очень-то много.

Жила Дорис Шерер одиноко, занимала пятнадцатиметровую комнату в доме недалеко от Александерплац. Работала она с девяти утра до шести вечера, но иногда задерживалась и до десяти. Судя по разряду кафе, которые она предпочитала, унтерштурмфюрер Шерер деньгами не сорила. За время наблюдения она два раза посетила кинотеатр (фильмы отечественные) и один раз — цирк. Везде и постоянно была одна. Дополнительный штрих: ни Ганс, ни Альдона ни разу не видели улыбки на ее лице. Зато Ганс имел возможность увидеть однажды выражение холодной ярости, которую вызвал какой-то сильно подвыпивший юнец, пытавшийся сделать Дорис Шерер кассы кинотеатра весьма недвусмысленное предложение. Дорис ничего ему не сказала, она только расстегнула кобуру пистолета — и юнца как ветром сдуло.

Обдумывая различные варианты знакомства с Дорис Шерер, Гай счел наиболее приемлемым вариант с участием Маргариты. Собственно говоря, они уже были знакомы, и если бы Дорис Шерер случайно встретила в Берлине блуждающего по свету космополита, с которым впервые увиделась за табльдотом в амстердамском отеле, в этом ничего необычного можно бы и не усмотреть. Но так уместно рассуждать только при условии, что не существует другого «если бы», имеющего важное значение: если бы Дорис Шерер не была унтерштурмфюрером СС и не работала в сверхсекретном учреждении.

Случайность ее встречи с ван Гойеном в Берлине, как ни парадоксально это звучит, должна быть мотивирована, должна выглядеть хоть в малой степени закономерной. Чтобы встреча не превратилась в столкновение, необходимо что-то, смягчающее удар, необходим буфер.

Маргарита отдала мокрый зонтик швейцару, поправила перед зеркалом волосы. Первый сентябрьский дождь был не холодным, но когда она пересекала улицу, с неба вдруг так хлынуло, что несколько метров ей пришлось пробежать. Волосы чуть растрепались, щеки порозовели.

Дождь очень кстати, подумала она и вошла в зал.

Столики в кафе стояли двумя рядами: один вдоль окон, другой у противоположной стены. Большинство было занято парочками, за угловым столиком у стены тесно сидела большая компания мужчин. Ни одного свободного, с удовлетворением отметила Маргарита. Она знала, что Дорис сидит за третьим столиком у окна, — ей сказал об этом Ганри, и, оглядывая зал, не торопилась взглянуть туда. И все же почувствовала на себе ее взгляд.

Дорис была одна. Перед нею на розовом мраморе серебрился кофейничек и молочник. С вопросительным выражением лица — брови изломились над переносицей — Маргарита приблизилась к столику Дорис. Та смотрела на нее безразлично.

— Вы разрешите? — лишь ради соблюдения формальности спросила Маргарита.

— Здесь свободно, — не очень приветливо отвечала Дорис.

Подошел официант, Маргарита попросила черного кофе с ликером.

Дождь за окном хлестал косыми струями. Мостовая кипела. Прохожие попрятались в подъезды, под козырьки магазинных витрин. Разбиваясь о лакированные крыши проезжающих автомобилей, струи вспухали белыми туманными нимбами.

— Где-то разверзлись хляби небесные, — сказала Маргарита тем тоном, каким обычно приглашают незнакомого человека поговорить о погоде, когда нечего больше сказать.

— Да, — коротко и не слишком-то дружелюбно отозвалась Дорис, поглядев на нее, как показалось Маргарите, с усмешкой.

Маргарита посмотрела на свои ручные часики и вздохнула. Она решила не обращать внимания на неприветливость соседки.

— Это, наверно, плохая примета, когда идешь к кому-то на первое свидание в такой сильный дождь.

— Не знаю. Я не хожу па свидания. — Слова могли бы быть и другими, но Дорис несколько смягчила тон.

Официант принес кофе и ликер. Едва Маргарита пригубила чашку, напротив окна остановился шоколадный «Хорьх». Стекло переднего сиденья опустилось, и из машины, моргая от брызг, выглянула фатоватая физиономия Ганри ван Гойена.

Одновременно с Маргаритой его увидела и Дорис. И явно узнала.

Граф был в нерешительности — боялся выйти под дождь.

— Кажется, это за вами? — полувопросительно и с прежней усмешкой сказала Дорис.

— Представьте, он оказался точным, — удивилась Маргарита.

Граф сдал машину задним ходом поближе к дверям кафе. Маргарита вынула из сумочки марку, сунула под блюдце и встала.

— Извините. — Она кивнула Дорис.

Граф уже ждал ее в дверях. Он щурил глаза, словно был близорук. Дорис видела, как они сели в машину, и «Хорьх» прошелестел мимо окна рубчатыми покрывками.

Знать прошлое человека полезно хотя бы потому, что это помогает правильно понимать его поведение в настоящем, а иногда позволяет предвидеть и будущее этого человека.

При рождении Дорис Шерер нарекли Доротеей. Фамилия Шерер заставляет думать, что в некие далекие времена ее предок был деревенским стригалем овец и делал свое дело настолько хорошо и быстро, что закрепил эту кличку уже в качестве фамилии за всеми последующими поколениями потомков. Разумеется, это лишь вольное предположение, ибо в «Альманах Гота» стригаль не попал. Но история семьи Шерер за последние столетия известна во всех подробностях.

В основе ее благополучия лежал фердевршт — обыкновенная колбаса из конского мяса, иногда с душиком. В середине прошлого века город Берлин переживал период бурного жилищного строительства. Забегаловок вездесущего Ашингера тогда еще не существовало, рабочих кормили мелкие частные предприниматели. Возле новостроек в те годы можно было видеть и тележку Марты Шерер, прабабки Доротеи. На тележке стояла кастрюля с кипящей водой, а в воде крутились кусочки фердевршта или сделанные из конины крупные сардельки. Это была база. От нее прадед Карл торговал тем же товаром вразнос — из жестяного ящика с горячей водой. Они берегли каждый пфенниг, и их сын Фриц, дедушка Доротеи, смог на полученные в наследство деньги снять комнатуху и оборудовать лавчонку, где вдобавок к прежнему товару продавался хлеб, смалец и селедка, а в обеденные часы бабушка Амалия разливала в железные миски гороховый суп с обрезками свиной кожи, ушей, хвостиков и пяточков. Процесс накопления, как известно, ускоряется с увеличением капитала, и Фриц оставил своему сыну Дитеру, отцу Доротеи, достаточно, чтобы открыть недурной магазин пищевых продуктов, многие из которых производились в подсобном помещении на большой плите самой Лоттой Шерер при помощи нанятых девушек; на складе за стеной работали двое молодых парней.

Доротей родилась в самом начале 1908 года, и ее детству сопутствовал дальнейший рост благосостояния семьи. В канун мировой войны Дитер Шерер снял для своего заведения обширное и удобное помещение на одной из деловых улиц восточного Берлина. Теперь по праздникам он курил сигары «Гавана-люкс» и разрешал себе пить не «Берлинер-киндль», а настоящий мюнхенский «Сальватор».

Война не нанесла семейству особого урона. Однако к середине двадцатых годов дела пошли хуже и хуже. Господин Дитер Шерер по воскресным дням не раз обсуждал этот вопрос со своими приятелями, такими же владельцами продуктовых магазинов, но все они никогда прежде не интересовались политикой и редко читали газеты, а потому терялись в догадках: что же такое происходит с Германией и куда идет их любимый фатерланд? Они понятия не имели ни о какой идеологии, даже не знали этого слова, но инстинктивно ощущали острую потребность именно в идеологии, которая дала бы ясные ответы на все болезненные, волнующие их вопросы, а главное, прямо указала бы — кто виноват во всех нахлынувших бедах.

Разговорившись как-то с одним солидным покупателем, Дитер Шерер узнал новые для себя и очень важные вещи: во всем виноваты коммунисты и евреи, и если удалить их из немецкой жизни — немцам станет

жить легче. Позже этот господин принес Шереру десятка два книг, и среди них ту, ставшую вскоре знаменитой, которая называлась «Майн кампф». Однако, как уже было сказано, Дитер Шерер читать не привык, он отдал книги дочери, которая как раз окончила гимназию и поступила в двухгодичную школу технического черчения.

Эти книги открыли перед Доротеей новый мир. В гимназии она уже с первых классов тяжело переживала людское неравенство. Ее тяготила и обижала та узаконенная несправедливость, которая давала одним девочкам право и возможность приезжать в гимназию на собственных машинах, а другим оставляла лишь право любоваться чужим счастьем. Вдобавок следует отметить, что внутренний протест маленькой Доротей уже с младенческих лет приобрел некоторую двойственность и носил своеобразную окраску. С одной стороны — богачи, присвоившие себе все блага мира, а с другой...

Дело в том, что в семьях лавочников из поколения в поколение детям передавалась враждебность к покупателям. Тысячу раз Доротей видала одну и ту же картину: едва занимался рассвет, перед прилавком начинала тащиться нескончаемая вереница закутанных в черные и серые платки худых женщин, похожих на ворон, — из платков торчали их длинные костяные клювы и неслоь однообразное карканье:

— Сельди опять подорожали...

— Хлеб несвежий...

— Смалец с водой...

Они никогда не были довольны. Эти серые люди были исконными врагами семьи Шерер, и Доротей с молоком матери всосала глубокую к ним неприязнь.

Повзрослев, она ближе познакомилась с той категорией врагов, которая возбуждала в ее юной душе одновременно и жгучую зависть, и ненависть. Это были очень нравившиеся ей изящные девушки и приятные молодые люди, не замечавшие ее, несмотря на упорные попытки войти в их среду, — например, молодой инженер Конрад Горст, следивший по поручению фирмы за ее успехами в школе черчения, его красивый приятель Кай фон Ревентлов, служивший в министерстве иностранных дел, и их знакомая — хрупкая девушка Иоланта фон Фалькенгайн, родственница видного генерала кайзеровской армии.

Доротей обладала спортивными талантами и сумела стать лучшей пловчихой Берлина. Оба молодых человека не раз подходили к ней после удачных заплывов, и она стояла перед ними в мокром белом купальнике, как северная богиня, как воплощение немецкой красоты и доблести. Но, сказав несколько любезных фраз, молодые люди учтиво раскланивались и отходили к своей щедеушной Иоланте. Подхватывая ее под острые локотки, они исчезали в толпе. За чертой стадиона, встретив Доротей, они никогда не кланялись — ее не узнавали, не замечали, не видели. Потому что Иоланта фон Фалькенгайн была своя, а Доротей Шерер — чужая.

Чертила Доротей превосходно, потому что, как однажды сказал директору школы инженер Горст, у нее была твердая рука. Из случайно услышанного разговора Конрада и Кая она узнала, что оба они состоят членами стрелкового союза. Доротей немедленно записалась туда, и твердая рука быстро вывела ее в состязаниях по стрельбе на первое место среди женщин. И снова она принимала поздравления от учтиво улыбавшихся молодых людей, которые через полчаса, на улице, снова не узнавали ее.

Лишь однажды они допустили ее в свою компанию — только для того, чтобы воспользоваться ее неопытностью, опозорить и выбросить, как тряпку. К Каю приезжал из Мюнхена его друг, такой же развязный красавчик. По этому поводу они устроили пикник и пригласили Доротей. Ее заставляли лить какую-то ужасную смесь, а так как она раньше никогда не пробовала спиртного, то быстро опьянела, и друг Кая увез ее на своей машине к себе в гостиницу и продержал всю ночь. Он лишил Доротей невинности, пообещав непременно жениться. А утром уехал в Мюнхен, и больше она его не видала.

Никакими словами невозможно описать, что пережила она тогда. Происшедшее удалось скрыть от родителей, но куда скроешься от самой себя? Доротей поклялась перед богом, что разыщет и убьет негодяя. И он умер бы от ее руки, если бы не погиб в авиационной катастрофе.

Глухая, тяжелая, слепая ненависть тлела в сердце Доротей, которая, кстати, к тому времени переменила свое плебейское имя на аристократическое Дорис. Но это мало помогло.

Помимо ее воли в конце концов получилось так, что те серые недруги с северных окраин города слились в ее сознании в одну общую враждебную массу с этими блестящими из западной части.

Книги, отданные отцом в ее распоряжение, чудесным образом все объясняли и отвечали убедительно и категорично на мучившие ее вопросы. Дорис вступила в нацистскую партию.

По счастью, ждать пришлось не так уж долго. Скоро к власти пришел настоящий вождь, фюрер, которого Доротей сама, по собственному желанию и разумению, выбрала своим духовным отцом...

По чести говоря, Дитер Шерер всегда испытывал чувство некоторой неполноценности от того, что у него растет дочь, а не сын. Как ни утешай себя, а продолжать род может только наследник, а не наследница, а фюреру в первую очередь нужны верные бойцы. Во всех других отношениях семья Шерер была той классической ячейкой, из множества которых Гитлер сплел свою сеть.

Однако Дорис не посрамила семьи Шерер, даром что не мужчина.

С приходом Гитлера к власти все разом перевернулось. Ее трехлетний партийный стаж был учтен, и однажды Дорис Шерер получила приказ участвовать в арестах. А затем ей поручили охрану в бункерах арестованных женщин и детей.

Вначале это казалось страшным — подойти к хорошо одетой даме и вместо вежливого «Прошу вас, станьте здесь» крикнуть: «Назад!» и больно ударить ее кулаком в грудь или в лицо. Но скоро Дорис сделала открытие: после недели сидения без сна и умывания на каменном полу угольного бункера любая дама

превращается в черно-серую ворону, становится очень похожей на тех женщин, которые вечно ворчали у прилавка ее деда и отца. Со сладостным мстительным чувством ждала Дорис Шерер момента, когда она возьмет за шиворот щупленькую фрейлейн Иоланту фон Фалькенгайн и покажет ей, что такое сильная рука настоящей дочери северного бога Вотана. Но ожидания были напрасны: однажды во время очередного парада, стоя в карауле, Дорис увидела Иоланту в почетной ложе, а потом, пропуская ее к трибуне, вынуждена была вытянуться и отдать честь. Да, многое изменилось в Германии, но, оказывается, не все!

Своей безупречной службой она обратила на себя внимание командира штурмовых отрядов города Берлина — знаменитого Эрнста. Он вызвал ее, объявил благодарность, и уже во время аудиенции Дорис женским инстинктом почувствовала, что Эрнст смотрит на нее не просто как на своего бойца, что здесь не исключена возможность сближения, а это — прямой путь к собственной машине и деньгам. Но Эрнст был в недалеком прошлом всего лишь ресторанным официантом, он хам и неуч, а его деньги — ворованные крохи того, чем по праву рождения владела Иоланта фон Фалькенгайн. Дорис не пошла на сделку со своим самолюбием. Не о том она мечтала. Пусть она будет пока спать на узкой железной койке под грубым солдатским одеялом. У нее еще есть время...

Служебное рвение не осталось незамеченным: Дорис перевели в СС и зачислили в спецшколу, а по окончании школы присвоили звание унтерштурмфюрера и направили на работу в Цвайгштелле-5 — один из разведывательных центров только что вновь созданного генерального штаба вермахта, под начало к майору Цорну. Позади кабинета майора находился охраняемый эсэсовцами большой зал, где офицеры в штатском платье обрабатывали получаемую от агентуры информацию. Из зала массивная стальная дверь вела в бронированную комнату, где вдоль стен стояли шкафы с пронумерованными ящиками, а посередине — стол с лампой и телефоном. За этим столом и должна была сидеть Дорис Шерер, в чьи обязанности входило по утрам выдавать офицерам под расписку папки с донесениями агентуры, а вечером — также под расписку — принимать их обратно и прятать в ящики.

Тот факт, что Дорис Шерер была включена в число особо доверенных лиц для обеспечения операции в Амстердаме, достаточно красноречиво свидетельствует, как высоко ее ценили руководители секретных служб.

Таким образом, можно сказать, что в то время, когда Гай искал сближения с Дорис Шерер, ее карьера была на подъеме.

Впоследствии, когда их отношения уже сильно переросли рамки простой дружбы, Дорис сделала графу Ганри ван Гойену маленькое признание.

Увидев его в автомобиле возле кафе приехавшим на свидание к хорошенькой субретке — ибо Дорис приняла Маргариту по одежде и манерам за служанку из аристократического семейства, — она пережила приступ острой ненависти к нему. Ей вспомнился красавчик из Мюнхена, обольстивший ее десять лет назад.

Когда же при второй встрече в том же кафе она узнала, что Маргарита сама принадлежит к аристократии, у Дорис возникло чувство ненависти уже к ней. Тут причиной были воспоминания об Иоланте фон Фалькенгайн.

А когда на третий раз — все в том же кафе — Ганри, не стесняясь Маргариты, начал делать ей, Дорис, прозрачные намеки, у нее появилось злорадное желание отравить удовольствие этой беспечной красавице. Только поэтому она дала Ганри согласие на свидание...

Правда это или не правда, значения не имеет. Гораздо существеннее для дела один серьезный разговор, который произошел между Дорис и ее начальником — майором Цорном — спустя два месяца после ее первого свидания с ван Гойеном.

Цорн позвал унтерштурмфюрера Дорис Шерер к себе в кабинет после работы, в половине седьмого. Предложив ей сесть, майор долго собирался с мыслями и наконец сказал тихим голосом, как бы заранее призывая ее к задушевности:

— Вы очень правильно поступили, доложив о своем знакомстве с этим голландским графом. Как идут теперь ваши дела?

Дорис слегка смутилась:

— Мы часто встречаемся.

— Как он к вам относится?

Она покраснела и, кажется, впервые в жизни опустила глаза под чужим взглядом.

— Если я не ошибаюсь... — Майор понимающе улыбнулся. — Если это любовь, тем лучше. Скажите, он богат?

— У него имение в Голландской Индии. — Дорис уже оправилась и вновь глядела прямо в глаза собеседнику. — Но хозяйство запущено.

— Чем же он живет?

— Все его родственники натурализовались в Соединенных Штатах. Ему выдают какой-то процент с доходов.

— В Англии он бывал?

— Он бывал везде.

— И знает английский?

— Он несколько лет жил в Штатах. Я слышала однажды, как граф говорил по-английски с одним человеком. — Дорис имела в виду Маргариту.

Цорн звонком вызвал помощника, распорядился, чтобы принесли кофе. И вновь обратился к Дорис:

— Чем он вообще интересуется в жизни?

— По-моему, ничем особенно. Так... живет...

— Умен?

— Это очень неглупый человек. Просто легкомысленный.

— Но какие-то убеждения у него есть?

— О политике он говорить не любит. Граф верит только в силу денег.

— Значит, действительно не глуп! — Цорн рассмеялся. — А скажите, смог бы он, например, носить плед за какой-нибудь старой английской герцогиней или играть в лаун-теннис с ее конопатой внучкой? Можно его представить себе в такой роли?

— Думаю, он был бы как рыба в воде.

Помощник принес на подносе две чашки с черным кофе и блюдечко с сахаром.

Цорн сделал в разговоре длинную паузу.

Дорис понимала, что майор спрашивает ее не из пустого любопытства, но она издавна приучила себя не вникать в высокие соображения начальства и потому не старалась разгадать скрытый смысл этой задушевной беседы.

А смысл, не интересовавший Дорис, но весьма заботивший майора и его шефов, заключался в том, что министерству иностранных дел необходимо было точно знать настроение лондонских кругов, близких к правительству. Дело в том, что специальный посол Гитлера в Англии Иоахим фон Риббентроп, удачно добивавшийся уступок относительно создания Германией военного флота, испытывал затруднения в другом важном аспекте своей миссии. Его задача — вбить клин между Англией и Францией. Чтобы найти большое место и действовать, не наугад, а сообразуясь с подводными течениями, надо знать, чем дышат люди, формирующие так называемое общественное мнение.

Когда Дорис сообщила Цорну о завязавшейся с ван Гойеном дружбе, Цорн не замедлил передать об этом по инстанции. Старые секретные источники информации не пользовались больше доверием, новое руководство испытывало нехватку своих, им самим учрежденных источников, и у шефов майора Цорна возникла мысль использовать для работы в Англии голландского графа: космополитическая закваска делала его очень подходящим для такой работы.

Дорис ни о чем не спрашивала майора Цорна, и он ей ничего пока не открыл.

Допив кофе, майор сказал:

— Ну что ж, благодарю за откровенность. Продолжайте вашу дружбу, в ней нет ничего предосудительного.

Дорис встала.

— Разрешите быть свободной?

— Конечно, конечно...

Майор проводил ее до дверей.

Дорис покинула кабинет с чувством необыкновенной легкости на душе. Хотя она и не утаила от начальника своей связи с иностранцем, ее партийная совесть до этого разговора все же испытывала иногда легкие укоры. Теперь ничто не смущало ее.

...Дорис расчесывала свои светлые, выющиеся на концах волосы. За два месяца — с того дня, когда Ганри попросил отпустить их, — они стали длинные, и ей приходилось по утрам, перед уходом на работу, мастерить на затылке тугой компактный пучок. Но по воскресеньям Дорис давала им волю.

Длинные волосы ей и самой нравились, — как и многое другое, что пришло вместе с появлением в ее жизни графа ван Гойена.. Спартанское жилье, похожее на келью в монастыре, опостылело ей вдруг до омерзения — с прошлого воскресенья, когда она побывала в уютной квартире Ганри, где он сделал ей предложение. Она, конечно, на следующий же день сообщила об этом майору Цорну, и тот с улыбкой поздравил ее...

Наступали сумерки, хотя было всего без четверти четыре: их приблизил холодный ноябрьский туман, плотный и вязкий, как молочный кисель. Ганри по обыкновению опаздывал. Они собирались сегодня на ипподром, где Дорис не бывала еще ни разу в жизни, и потому она ждала его с нетерпением.

Наконец он явился. Вид у него, уже против обыкновения, был не очень-то веселый. Уличный туман, бисером осевший в усиках, казалось, застрял и в складках его плаща, и даже в глазах.

— Сдается, дорогая, мы никуда не едем, — сказал он с порога скучным голосом.

— В чем дело?

— Во-первых, две лошади, на которых я собирался ставить, заболели. — Он сел прямо в плаще на ее узкую кровать, застеленную серым шерстяным одеялом, и замолчал.

Дорис кончила расчесывать волосы:

— А во-вторых?

— Во-вторых, погода мерзкая, и вообще...

— Что «вообще»?

— Хочется напиться. Давай напьемся, а? Как сапожники, а? — Он оживился.

— Я один раз напилась — с меня достаточно.

— Ну зачем так трагично? — запротестовал Ганри. Ему была известна история ее падения из уст самой Дорис. — Все-таки есть небольшая разница...

Дорис знала, что сказал он это без желания ее обидеть, просто болтает по привычке, но с тех пор как в ней проснулась женщина, им же разбуженная, она усвоила и применяла все присущие женщинам уловки, правда не

всегда расчетливо и умело. Сейчас она сочла уместным оскорбиться:

— У вас именно так принято острить с дамой?

Ганри взял лежавшую на одеяле портупею с тяжелой кобурой, взвесил на руке.

— Какая же ты дама? Носишь такую сбрую... Сколько это потянет? Килограммов на пять?

— Каждому свое, — продолжала оскорбляться Дорис.

— Ты и стрелять умеешь?

Тут она не выдержала роли и расхохоталась. Если бы в этот момент ее увидел майор Цорн или Дитер Бюлов, они бы решили, что унтерштурмфюрер Шерер сошла с ума. Никто никогда не был свидетелем таких живых проявлений обыкновенных человеческих чувств со стороны унтерштурмфюрера.

Ганри поглядел на нее, и его дурное настроение окончательно исчезло. Она все хохотала.

— Да, ведь ты была чемпионкой по стрельбе, совсем забыл, — сказал он. — Но все-таки — не напиться ли нам? В такую погоду хорошо сидеть в тепле и потягивать что-нибудь серьезное. А?

— К чему ты клонишь? — Дорис отобрала у него портупею с кобурой, села рядом.

— Поедем ко мне. По дороге купим того-сего. Приедем и запремся. Я тебе сказку расскажу. И поплачусь заодно.

— Теперь я тебя должна спросить: зачем так мрачно?

— Меня ждут суровые времена, — весело отвечал он. — Наличные кончаются...

На площади они взяли такси, заехали в магазин, где им увязали два больших пакета с бутылками и закусками, и через полчаса уже сидели в квартире у Ганри при гранатовом свете настольной лампы под шелковым абажуром.

Начали с виски. Чтобы не разбавлять водой, Ганри положил в бокалы побольше льда. Дорис виски раньше не пробовала. Сделав два больших глотка, она сказала, что ей нравится.

— Значит, напьемся? — спросил Ганри.

— Видно будет...

Тут зазвонил телефон в кабинете, и он поспешил туда, оставив дверь открытой.

— Алло, слушаю вас, — придав голосу солидности, сказал он в трубку по-немецки. — О, Александр, очень рад, что не забыли позвонить... Да... да... То, о чем мы с вами тогда говорили, произошло, к сожалению, несколько раньше, чем я рассчитывал... Что?.. Еще не совсем, но близко к этому... Что?.. Ха-ха-ха... Судьба такая! Что?.. — Смех оборвался. — Я об этом не думал, но надо будет поискать... Что?.. Да, дело тонкое, но ведь как там у вас говорят: не имей сто... как?.. ага, рублей... — Он произнес последнее слово с трудом. — Так когда же мы встретимся?.. Хорошо... Чем скорее, тем лучше.

Дорис слушала этот обрубленный наполовину диалог, и сначала он казался ей двусмысленным и неприличным — можно было подумать, что разговор шел о ней. Но к концу ей стало стыдно собственной подозрительности.

— Если не секрет, чему это ты так заразительно смеялся? — спросила она вернувшегося из кабинета Ганри.

— Путилов говорит, что мужчина может не считать себя банкротом, пока он не стал импотентом.

— Кто такой этот философ?

— Разве я тебе не рассказывал?

— Впервые слышу это имя.

— Только он не философ, а скорее наоборот — он биржевой делец. Русский фабрикант, в прошлом очень богатый, удрал из России в восемнадцатом году. Кажется, и здесь устроился неплохо.

— Ты играешь на бирже? — без всякого осуждения поинтересовалась Дорис.

— Пока нет, но придется, милая моя Дорис, увы — придется.

— Там можно заработать?

— Путилов говорит — можно. Он, например, зарабатывает. Предлагает свою помощь, но, конечно, не бескорыстно.

— Что он от тебя хочет?

— О, сущие пустяки! Было бы очень хорошо, если бы я добыл кое-какие сведения о работе и перспективах военной промышленности России и Германии. Пустячки, не правда ли?

— Я иногда не понимаю, шутишь ты или говоришь серьезно, — сказала Дорис.

Ганри даже перепугался, схватил ее руку, быстро поцеловал.

— Ну какие же шутки, милая Дорис?! Где я возьму такие сведения? У этих фон-оболтусов и их малокровных пассий с Фридрихштрассе? Ты меня просто расстраиваешь...

И вправду, Дорис видела, что он готов захныкать, как малое дитя. Она подлила в его бокал виски.

— Ты не замечаешь, что говоришь почти стихами?

— Тут заговоришь!

— Ты хотел выпить...

Он выпил.

— Лучше? — спросила она.

— Лучше.

— А теперь Расскажи по порядку.

Ганри закурил сигарету и снова стал веселым и беспечным.

— Собственно, я все уже тебе сказал. Путилов хочет знать положение в военной промышленности, чтобы играть на бирже не вслепую, а уверенно.

— Но в чем суть?

— Видишь ли, дорогая, этой механики я толком сам не понимаю. Путилов объяснял так. Если ему будет известно, какие заказы собирается ваше правительство разместить в военных отраслях промышленности, проще простого будет определить, акции каких концернов повысятся в ближайшем будущем. Он их скупает сегодня по недорогой цене, а завтра продает уже во сколько-то там дороже. У них это называется игрой на повышение.

— Ну, это не так уж сложно, как ты думаешь. Можешь познакомить меня с этим Путиловым?

— Зачем тебе?

— Если это солидный человек и если он действительно желает тебе помочь... как тебе сказать?... Я хотела бы в этом убедиться.

— Я увижу его завтра.

— Где?

— В «Ам Цоо».

Дорис поморщилась:

— Там слишком много народу. А нельзя встретиться здесь?

— Конечно, можно. Приведу его сюда.

— Я ведь могу освободиться только в семь.

— Ну, а мы будем ждать тебя в восемь.

В этот вечер они так и не напились по-настоящему...

Иштван, выдававший себя перед Дорис Шерер за бывшего русского заводчика, а ныне биржевого дельца Путилова, произвел на нее приятное впечатление. Сухой, немногословный, но умеющий быть любезным и предупредительным, одетый в темный костюм от дорогого портного, он вполне отвечал ее представлениям о том, каким должен быть финансовый делец. Путилов сжато и четко растолковал ей суть биржевых манипуляций с акциями. Она спросила, какие данные и о каких предприятиях его интересуют. Он сказал, что полезно было бы знать, например, ближайшие и более отдаленные планы авиационных заводов. Тогда Дорис прямо поставила вопрос: если она доставит такие данные, гарантирует ли Путилов полную тайну? Разумеется, он отвечал за это головой. И лучшей гарантией в подобных делах служит то, что такие сведения имеют цену лишь до тех пор, пока их никто другой не знает. Разглашать их — значит рубить сук, на котором сидишь.

Дорис обещала что-нибудь придумать и действительно придумала. Через неделю в квартире у Ганри она передала Путилову скатанный в тугую трубочку узкий листок чертежной кальки, на котором тушью были аккуратно выведены две колонки чисел. Это были данные, касающиеся производственных планов заводов Юнкерса и Мессершмитта. Дорис зашифровала их самым элементарным способом. Она объяснила Путилову принцип шифровки. Они договорились, что прибыль от операций на бирже будут делить на троих, равными частями.

Дорис, с самого начала подошла к этому союзу по-деловому. Она и вообще не склонна была драматизировать собственные поступки, а когда речь шла о заработке законным путем — игра на бирже считалась в их семье почтенным занятием, не доступным простым смертным, вроде ее отца, — то она сочла бы глупцом всякого, кто упустил бы такой удобный случай. Конечно, она позволяла себе при этом известное злоупотребление своим служебным положением, но картотека, откуда Дорис брала интересовавшие Путилова цифры, не принадлежала к разряду совершенно секретных. По сравнению с другими ящичками, бывшими в ее распоряжении, эти — невинные детские игрушки. Вполне понятно, что человек, привыкший курить на бочке с порохом, не считает особенно огнеопасным какой-нибудь там склад пиломатериалов.

Фрица беспокоил один вопрос: если гестаповцы отметят появление Путилова в жизни Дорис Шерер и графа ван Гойена, у них может возникнуть желание проверить, чем оно объясняется. Необходимо было чем-то оправдать нечастые посещения Путиловым квартиры Ганри. Поэтому Путилову-Иштвану пришлось съездить в Голландию. Оттуда он привез целую кипу документации, которая свидетельствовала о том, что Путилов выступает перед различными банками и строительно-ремонтными фирмами как доверенное лицо, занимающееся приведением в порядок родового имения графа ван Гойена. Некоторые из документов Ганри по забывчивости оставил у Дорис дома в маленьком книжном шкафу, так что в случае, если гестаповцы захотят негласно кое-что проверить, им эти бумажки окажут известную помощь.

Вскоре Путилов вновь увиделся с Дорис на квартире у Ганри. Сухие цифры, полученные от нее в прошлый раз, он обратил в три пачки банкнот — одну из них получила Дорис. А Путилов унес новый столбик цифр.

Дорис завела тогда разговор насчет того, что Ганри не очень-то торопится с женитьбой. Сделав так легко предложение, он как будто вовсе о нем забыл. Но Ганри вдруг проявил не свойственное ему здравомыслие, которое даже порадовало ее. Он сказал, что хочет построить их совместное существование на прочной основе, а для этого необходимо привести в порядок имение, расплатиться с кредиторами и наладить расстроившиеся отношения с родственниками в Соединенных Штатах, которые еще могут им пригодиться в трудную минуту. Доводы были разумные, и Дорис решила не торопить событий. В конце концов, все у нее шло хорошо. Подавленное честолюбие могло торжествовать: она добилась любви аристократа, и у нее были деньги, пока небольшие, правда, но она может их увеличить по своему желанию.

Ее высокое жизнеощущение последних месяцев было еще более поднято новой беседой с майором Цорном. На этот раз он говорил без обиняков.

— Вы не забыли нашего последнего разговора? — спросил майор, справившись перед этим о здоровье.

— Никак нет!

— Очень хорошо. Речь опять пойдет о вашем знакомом. — Майор вдруг шутливо-досадливо взмахнул рукой: — Нет, что я говорю! О вашем женихе. Вы же помолвлены!

Дорис молчала.

— Как идут ваши дела?

— Нормально.

— Гм... Я буду с вами абсолютно откровенен. И надеюсь на откровенность с вашей стороны.

— Можете не сомневаться, — быстро ответила она.

— Так вот, есть намерение послать графа в Англию. Он может сослужить нам полезную службу. Как вы думаете, он согласится?

— Не знаю. — Дорис действительно не знала, что сказать. Во-первых, это был слишком резкий оборот дела, а во-вторых, она не могла предугадать, как отнесется Ганри к подобному предложению. Безусловно, он был и легкомыслен, и податлив как воск, и, если на то пошло, мог казаться тряпкой, но его характер заключал в себе массу неожиданностей, разобраться в которых ей пока не удалось.

Видимо, майор Цорн правильно понял, что затрудняет ее.

— Я хочу вас попросить именно о том, чтобы узнать, согласится он или нет. Вы понимаете, что несолидно было бы делать предложение человеку без уверенности в его согласии.

— Да, я понимаю.

— Вы должны также иметь в виду, что людям этого сорта свойственна некоторая щепетильность в отношении... — Майор не мог сразу подобрать подходящего выражения. — Ну, в общем, они настороженно относятся ко всему, что в их понятиях как-то связано с осведомительской работой. Вы должны употреблять в разговорах с графом другие термины. Скажем, служба информации. Тем более что и на самом-то деле речь идет об исследовании общественного мнения.

Дорис слушала предельно внимательно, время от времени согласно кивая головой. Майор продолжал:

— Но и лукавить с ним не следует. Не надо заставлять его думать, будто его считают слепой марионеткой.

— Но что конкретно можно ему сказать?

Майор на секунду задумался.

— Очень просто. Скажите так. Отдел исследований одного крупного концерна желает иметь в Англии своего корреспондента. Он должен завести побольше знакомств в высшем лондонском кругу, пошире общаться, почаще беседовать с людьми на злободневные темы и иногда составлять обзоры своих бесед и наблюдений. Как видите, обязанности необременительные. А содержание, которое графу будет обеспечено, позволит ему жить в полное свое удовольствие... — Майор опять секунду помолчал. — Короче говоря, вы можете передать ему всю нашу с вами беседу, не называя, разумеется, моего имени. Так вам будет легче — не понадобится ничего выдумывать.

— Понимаю, — сказала Дорис уже не так убежденно. Ее что-то заботило, и глаз майора Цорна незамедлительно это отметил.

— Вас что-нибудь смущает? — спросил он дружеским тоном.

Дорис очень хотела спросить, отпустят ли ее в Англию вместе с Ганри, а задала глупейший вопрос:

— Но как будет с нашей помолвкой?

Однако майор Цорн опять все разгадал правильно.

— Я обещал полную откровенность, поэтому не обижайтесь. Пока вы не поженитесь, ни о каком вашем выезде из Германии не может быть и мысли. Характер вашей службы не позволяет этого. Другое дело, когда вы выйдете замуж. Никто, конечно, не будет разлучать мужа с женой. Так что все зависит от вас.

Дорис передала все Ганри в том духе, как велел майор Цорн. Она не скрывала, что ей хочется поехать в Англию. Ганри ради нее готов был пожертвовать своей вольной жизнью на континенте, но его пугала всякая необходимость числиться у кого-нибудь на службе и отчитываться в чем бы то ни было.

Он просил не торопить его с окончательным ответом и посоветовал Дорис не слишком-то оболящаться прелестями заграничной жизни.

Между тем игра на бирже шла с успехом. Путилов во второй раз принес солидную сумму денег и поделил на три равные части. И сказал, что теперь хорошо бы добыть данные о производстве танков.

Сказав «а», Дорис не видела причин не говорить «б».

Когда в парикмахерской Шнейдера Гай встретился с Фрицем после трехмесячной разлуки, Фриц его похвалил.

Главная цель, которую они преследовали относительно Дорис Шерер, была достигнута.

— Тебе с нею надо рвать, — сказал Фриц.

— Слишком далеко зашло.

— Ты, кажется, ее жалеешь?

— Нет, не то...

— Будь уверен, нас с тобой она не пожалеет.

— Да не про то же я, Фриц... Так все наладили — и бросать?

— Чтобы играть на бирже, ты ей не нужен, а Путилов ее бросать не собирается. Она же, говоришь, денежки уважает?

— Складывает в заветный зеленый портфельчик.

— Ну и пусть себе складывает дальше. А тебе с ее горизонта пора исчезнуть.

— Но как?

— Будем использовать газетный вариант. Поедешь в Гвинею. — Он подумал и добавил: — Скажем, через Италию... Только подготовь ее заранее. Спешить особенно не надо, но все же...

Однако уже на следующий день Фриц через Иштвана вызвал Гая на явку — случай из ряда вон выходящий.

— Газетный вариант откладывается, — сказал он без предисловий. — Тебе придется еще пожить в Берлине.

Он набил трубку и, хорошенько раскурив ее, спросил:

— У тебя никогда не возникал вопрос, откуда мне были известны кое-какие подробности об операции в Амстердаме?

— Удивлялся.

— Их доставлял человек, с которым ты теперь должен встретиться. Из-за этого я тебя и вызвал. Твоя нынешняя маска, судя по всему, будет подходяща.

— Это немец?

— Да. В пятницу ты должен быть в Штеттине. Запоминай. В кафе «Крестonosец» в десять утра за третьим столиком справа от входа.

Гай кивнул.

— Опишу внешность. Пожилой, лет пятидесяти пяти. Усы на офицерский манер. Нос с горбинкой. Глаза серые. Волосы седые, на прямой пробор. Одевается просто, под рабочего, но выправка выдает военного.

Фриц пососал трубку.

— Не понимаю, — вставил слово Гай. — Если ты уже получал от него что-то, значит связь была? Зачем мне...

— Была, а теперь нет, — перебил его Фриц. — Этот Ялмар Рой отказал моему связному в доверии, не хочет больше с ним встречаться.

— Что за ерунда!

— Вот этой ерунды я пуще всего и опасюсь...

— Объясни. Не понимаю.

— Человек, с которым ты увидишься и который называет себя Ялмаром Роем, говорит, что работает наборщиком в типографии министерства иностранных дел. Но можно биться об заклад — он вовсе не Ялмар Рой и не наборщик. Скорее всего, это крупный военный из монархистов, из тех, знаешь, что исповедуют идеи Бисмарка. Они в оппозиции к Гитлеру.

— Но при чем здесь недоверие к связному?

— У Ялмара Роя свои представления о конспирации. С ним держал контакт человек из типографских рабочих — ведь сам-то Рой отрекомендовался наборщиком. А потом он посчитал, что такой партнер ему не пара. Просил или не беспокоить его больше, или организовать связь на других основах.

— Чем проще, тем хуже?

— Вот именно, так они, видно, и считают. И это настойчивое желание играть с нами в конспирацию вредит и им, и нам, мешает сотрудничеству. Они не понимают, что в критическую минуту мы можем им помочь.

— Ты говоришь «они»?

— Думаю, это группа, а не один Рой. Те сведения, что он уже доставил, явно не из одних рук. Хотя Рой наивно нас дурачит — говорит, что достает все сам в типографии министерства.

— Я буду новым связным?

— Пока что ты сидишь передо мной и говоришь глупости.

— Что же я должен делать с этим Роем?

— Связь — само собой. Но главная твоя задача — расшифровать его, узнать настоящее имя и положение. И показать ему, что он расшифрован. А потом уже — карты на стол.

— Пароль к нему есть?

— Конечно. И все это придумали они сами. — Фриц достал из бумажника ровно оторванную половинку книжного листа маленького формата. — Вот, возьми, это сверочный. — Затем протянул Гаю клочок из блокнота. — Тут словесный пароль. Но, кроме этого, когда сядешь к нему за столик, ты должен прежде всего заказать легкий завтрак — так и скажи официанту: «Легкий завтрак и бокал сальватора». И уже потом — словесный пароль, а в конце предъявишь сверочный.

— Ну что ж, довольно таинственно, — сказал Гай. — Но зато надежно.

— Когда-нибудь доиграются со своими сальваторами. И вот что еще: у тебя должна быть пачка газет.

Эта встреча с Фрицем состоялась во вторник. В распоряжении у Гая перед отъездом в Штеттин было еще два дня и три ночи — вполне достаточно, чтобы подготовить морально Дорис к тому, что в их жизни наступает временный, не очень приятный период, связанный с массой непредвиденных хлопот, разъездов и, не исключено, даже с какой-нибудь регулярной службой. Все это он собирался объяснить необходимостью раз и навсегда

урегулировать дела с именем и с американскими родственниками.

Но в среду произошло несчастье. Оно пришло как раз оттуда, откуда его никто не ждал, и могло бы, при малейшем промедлении со стороны Гая, привести к непоправимым последствиям.

В половине пятого, когда он собирался побриться и принять душ, чтобы в половине шестого отправиться на встречу с Дорис — они хотели пойти в кино, а вечер провести в ресторане, она должна была уйти с работы пораньше, — ровно в половине пятого зазвонил телефон.

— Алло, я прошу прощения, — услышал он в трубке незнакомый и как будто испуганный женский голос. Он молчал, соображая, не ошибка ли это, не провокация ли...

— Алло, алло! — в растерянности звывала трубка.

— Слушаю вас.

— Мне нужен Ганри.

— Я вас слушаю.

— Я от Греты... Случилась беда... — Женщина говорила, сдерживая голос, чего-то явно опасаясь. — Я не могу долго говорить...

Он чувствовал, что это всерьез.

— Откуда вы звоните?

— Тут, из булочной, на Оливаерштрассе.

— Я буду минут через пятнадцать...

Его прокатная машина ремонтировалась, такси он не мог найти минут десять, и к булочной приехал почти через полчаса. Женщина, его ожидавшая, оказалась Луизой Шмидт, кормилицей Маргариты — матушкой Луизой. Он едва ее узнал — так черно, измученно было ее лицо, так испуганно, затравленно глядели глаза. Она его не узнала.

Велев шоферу обождать, он взял матушку Луизу под руку и медленно повел по переулку. Снег, выпавший совсем недавно, превратился в чавкающую мокрую кашу. Рука матушки Луизы дрожала, передавая глубокую дрожь всего ее худенького тела.

— Что случилось? Скажите коротко самое главное.

— Грета ранена в грудь, ей очень плохо.

— Кто ранил? Чем?

— Я его не знаю... Эсэсовец... Но Грета его называла по имени... И он ее тоже... Она его убила...

Гай даже остановился.

— Как убила? Где она сейчас?

— У нас... У меня... И он лежит там...

Гай огляделся. Переулок был совсем пуст.

— Нельзя терять времени, скажите в двух словах: что же произошло? Соberитесь, не волнуйтесь.

Матушка Луиза вздохнула, прижав руку к сердцу.

— Этот эсэсовец с еще одним пришли за Куртом — это мой сын, мой мальчик...

Гаю в нетерпении хотелось сказать, что они же знакомы, что он помогал Грете переезжать к матушке Луизе, но неосторожно было бы напоминать об этом. Луиза его не узнала — тем лучше...

— Ну, ну, продолжайте.

— Они вошли, набросились на Курта... Мы как раз обедали — все втроем... Ну, она и говорит: мол, Гюнтер... да, она его назвала Понтером, я вспомнила... Говорит: не хотите узнавать старых знакомых... Он посмотрел, и как заорет... Очень обрадовался... Кинулся к ней обниматься, кричит своему помощнику что-то, а тот тоже обрадовался, смеется, Курта отпустил... Тут она сделала Курту знак, и он тихонько ушел...

Матушка Луиза снова взялась за сердце и умолкла.

— Ну, дальше, дальше, — нетерпеливо попросил Гай.

— Потом они спохватились, этот второй убежал... А главный, Гюнтер, говорит мне: убирайся, старая... Я пошла, а тот мне навстречу, говорит главному: ушел наш красный... А Гюнтер ему: убирайся и ты... Я долго на лестнице стояла, не знала, что делать. Потом к соседке на четвертом этаже хотела позвонить... Тут у нас в квартире что-то сильно хлопнуло, а потом Грета застонала... Я вошла — он на полу валяется, она на кровати сидит. Серая вся, ни кровинки... Послала за вами...

— А этот второй больше не возвращался?

— Больше я ничего не видела.

— Квартиру вы заперли?

— Да.

— Дайте ключ.

Она нашарила ключ в кармане пальто, отдала его Гаю.

Соображать надо было быстро.

— Вам туда возвращаться не следует. Идемте. — Гай повел матушку Луизу к такси, на ходу составляя план действий.

На такси ехать за Маргаритой нельзя. Значит, нужна машина Иштвана. Но Иштвану в это дело ввязываться тоже нельзя. Значит, должен поехать Ганс. Взять Ганса, добраться до Иштвана — это не менее тридцати минут. Потом еще минут двадцать на дорогу до дома, где ждет раненная, может быть умирающая, Маргарита... Долго, слишком долго! А может, сначала к Иштвану? Взять машину и самому поехать к Гансу? Но по времени будет

одно и то же.

Что делать? Поговорить с шофером такси и положиться на его молчание? Исключено! И куда девать матушку Луизу? Положим, о ней побеспокоится Альдона, пристроит в больнице у доктора Пауля. Но сейчас, куда ее сейчас?

Он поглядел вдоль улицы и заметил скромную вывеску маленького кафе. Достал деньги, сунул в застывший, скрюченный кулачок матушки Луизы бумажку.

— Вот что. Видите кафе?

— Да, — еле слышно ответила она.

— Идите туда, выпейте кофе, согрейтесь. Ждите там, за вами приедут. Только не уходите никуда.

Повторяю: вам домой возвращаться нельзя.

Она застонала.

— А как же?..

— Ничего, ничего, все будет в порядке. Только ждите. Может быть, это будет часа через три, а может, и больше, но за вами обязательно приедут. Вы меня поняли?

— Да... — как-то безнадежно произнесла она.

— Идите, прошу вас!..

Ему крупно повезло: Иштван оказался на месте, Ганс с Альдоной были тоже дома. Взяв машину Иштвана, Гай пригнал ее к Гансу. Попросил Альдону позвонить доктору Паулю, сказать, что будет пациент, нуждающийся в срочной хирургической помощи. Затем Ганс сел за баранку, Альдона с ним рядом, а Гай — на задний диван. Ганс водил машину отлично. Даже то обстоятельство, что он должен был почти всю дорогу напряженно слушать и запоминать — Гай описывал дом, парадное, лестницу, квартиру матушки Луизы, давал инструкции на случай непредвиденных столкновений, — даже при всем том Ганс сумел добраться до переулочка, куда выходил двор дома матушки Луизы, на несколько минут раньше, чем рассчитывал Гай.

Ганс и Альдона, сохраняя вид неторопящихся людей, зашагали к подъезду, а Гай остался в машине, привалившись в угол. Мотор остался невыключенным, машину трясла мелкая частая дрожь, время от времени перемежаемая судорогой, и Гай машинально отметил, что мотор у Иштвана неважный, а потом подумал, что эта дрожь похожа на графическую запись его душевного состояния с того момента, как раздался звонок матушки Луизы.

Ганс с Альдоной скрылись в подъезде. Гай оглядел переулок. Редкие прохожие идут быстро, мужчины — с поднятыми воротниками пальто и надвинутыми на глаза кепками, женщины закутаны в платки. Холодная январская слякоть всех гонит с улицы. Автомобилей — ни одного.

Так... Прошло полминуты. Ганс и Альдона уже поднялись на пятый этаж, уже должны войти в квартиру... Маргариту надо ведь одеть — еще полминуты... Теперь взять ее под руки и свести вниз — если она способна передвигать ноги. Это еще минута. Пора им появиться...

И они появились, но не так, как ожидал Гай: Ганс нес Маргариту на руках. Альдона, идя сбоку, поправляла длинный, волочащийся концами розовый шарф.

Ганс опустил Маргариту на сиденье к Гаю, сел за руль и рванул машину с места на полную скорость. До больницы доктора Пауля, который их уже ждал, предупрежденный Альдоной, езды было самое малое минут двадцать, но они за всю дорогу не обменялись ни словом. Только уже порядочно отъехав, Ганс через плечо, не оборачиваясь, протянул Гаю маленький револьвер.

При первом взгляде на лицо Маргариты Гай понял, что она жива. Но дыхание было очень частое и поверхностное, с легким свистом. Пульс учащенный, плохого наполнения, почти нитевидный. Гай поддерживал Маргариту рукой под лопатки, положив голову ее себе на плечо.

Взяв в другую руку револьвер, он осмотрел его, понюхал дырку ствола: стреляли... Это был крошечный револьверик из тех, что в обиходе принято называть дамскими. Перламутровая отделка рукоятки и никелированный ствол заставляли сравнивать его с театральным биноклем. И по деловым возможностям эта игрушка соотносилась с настоящим боевым оружием так же, как театральный бинокль соотносится с пятидесятикратной подзорной трубой. Считалось, и не без оснований, что убить из такого пугача можно только муху, но не человека. Разве лишь в упор... Однако матушке Луизе, судя по всему, валявшийся на полу бездыханный эсэсовец не померещился. Значит, Маргарита убила его из этого пугача... Машина затормозила у больницы. Гай спросил:

— Ганс, тот, в квартире, — убит?

— Наповал. И крови — ни капли.

— Выгружайте. Жду вас у Шнейдера. Весь вечер. — Гай посмотрел на часы: они показывали двадцать пять минут седьмого. Матушка Луиза позвонила в половине пятого. Вторично пережить такие два часа было бы, пожалуй, не под силу...

Пересев за руль, Гай не спеша поехал к Иштвану. Как договорились, он поставил машину за квартал от его дома. Запасные ключи у Иштвана были.

...Шнейдеры покормили его, сварили кофе. Он сидел, курил и ждал. Как о чем-то очень далеком, вспомнил о Дорис, о том, что они давно уже должны были сидеть в кино. Но он не мог сейчас думать об этом.

Ганс явился без четверти десять, один: Альдона, найдя в кафе матушку Луизу и устроив ее у знакомых, осталась в больнице смотреть за Маргаритой. Гай предложил ему пожевать что-нибудь, но Ганс только проглотил чашку кофейной холодной гущи, закурил и стал рассказывать о том, чего Гай не видел и не знал, но

что он как врач представлял себе с отчетливостью очевидца.

Сначала квартира.

Когда они с Альдоной вошли, Маргарита навзничь лежала поперек кровати, ноги на полу. Эсэсовец, штурмфюрер, лежал на полу посреди комнаты ничком, раскинув руки и ноги, в правой руке — пистолет. Перламутровый револьверчик валялся у кровати — его Ганс заметил, когда уже выходили.

Что там произошло, понять невозможно.

В больнице доктора Пауля поначалу все шло как по нотам. Доктор с Альдоной приступили к делу — Альдона могла при необходимости быть великолепной хирургической сестрой. У Маргариты оказалось сквозное пулевое ранение правой стороны грудной клетки. Пуля крупного калибра прошла между седьмым и восьмым ребрами и вышла под правой лопаткой. Обследовав пулевые отверстия, доктор сказал, что операция будет длительная, часа на полтора. Он сделал Маргарите несколько уколов — в вену и в мышцы, потом наладил аппарат для переливания крови. Но прежде чем взяться за скальпель и ножницы, доктор Пауль сделал странную, на взгляд Ганса, вещь.

Держа свои уже обработанные для операции руки на уровне плеча, он попросил Ганса открыть дверь, ведущую в соседнюю комнату, где было оборудовано нечто вроде запасной операционной. Там доктор показал Гансу на стоявший у стенки длинный предмет — стол не стол, кровать не кровать, на очень низких, в карандаш, ножках — и велел перенести его в большую операционную. А затем приказал Гансу раздеться — снять все, кроме кальсон, и оставаться в таком виде до конца операции. Ганс попытался протестовать, думая обратить все в шутку, но доктор рассердился самым натуральным образом. «А вы не подумали, что́ будет, если сюда нагрянет эта вонючая сволочь? — сказал он. — Вы уверены, что они никого не ищут?» Только это их и спасло...

Доктор ушивал рану на груди и собирался приступить к ране на спине, когда в приемном покое, — главный вход было приказано запереть, а в приемном дежурил инвалид-санитар, — раздался громкий говор.

Доктор, обработав рану, опустил педалью стол, на котором оперировал Маргариту. На прежнем уровне остались торчать четыре металлические трубки. Потом кивнул на низенький стол, принесенный из запаски, и жестами показал Гансу, как надо установить его на эти трубки. А затем Альдона набросила сверху широченную простыню, расправила края, и Маргарита оказалась спрятанной в белом потайном убежище. Ганс — уже без приказа, ибо ему наконец стало понятно, для чего доктор раздевал его, — лег на стол, Альдона накрыла его простыней до пояса, уткнула в лицо жесткий каркас наркозной маски, шепнула: «Дыши!», и операционная наполнилась тем строгим и свежим, для всех непривыкаемо знакомым и всегда новым запахом, которым обладает один лишь эфир...

Вошли двое в черных плащах, попросили извинения, один показал жетон гестапо и пожелал взглянуть — только взглянуть, кого оперирует доктор Пауль. Доктор коротко буркнул: «Аппендицит. Только что положили на стол». Гестаповец лицом оперируемого не интересовался. Увидев могучий мужской торс, он еще раз извинился, и гестаповцы мирно покинули больницу. Доктор закончил операцию, и Маргариту отвезли на каталке в палату рядом с его кабинетом. Все сошло как нельзя лучше, доктор надеется, что ранение не оставит серьезных последствий.

Можно было предположить, что, хватившись исчезнувшего штурмфюрера и найдя его мертвым, эсэсовцы подняли вверх дном весь дом.

Кто-то из жильцов сообщил им, что из дома унесли на руках бесчувственную женщину. Дальнейшее понятно. Необходимо проверить операционные всех берлинских и пригородных больниц, и доктор Пауль — не исключение. В противном случае, то есть если бы гестаповцы действовали нацеленно, имея на подозрении именно его больницу, они бы так просто не ушли.

А вывод из всего этого и радовал, и огорчал. Доктор и его больница по-прежнему вне подозрений — это плюс. Гестапо знает, что убила штурмфюрера женщина, а установить, кто она такая и как ее зовут, им не составит труда, — это очень неприятный минус.

Гай мог быть уверен, что Ганс и Альдона вместе с доктором укроют Маргариту и позаботятся о ней лучше родных, лучше отца с матерью. Его обязанность — позаботиться о ее устройстве и безопасности после выздоровления. И он готов сделать для этого все, на что способен.

Случившееся сильно осложняло существование и работу его помощникам, но это не пугало. Могло быть и похуже.

Условившись с Гансом о связи на ближайшее время, Гай вышел из парикмахерской и отправился домой пешком. Мокрого снега он не замечал.

Странное дело: на душе у него было легко и радостно. И, подумав, он понял — почему: бросившись спасать Маргариту, он не держал в мыслях опасение за собственную судьбу, он спасал ее не потому, что, попав в лапы к нацистам, она могла стать для них ниточкой к нему. Он спасал ее как своего товарища по работе, по смертельно опасной работе. Теперь у него есть еще один верный товарищ, — и пусть сыкатную ночь никогда не сменит утро, если ради этого не стоит рисковать собой!

ГЛАВА 7

ГРУППА ФОН ЗИТТАРТА

В пятницу, ровно в 10.00 войдя в небольшое штеттинское кафе «Крестonosец», Гай увидел за третьим столиком справа человека, внешность которого так подробно описал ему Фриц. Он был сердит и, по-видимому, чувствовал себя напряженно. Гай спросил разрешения сесть, сел напротив, положил свою пачку газет рядом с пачкой, уже лежавшей на столе, и сказал подошедшему официанту, как было условлено:

— Легкий завтрак и бокал сальватора!

Надменное лицо так называемого Ялмара Роя изобразило подобие улыбки: это было приглашение к разговору.

— Недурная погода сегодня, — вздохнув, начал Гай слова пароля. Глупее не придумаешь: на улице шел дождь.

— Вкусы бывают разные, — ответил Рой также словами пароля.

Первая часть закончена, можно приступать ко второй. Выражение лица господина Роя заметно изменилось после того, как он хорошенько разглядел сидевшего перед ним подтянутого, безукоризненно одетого партнера. Но все-таки весь вид и осанка его ясно говорили всякому, что господин никогда даже рядом не сидел с наборщиком.

— Моя бабушка любит сыр, — заявил Гай словами пароля и подумал: это еще хуже погоды.

Господин Рой как будто стряхнул с себя напряжение и с облегчением закончил:

— Да, но смотря какой...

После этого украдкой положил перед собой половинку книжного листа. Гай пододвинул его ближе и соединил со своим. Отрывки сошлись. Заговорщики торжественно обменялись рукопожатием.

— Граф Ганри ван Гойен, — назвал себя Гай. — Это моя настоящая фамилия, я доверяю ее вам, как другу.

Рой передернул плечом и покраснел. В смущении вынул золотой портсигар, — Гай успел заметить баронский герб, и монограмму «Е. О.», — закурил. Гай незаметно спрятал оба контрольных обрывка в карман.

— Я условно назвал себя Роем, — сказал неизвестный, глядя в сторону. — Мою настоящую фамилию я сообщу позднее, с разрешения моих политических друзей. Потерпите, пожалуйста. — Наконец он поднял взгляд на собеседника. — Такого рода переговоры по необходимости требуют немало времени... Я, например, решил начать борьбу с нашим ефрейтором на следующий день после захвата им власти, но понадобилось полтора года, чтобы перебороть себя и нарушить присягу. Поверьте, это было для меня нелегко.

— И что же все-таки заставило вас решиться на такой шаг?

— Растущее понимание, что сейчас главные враги Германии — нацисты. — Он помолчал и закончил: — Когда будете уходить, возьмите мою пачку газет, а я возьму вашу. Только осторожнее, не выроните пакет.

— Прекрасно, уважаемый друг. Благодарю вас за доверие. Что в вашем пакете?

— Дипломатические депеши. В них фюрер разъясняет нашим послам значение пакта с Японией. Вы найдете также содержание секретнейшего обмена мнениями — они касаются условий взаимной помощи в случае наступления критических обстоятельств.

Гай еле удержался от радостного восклицания.

— Вторая пачка материалов — чисто военного характера. Один из работников нашего генштаба совершил инспекционную поездку на восточную границу. Он проверял состояние подготовки наших войск к активным действиям.

— Фюрер желает разделаться с польским коридором и проглотить Данциг?

Рой долго молчал, плотно сжав губы.

— Мне очень печально слышать такие слова, граф. Фюрер планирует большую войну, мировую. Ликвидацию коридора и лишение Данцига статуса вольного города нельзя рассматривать как самоцель. Это лишь мелочи в общей картине. Из моих документов вы узнаете, что Геринг навязал Беку договор о вечном мире — только для того, чтобы оторвать Польшу от Франции...

И он опять поджал губы.

— Когда я вас теперь увижу? — спросил Гай.

— Не раньше чем через месяц. Я не могу часто отлучаться из Берлина. Встретимся здесь, в такое же время, двадцатого февраля. Согласны?

— Разумеется! Вы идите первым. Всего наилучшего и еще раз благодарю за доверие.

С достоинством поклонившись и взяв газеты, принесенные Гаем, владелец золотого портсигара с монограммой «Е. О.», выступающий под псевдонимом «Ялмар Рой», покинул кафе.

Когда Гай вернулся из Штеттина в Берлин и через Иштвана хотел вызвать Фрица на встречу, оказалось, что тот куда-то уехал и будет не раньше как через десять дней.

Первой мыслью и желанием было — немедленно увидеть Маргариту, но Ганс сказал, что она уже далеко, в Пруссии. Доктор Пауль отправил ее вместе с Луизой Шмидт в Раушен, под Кенигсберг, где жили его престарелые родители. Состояние ее за четыре послеоперационных дня настолько улучшилось, что доктор предпочел небольшой риск, связанный с путешествием: оставлять раненую в Берлине было опасно, так как гестаповцы начали планомерные и более тщательные поиски во всех клиниках и больницах.

Дорис продолжала злиться на него за две подряд неожиданные отлучки, но он не очень по этому поводу

беспокоился. Пусть позлится — это полезно. Они разговаривали только по телефону. Гая устраивала временная размолвка — больше свободы.

Чтобы не терять времени даром, он решил заняться поподробнее Ялмаром Роем. Ему удалось незаметно проводить Роя от штеттинского «Крестоносца» до привокзальной площади в Берлине — они ехали в одном поезде. Дальше Гай следить не стал: Рой часто оглядывался и мог его заметить. Но он отлично запомнил, как выглядит герб на портсигаре, и, посидев два часа в публичной библиотеке над гербовником, установил, кто Рой — это барон Эрих фон Остенфельзен, полковник генерального штаба. Таким естественным образом был раскрыт псевдоним и получена отправная точка для биографических и семейно-бытовых изысканий.

Подключив Ганса, Гай смог получить портреты барона и его жены, снимки их машины и особняка во всех ракурсах — для этого Гансу понадобилось целую неделю поработать бродячим фотографом, каких немало было на берлинских улицах во все времена года. Он запечатлел также несколько гостей четы фон Остенфельзен. Судя по их количеству и сорту, супруги вели образ жизни не то чтобы замкнутый, но строго выдержанный по регламенту и стилю: их дом посещали только солидные мужчины, без женщин, и всегда в определенные часы.

Гай установил, что баронесса, красивая и еще довольно свежая женщина лет сорока, которую звали Изольдой, имеет какие-то дела с берлинской конторой Дрезденского коммерческого банка. В тот же день он пришел на прием к управляющему и, уже имея опыт по этой части, попросил принять его в качестве внештатного юрисконсульта. Он не ищет заработка, ему необходима только практика, и он даже сам готов платить банку за возможность поучиться у его высокопрофессионального штатного состава клерков. Управляющий отнесся к стремлению голландского графа, имеющего германский диплом доктора права, с большим пониманием. Он тут же вызвал к себе заведующего отделом текущих операций и поручил графа его заботам...

Тому, кто не ждет у моря погоды, всегда везет.

Утром следующего дня, когда граф явился в банк, чтобы начать стажировку, заведующий отделом усадил его напротив себя за стол в небольшом зале, где производились текущие операции, и сказал очень доброжелательно, но со снисхождением:

— Ваш диплом получен довольно давно, опыта у вас пока нет, и доверить вам кляузные дела, где спор идет о миллионах, мы не можем, не обижайтесь. Поэтому, учитывая ваши манеры, наружность и титул, я доверяю вам ведение дел обширной клиентуры из числа нашей знати. Здесь требуются такт и дипломатические способности. Суммы будут небольшие, но от вас потребуются умение обходить подводные камни. — Он взглянул в сторону двери и чуть понизил голос: — Да вот идет баронесса фон Остенфельзен, дама, легкомысленная до крайности. У нее на счету осталась какая-то мелочь, но если ей потребуется больше, чем есть, вы не спорьте и выдайте требующуюся сумму. После мы с вами обсудим, до какого предела банк может предоставлять кредит, сообразуясь с гарантиями данного клиента.

Он встал навстречу подошедшей баронессе и поклонился. Баронесса, опустившись в кресло, произнесла не без смущения:

— Господа, я полагаю, трем мужчинам женщина обязана отвечать искренне и честно: священнику, врачу и банкиру.

Заведующий улыбнулся:

— Госпожа баронесса, оставляю вас на попечение человека, которому вы можете довериться безусловно — нашему молодому юрисконсульту, графу Ганри ван Гойену. — И отошел к другому столу.

Баронесса оживилась:

— В нашем банке приятные новости! Но... как бы это выразиться?.. Неужели вы здесь служите, граф?

— Я сам себе устроил практику. Хочу проверить, окончательно ли я успел забыть то, чему меня учили.

— Вы меня успокоили.

— Но вам я готов служить даже как мальчик на побегушках.

Разговаривая таким образом, они совершили необходимые при выдаче кредита формальности, а уходя, баронесса сказала, что хотела бы познакомить графа со своим мужем и ввести его в дом — они принимают по субботам после шести, — а телефон и адрес просила взять из банковских документов, с которыми он только что имел дело.

...Само собой разумеется, что Гай не стал ждать повторного приглашения.

В субботу вечером, подъехав к особняку фон Остенфельзена, он попытался представить себе, каков будет вид у барона при его появлении. При встрече в «Крестоносце» Гай успел отметить, что барон до седых волос сумел сохранить способность краснеть от смущения. Наверное, сделается сейчас красный как рак... Впрочем, если баронесса запомнила имя графа и рассказала мужу о своем намерении пригласить его в гости, то барон уже морально готов к этому сюрпризу. Только вряд ли она запомнила...

В тот момент, когда граф нажимал кнопку звонка, барон сидел в своем уютном, защищенном от уличного и домашнего шума толстыми стенами, теплом кабинете со своим самым старым, самым верным, больше того, единственным другом и товарищем — Рудольфом фон Зиттартом, государственным советником, служившим в министерстве иностранных дел.

Разговор они вели сугубо конфиденциальный.

— Видишь ли, мой дорогой Рудольф, я солдат, смерти не боюсь и готов умереть на эшафоте, у стенки и даже под пытками, — говорил барон. — Но с одним условием: моя жертва должна быть равна тому вреду, который я нанесу этой ефрейторской мрази.

Фон Зиттарт подлил вина в свой бокал. Барон не хотел пить.

— Что ты имеешь в виду, Эрих?

— Сведения, которые мы даем этим людям, должны быть самого большого значения.

— Ну, дорогой мой, того, что мы уже дали, вполне достаточно, чтобы нас обоих сначала поставить к стенке, а потом, уже мертвых, повесить на суку перед окнами фюрера.

— Не шути, Рудольф. Мы можем делать больше.

— Но чем ты недоволен и что предлагаешь?

— Честно назвать себя этому графу и организовать непрерывную передачу сведений. Я, например, могу обеспечить данные о наших вооружениях на текущий и на следующий год. Есть также копия четырехлетнего плана Геринга по вооружениям. Передам паспортную книжку без карточки — она ему может пригодиться.

— Ну и прекрасно, Эрих. Я готов давать все, что будет проходить через мои руки. А ведь это не так уж мало, ты великолепно знаешь...

Они помолчали. Потом барон сказал:

— Хочу тебя предупредить: моя супруга очень недовольна вот этими нашими разговорами в уединении. Подозреваю, что она уже обратила внимание и на мои поездки в Штеттин. А тут еще сократились доходы от имения. Изольда меня уважала и немного любила. Боюсь, теперь произойдет поворот к худшему: при ее легкомыслии деньги значат очень много. Уже настаивает, чтобы я вступил в эту гитлеровскую партию, какой-то влиятельный мерзавец по фамилии Кемпнер уже успел ей обещать, что в случае перехода в СС я немедленно получу звание бригаденфюрера, большой оклад и назначение наблюдающим директором на военный завод в Эссене! Можешь себе представить?

Друзья поднялись, чтобы идти в гостиную, где за маленьким столиком пили кофе баронесса и ее личный финансовый советник, граф ван Гойен.

Но прежде чем они туда войдут, надо с ними познакомиться поближе. Рассказывать о бароне Эрихе фон Остенфельзене и Рудольфе фон Зиттарте удобнее и правильнее не в отдельности, а об обоих вместе, ибо они друзья с младенческих лет. Можно сказать и так: узнав жизнь одного, вы узнаете и жизнь другого.

Оба происходили из некогда богатых помещичьих семей. Земли их родителей лежали вблизи Штеттина и располагались по соседству, стык в стык.

Эрих пошел по военной части, и этим все сказано.

Рудольф, молчаливый и склонный к размышлениям, любил читать и хотел изучать историю, но родители выбрали для него дипломатическое поприще. Карьера его не являла собою ничего выдающегося — все было, как и у сотен других молодых людей, пожелавших стать дипломатами. Отметим только, что к началу империалистической войны Рудольф имел свои твердые взгляды на политическую линию Германии: мир с Россией во что бы то ни стало, ибо только это могло обеспечить немецкой армии прочный тыл, и война на Западе, где Германия, с опозданием пришедшая к дележу колоний, должна отнять свою справедливую долю у Франции и Англии.

Войну 1914 года друзья встретили по-разному: осторожный Рудольф — с опаской, полный энтузиазма Эрих — с восторгом. Один не верил в возможность победоносной войны на два фронта, другой был убежден, что «Германия все может».

Когда в конце концов война завершилась поражением Германии, фон Зиттарта это не удивило, фон Остенфельзена образумило.

Фон Зиттарт предсказывал такой конец еще после проигрыша на Марне в 1914 году. Появления народных масс в качестве действующей политической силы он не предвидел, но в таком неожиданном повороте дел не усматривал ничего необычного: в душе он был больше историком, чем дипломатом, и, кроме того, «учеником великого Бисмарка».

Два года друзья коротали время в своих имениях и, встречаясь ежедневно, обдумывали происшедшее. Затем оба вернулись на свои посты, куда их звал долг истинных патриотов: Германия становилась на опасный путь, и отсиживаться у камина им не позволяла совесть. Затем пришел Гитлер и предложил Германии повторить все ошибки прошлого, но в более опасной, более зловещей форме. Над страной нависла новая катастрофа. Статс-секретарь и полковник генерального штаба заключили друг с другом тайный союз и договорились о непримиримой борьбе с Гитлером. Оба, каждый у себя на службе, начали потихоньку, с соблюдением предельной осторожности, искать единомышленников. Одновременно они искали возможность войти в контакт с организованными противниками гитлеризма. Вредить гитлеровскому режиму всеми доступными средствами — такова была их главная задача. Имея в руках важнейшие государственные секреты, они искали способы сделать их достоянием противников фашизма. Ялмар Рой, наборщик типографии министерства иностранных дел, 27-летний коммунист, помог им в этом. Правда, он так никогда и не узнал, что барон фон Остенфельзен, кроме того, воспользовался и его именем, но если бы и узнал — не обиделся бы...

...Войдя в гостиную и увидев за столиком свою жену в обществе того самого господина, с которым он имел тайную встречу в Штеттине, барон Эрих фон Остенфельзен покраснел даже несколько гуще, чем ожидал Гай.

Появление графа ван Гойена в доме барона сразу облегчило жизнь обеим сторонам: отпала необходимость громоздкой системы конспирации. Теперь все было просто.

За короткое время фон Зиттарт, считавшийся руководителем группы, и фон Остенфельзен, питавшие к Гитлеру холодную, устойчивую ненависть, передали Гаю ценнейшие материалы о закулисной стороне

переговоров по поводу оси Берлин — Рим, о выполнении четырехлетнего плана вооружений, дипломатическую переписку с немецкими послами в Лондоне и Париже.

Но жизнь есть жизнь, а людям свойственно ошибаться. И опасность возникла как раз там, где ее никто не ждал. Правда, у барона шевелились сомнения, но...

Баронессу Изольду фон Остенфельзен с некоторых пор обхаживал штурмбанфюрер Зигфрид Кемпнер. Нет, он был далек от банальных вожделений. Его сугубое внимание к красивой, но не блещущей умом баронессе объяснялось иначе: он хотел с ее помощью вовлечь в партию самого барона. Этот Кемпнер был идейным национал-социалистом и служил партии всеми своими помыслами и каждым своим шагом. Кемпнер работал под началом у Гимmlера и считался многообещающим руководителем. С баронессой фон Остенфельзен они встречались у общих знакомых...

По-видимому, в числе прочих выдающихся качеств штурмбанфюрера был и талант агитатора и вербовщика. Настал день, когда баронесса Изольда фон Остенфельзен, поддавшись уговорам, решила вступить в партию фюрера, положить к его ногам свое гордое имя и взять ведение карьеры супруга в собственные руки.

— Эрих, мне срочно нужны три тысячи марок, — однажды заявила она за утренняя кофе. — Я хочу отпраздновать свое вступление в партию.

— К сожалению, дорогая, денег у нас нет, — холодно ответил барон. Брезгливая гримаса на его лице давно уже сменилась суровой складкой на лбу.

— Я и не ожидала другого ответа, но деньги все-таки у меня будут!

Полковник отбыл на службу, а Изольда погрузилась в раздумье. Деньги поможет получить в банке любезный граф, хотя на счету семьи Остенфельзенов нет уже ни единой марки. Как он все это делает? И с какой стати? Уж не влюблен ли? Как разумно использовать его чувства? Где граница, которую не следует переходить, чтобы не создать угрозу своему положению в обществе?

Теперь о Кемпнере. Какие виды он на нее имеет? Хлопочет ради уловления души ее супруга? Но Эрих тверд как камень, и в партию не пойдет. Как можно добиться его повышения помимо партии?

И последнее. О чем Эрих все время шепчется в кабинете с Рудольфом? Почему у него всегда оказываются время и деньги для поездки в Штеттин? А что, если Эрих ездит не в Штеттин? Тогда куда? К кому? Зачем?

Баронесса немедленно позвонила управляющему имением и убедилась, что посещения имения не всегда совпадали с днем пребывания в Штеттине и вовсе не совпадали с часами прибытия в Штеттин берлинского поезда: полдня барон всегда проводил в городе, который не любил. И эта мрачная складка меж бровей, когда муж говорит с нею...

И вдруг простая, как луч солнца, мысль осветила ее сумрачные мысли: женщина! Эрих завел себе в Штеттине любовницу и на нее тратит деньги. Так вот оно что!.. Но мужчины, да еще влюбленные, неосторожны! Не может быть, чтобы Эрих не оставлял следов...

Баронесса вошла в кабинет, села в кресло перед письменным столом и начала один за другим открывать ящики. К ее удивлению, все они оказались незапертыми. В каждом лежали стопки папок с аккуратно завязанными ленточками. Все это были скучные бумаги — какие-то лекции, отчеты по имению... Прошел час. И вот между деловыми письмами баронесса вдруг обнаружила объемистую пачку денег. Одолевавший ее сон мигом прошел. Ага! Вот он, след! Она стала быстрее перебирать деловые документы и неожиданно сделала еще одно открытие: недавно выданную и законно подписанную владельцем паспортную книжку на имя Иохима-Эйтеля, младшего брата барона, но без наклеенной карточки. Фотография молодой женщины вызвала бы ярость, а паспорт возбудил любопытство, обиду и тревогу. Инстинктом Изольда поняла, что ее находка имеет отношение к таинственным беседам мужа с Рудольфом. Оба они, конечно, считают ее дурой, не достойной откровенности...

Изольда позвонила графу. Граф был как всегда любезен, но заявил, что банк не может без конца выдавать деньги с несуществующего счета, а пока надо добиться оформления документа о займе полковнику некоторой суммы. О трех тысячах не стоит и заикаться. Может быть, две? Изольда живо представила себе лицо Эриха при разговоре о займе и смутилась. Граф обещал приехать вечером, привезти просимую сумму и договориться о форме переговоров с бароном о займе. Деньги будут, но этот разговор оставил в душе баронессы неприятный осадок. Расстроившись окончательно, она позвонила Кемпнеру и, волнуясь, попросила его зайти вечером, к ужину, для весьма важной беседы доверительного характера. Кемпнер сначала сослался было на головную боль, — он давно страдал тяжелейшими приступами мигрени, — потом согласился прийти, но после долгих уговоров, и дурное настроение баронессы стало еще хуже. День складывался неприятно...

За час до свидания с баронессой Гай, получив в банке две тысячи марок для передачи их Изольде, увиделся с Фрицем. Дела шли гладко, и разговор свелся к одному: по мнению Фрица, Гай выполнил задание и может передать связь с группой фон Зиттарта Иштвану, а сам после ухода с линии Дорис Шерер должен вообще исчезнуть из Германии. Гай подвергается слишком большому риску случайного провала и потому становится опасным для всей группы Фрица. Пережевывать эту новость Гаю было некогда. Надо — значит надо. А пока что его ждала баронесса Изольда...

В половине седьмого Гай послал ей корзину цветов с визитной карточкой, а в семь явился лично. С беззаботной улыбкой он остановился в дверях столовой и вдруг увидел, что между двумя зажженными светильниками, заслоняя напояженной головой сияющий в стене герб барона, за вечерним столом сидит бледный и встревоженный штурмбанфюрер, а перед ним, кокетничая, принимает красивые позы Изольда. Гай, настроившийся на скучный вечер с молодящейся дамой, вздрогнул и подтянулся. Кажется, он совсем

размагнитился? Или устал? Почему это вид самого обыкновенного гестаповца так ударил по нервам?

— Ах, граф, милый, входите! Познакомьтесь: мой духовный наставник, штурмбанфюрер Зигфрид Кемпнер. — И, повернувшись к Кемпнеру: — Мой утешитель в земных невзгодах — граф Ганри ван Гойен. Извините, граф, мы закончим в вашем присутствии деловой разговор, всего несколько минут.

Если бы Гаю были известны самокритичные мысли баронессы, пришедшие ей в голову в то время, когда она производила ревизию в кабинете мужа и обнаружила паспорт на имя Иоахима-Эйтеля, он бы с нею охотно согласился: баронесса действительно была не очень-то умна. Судя по всему, разговор происходил серьезный, однако Изольда не постеснялась присутствия человека, которого знала без году неделю.

Баронесса повернулась к Кемпнеру:

— Итак, я утверждаю: в жизни барона происходит нечто странное, таинственное и даже сверхъестественное!

Она загадочно улыбнулась. Кемпнер старался изобразить напряженное внимание. Гай почувствовал неладное.

— Да, я слышал. Но что именно? — сжимая виски, тихо спросил Кемпнер. У него разламывалась от мигрени голова.

— Барон обманывает меня. Стал исчезать в Штеттине!

— Небольшая интрижка? — через силу улыбнулся Кемпнер.

— Пустяки! С кем из мужчин этого не бывает! — поддержал его Гай. — Не волнуйтесь, баронесса, при вашем обаянии вашему супружеству ничто не грозит.

— Ах, граф, дело гораздо серьезнее! Во-первых, я кое-что нашла. Это навело меня на мысли, и вот, перебирая все задним числом, я вспомнила, что он всегда брал в Штеттин какие-то бумаги.

Выражение страдания исчезло с лица Кемпнера:

— Какие же это были бумаги?

— Я не знаю. Но, очевидно, очень важные.

— Почему вы так думаете? — Кемпнер, чтобы лучше ее видеть, отодвинул в сторону высокий подсвечник.

Гай замер. Разговор принимал все более и более опасный характер.

— Ну, как вам сказать... — Баронесса подыскивала убедительные слова. — Он клал в задний карман брюк свой пистолет.

— У полковника генштаба все бумаги и все дела секретны, — тоном терпеливого взрослого, разговаривающего с ребенком, попытался успокоить ее Гай. — Он обязан их охранять...

Баронесса начинала злиться: кажется, и эти двое считают ее дурочкой!

— Ну так слушайте, — решительно сказала она. — Барон через своего друга в министерстве иностранных дел получил паспорт на имя своего брата, Иоахима-Эйтеля...

— Он имел на это право, баронесса, — вяло произнес Кемпнер и опять взялся рукой за висок.

— Конечно! — горячо поддержал Гай. — Страхи из ничего, милая баронесса!

Но баронесса уже закусила удила.

— Паспорт выдан недавно. На нем есть подпись Иоахима-Эйтеля, но нет карточки...

— Почему же? — нахмурившись, спросил Кемпнер.

— Иоахим-Эйтель умер двадцать пять лет назад — вот почему!

Баронесса имела право злорадствовать: штурмбанфюрер и граф теперь-то поняли, что она не разыгрывала дамские страхи.

— Где же он? — сурово спросил Кемпнер.

— Похоронен на...

— Черт, — перебил он резко, — я спрашиваю: где паспорт?

— Что с вами, господин Кемпнер? Вы неучтивы! — с деланной улыбкой заметила баронесса. — Паспорт здесь. Можете посмотреть.

Она пошла в кабинет и тотчас вернулась. Кемпнер буквально вырвал паспорт у нее из рук, быстро полистал его и сунул в нагрудный карман своего мундира.

— Извините, баронесса, у меня действительно очень болит голова. — Кемпнер встал. — Я, с вашего разрешения, уйду. А паспорт пока будет у меня. Я вам его верну, только не говорите ничего вашему мужу.

— Разумеется! — нервно усмехнулась баронесса. — Зачем же я буду наговаривать на себя.

Кемпнер повернулся к графу:

— Я рассчитываю на вашу скромность. Если хотите жить спокойно, забудьте навсегда все, что слышали здесь.

Штурмбанфюрер ушел. А через минуту отклонялся и Гай.

Телефон дребезжал так настойчиво, что фон Зиттарт вынужден был, наконец, протянуть руку.

— Вы могли бы подождать утра? — недовольно буркнул он, думая, что, как обычно, его тревожит личный секретарь. — Что? Кто? Да, понимаю... Да, да... Иду.

Осторожно, чтобы не разбудить супругу, государственный советник выбрался из постели, кое-как оделся, сунул в карман пистолет, перекрестился и вышел, погасив свет. Было около часа ночи.

У подъезда к нему подошел граф ван Гойен, которого он знал со слов Эриха.

— Чрезвычайное происшествие, господин фон Зиттарт. Супруга барона по недомыслию выдала вашу

группу Кемпнеру. Надо что-то решать до утра, иначе конец. Немедленно повидайтесь с бароном. Но дома его нет.

— Он в штабе, — упавшим голосом ответил фон Зиттарт. — Я увижу его через полчаса. Но как это случилось?

Гай рассказал о том, что произошло в гостиной у баронессы.

— Спасибо. — Фон Зиттарт протянул руку.

Гай пожал ее со словами:

— Это в наших общих интересах.

...Барон фон Остенфельзен молча выслушал короткий рассказ друга и продолжал молчать.

— Что же делать, Эрих? — не вытерпел фон Зиттарт.

— Действовать!

— Но как?

— Если мы с тобой понимаем, что дело идет о жизни и смерти, нам нельзя проявлять малодушие.

— Ты во мне сомневаешься?

— Нам придется его убрать.

— Но говори, что делать!

...Было около трех часов ночи, когда у входной двери небольшой виллы Кемпнера начал назойливо звонить колокольчик.

Зигфрид Кемпнер мучился головной болью до двух часов, не желая лишний раз принимать сильнодействующее снотворное и надеясь, что боль отпустит. Но около двух он потерял надежду, проглотил две таблетки и понемногу начал забываться. Тут-то и зазвонил колокольчик.

В одной пижаме сонный штурмбанфюрер пошел открывать.

— Кто там?

— Гестапо! Открывайте!

Кемпнер отпер замок, снял цепь. Двое — офицер с пистолетом в руке и второй в гражданском платье — ворвались в переднюю и схватили хозяина под руки. Кемпнер узнал барона фон Остенфельзена. Второй был ему не знаком.

— Вы один? — спросил этот второй.

— Да. — Голова у Кемпнера была в тумане от таблеток, звуки доходили до него как бы издалека. Семья штурмбанфюрера еще не переезжала в Берлин, жена с детьми оставалась пока в Мюнхене.

— В кабинет, — тихо приказал барон.

Вошли в кабинет. Барон легонько ткнул Кемпнера в плечо.

— Лицом к стене. Где паспорт, который вы взяли у моей супруги?

— В мундире, господин полковник, в правом кармане, — как-то безучастно отвечал Кемпнер.

Барон нашел паспорт, спрятал его к себе в карман.

— Садитесь к столу, штурмбанфюрер.

Сам барон сел в кресло напротив. Второй стоял у Кемпнера за спиной с пистолетом в руке.

— Кто был у жены в гостях вместе с вами? — спросил барон.

— Какой-то граф... Голландская фамилия.

— Вот именно — какой-то! — печально усмехнулся барон. — Вы знаете, что это за человек?

— Не имею понятия.

— Совершенно правильно — не имеете понятия...

Будь Кемпнер не одурманен наркотиком, он непременно бы заметил, что барон волнуется. Лицо его было мучнисто-белого цвета. Казалось, в нем происходила какая-то внутренняя борьба и он сам безвольно ждал ее исхода. Но вот лицо его вдруг в один момент сделалось багровым.

— Этот голландский граф — враг Германии, — глухо произнес фон Остенфельзен. — Целый год мы строили ему ловушку, а вы все сломали. Он сбежал. Вы понимаете, что натворили? Это равносильно измене.

Кемпнер закрыл глаза. В ушах у него тонко позванивало, боль опять начинала остро пульсировать в висках и надглазьях. Он молчал.

— Что делают в таких случаях твердые люди, Кемпнер? — продолжал барон. — Или вы предпочитаете допрос с пристрастием и позорную смерть? А что будет с вашими детьми, с женой?

Кемпнер все молчал. Тот, за спиной, в черных кожаных перчатках, подвинул поближе к нему чернильницу и ручку, взял из стопки бумаги лист, положил перед Кемпнером наискосок.

— Мужайтесь, Кемпнер. И благодарите мою недалекую супругу — это она попросила нас пойти и все уладить с вами по чести. Пишите же.

Кемпнер повиновался автоматически. Под диктовку барона он коряво, пляшущим почерком написал:

«Рейсхфюреру СС Гиммлеру. У меня нет больше сил жить, головные боли невыносимы. Позаботьтесь о моей семье. Штурмбанфюрер Зигфрид Кемпнер».

— Где у вас кухня? — спросил барон.

Кемпнер показал рукой, как пройти. Барон сделал знак второму. Тот вышел на кухню, вернулся со стаканом, достал из кармана пальто бутылку — Кемпнер безумными глазами следил, как светлая жидкость, булькающая, льется в стакан.

— Пейте, Кемпнер, — сказал барон. — Это шнапс.

Кемпнер маленькими глотками выпил полный стакан. Это действительно был шнапс, но с необычным привкусом.

Они взяли его под руки, привели на кухню. Последние шаги он делал уже с трудом. Они опустили его на пол. Барон отвернул газовые горелки...

ГЛАВА 8 ГАЗЕТНЫЙ ВАРИАНТ

То безжизненно холодное, свинцовое, бесформенное, что в сознании Гая непроизвольно связывалось со словом «провал», пронеслось совсем рядом, обдав его леденящим ветром. Слишком долго он ходил по опасным граням, слишком бесцеремонно пытал судьбу. По всем человеческим правилам, он давно уже исчерпал свою долю счастья и удачи в работе. Фриц прав: надо менять орбиту, уходить на другие линии...

Но Гай не мог исчезнуть из Германии, не повидав Маргариту, и Фриц с большой неохотой, после горячих просьб, все же разрешил ему поездку в Раушен.

В Кенигсберге на вокзальной площади Гай нанял такси и через полчаса оставил его в Раушене возле почты, условившись с шофером, что тот будет ждать его два часа, а потом они вернутся в Кенигсберг.

Чистый, опрятный городок на самом берегу Балтийского моря оправдывал свое название — был весь какой-то светлый. Гай, читая по табличкам названия переулков, искал нужный дом минут десять. Погода была теплая, солнечная, дышалось легко.

Грету он увидел в садике при двухэтажном красно-кирпичном доме в два окна по фасаду. Она показалась не бледнее того, как он помнил ее по Базелю, и не похудела, а, наоборот, немного даже поправилась. На ней была серая длинная юбка, голубая кофта и белая пуховая шаль на плечах. Наверное, она только что вышла из дома, но что-то забыла и хотела вернуться. Гай обратил внимание, что правое плечо она держит чуть приподнятым и неподвижно, словно несет что-нибудь под мышкой. Он окликнул ее, когда она поставила ногу на нижнюю ступеньку каменного крыльца, ведущего на застекленную террасу. А потом они полтора часа сидели в ее комнате на втором этаже, и Грета рассказывала по порядку, что произошло в квартире Луизы Шмидт в тот несчастный день.

Накануне Курт пришел с работы расстроенный. Арестовали двух его самых близких товарищей, коммунистов. Ему шепнули, чтобы он больше на завод не приходил, а постарался скрыться, и побыстрее.

У него дома хранилась кое-какая литература и тяжелый цинковый ящик — что в нем было, Грета не знает.

С утра в тот день Курт куда-то отнес сначала газеты и книги, потом ящик и вернулся, чтобы захватить кое-что из своих вещей и проститься с матерью и с нею, Гретой. Адреса он не оставлял, но уверял их, что друзья обеспечат ему надежное убежище, а их он будет навещать время от времени. Матушка Луиза была за него спокойна.

Курт уже надел пальто, чтобы уходить, но мать уговорила его пообедать напоследок. Тут-то и нагрязнул штурмфюрер Гюнтер Валле со своим подручным шарфюрером Пфулем. Оказалось, его послали арестовать Курта. У Гюнтера к Курту были старые счеты. Он самый яркий наци, а Курт коммунист — отсюда все и идет, да к тому же Гюнтер буквально скрежетал зубами, когда видел ее и Курта вместе. Это случалось не так уж часто, но случалось.

Вскоре по возвращении из Базеля она столкнулась как-то с Гюнтером на улице, недалеко от дома. Он был сильно навеселе. На темной улице — фонарей еще не зажигали, хотя наступил вечер, — прохожих ни души, и Гюнтер схватил ее в охапку, как безумный, начал целовать. Она оцарапала ему лицо и кричала, пока он ее не отпустил. Она побежала, а Гюнтер крикнул ей вслед: «Все равно моя будешь!»

И вот он стоял на пороге комнаты и гнусно улыбался.

— Кончай жрать! — крикнул Пфуль, высываясь из-за могучего плеча своего начальника.

— Пусть поест перед смертью, не ори, — успокоил его штурмфюрер.

— Чего вам надо? — спросил Курт, вставая из-за стола.

— Не хорохорься, узнаешь. А сейчас вытри губы, а то сразу видно, что жрешь на чужие деньги, — сказал Гюнтер и посмотрел на нее, на Грету.

Что-то словно подтолкнуло ее. Улыбнувшись, она подошла к Гюнтеру и сказала шутливо:

— Это ведь наполовину и мой дом. Или ты меня не узнал?

Начиная с этого момента она действовала с таким чувством, что все это уже было когда-то, что она лишь повторяет какую-то сцену, однажды уже разыгравшуюся в ее жизни или в забытом сне.

Гюнтер Валле, кажется, прямо-таки опешил — может быть, оттого, что она обратилась к нему на «ты».

— Не против тебя, — сказал Гюнтер смущенно. — Мне приказано доставить вот его. — Он кивнул в сторону Курта, который надевал пальто.

— Я хотела бы кое-что сказать тебе наедине... Если ты не спешишь, конечно...

Гюнтер откашлялся. Пфуль глядел на нее, приоткрыв рот.

— Если ты просишь, я готов.

Курт посмотрел на Грету. Она повела бровью на дверь, и он понял — боком-боком подвинулся ближе к выходу, приоткрыл дверь и выскользнул на лестницу. Пфуль чуть замешкался.

— Убирайся отсюда, старая, — сдерживая нетерпение, приказал Гюнтер матушке Луизе.

Та подхватила с вешалки свое пальтишко и платок и тоже вышла.

Грета в эти считанные секунды сумела отчетливо представить себе каждый свой последующий жест и шаг.

— Ну, что же ты хочешь мне сказать? — спросил Гюнтер и бросил фуражку на стул.

Она уже сидела на своей кровати и открывала сумочку, где у нее лежал револьвер.

В комнату влетел Пфуль, крикнул:

— Он скрылся!

— Так скройся и ты! Догони! — раздраженно бросил ему Гюнтер, и Пфуль исчез.

Грета держала руку на револьвере, не вынимая его из сумочки. Этот револьвер она нашла в столе у отца, перебирая после его смерти принадлежавшие ему вещи и бумаги. Носить его с собой она стала с того вечера, когда Гюнтер схватил ее в темном переулке. Стрелять Грета никогда не пробовала.

Гюнтер двинулся к ней, нехорошо улыбаясь.

— Ну, я слушаю, а ты все молчишь...

У нее перед глазами пошли круги. Выхватив револьвер и направив его в грудь надвигавшейся туше, она сказала:

— Руки вверх! Ни с места!

Гюнтер рывком выдернул из кобуры на животе большой вороненый пистолет.

Она нажала на спусковой крючок и одновременно увидела яркую вспышку. Она даже удивилась, что эта маленькая красивая штучка, которая даже ничуть не оттягивала руку, способна производить такой невыносимый блеск и грохот.

Но сильнейший толчок, поваливший ее навзничь, через мгновение подсказал ей, что произошло на самом деле: Гюнтер тоже выстрелил, это его пистолет ослепил и оглушил ее, а пуля ударила в грудь, в правый бок.

Ей стало трудно и больно дышать, но все же она приподнялась, чтобы посмотреть, куда девался Гюнтер, за секунду до того громоздившийся над нею черной глыбой. Он лежал на полу лицом вниз, широко раскинув руки.

Тут вошла матушка Луиза. Грета успела сказать ей телефон Гаия и потеряла сознание.

Доктор Пауль сказал, что пуля прошла очень удачно — не повредила крупных сосудов легкого, входное и выходное отверстия пришлись между ребер. Все могло бы окончиться гораздо хуже, попади пуля спереди в ребро: осколки кости разорвали бы плевру и легочную ткань на обширном участке, и никакое хирургическое искусство не спасло бы ее.

Гаий слушал Грету, смотрел на нее, и у него было очень хорошо на душе. Страшной и нелепой представлялась сама мысль, что он едва не потерял такого человека. Вернее — они...

Доктор Пауль последний раз приезжал на прошлой неделе. Он возил ее в Кенигсберг, там в клинике смотрел ее легкие на рентгене. Он твердо надеется, что ранение пройдет без последствий, но ей необходимо в скором времени отправиться на курорт в Швейцарию или Францию и полечиться месяца два — тогда можно иметь стопроцентную уверенность в полном выздоровлении.

Гаий сказал, чтобы она на этот счет не беспокоилась. Его товарищи помогут Грете во всем. И деньги у нее будут, сколько бы лечение ни стоило; пусть она не стесняет себя ни в выборе курорта, ни в прочих расходах.

А потом Гаий кратко и ясно, называя вещи своими именами, рассказал ей, кто он такой и ради чего работает. Она слушала, глядя ему в глаза. И, против ожиданий, совсем не удивлялась. И он был очень рад этому — значит, догадывалась, значит, все, что ей пришлось делать, она делала сознательно.

— Ну вот, теперь моя совесть спокойна, ты знаешь все, — закончил он свой рассказ.

Грета вздохнула коротко, по-детски, как умела только она, и сказала лишь одно слово:

— Спасибо.

Она хотела проводить его, но Гаий воспротивился. Они простилась внизу, на веранде. Грета сама обняла его и поцеловала в губы.

— Когда я увижу тебя теперь? — спросила она, отодвинувшись от него на шаг.

— Я уезжаю из Германии.

— Далеко?

— Не очень.

— Но ты вернешься?

— Не знаю. Может быть, нет, Но я буду знать, где ты. И обязательно тебя найду.

— Пожалуйста!

— Мы еще покатаемся с тобой на лодке. Только поправляйся скорее!

Дорис довольно долго выдерживала характер. Когда Ганри объявил, что намерен заняться делами, она поначалу не приняла этого всерьез. А неожиданные отлучки графа расценивала, как признак его охлаждения к ней. Но когда выяснилось, что Ганри в самом деле устроился на высокооплачиваемую — так он ей сказал — должность в Дрезденском коммерческом банке, все ее страхи прошли, и она с облегчением сменила гнев на милость. То, что из-за его командировок и занятости они стали реже видеться, больше не пугало ее. Тем более что он был нежнее и предупредительнее прежнего.

За два минувших месяца Дорис несколько раз виделась с Путиловым, игра на бирже шла с неизменным успехом, и ее зеленый кожаный портфельчик заметно распухал после каждого нового визита удачливого биржевого дельца. Зима кончилась, все чаще выпадали солнечные дни при синем небе, и это тоже

способствовало хорошему настроению.

Майор Цорн еще дважды приглашал ее на беседу, и она дважды вела с Ганри разговор о возможной поездке в Лондон, но Ганри, в принципе ничего не имевший против этого, выдвигал со своей стороны одно соображение, с которым Дорис не могла не соглашаться: он считал, что в Лондон они должны отправиться уже как муж и жена, иначе у них обоих будет весьма ложное положение. Оформить же законным образом их брак пока мешала неясность с именем в Гвинее и с наследственными делами, которые зависели от американских родственников графа. Ганри мог себе позволить легкомыслие в чем угодно, но только не в матримониальных вопросах.

Дорис чем дальше, тем все больше ценила умение Ганри быть внимательным без навязчивости и ласковым без сантиментов. Она терпеть не могла сюсюкающих парочек, которые приходилось иногда наблюдать. Сравнивая себя с другими, Дорис удовлетворенно отмечала, что их с Ганри любовь отличается той ровностью, которая возможна только при полной ясности отношений и уверенности в будущем.

Исследуя наедине с собой оттенки своего чувства к Ганри, она должна была признаться, что любовь ее в теперешнем виде — вовсе не дар небес, не благоволение божье. В истоках ее любви лежало довольно прозаическое начало — неудовлетворенное тщеславие. Но когда предмет любви является орудием удовлетворения тщеславных замыслов — любовь поистине не знает границ. Дорис испытывала временами острое желание доказать людям и самому Ганри силу своей любви, она разыгрывала в воображении целые драмы, в которых Ганри подвергался бесчисленным опасностям, а она, его жена и подруга, приходила ему на выручку. И она была твердо уверена, что в случае настоящей, а не выдуманной беды станет защищать Ганри яростно, как орлица защищает своих птенцов. Его трогательная неприспособленность к грубости и жестокости бытия будила в ней материнские инстинкты...

Дорис почти совсем перебралась жить в квартиру Ганри, благо и перебираться-то особенно было нечего — гардероб ее умещался в чемодане средних размеров, а солдатскую кровать тащить с собою не было нужды. Она давно уже забыла, когда в последний раз вытирала пыль с портрета фюрера, висевшего у нее в комнате. И в этом факте выражалась вся суть тех больших перемен, которые произошли в ее жизни с появлением графа ван Гойена. Нет, она оставалась фанатичным членом партии и солдатом, но постепенно сложилось так, что для Дорис стало более приятным сдвигать пылинки с Ганри.

В последнее время он был чем-то озабочен, часто задумывался. Он стал даже просыпаться по ночам, выкуривал сигарету или две и подолгу лежал в темноте без сна. Дорис это беспокоило, но Ганри все только отшучивался: вот, мол, съезжу в свое имение, наведу там порядок, отдохну от берлинской суеты — и вся эта неврастения пройдет. И вот он наконец решился ехать. Дорис проводила его на вокзал, посадила в поезд. Прощание было без печали, так как Ганри собирался вернуться через месяц. Дорис осталась жить в его квартире.

На пятый день от Ганри пришла открытка из Милана — у него было все в порядке. А еще через три дня, когда Дорис после ванны укладывала волосы, сидя в спальне перед зеркалом, в квартиру кто-то позвонил. Запахнув длинный, до пола, халат, она спокойно пошла в прихожую. Не снимая дверной цепочки, щелкнула замком, в щель увидела стоящего на площадке Путилова с газетой в руке, и сердце у нее упало.

Откинув цепочку, Дорис раскрыла дверь.

— Входите, прошу вас.

Путилов, даже не поздоровавшись, ступил в прихожую. Он как будто постарел сразу на десять лет.

— Что с вами? — невольно поразила Дорис. — Вы больны?

Он отрицательно покачал головой.

— Разрешите мне сесть?

— Простите, держу вас в дверях. — Дорис пригласила его в гостиную. Он пошел за нею, не сняв пальто и шляпы. Так и сел за стол, молча поглядел на Дорис долгим взглядом.

— Может, вы все-таки скажете, что случилось? — с нескрываемой тревогой попросила она, уже вполне уверенная, что Путилов принес дурную весть.

Он положил на стол вчетверо сложенную газету. В глаза бросалась широкая черная рамка. Дорис прочла набранное жирным шрифтом сообщение:

«Вчера, в 18 часов 12 минут, на шоссе Милан — Рим, в результате автомобильной катастрофы погиб подданный США голландский граф Ганри ван Гойен. Тело усопшего отправляется родственникам в Америку».

Дорис прочла раз, другой, третий. Ударила кулаком по столу и в бессильной злобе крикнула:

— Ну почему, почему?!

Путилов сидел со скорбно опущенными плечами. Дорис не плакала, только горестно покачала головой.

— Что делать? Значит — судьба, — нарушил молчание Путилов и встал: — Чем я могу служить вам, Дорис?

Она посмотрела на него рассеянно:

— Чем же тут служить? Надеюсь, мы останемся друзьями...

Он поцеловал ей руку.

— Теперь я вам более верный друг, чем раньше...

Это и был газетный вариант, о котором говорил Фриц. Гай исчез из Берлина, чтобы больше сюда не возвращаться. Его ждала новая работа в другой европейской стране.

Литературная запись **Олега Шмелева**

Иван Карачаров ЕЕ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Сергей Петрович Андреев второй год был на пенсии. Жили мы с ним на одной лестничной площадке, и я заходил к нему иногда вечером после работы поиграть в шахматы или просто так, поговорить о текущих житейских делах.

Его супруга, Анна Васильевна, приносила нам чай, мы усаживались поудобнее и двигали шахматные фигуры, ведя неторопливую беседу и потягивая вкусный ароматный напиток.

Сергей Петрович человек бывалый. Участвовал в финской и Великой Отечественной. Служил в военной контрразведке. Был дважды ранен, оба раза тяжело, и по причине этих ранений вскоре после войны ушел в запас в звании майора. Работал после увольнения сначала мастером на механическом заводе, где до армии начинал свой трудовой путь, но потом здоровье ухудшилось, и ему пришлось перейти работать в отдел кадров на том же заводе. Дело дошло до того, что положили Сергея Петровича в госпиталь. Там основательно, как он выражается, «подремонтировали», но порекомендовали оформиться на заслуженный отдых.

Вот он и отдыхал. Не совсем, правда, отдыхал, Часто бывал на родном заводе, в школах, выступал перед молодежью с лекциями, беседами, — короче говоря, трудился на общественных началах.

Он был хорошим собеседником. Любил поговорить о международных событиях, прошлой войне, своих товарищах по заводу и боевых соратниках далеких военных лет, но о себе рассказывал мало и неохотно.

Однажды вечером — было это накануне дня Советской Армии — сидели мы с Сергеем Петровичем за шахматной доской и вели незатейливый разговор. Вошла своей тихой походкой Анна Васильевна и, положив перед Сергеем Петровичем письмо, сказала:

— Это тебе, старая твоя любовь поздравляет с праздником.

Сергей Петрович улыбнулся, вскрыл конверт, достал оттуда открытку, внимательно прочитал и задумался. По тому, как произнесла свои слова Анна Васильевна, как улыбнулся Сергей Петрович и как потеплели у него при этом глаза, я понял, что эта открытка и содержавшееся в ней поздравление были для него необычными.

На правах старого знакомого я нарушил молчание Сергея Петровича и полушутя спросил:

— И что же это за «старая любовь» такая, к которой законная супруга не ревнует?

— Э, дорогой мой, любовь эта особенная, — ответил Сергей Петрович вполне серьезно и замолчал снова.

— И все же, если не секрет, конечно? — не унимался я, чувствуя, что ничего тут интимного, запретного нет, что это связано наверняка с войной.

— Любовь эта с войны, с самого ее начала, — сказал Сергей Петрович после паузы. — Была она тогда фронтовой разведчицей, молоденькой девушкой. Звали мы ее Галей. История длинная. Не очень устали сегодня? — продолжал он.

— Нет, не устал.

— Хорошо, — сказал после паузы Сергей Петрович, — тогда расскажу.

* * *

Их было четверо: три парня и девушка-радистка. Всем им только исполнилось по двадцать лет. Жили они до войны в той местности, где им предстояло выполнять нелегкое и опасное задание военного командования.

Линию фронта перешли без приключений. Сплошного фронта тогда еще не было, и это облегчало задачу. Капитан Андреев, который отвечал за подготовку и отправку группы в тыл, под вечер посадил их в полторку и повез в сторону фронта. Ехали по ухабистым полевым дорогам час или полтора, а затем, оставив машину, пошли пешком вначале кустарником, потом редким лесом. Спустились с пригорка и вышли к тихой лесной речке. Из лозняка бесшумно выплыла лодка с молодым парнем за веслами. Капитан, обращаясь к лейтенанту Соловьеву, старшему группы, сказал:

— Смотри, Володя, строго придерживайся маршрута и помни все, что я тебе говорил. Ну, успеха вам, ребята, и счастливого возвращения!

— Спасибо, товарищ капитан, — ответил за всех Соловьев. Капитан пожал каждому руку. Они вошли в лодку и поплыли к тому, другому берегу, который считался уже оккупированной территорией.

В лесу царила тишина. Даже птицы приумолкли, может быть, улетели подальше от этих мест, где бушевала война. Пахло сухой хвоей и терпким запахом прелых пней и листьев. Верхушки сосен золотились в лучах солнца, которое стояло еще высоко, но сюда, в лесную чашу, не проникало. Но никто из молодых разведчиков в этот момент не думал ни о красоте леса, ни о высоком светло-голубом небе, проглядывавшем сквозь верхушки деревьев, ни об августовском, еще теплом солнце. Они шли молча, друг за другом, гуськом, обходя овраги и густые заросли, стараясь не наступать на сухой валежник, придерживаясь определенного направления. Временами останавливались, Соловьев смотрел на компас, и затем снова шли вперед. Шли легко, скорым шагом. Вещмешки, хоть и были увесистыми, не казались тяжелыми.

Каждый думал в эти минуты о своем, и все думали об одном — подальше углубиться в лес, подальше уйти от той невидимой черты, которая называется передним краем.

Они шли, пока совсем не стемнело, и удалились от той лесной речушки с темной зеленоватой водой на

добрых полтора десятка километров, никого не повстречав и ничего примечательного не увидев. Предвечернее и вечернее время было удобным для подобных путешествий: даже когда и солнышко скроется, еще долго не наступает темнота, и можно еще шагать и шагать вечерним холодком.

Когда стемнело, разведчики вышли на опушку. За небольшим склоном, среди расступившегося в этом месте леса прижималась к лесу деревня в несколько изб. Прямо перед ними стоял сараюшка с потемневшими бревнами покосившихся стен, покрытый таким же темным тесом. В сарае оказалось свежее пахучее сено, прикрыв дверь, они молча забрались в него.

— Чем не курорт? Прямо как у тещи в гостях, — попытался сострить Коля Головков.

— Кончай там, всем отдыхать! — скомандовал Соловьев и устроился у дверей. — Сейчас я подежурю, меня сменит Головков, потом Якимчук. По два часа. В пять подъем и в путь. — Вскоре все, за исключением Соловьева, сонно посапывали.

Вроде никто не видел, когда они заходили в сарай, и все же на рассвете к сараю прибежала женщина и, приоткрыв дверь, полушепотом запричитала:

— Роденькие! Бегите скорее в лес! Немцы!

Когда добежали до леса, услышали треск мотоциклов. В деревню въехало несколько автомашин с солдатами. Два мотоцикла подъехали к сараю, где только что отдыхали разведчики...

* * *

В тот день разведчики, не считая двух или трех небольших привалов, все время были в пути. Шли, обходя стороной деревни, дороги и открытые места. Прошагали немало километров, могли бы больше, но начала отставать Галина. Уже ее вещмешок несли, поочередно меняясь, Соловьев, Якимчук и Головков. Все равно приходилось останавливаться, ждать, пока догонит. На нее никто не обижался: даже бывалые солдаты иногда не выдерживают таких переходов и такого напряжения. А то девчонка, только что из гражданки, со школьной скамьи. Ей бы к маме, на танцульки побегать, а она на фронт, да еще на такое задание. Но что поделаешь... Время такое, тяжелое. Всем тяжело.

Головков пытался шутить.

— Галя! Ты все же имей в виду, что твой мешочек я несу больше всех.

Соловьев поворачивался и строго смотрел на Головкова, тот подтягивался и молча продолжал шагать. А через некоторое время снова балагурил:

— Галка! На привале пойдем с тобой цветы собирать?

На привале Соловьев распорядился:

— Головков! Выдвиньтесь на опушку, наблюдайте за шоссе. — Головков молча взял вещмешок и автомат. Уходя, как бы на полном серьезе спросил:

— Можно Галина со мной пойдет? А то Якимчук не дает ей отдохнуть, все пристаёт со своими разговорами.

Молчаливый Якимчук что-то проворчал про себя и отвернулся.

— Идите, Головков! — повторил команду лейтенант.

На ночь устроились в лесу. Наломали еловых веток и расположились прямо на земле, под раскидистой сосной. Среди ночи услышали шум проходящего поезда: совсем рядом была железная дорога. Головкова осенило:

— Может, подъедем немного? Насколько я понимаю, эта линия идет в том направлении, в котором и нам предстоит двигаться.

Соловьев молчал. Предложение было заманчивым, хотя оно и не предусматривалось в указаниях капитана Андреева. Вышли к насыпи и стали наблюдать. Долго никаких поездов не было. Кое-кто из ребят тут же прикорнул.

В ту ночь они все же забрались на порожний товарняк на площадку в середине поезда — благо тут был подъем, и поезд сильно замедлял движение — и проехали почти до того полустанка, откуда им предстояло повернуть в сторону, к конечному пункту.

* * *

— Вот мы и пришли, — сказал, останавливаясь, Соловьев, — какая рощица, а?

Они стояли на опушке леса, а перед ними, метрах в трехстах, посреди поля на пригорке, красовалась небольшая роща с дубняком и белоствольными молодыми березками. Неторная полевая дорога вела от леса к роще. По правой стороне лес темной стеной уходил в ту сторону, откуда разведчики пришли, делал пологий изгиб, тянулся дальше на север и терялся где-то в туманной болотистой низине.

— А где же наша деревня? Где наш дом родной? — поинтересовался неугомонный Головков.

— Сейчас увидишь. Быстро, бегом по одному в рощу, — тихо скомандовал Соловьев.

Желание поскорее увидеть заветную деревню придавало силы, и уставшие разведчики легко побежали друг за другом по травянистой узкой дороге.

Расположились на крохотной полянке, к которой подступали поросли густого орешника. Разведчики сняли

с себя вещмешки, оружие и растянулись на траве.

Отсюда, из рощи, просматривалась та часть деревни, где жил старик Афанасий Денисович. Другая часть, притом большая, пряталась за бугром.

Соловьев повернулся к Галине и сказал:

— Ну что, Галя, давай к деду в гости. Действуй по легенде. Все помнишь?

— Помню, — ответила девушка таким голосом, будто речь шла о самом обыденном, привычном деле.

— Если помнишь — шагай. Мы будем ждать тебя здесь.

— Всего вам, ребята, — сказала она, поднявшись. — Не скучайте, я скоро вернусь.

Оставив пистолет и вещмешок, Галина скрылась в лесу: пошла оврагом к выходу на шоссе. Потом уже появилась на дороге, у самой деревни. Разведчики видели, как она вошла в деревню.

В жаркие июльские дни в этих местах шли тяжелые оборонительные бои, и штаб армии несколько дней находился в лесу, недалеко от Дайновы. Майор Яблонский из службы тыла знал эти места: лет пять тому назад он учительствовал в одной из школ в районном центре, преподавал историю, и иногда приезжал сюда в выходные дни на озеро на охоту. Охотником он был заядлым и при всяком удобном случае заводил разговор об охоте. Офицеры штаба даже подсмеивались над этой его чертой и порой отмахивались, когда тот приставал со своими охотничьими рассказами.

Как-то вечером во время ужина Яблонский снова стал расхваливать здешние места. Сидевший рядом начальник особого отдела, человек немногословный и молчаливый, вдруг обратился к Яблонскому:

— И знакомые здесь у вас есть?

— Есть, товарищ подполковник, как же им не быть, если я сюда не раз приезжал, на ночь останавливался.

Подполковник замолчал, как будто забыл об этом разговоре, но спустя пару дней он сам зашел в кабинет к майору и высказал ему свою просьбу.

После разговора с подполковником Яблонский навестил одного из своих знакомых — Афанасия Денисовича Жаворонкова. Афанасию Денисовичу в ту пору было за шестьдесят. Еще в годы первой русской революции со своими друзьями-односельчанами сжег хутор местного кулака и угодил тогда в ссылку. В первую мировую воевал и под Перемышлем получил осколок от немецкого снаряда в легкое. В гражданскую был сначала красным партизаном, а затем конным разведчиком в дивизии Щорса. Под Коростенем был ранен еще раз и тоже тяжело. Долго валялся по лазаретам и госпиталям, но выкарабкался.

Почетное звание «Красный партизан» так и осталось за ним навсегда среди его односельчан. Жаворонков первым записался в колхоз и был первым его председателем. Но старые раны давали о себе знать. Он стал заведовать колхозной пасекой. Последние годы жил один. Старуха как-то неожиданно-негаданно померла, а дочка вышла замуж и уехала в соседнюю деревню. Звала к себе на постоянное жительство, но Афанасий Денисович отказался.

Приезжавшие из города охотники обычно останавливались у него, зимой — в избе, летом — на пасеке.

Старик обрадовался своему давнишнему знакомому, пригласил в дом. Попотчевал старик майора свежим медком. Поговорили, вспомнили былые дни, охоту, обменялись мыслями и о том, что ожидает их в скором будущем, которое уже грохотало в нескольких километрах от деревни.

В конце беседы Афанасий Денисович, заговорщически подмигнув, спросил:

— Сдается мне, товарищ майор, ты заглянул ко мне не только для того, чтобы поведать старика?

— А что, Афанасий Денисович, — в тон ему ответил Яблонский, — разве время неподходящее для нанесения визитов?

— Да, время, время, — посерьезнел старик.

— Угадал ты, Афанасий Денисович, не только с визитом вежливости я к тебе пришел, — сказал Яблонский после паузы и обстоятельно изложил ему причину своего посещения. Афанасий Денисович обрадовался этому поручению и не мог скрыть этого:

— Еще не совсем, значит, вышел в отставку старый красный партизан, еще послужит он своему народу.

Обсудили детали. Разведчики должны были обратиться к Афанасию Денисовичу и с его помощью приступить к выполнению задания командования.

— Ну, как там дела, ефрейтор?..

— Ефрейтор Штангльмайр, герр обер-лейтенант. Всё в порядке. — Денщик поставил у дверей спальни начищенные до блеска сапоги и застыл в ожидании дальнейших приказаний. Обер-лейтенант Штробах появился в дверях в галифе и нижней рубашке. Он потянулся, несколько раз присел, затем взял сапоги и, не обращая внимания на денщика, начал обуваться.

— Русские не наступают на деревню? — снова спросил Штробах. Он сегодня был в прекрасном расположении духа, выпался и, выйдя из спальни, заметил на столе приготовленный для него обильный завтрак. Поэтому он позволял себе шутить с этим ефрейтором с плохо запоминающейся фамилией.

— Никак нет, — прищелкнул каблуками ефрейтор и добавил: — Там какая-то женщина, герр обер-лейтенант, идет полем в деревню.

— Мало ли кто там еще по дороге шляется.

— Она не на дороге. Я ее приметил, когда она вышла из лесу и направилась в деревню.

— Ну, хорошо, посмотри, куда она пойдет, потом доложишь.

— Яволь, герр обер-лейтенант, — денщик круто повернулся, щелкнул каблуками и направился к выходу.

Обер-лейтенант бросил ему вдогонку:

— Когда она будет проходить мимо, позови ее сюда.

— Яволь.

Когда ефрейтор Штангльмайр выскочил из дома и выглянул из-за угла, Галина входила во двор Афанасия Денисовича. Ефрейтор побежал за дом и, спрятавшись там, стал наблюдать за незнакомкой. Он был услужливым и трусливым, боялся передовой, но в то же время очень хотел выслужиться. Страстно мечтал захватить в плен русского партизана или разведчика и получить за это медаль...

Девушка вошла во двор Афанасия Денисовича. Приблизилась к двери и собралась постучать, но, увидев увесистый замок, остановилась в раздумье. Что же делать? Идти обратно? Посмотрела на окна: занавески были задернуты. А может, ушел куда-нибудь ненадолго? Она медленно направилась на улицу. В доме, что стоял напротив, топились печь: из трубы поднимался сизый дымок. Дверь на крыльце была открыта.

Галина открыла калитку, подошла к крыльцу.

— Есть кто дома? — Она хотела спросить, не видели ли сегодня старика и не знают ли, куда он ушел. На ее голос вышла молодая породная хозяйка, а следом за ней мужчина в нательной рубашке, заправленной в галифе с подтяжками, и блестящих офицерских сапогах. Сердце у девушки сразу куда-то упало. Она не ожидала ничего подобного и растерялась. Конечно, говорили ей не один раз о том, что, может быть, придется столкнуться с немцами и надо уметь объяснить свое появление в деревне, но ей почему-то казалось, что этого не случится. Все вокруг казалось таким обычным, мирным, ничто не говорило о том, что в деревне фашисты. Да и видела она немцев первый раз в жизни. Какое-то время и Галина и хозяйка с мужчиной в офицерских сапогах смотрели друг на друга и молчали. Первой нашлась хозяйка. Она спросила:

— Вам кого?

Пока Галина думала, что ей ответить, мужчина шагнул вперед, загородив собой хозяйку, и спросил:

— Ты кто есть? Что ты хочешь?

— Студентка я, иду домой, в Орловскую область, — несмело ответила девушка. — Зашла, хотела попросить воды...

— Ком, — сказал мужчина и поманил ее пальцем в дом. Галина вошла на кухню. Хозяйка молча протянула ей кружку с водой. Девушка отпила и, поставив кружку на табуретку около ведра с водой, не знала, что ей дальше делать. Но вскоре из гостиной вышел офицер в кителе с увесистой кобурой на поясе. Он что-то крикнул солдату, снова сказал ей «ком» и пошел вперед. Офицер шагал широким шагом впереди, за ним еле поспевала Галина, процессию замыкал солдат с черным куцом автоматом на груди. В центре деревни они свернули в усадьбу, во дворе которой стояли военные грузовики, мотоциклы, шныряли солдаты в мышиного цвета мундирах. Те, что сидели у крыльца, вскочили со своих мест и вытянулись перед офицером, который вел Галину, а затем с любопытством уставились ей вслед.

Галине все происшедшее с ней в то время, как она вошла в деревню и встретилась с немцами, казалось дурным сном. Будто и не с ней это случилось вовсе. Она механически переставляла ноги, ничего не видела и не слышала вокруг, мысли в голове путались...

Ничего этого в отделе Кленова, конечно, не знали. Группа ушла в конце августа. На исходе был сентябрь, а от разведчиков не было никаких вестей. Как в воду канули. За это время советские войска еще отошли на восток. Контрразведчики принимали во внимание то, что и расстояние увеличилось, и с рацией могло что-нибудь случиться, и многое другое, но времени-то прошло уже порядочно. Судьба ребят начинала волновать всех, кто имел к ним отношение, и прежде всего Андреева как ответственного за их подготовку и отправку. Надо было что-то предпринимать. Кленов приказал послать радиogramму «Смелому».

«Смелый» был работником отдела Кленова и действовал в районе Гомеля с базы одного из местных партизанских отрядов. В радиogramме просили его в ближайшее время побывать в деревне Дайнова и попытаться выяснить, появлялась ли там группа и куда она ушла дальше.

В тот же день к капитану Андрееву с заявлением обратилась гражданка Пухлякова. Вчера на товарной станции, где она работает багажным контролером, получал груз, предназначенный для своей части, один военный, по фамилии Гусев. Она знала его, еще будучи гимназисткой, до революции. Этот Гусев и ее муж учились вместе в выпускном классе гимназии, она — на два года младше. Но фамилия его тогда была другая — Григорович. Муж потом рассказывал ей, что Григорович служил в белых войсках прапорщиком или поручиком, она это не помнит точно, бежал с белыми и жил за границей во Франции или Германии.

— Да, но может быть, она обозналась. Встречаются люди очень похожие друг на друга, — заметил Кленов.

— Нет, очень уверенно утверждает, что не ошиблась. Говорит, что вначале она растерялась, когда усидела его, да и сомневалась: сколько лет прошло! Тем более что в доверенности указана фамилия не Григорович, а Гусев. Потом, когда он там на станции побыл некоторое время, разговаривал, она его рассмотрела как следует, и все сомнения отпали.

— Так. А где ее муж?

— Нет в живых. Я поинтересовался у нее. Говорит, умер два года тому назад, как раз в ноябре. Последнее время не работал, болел.

— Григорович не узнал Пухлякову?

— Трудно сказать. Во всяком случае вида не подал. Может быть, и не узнал, точнее, не обратил внимания. Он обратился к другому работнику. С ней он не разговаривал, и наблюдала она его со стороны.

— Часть, указанная в доверенности Гусева, нашей армии?

— Нашей, товарищ подполковник. В отделе кадров армии на него имеются следующие данные. Гусев Николай Евстафьевич, 1898 года рождения, недавно назначенный начальником продовольственно-фуражного снабжения полка из дивизии Абросимова, был в окружении в составе одной из дивизий фронта, выходил сначала с группой бойцов и командиров этой дивизии, но затем заболел и некоторое время скрывался один в деревне недалеко от Нежина. Когда стал пробиваться один, за ним была погоня, и он сел на проходящий поезд. Сошел на какой-то маленькой станции и вышел в расположение своих войск. Попал на фронтовой сборный пункт. В проверочном деле записали: «Интендант III ранга Гусев Н. Е. проверку прошел и может быть назначен на должность».

— Запросите Москву, попросите сообщить данные на Гусева и его семью, — приказал Кленов и спросил: — Кстати, приметы не указала заявительница, особые приметы Григоровича-гимназиста?

— Нет, примет не помнит.

— Хорошо, товарищ Андреев. Действуйте, как договорились.

Галину втолкнули в большую прокуренную комнату, в которой находились какие-то люди. Среди них она заметила и того, кто привел ее сюда. За столом сидел гитлеровец, который, видно, был главным: его все называли «герр зондерфюрер». Сидевший по эту сторону стола зондерфюрера пожилой мужчина с гладко зачесанными назад темно-русыми волосами, седыми у висков, был в гражданском коричневом костюме. Он говорил по-русски без акцента.

— Подойдите поближе к столу, не бойтесь, вас не укусят здесь, — съязвил он. Девушка сделала несколько шагов по направлению к столу. Зондерфюрер что-то сказал переводчику, тот резко спросил: — Кто ты? Назови свою фамилию, имя, отчество, возраст. — Потом посыпались вопросы: откуда и куда направляется, где живут родители. Она отвечала, как инструктировал их капитан Андреев перед отправкой на задание. Ее бил нервный озноб, и голос заметно дрожал. Этот дрожащий, неуверенный голос казался ей чужим, принадлежащим не ей, а кому-то другому.

Зондерфюрер порылся в стопке бумаг, лежавших на столе, достал какой-то документ, написанный от руки, и уставился в него: он читал так называемый «черный список», в котором значились местные опасные элементы, враждебные «новому порядку». В списке против фамилии Афанасия Денисовича было написано:

«Активист, депутат сельсовета, в прошлом красный партизан и председатель колхоза, не исключено, что сейчас связан с партизанами. Подлежит задержанию».

Зондерфюрер докурил папиросу и резко сказал:

— Ты ест партизан, а не студент, зачем ты шла в дом Афанасий Жаворонкоф? — и что-то добавил по-своему. Переводчик перевел:

— Господин зондерфюрер предлагает вам чистосердечно рассказать о себе правду. Кто вас послал? Где находятся партизаны? Зачем вы заходили к старику Жаворонкову?

Галина попыталась было возразить и повторить то, что она уже говорила, но переводчик перебил ее:

— Если вы не скажете правду, вас сейчас же расстреляют, как шпиона.

В начале допроса у Галины где-то теплилась надежда, что все еще обойдется, ее допросят и отпустят. Но сейчас эта надежда сразу отодвинулась очень далеко, почти исчезла. «Это конец. Сейчас начнут бить, а потом выведут и расстреляют», — подумала она и четко, почти зримо представила, как ее будут бить и расстреливать. Ей стало очень жаль себя, свою красоту — ей все говорили, что она красива, — жалко до слез, до щемящей боли в груди.

Она очнулась, когда зондерфюрер снова, подбирая слова, заговорил:

— Мы не хотим вас расстрелять. Вы ест молода и красива. Если вы будешь молодец и скажешь правду, то мы не будем вас лишать жизни.

— Я сказала правду. Я ничего больше не знаю, — тихо сказала девушка и заплакала. Ее усадили на стул, поднесли стакан с водой. Она жадно пила, зубы стучали о стенки стакана. Гитлеровцы о чем-то говорили между собой. Потом ее вывели из комнаты и втолкнули в темный чулан. Закрылась дверь. Щелкнул замок. В изнеможении она опустилась на пол. Вскоре послышались гортанные команды на чужом языке, взревели моторы автомашин, застрекотали мотоциклы. Потом все стихло.

Галина видела, как две крытые машины, битком набитые солдатами, и несколько мотоциклов с колясками сорвались с места и на большой скорости ринулись к лесу, откуда она недавно пришла и где ждали ее разведчики. Зондерфюрер приказал прочесать лес, прилегающий к деревне, найти и арестовать старика Жаворонкова.

Утро выдалось теплым, хоть и пасмурным. Солнце уже поднялось над притихшим лесом и то появлялось среди серых облаков, то надолго пряталось. Соловьев взглянул на часы, но они стояли и показывали полчетвертого. По-видимому, остановились в тот момент, когда он соскакивал на ходу с товарняка. Он вспомнил, что и тогда, когда они стали уходить от железной дороги, он посмотрел на часы: на них было тоже полчетвертого. Возможно, и тогда они уже стояли. Часы были еще у Головкова, у Галины — тоже, но она ушла.

— Головков, сколько на твоих золотых? — спросил он не оборачиваясь. Ответа не последовало. Головков и Якимчук, удобно устроившись на плащ-палатке под раскидистым кустом орешника и прижав каждый к себе свое оружие, дружно посапывали. Соловьев даже удивился, что ребята так быстро уснули, хотя понимал, что

они изрядно устали за эти дни.

Ласковый ветерок ровно шумел в листве, шевелил оставшуюся нескошенную в этом году траву. В утреннем прозрачном воздухе изредка слышались голоса птиц, и ничто не напоминало о войне, о смерти. Соловьеву показалось, что где-то за облаками так знакомо курлыкали невидимые в небе журавли, напоминая об уходящем лете, приближении холодов. Вспомнились детство, мать и куда-то так стремительно ушедшие школьные годы. А ведь прошло только два года... Но он отогнал эти мысли и снова подумал о Галине. Нравилась она ему. Но он был скромен до застенчивости и не мог сказать ей об этом. А ей он, по-видимому, был безразличен. Повернувшись на бок и оставшись, наедине со своими заботами, Соловьев продолжал наблюдать за деревней.

Думая о Галине, ему порой казалось, что поступил он в чем-то не так, как следовало поступить в этой обстановке. «Все же надо было переждать здесь до темноты, и, как стемнеет, самому отправиться к старику. Было бы надежнее». Соловьев в прошлом был пограничником и вел наблюдение по всем правилам: просматривал крайние дома, затем бугор, за которым пряталась большая часть деревни, потом переводил взгляд в глубину, в туманную даль, что уходила куда-то за болота в низине и темнеющий в стороне лес.

Кругом стояла первозданная тишина, даже деревенские звуки не доходили сюда. «Ничего, все будет в порядке, все будет хорошо, — подумал Соловьев. — Вот возвратится Галина, обмозгуем все и начнем действовать...»

...Крытую брезентом грузовую автомашину, в каких немцы обычно перебрасывали свою живую силу, и мотоциклы с колясками Соловьев заметил, как только они показались на окраине деревни. Они двигались по той самой дороге, по которой прошла недавно Киселева. Нельзя сказать, что Соловьев совсем не почувствовал никакого беспокойства, но поднимать разведчиков и уходить из рощи в глубь леса он считал преждевременным. Военное время, находились они не так далеко от фронта, движение на дорогах военных машин в ту пору было явлением нередким. Он посмотрел на спящих Якимчука и Головкова, потом снова на колонну немцев. Куда же они направляются? В это время автомашина и мотоциклы скрылись. А о том, что идет еще одна машина с мотоциклами, которые в это время заходили с другой стороны, со стороны леса, он просто не знал и не мог их видеть. Они шли в это время лесом.

Прошло минут десять-пятнадцать, и вдруг сразу громко и близко в лесу заурчали моторы, послышались голоса и лай собак. Соловьев тут же растолкал Головкова и Якимчука и стал быстро вытаскивать из вещмешков магазины с патронами и гранаты.

— Ну, быстро! К бою!!! — крикнул им Соловьев.

Немцы появились на опушке леса на широком фронте, который охватывал небольшую рощицу и находившихся в ней разведчиков полукольцом. В той стороне, где проходила дорога, слышался лай собак: они явно шли по их следу. Отходить было некуда.

— Рус, сдавайся! Выходи! — хрипло прокричали со стороны леса. Разведчики молчали. Спустя несколько минут солдаты поднялись и, пригнувшись, направились к роще. Несколько шагов они сделали молча, а потом не выдержали и открыли огонь из автоматов. Когда расстояние сократилось метров до ста, а может быть и меньше, явно видны были потные, перекошенные лица наступающих, их мундиры, оружие — разведчики дали залп. Несколько гитлеровцев упало, остальные залегли. Но тут же за ними поднялись цепью другие.

Соловьев, Якимчук и Головков стреляли вначале залпами, а затем стали перебегать с места на место, меняя позиции.

Бросая гранаты, Головков увлекся. Он поднялся во весь рост и швырнул одну, вторую, третью, приговаривая:

— Вот вам, гады! Получите! Еще! — в этот момент он и был сражен пулеметной очередью.

Якимчук обратился к Соловьеву взволнованным просящим голосом, впервые назвав его не по званию, а по имени:

— Слушай, Володя! Бери рацию, ползи... Я прикрою... может быть, удастся... — Но Соловьев, не отрываясь от прицела и ведя огонь короткими очередями из автомата, возбужденно крикнул:

— Куда «ползи», Якимчук?! Все, брат. Огонь по врагу! — Соловьев дал несколько очередей и, не слыша стрельбы Якимчука, повернул к нему голову. Якимчук лежал в неудобной позе, уронив голову на автомат и протянув правую руку за гранатой, которая находилась тут же в траве, в небольшом углублении. Из его правого виска стекала струйкой кровь.

Гитлеровцы уже были совсем близко. Они прекратили огонь, полагая, что с разведчиками покончено. Соловьев дал длинную очередь из автомата, а когда кончились патроны в диске, стал бросать в гущу зеленых мундиров гранаты...

Прошел час, а может быть, и больше: Галина потеряла счет времени и едва ли понимала, что вокруг нее делается. Вдруг ее словно огнем изнутри обожгло: где-то строчили пулеметы, стрекотали автоматы, ухали гранаты. Потом все стихло. Она ужаснулась: ребята, ее товарищи... Но она ничего о них немцам не говорила! Это она точно помнила. Откуда они могли знать о ребятах? И она отогнала от себя эту мысль. Прикрыла глаза и попыталась думать о своих, о капитане Андрееве, о других командирах, которые их готовили. А может, это наши наступают, уже подошли к деревне и ведут бой? Но потом она даже удивилась нелепости этой мысли: могли ли наши с боями за это время пройти такое расстояние? Она горестно вздохнула и не помнила, как уснула или просто забылась снова.

Ее вывели во двор. Распогодилось. Небо очистилось от туч, и августовское солнце еще ласково припекало,

хотя, стояло оно уже невысоко: дело шло к вечеру. У крытой брезентом, пыльной автомашины стоял зондерфюрер и тот, в гражданском костюме, и еще какие-то немцы. Часовой подвел ее к зондерфюреру. Все расступились, и она увидела на земле, у машины, своих ребят, разведчиков, с которыми еще утром она была вместе. А сейчас они были мертвые. С краю лежал небольшого роста, широкоскулый, с русыми коротко стриженными волосами Володя Соловьев, их командир, посредине — крупный, с большими руками крестьянина Якимчук, ближе к грузовику — высокий, красавец и балагур Головков. Все кончено. Больше ее никто не ожидал в роще за деревней.

Она не знала, как удержалась на ногах, где взяла силы, чтобы не упасть и преодолеть тот ужас, то оцепенение, которое ее охватило. Она не услышала, как к ней обратился зондерфюрер с вопросом. Слова переводчика вывели ее из оцепенения.

— Вы знаете, кто они?

— Нет, — ответила она и отрицательно покачала головой, — я их не знаю.

— Как же вы их не знаете, если они были в том лесу, откуда вы пришли сегодня утром?

— Я их не знаю. Никогда их не видела, — еле выдавила она из себя. Тугой ком подступал к горлу, не давал не только говорить, но и дышать.

Появился небольшой, юркий человечек с фотоаппаратом. Он забегал, пристраиваясь с фотоаппаратом то с одной стороны, то с другой. Сфотографировал он несколько раз убитых и ее рядом с ними, среди гитлеровцев.

Ее снова увели в чулан. Она сидела на полу, и слезы градом текли по ее лицу. Но это еще не было последним испытанием, которое уготовала ей судьба на тот страшный в ее жизни день...

Когда часовой открыл чулан и показал рукой, чтобы она вышла, на дворе был вечер. В передней уже сгустились сумерки, но света не было. Часовой подвел ее к той комнате, где она была утром, и открыл дверь. За большим столом также восседал зондерфюрер, сбоку у стола — переводчик. Под потолком на проволоке висела керосиновая лампа, не ахти какой источник света, но Галине после темного чулана показалось очень светло в комнате. Посреди комнаты стоял старик с небольшой бородой и седыми волосами, выбившимися из-под выцветшей фуражки. Он опирался на толстую суковатую палку и смотрел куда-то выше головы зондерфюрера. Переводчик подвел ее к столу и, указав на старика с палкой, спросил:

— Знаете ли вы этого человека? — Галина, конечно, догадалась, о ком речь, но она и вправду не знала его.

— Нет, не знаю, — ответила она.

— Варум нет? — взорвался зондерфюрер. — Это есть Жаворонкоф! Ты к нему ходил сегодня.

— Я этого человека никогда раньше не встречала.

— Ты знаешь ее? — спросили старика.

— Не знаю, — сказал он. Потом его спрашивали, где находятся партизаны, сколько их, что он должен был делать для разведчиков. Афанасий Денисович больше не сказал ни слова. Зондерфюрер что-то сказал верзиле, сидевшему безразлично в углу. Тот поднялся, шагнул к старику и сзади ударил его кулаком по голове. Старик упал, и его долго били лежащего ногами, а затем окровавленного, еле живого, выволокли во двор. Галина, зажмурив глаза и схватившись за угол стола, еле держалась на ногах, ожидая своей очереди. Но о ней, казалось, забыли. Два солдата подняли старика и повели. Ее тоже повели часовые. Старика поставили спиной к стене сарая. В темном ночном небе висела полная луна. Она как бы застыла в недоумении, увидев в своем неверном свете эту необычную картину. Верзила не спеша расстегнул кобуру на животе, достал «парабеллум», приподнял его на уровень глаз и выстрелил старику в лицо. Галина потеряла сознание...

Старший лейтенант Иванюта был молодым контрразведчиком. Перед войной он закончил два курса юридического института и курсы младших лейтенантов-артиллеристов. Когда началась война, был командирован в военную контрразведку. Опыта, конечно, у него было маловато, и пока его подключали для выполнения заданий к более знающим работникам. Вот и в этом деле он поступил в распоряжение капитана Андреева, который работал еще до войны и считался в отделе опытным и дельным работником. Когда Иванюту вызвал начальник отдела и сказал, что он поступает в распоряжение капитана Андреева, старший лейтенант с удовольствием воспринял это, как он сам называл, «новое назначение». Андрееву импонировали в молодом работнике энергия, юношеский задор и дисциплинированность. Кроме того, старший лейтенант знал немного немецкий язык. У капитана в отношении образования багаж был скромнее, и он искренне уважал в людях образованность. Иногда капитан дружески подтрунивал над непосредственностью и некоторой наивностью Иванюты в житейских вопросах. Но тот не обижался, он понимал юмор и стремился перенять по возможности больше из жизненного опыта своего старшего товарища.

Иванюта с нетерпением ожидал Андреева из его поездки в соседнюю армию. Увидев, что машина въехала во двор и капитан направился в домик, где они размещались, Иванюта бросился к нему навстречу.

— Сергей Петрович, как съездили? Вам письмо от Анны Васильевны. — Он знал, что жена капитана Андреева с дочкой эвакуировались из Киева за Урал и от нее долго не было писем. Сейчас Иванюта был искренне рад за капитана. Сам он был не женат, отец и мать остались на оккупированной Полтавщине.

— Что нового? — спросил Андреев, когда они вошли в дом.

— Есть радиogramма от «Смелого».

— Что там?

— Да в общем ничего утешительного. В отношении разведгруппы ему не удалось ничего выяснить. По рассказам жителей деревни, старика Афанасия оккупанты расстреляли якобы за связь с партизанами. Вот и все.

— Да-а... Но эти данные, дорогой Николай Гаврилович, дают довольно веские основания считать, что группа потерпела провал. А может, кто-то из ее участников не выдержал проверки на допросах и выдал явку? Можно такое предположить?

— Можно, — согласился Иванюта.

— Можно. Но версию нужно перепроверить, — рассуждал капитан.

Москва сообщила, что Гусев Николай Евстафьевич, 1898 года рождения, русский, член ВКП(б), офицер одного из отделов штаба тыла Юго-Западного фронта пропал без вести в августе 1941 года. Об этом уже сообщили жене, которая с сыном проживала в Ленинграде, а в сентябре эвакуировалась в Челябинск.

По просьбе отдела Кленова в Челябинске разыскали жену Гусева, показали ей фотокарточку начальника продфуражного снабжения полка Гусева, но ни она, ни сын не опознали на ней ни мужа, ни отца.

Выходило, что под фамилией интенданта третьего ранга Гусева был другой человек. В части, где он числился на должности, его характеризовали как человека осторожного, дисциплинированного и прилежного в службе. Андрееву и Иванюте в общем-то было ясно, зачем пожаловал на сторону советских войск лже-Гусев, завладев документами советского командира Гусева. Но в этом деле важны и детали. Контрразведчики рассуждали так. Если лже-Гусев имел такую богатую биографию, которая началась еще в гражданскую войну в стане белых и имела свое продолжение в фашистской Германии, то, надо полагать, птица он важная, а соответственно и масштабы его вражеской деятельности немалые. Работать ему одному — коэффициент полезного действия мал. Значит, должен быть еще кто-то, а может быть, и не один. Кроме того, собирая шпионские сведения о советских войсках, он должен был их передавать.

Следовательно, арестовать его сразу было бы преждевременным. Хотя в фронтовых условиях оглядываться особенно не приходилось, решили все же посмотреть, как поведет себя дальше этот «интендант».

В середине сентября из тыла противника возвратился разведчик «Смелый». Он рассказал, что в деревне Дубки, километрах в семидесяти от линии фронта, в доме колхозника Цуканова, укрывается раненый боец Лахно, который был писарем в артиллерийском управлении фронта. Он был ранен в конце августа во время боев за этот населенный пункт. Его подобрал Цуканов, укрыв у себя на чердаке и уже немного подлечил. Лахно рассказал разведчику о бое за Дубки, о том, что среди отступавших бойцов и командиров был капитан медслужбы Прихожан из фронтового госпиталя.

— Понимаешь, — говорил Лахно разведчику, — все окруженцы, которые там были, пошли в контратаку и потеснили немцев, а капитан в это время прятался в канаве. Полковник хотел пристрелить его, а потом плюнул и ушел.

Когда Лахно лежал уже раненный и немцы приняли его за убитого, он видел, как немецкие автоматчики вывели капитана Прихожана из кустарника и повели в деревню. Они прошли мимо него совсем рядом, и он не мог не узнать Прихожана.

Контрразведчики подняли личное дело Прихожана. В нем имелась отметка о том, что капитан Прихожан непродолжительное время был в окружении, прошел проверку и направлен в свою часть на прежнюю должность.

В своем объяснении на имя начальника отдела кадров после выхода из окружения Прихожан написал, что в плену он не был, с немцами в окружении не встречался и вышел вместе с другими военнослужащими. Три человека, которых назвал в объяснении Прихожан, тоже были опрошены. Они подтвердили его объяснения.

— Получилась неувязочка, — сказал Иванюта, кладя раскрытое на нужной странице дело Прихожана на стол перед Андреевым.

— Побеседовать бы с Лахно сейчас по этому вопросу поподробнее. Может быть, это был и не Прихожан, — заметил Андреев.

— Совсем было бы хорошо вывести Лахно из тыла для опознания Прихожана. В крайнем случае, если он еще не может передвигаться, предъявить ему на опознание фотокарточку и еще раз опросить его подробно.

Андреев с нескрываемым удивлением посмотрел на Иванюту.

— Ты, Коля, говоришь об этом, как о вполне реальном деле? Вывести... опросить... Это что тебе, к соседям в землянку сходить или в столовую? Нет, брат, надежды на это мало. Когда его видел «Смелый», тот еще ходить не мог. Ранение в грудь и в ногу. Поправлялся медленно. Нужны были лекарства, а где их там взять?

— Но все же, Сергей Петрович, попытаться, мне кажется, стоит, — произнес задумчиво Иванюта.

— Ладно, доложу Кленову. Посмотрим, — подвел итог разговору Андреев.

«Смелый» выполнил поставленную перед ним задачу полностью. Доставил командованию весьма ценную информацию о положении на оккупированной территории, о передвижении и дислокации войск противника. Но об исчезнувшей разведгруппе нового ничего добавить к тому, что он передал по радию, не мог. Многие в этом деле были для контрразведчиков загадкой. Кто была девушка, которую задержали немцы примерно в то время, когда был расстрелян старик Жаворонков? Была ли это Галина или другая, случайно попавшая в руки оккупантов? Почему был расстрелян старик? Кто-то выдал его или, может быть, только потому, что он был в прошлом красный партизан, председатель колхоза, деревенский активист? Ответить на эти вопросы было совсем непросто. Но они представляли интерес, и «Смелый» при следующей ходке должен был попытаться решить эту задачу.

«Смелый» по плану должен был отправиться в тыл противника через неделю, но в связи с предложением Андреева и Иванюты пришлось этот срок сократить до трех дней. С разведчиком ушел на задание Иванюта.

Нелегкая задача стояла перед молодым контрразведчиком. Встретиться в тылу со своими людьми, повидать раненого бойца Лахно и попытаться вывести его к своим. Срок — десять дней. Называя этот срок, Кленов заметил:

— Знаю, что все это непросто и нелегко, но нужно. Времени на выполнение задания даю мало, но больше сам не имею.

Иванюта, прощаясь с Андреевым, пошутил:

— Идя к начальнику с предложением, будь готов его выполнить. Так, кажется, гласит известная поговорка?

— Примерно так, — задумчиво ответил Андреев. — Ты там смотри, проявляй инициативу только разумную, не лезь на рожон...

— Есть, товарищ капитан, — лихо приложил тот руку к старой кроличьей шапке, в которую он облачился.

Иванюте и его спутнику предстояло пройти не один десяток километров по земле, занятой врагом.

Населенные пункты они старались обходить. Двигались в основном ночью, а если днем, то шли лесом, оврагами, балками, подальше от постороннего глаза. Торопились. Времени было в обрез.

На девятый день, рано утром Иванюта вошел в землянку подполковника Кленова, держа под руку Лахно, который не хотел остаться в тылу и умолил старшего лейтенанта взять его с собой. Он еще хромал, да и был очень слаб. Иванюта иногда тащил его буквально на себе.

Лахно опознал Прихожана и подтвердил свой прежний рассказ, уточнив некоторые детали...

Эту ночь она помнила смутно. Узкая, длинная, как вагон, комната с обшарпанными обоями, топчан, табуретка. Врач сделал укол, и ей стало немного легче. Принесли какую-то бурду в металлической миске и кусок хлеба. Она пожевала немного и снова прилегла на топчан. В голову лезли всякие мысли, путались, обрывались и снова появлялись. Перед глазами все время стояли ребята. Строгий Соловьев хмурился, был чем-то недоволен. Неунывающий Головков шутил, пытался обнять, а Якимчук укоризненно качал головой и повторял одну и ту же фразу: «Эх, Галина, Галина... Как же это так получилось?..» Потом она видела мать и отца. Грустные, они стояли на перроне и махали вслед увозившему ее на фронт поезду. Она открывала глаза и всматривалась в темноту. За узким окном шумел в деревьях ветер. Где-то в деревне одиноко выла собака. За обоями шуршали мыши. Страх не покидал ее ни во сне, ни наяву, он сжимал сердце, теснил грудь. Она поворачивалась на бок, клала под щеку ладошку и пыталась уснуть. Но как только закрывала глаза, снова видела ребят. Вот они садятся в лодку и плывут к противоположному берегу. Речка широкая, вода темная, большие волны ударяют в борта лодки... Они идут лесом, ураганный ветер качает деревья и наклоняет их до самой земли... Огромная черная машина, и около машины убитые ребята лежат рядом, как патроны в обойме. Кругом немцы стоят и хохочут. Подводят Афанасия Денисовича: Галина вскрикивает, просыпается. На дворе уже светло. Она подходит к окну. Нет, это не сон. Окно выходит в огород. Галина видит не убранную еще картошку, свеклу, мокрую землю и начинает вспоминать, что ночью шел дождь и громко стучал в окно. За окном стояло пасмурное угрюмое утро.

В городе, куда отвез Галину переводчик утром следующего дня, ее снова допрашивали. Вопросы были похожи на вчерашние: где она жила до войны, кто ее родители, в каких частях служила, кто и как ее готовил к заброске в тыл... Она отвечала по легенде. Ей недавно, перед началом войны, исполнилось двадцать лет. Она единственная дочь у родителей. Отец у нее — бухгалтер, а мать — парикмахерша. После десятилетки хотела поступить учиться в театральное училище в Москве, но провалилась на вступительных экзаменах, тогда поступила в Гомельский педагогический институт. Почему в Гомеле? В Гомеле жила до войны тетка, позвала к себе. Жила у тетки и училась. В первые дни войны их дом разбомбили. Тетка погибла. Она со студентами рыла окопы. Их бомбили. Сначала они шли целой компанией, потом все разбрелись кто куда. Позавчера их было еще трое. Они ночевали в какой-то деревне, в сарае. Утром ее две подруги отказались идти дальше: ноги в кровь растерли. Она пошла дальше одна...

Капитан был приторно вежливый, предупредительный. Он внимательно слушал, кивал и чуть заметно улыбался. Его вежливость и противная улыбка на бледном сухом лице настораживали, и она все время была начеку. Она начинала осваиваться в новой ситуации. Первый, очень сильный удар она выдержала. Шок миновал. И она чувствовала, что полностью контролирует себя, свои мысли, поступки. Она может и должна бороться до конца...

Вечером допрос повторился. Капитан задавал те же вопросы, только, может быть, задавал их не в той последовательности, как днем, по-другому ставил их. Также внимательно выслушивал ответы Галины, кивая при этом головой и улыбаясь. Когда Галина рассказывала о том, что она очень любит театр и в институте участвовала в художественной самодеятельности, капитан жестом руки прервал ее и рассмеялся. Он долго смеялся, потом сказал:

— Это очень интересно, но об этом потом. Вы очень хорошая девушка, девушка-романтик. Сейчас вам, девушка-романтик, надо обрести покой и забыть вчера.

Калитку в высоком заборе открыла женщина лет пятидесяти, высокая, худая. Она заговорила с лейтенантом, который привез Галину, по-немецки. В глубине сада виднелся дом, куда вела выложенная

плитками дорожка. В окнах дома приветливо горел свет. Поговорив с женщиной — Галина хоть и знала немного немецкий, но из разговора поняла только то, что этот разговор шел о ней, — лейтенант тут же сел в машину и уехал. Женщина повела Галину в дом.

— Меня зовут Анна Карловна, — сказала она.

— Галина.

— Хорошо, Галина. Тут будет твой дом, твоя квартира.

Галина стояла посреди небольшой квадратной комнаты с круглым столом, накрытым белоснежной скатертью. Хозяйка открыла боковую дверь.

— Это будет твоя комната. Но ты будешь сейчас мыться. Там все для тебя приготовлено.

Потом они ужинали. Хозяйка интересовалась, кто она и откуда. Галина не знала, как ей себя вести, и отвечала невнятно. Наконец хозяйка это заметила и сказала:

— Ну, хорошо. Ты, вероятно, устала. Тебе надо отдохнуть, успокоиться.

У дверей лежала огромная овчарка. Положив морду на лапы, она изредка посматривала на Галину. Хозяйка недвусмысленно дала понять, что уйти из дому незамеченной или убежать невозможно. Этому помешают и овчарка и охрана. После ужина она проводила Галину в ее комнату и пожелала спокойной ночи.

Галина проспала почти сутки. Когда на кухне, куда ее позвала хозяйка, Галина попробовала узнать, зачем ее привезли сюда и что она должна будет здесь делать, хозяйка ответила:

— Тебе лучше знать. Мне герр лейтенант сказал, чтобы ты отдохнула и потом будешь помогать мне содержать дом. Это все. — Сказано это было таким тоном, который не допускал продолжения разговора на эту тему.

Поздно вечером приехал капитан. Хозяйка провела Галину на вторую половину дома, где был оборудован кабинет. Капитан пригласил ее сесть и снова приступил к допросу.

— Меня зовут Фурман, а теперь, фрейлейн, расскажите все о себе, как ваша настоящая фамилия, имя, отчество, кто вы и зачем появились в деревне Дайнова? Все подробно и только правду.

— Я уже рассказывала вам, — начала Галина и повторила подробно все то, что она говорила раньше. Фурман сидел молча, курил и внимательно наблюдал за ней. Когда она закончила, он улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, фрейлейн, вы не считаете меня наивным или глупым человеком? Неужели вы и в самом деле думаете, что я поверю сказке, которую вы нам рассказываете вот уже, кажется, третий раз? — После паузы он сказал: — Пусть будет так, Галина. В конце концов это может быть и настоящее ваше имя. Все остальное — сказка про белого бычка. Так у вас говорят?

— Но я сказала вам правду.

— Хорошо. Не хотите говорить правду, не нужно. Мы не будем больше вас допрашивать. Мы, немцы, уважаем достойных врагов. А красные достойные враги. Вот и вы, Галина, воевали против великой германской армии и ее фюрера Адольфа Гитлера, собирали военную информацию о немецких войсках, шпионили. Как я должен поступить с вами? Отпустить не имею права, это противоречило бы законам военного времени.

— Не понимаю, герр капитан, о каком шпионаже вы говорите. Я студентка и шла домой...

— Не надо больше рассказывать, не надо. — Фурман достал из стола бутылку вина и две рюмки. Налил, одну поставил перед Галиной, другую приподнял: — Давайте лучше выпьем за наше знакомство.

— Спасибо, я не пью вина.

Фурман выпил и продолжал:

— А как вы объясните, что у разведчиков, которые были в лесу около деревни, мы нашли рацию и вещмешок с женскими вещами? Рация и вещи принадлежали вам. Собака взяла след. Радисткой в группе были вы. Вы утром вышли из того леса. Наш человек видел это. Дальше. Гомель в наших руках, и мы выясним, учились вы там в институте или нет. Наконец, через несколько дней германская армия возьмет Орел, и мы узнаем, кто ваши родители и действительно ли вы из Орла. Ну так как, может, отпустить вас на все четыре стороны? Вы возвратитесь к своим и будете смеяться над нами. «Вот немцы — дураки», — скажете вы и снова с другой группой будете заниматься шпионажем против нас. Так? Так. Остается одно — расстрелять.

— За что же расстреливать меня, герр капитан? Я не знаю никаких разведчиков. Я шла домой. — Галина достала платок и поднесла к глазам.

— Но, но, не надо плакать. Я просто советуюсь с вами. Мы не хотели бы лишать вас жизни. Вы молоды, красивы. — Фурман встал, налил стакан воды и поставил перед Галиной. — Но если реально смотреть на вещи, то положение ваше серьезно. Вообще-то выход есть. — Он сделал паузу. — Как вы посмотрите на то, если я вам предложу работать на великую германскую армию?

* * *

По делу Прихожана Кленов вызвал Андреева и Иванюту вместе. Докладывал Андреев. Когда он изложил фактическую сторону дела, подполковник сказал:

— Это факты. А выводы, предложения?

— Мы думаем так, — Андреев посмотрел на Иванюту, — В плену Прихожан по нашим подсчетам находился двое-трое суток, не больше. За это время его могли завербовать и дать ему шпионское задание.

— Это, конечно, наше предположение, — поскольку он скрывает факт своего пребывания в плену, — заметил Иванюта.

— Да, предположение, — продолжал Андреев, — но серьезно подготовить и дать ему, непроверенному агенту, на связь других агентов? Это маловероятно. Вряд ли также можно допустить, что он довоенный гитлеровский агент. Основания для подобной версии у нас нет.

— Да, полагать, что он может быть значительной фигурой в этой игре, вряд ли целесообразно. Что же вы предлагаете?

— Исходя из этой посылки, предлагается Прихожана пригласить к нам и допросить. Было бы это мирное время, можно бы и не трогать, посмотреть на его дальнейшие действия, но...

Прихожан был небольшого роста, о таких говорят неказистый. Во время беседы он, особенно вначале, предстал весьма строптивым и нерассудительным. Он очень обиделся, что его оторвали от дел, он стал в позу. Разумеется, его пребывание в окружении в вину ему никто не ставил. Его только попросили хорошо все вспомнить и рассказать, не упуская деталей, которые порой кажутся на первый взгляд мелочами. По-видимому, он все же был сильно взволнован, встревожен, хотя внешне это не очень проявлялось.

Он, видно, понял, что Андреев, который беседовал с ним, знает о его пребывании на оккупированной территории больше, чем он предполагал. Тогда он все рассказал.

Бой за деревню Дубки закончился не в нашу пользу. Контратака, которую организовал полковник из оперативного управления, тоже захлебнулась. Во время боя подошло несколько немецких танков и бронетранспортеров, которые и решили исход боя. Когда все кончилось, его в числе других военнопленных немецкие автоматчики привели в деревню. Перед этим всех обыскали, отобрали оружие, документы, личные вещи. Загнали на скотный двор, поставили часовых. Потом построили, отделили командный состав, погрузили в грузовую автомашину и под усиленным конвоем повезли в какой-то крупный населенный пункт. Там посадили в темный, сырой подвал, каждого в отдельную камеру. Вызывали на допрос всю ночь и весь день.

На вторую ночь, часов в одиннадцать-двенадцать, Прихожана вызвал гитлеровец в штатском. Он водрузил на нос очки, пристально посмотрел на Прихожана и сказал по-русски:

— Садитесь, капитан медслужбы Прихожан.

— Благодарю, — проронил несмело Прихожан и сел на стул, стоявший на некотором удалении от стола.

— Я обер-лейтенант Вестгоф. Зовут меня Валериан Аполлонович. Я родился и жил в России. Из дворян, правда, оскудевших последнее время. Потом эмигрировал. Ну-с, приступим к делу, капитан, времени у нас, сами понимаете, мало. Не будем разводить дипломатию. Ваши документы вот передо мной, на столе. Здесь указаны все ваши данные. Так что тратить на это время не будем. Должен заметить, у вас выбор не большой. Вы сейчас берете ручку и подробно отвечаете на поставленные там, в вопроснике, вопросы: о месте дислокации в настоящее время вашей части, в данном случае штаба фронта, армий, входящих в состав фронта, состоянии войск, наличии вооружения, техники, боеприпасов, о базах снабжения, об офицерах штаба. Все, что знаете, только правду. Если у вас будет что добавить от себя, кроме указанных вопросов, пишите. Это вам зачтется. Если же, по каким-либо соображениям, вы не найдете возможным ответить на поставленные вопросы, вас расстреляют. К утру. Я прикажу. Третьего, к сожалению, предложить не могу.

Прихожан сначала отказывался, ссылаясь на свою неосведомленность, на то, что он занимался хозяйственными вопросами в госпитале, ведал снабжением. Вестгоф молчал и улыбался. Потом он позвонил. Вошел здоровенный солдат. Одной рукой он приподнял Прихожана за воротник, другой стул поставил к столу и толкнул Прихожана на стул. Тот плюхнулся и взял ручку.

После того, как он заполнил вопросник, его несколько часов никто не трогал. Он даже поспал немного. Потом дали ему кусок хлеба и полкотелка супу. Днем часовой снова увел его на допрос, на сей раз его допрашивал капитан Фурман, тоже говоривший по-русски, но с заметным акцентом. Он одобрил поведение Прихожана в плену, заметив, что его показания в основном соответствуют имеющимся у них данным.

— Это дает основание надеяться, капитан Прихожан, что вы будете помогать нам создавать новый строй в России. Если вы согласны, вас немедленно отпустят к своим и вы будете работать на великую Германию, находясь там, у красных. — Последнюю фразу капитан Фурман произнес даже с некоторым пафосом и при этом поднял вверх указательный палец.

— Но, господин капитан, — Прихожан попытался что-то возразить, но Фурман перебил его:

— Сдача в плен, господин Прихожан, свидетельствует о непрочности ваших убеждений, о желании спасти свою жизнь. Как у вас говорят, спасти свою шкуру. — При этом Фурман довольно засмеялся и продолжал: — Между нами говоря, у вас есть один шанс спасти свою жизнь — это стать дейчагентом и работать на Германию. Других шансов нет.

Заключительный разговор с Прихожаном вел снова Вестгоф. Прихожану предстояло, возвратясь в свое расположение и пройдя проверку, устроиться на свою прежнюю должность во фронтовой госпиталь. Вести себя осторожно, добросовестно выполнять свои служебные обязанности. Слушать, что говорят между собой командиры, запоминать, знакомиться с документами, при возможности копировать их. Собранную информацию передавать человеку, который будет приходить к нему. Он будет его, Прихожана, руководителем. Обусловливались время и место встреч.

— Его указания — это указания капитана Фурмана, — подчеркнул Вестгоф. При первом знакомстве руководитель должен был обратиться к Прихожану со словами: «Если не ошибаюсь, мы с вами встречались

когда-то в парке в Гомеле?» На это требовалось ответить: «Да, в Гомеле я родился и жил до войны».

На следующий день Вестгоф привез Прихожана в деревню, недалеко от линии фронта, и на прощанье сказал:

— Сейчас обстановка благоприятствует вашему возвращению к своим: многие русские выходят из окружения.

Прихожан провел ночь в каком-то сарае, а рано утром нашел попутчиков и стал пробираться через линию фронта.

— Как же вы выполняли свои обязательства перед Фурманом и Вестгофом? — спросил Андреев.

— Я с этим не торопился, решил тянуть время. Две встречи уже пропустил. На первую, которая намечалась в начале месяца, не мог пойти, был в отъезде. На вторую не пошел.

— Почему к нам не пришли?

— Гм... Почему? Боялся, потому и не пришел к вам.

— Следующая встреча?

— Во вторник на следующей неделе. На почтамте...

Задачу «Смелому» ставил Кленов сам. Когда все вопросы, касающиеся задания по разведке в тылу, были обговорены. Кленов сказал:

— Теперь о разведгруппе Соловьева. Судьба этой группы для нас, сам понимаешь, безразлична. И не только по чисто человеческим соображениям. Любые данные о ней для нас будут представлять интерес. Попытайся выяснить хотя бы, кто была эта девушка и какова ее дальнейшая судьба...

* * *

Рынок в тяжелые годы оккупации — место знаменитое в городе. На толкучке можно услышать новости, можно встретить разных людей. Но для разведчика это место опасное. Там обычно шныряют полицаи, сыщики, агенты гестапо, часто бывают облавы и проверки документов, а угодить разведчику в облаву совсем ни к чему. И все же, бывая в городе, «Смелый» наведывался на толкучку.

Галину он раньше не встречал, знал ее только со слов знавших ее людей и по фотокарточке, которую дал ему Андреев, снабдив на всякий случай надписью на обороте:

«Кого люблю, тому дарю. Леше на долгую память. Тося».

«Смелый» узнал ее сразу. Она ходила между рядами с корзиной следом за длинной пожилой женщиной. Женщина торговалась, покупала продукты, купленное клала в корзину, и они шли дальше. Девушка ни на шаг не отставала от впереди шедшей женщины. Закупив кое-какие продукты, женщины покинули рынок и направились мимо станции, на окраину города. «Смелый» шел за ними на некотором удалении до тех пор, пока они не скрылись в калитке в высоком деревянном заборе. Это было в воскресенье. Видел он ее и в среду и в пятницу — в базарные дни, на том же рынке.

Надо было постараться узнать все об этом доме. И он решился. В следующее воскресенье на рынке, уловив момент, он подошел к девушке сзади и сказал тихо:

— Привет тебе, Галина, от Сергея Петровича. — Она встрепенулась и с испугом обернулась. — Спокойно. Нужно встретиться или передай письмо мне здесь в следующий раз. Опиши все. Буду ждать.

— Встретиться не могу. Меня одну не выпускают. Напишу письмо... — шепнула она.

В среду ее не было на рынке, и «Смелому» пришлось поволноваться. Письмо она передала только в пятницу. В нем описывалось все, что произошло с группой, и с ней тоже. О себе она писала:

«Сначала меня допрашивали, потом перестали. Не знаю почему. Живу сейчас у Анны Карловны — хозяйки большого дома, выполняю обязанности прислуги. Живу здесь третью неделю. На второй половине дома живут шесть молодых мужчин. Я их не видела и не знаю, кто они. Обеды для них готовит хозяйка и сама их кормит. Я только помогаю стирать, стираю и глажу для них белье. К нам в дом почти ежедневно ездит капитан Фурман, который меня допрашивал. Он предложил мне работать на германскую армию. Что он имел в виду, какую работу, я точно себе не представляю. И еще бывает в доме господин Вестгоф. Но они бывают больше на второй половине дома».

Заканчивалось письмо вопросами:

«Как мне быть? Как вести себя, что сказать, если будут снова предлагать работать на них?»

«Смелый» передал об этом в Центр, который разрешил Галине дать согласие.

Галина понимала, что, хотя ее и оставили в покое, не допрашивают больше, о ней помнят, больше того, с нее не спускают глаз. Фурман, когда приезжает к ним, всегда улыбается, спрашивает:

— Как идет дело, фрейлейн Галина? Как жизнь? — и, не слушая ее ответа, продолжает: — Ты красивая девушка, все будет карашо. Старайся.

Вестгоф относился к ней покровительственно.

— Ты, если что нужно, обращай ко мне. Только будь откровенна, ничего не скрывай от меня. Мы же с тобой русские, свои люди. Ты на меня не обижаешься, что тогда пришлось тебя допрашивать? — попытывался он. — Сама понимаешь — служба.

Спрашивая, он пристально смотрел ей в глаза. На прощанье долго тряс руку и наставительно поучал:

— Ты тут води себя прилично. К тебе все хорошо относятся. Герр капитан Фурман о тебе хорошего мнения. Будь благодарной. — Галина кивала в знак согласия. Она начинала входить в роль. Не зря же она хотела когда-то стать артисткой...

Если раньше Галина боялась встречи с Фурманом, то сейчас она ждала возобновления прерванного тогда разговора.

Разговор на этот раз был продолжен не Фурманом, а Вестгофом, который долго и нудно говорил ей о великой освободительной миссии германской армии, о благе, которое несет эта армия народам. Ее счастье, что она встретила на своем пути таких людей, как Фурман и сам он, Вестгоф. Они сделали для нее много, оказали ей доверие, но и она должна постараться оправдать это доверие.

— Я стараюсь, Валериан Аполлонович, на меня не может обижаться Анна Карловна. Я все делаю так, как она велит.

— Да я не об этом, — поморщился Вестгоф. — Речь идет о другом. Ты помнишь последний разговор с герр капитаном?

— Помню.

— Твое положение серьезнее, чем ты думаешь. Сегодня ты должна ответить нам окончательно, согласна ли ты с нами работать?

— Что я должна буду делать?

— Да или нет?

После продолжительной паузы она выдавила из себя: «Да, согласна».

* * *

Небольшое приземистое помещение вокзала было многолюдным, но притихшим. Пассажиры сидели над своими узлами, чемоданами и кошелками, разместившись кое-как на скамейках и прямо на полу. Тускло блестела под потолком единственная лампочка.

Андреев прошел по залу, переступая через протянутые ноги и узлы, стараясь не задеть дремавших, измученных дорогой людей, заглянул в кабинет к начальнику станции. В кабинете никого не было. Возвращаясь к выходу, он еще раз внимательно осмотрел находившихся в зале пассажиров. Эта уже стало его профессиональным навыком. Его внимание привлек лейтенант с петлицами артиллериста, дремавший на скамейке. Он сидел спиной к входной двери, между стариков и молодой женщиной. Лейтенант был не единственным военным в зале, но бросился в глаза Андрееву именно он. То ли его черные петлицы в то время, когда все военные носили полевые защитного цвета, то ли слишком сжатые в гармошку новые хромовые сапоги, но Андреева он явно заинтересовал. Направляясь к выходу и делая вид, что не обращает на него внимания, он в то же время обдумывал, как лучше проверить у лейтенанта документы. Андреев вышел на перрон и тут увидел в его дальнем конце патруль. Андреев узнал офицера комендатуры и окликнул его. Патрульные остановились, и старший лейтенант подошел к Андрееву.

— Вы уже были здесь на станции?

— Да, были.

— И документы проверяли у пассажиров?

— Проверяли.

— Когда это было?

— Часа три тому назад. Сразу как заступили на дежурство.

Они вошли в вокзал. Андреев показал глазами в сторону лейтенанта и тихо спросил:

— Был лейтенант на станции, когда проверяли документы?

— Нет, кажется, не был. Не помню такого.

Андреев попросил старшего патруля проверить документы у военных, а лейтенанта пригласить к начальнику станции.

Через некоторое время дверь открылась, и в кабинет, где сидел Андреев, вошел лейтенант, а за ним старший патруль. Бойцы-патрульные остались в зале. Старший патруль положил на стол перед Андреевым документы лейтенанта, который остановился в двух шагах от стола. На одутловатом лице лейтенанта, кроме естественного выражения недовольства тем, что его разбудили и потревожили, ничего другого прочесть было нельзя.

Перед Андреевым лежали удостоверение личности и командировочное предписание. На первый взгляд они были в полном порядке.

— Куда едете, лейтенант Брюханов? — спросил Андреев, внимательно рассматривая документы.

— В Горький, товарищ капитан. В командировке указано.

— Давайте, лейтенант, все ваши документы остальные, какие есть.

— Это что, обыск?

— Ну зачем, же? — стараясь быть спокойным, ответил Андреев.

— Пожалуйста, — зло сказал Брюханов и, сунув руку за борт шинели, в тот же миг выхватил пистолет и выстрелил в Андреева. Пуля, взвизгнув, ударила в стену. В следующее мгновение он рванулся в дверь.

Когда Андреев выскочил на перрон, лейтенант достиг уже стоявшего на путях товарняка. Еще секунда — и беглец скроется. Раздумывать было некогда. Андреев прицелился и выстрелил. Убегавший дернулся и стал медленно оседать на землю, не выпуская из рук поручней.

Андреев подбежал к нему, держа в руке пистолет.

Опустившись на колено, он взял руку лежавшего на боку у подножки вагона вражеского лазутчика и тут же опустил. Тот был мертв.

Во вторник на почтамте с Прихожаном встретился интендант третьего ранга Гусев, который утром с разрешения начальника штаба полка по делам службы выехал в город. Быстро управившись с делами, он помылся в бане, а затем направился на почтамт. Но пришел туда раньше намеченного срока. Сидел на скамейке в сквере, просматривал газету. Заметив Прихожана, подошел к нему не сразу, а какое-то время выждал. Разговор длился всего две-три минуты, и сразу Гусев уехал к себе в часть.

Прихожан рассказал, что после обмена обусловленными фразами Гусев сердито спросил:

— Почему не приходили на явку?

— Так получилось, не мог вырваться, служба...

— Служба... Больше так не делайте. Что нового?

— Новости есть, я все написал, но побоялся взять с собой.

— Ладно. В пятницу я заеду в госпиталь, передадите. Только без фокусов. Договорились?

— Договорились.

Гусева решили пока не трогать. Исходили из того, что у него, кроме Прихожана, возможно, есть еще кто-то. Глаз, конечно, с него не спускали.

Случай на станции всерьез беспокоил работников отдела Кленова. Не сам по себе случай. На войне бывает всякое. Беспокоило то, что ничего не было ясно.

— Надо же было тебе, Сергей Петрович, убивать этого Брюханова, — с досадой заметил Кленов. — Ну ранил бы, и то было бы легче.

— Сам не знаю, как получилось, и целился вроде в ноги, а попал...

— Вот тебе и попал. А сейчас гадай, кто он, к кому шел, сколько их?

— Кстати, меня не было эти дни. Иванюта доложил вам, товарищ подполковник, что часть, указанная в документах лазутчика, есть в соседней армии, но его самого нигде не было и нет?

— Доложил. Это я знал и без доклада, что документы у него липовые.

— А может, он к Гусеву шел? — рассуждал Андреев.

— Не исключено, — после паузы сказал Кленов. — Усильте наблюдение за вокзалом, почтой, за всеми пунктами, указанными в плане. Держите это дело под неослабным контролем. О проводимых мероприятиях докладывайте ежедневно.

События развивались гораздо быстрее, чем могли предполагать Кленов и Андреев. Из особого отдела позвонили и передали, что вчера к их оперработнику обратилась девушка из фронтовой продовольственной базы и попросила сообщить о себе Кленову или Андрееву. Назвала себя Ольгой. Девушка появилась на базе недавно.

Андреев выехал немедленно и к обеду был уже там. Под Ольгой у них значилась Галина. Но идти к Галине Андреев не спешил. За ней могли наблюдать.

Встретился он с ней только вечером следующего дня.

* * *

Без малого месяц жила Галина в доме на окраине города. Хозяйка была всегда с нею ровной, приветливой, а после того, когда Галина согласилась работать на германскую армию, даже услужливой. Но Галина чувствовала, что Анна Карловна не спускает с нее глаз.

Вестгоф привез ей несколько модных платьев, две пары новых туфель, духи, пудру и кольцо. Галине ничего не оставалось, как притворяться довольной и даже счастливой. Знали бы Фурман и Вестгоф, что творилось в эти минуты в ее душе!

Потом их познакомили. Брюханов, одетый в форму советского лейтенанта, пришел на женскую половину. Приехал Фурман и Вестгоф. Они вместе ужинали, затем инструктировали. Ей предстояло работать с Брюхановым вначале информатором, а затем радисткой. Не трудно было догадаться, что подготовка подошла к концу, вскоре их перебросят за линию фронта, в тыл советских войск. Галине очень хотелось, чтобы скорее наступил этот день, но в то же время она понимала, что переживает весьма ответственный момент во всей этой игре с огнем.

Ранним октябрьским утром Галина покинула дом на окраине. На полевой аэродром ехали в машине Фурмана, хозяин машины сидел за рулем, рядом с ним Вестгоф, а на заднем сидении — она и Брюханов. На аэродроме состоялся последний инструктаж. Ночью самолет, в котором летели Галина и Брюханов, поднялся в воздух и взял курс на восток...

Опустились они на опушке леса в темноте, но пока собирались, закапывали парашюты, пока Брюханов ориентировался, на востоке начало сереть. Шел мелкий дождь перемешку со снегом. В лесу было сыро и

неуютно. К утру вышли к шоссе, и тут буквально через несколько минут на дороге появилась полуторка. Брюханов поднял руку, машина остановилась. Подбежав к кабине, он что-то сказал сидящему там рядом с шофером командиру, затем помог Галине забраться в кузов, залез сам, и машина тронулась по направлению к городу. Не доезжая города километра три, Брюханов соскочил и, набросив на плечо вещмешок, ушел в сторону деревни по проселочной дороге. Когда собирался уходить, он сказал Галине:

— Ты поезжай с ними дальше. Я сказал ему, что ты беженка, жена командира. — На недоуменный взгляд Галины он бросил: — Обо мне никому ни слова. Сам найду тебя, когда понадобится.

Полуторка рванулась с места и на большой скорости, объехав город стороной, помчалась дальше по шоссе. Галина даже вздремнула, удобно устроившись в кузове на сене и куче пустых мешков. Когда она открыла глаза, машина стояла в лесу, у ворот каких-то складов. Командир, который ехал в кабине, забрался на колесо и, держась за борт, говорил Галине:

— Обождите меня здесь в машине. — Потом спросил: — Вы действительно беженка, жена командира?

— Да, — сказала Галина.

— Ну хорошо, — сказал он, — Я попытаюсь помочь вам. Спрошу, может быть, у них тут на базе найдется для вас работа.

— Пожалуйста. Я буду вам благодарна.

— Благодарить будете потом. А сейчас ждите здесь, — сказал он, затем прыгнул на землю и скрылся во дворе базы. Прошло, наверное, час или больше. Прибежал боец и велел ей следовать за ним. Потом с ней беседовали в штабе базы, проверили документы и оставили работать.

— Ну как, все в порядке? — спросил ее, встретив на дворе базы тот, с которым она ехала в машине.

— Да, в порядке. Спасибо вам.

— Ну вот и чудесно. Устраивайтесь. Желаю вам успеха в работе. Надеюсь, еще увидимся...

Шли дни. Галина работала на базе. К ней никто не приходил, и она никуда не могла отлучиться. Это было запрещено. Какие же увольнения во время войны? Нужно было дать о себе знать в отдел Кленова. А как это сделать? Понимала, конечно, что ее могли проверять, могли и наблюдать за ней.

Однажды под вечер, когда она усталая — они рано начинали работать и работа была нелегкая — возвращалась к себе в землянку, на ее пути повстречался военный.

— Здравствуйте, — сказал он. — Не узнаете? — Она остановилась и подняла голову. Перед ней стоял солидный, уже немолодой человек в шинели со шпалой в петлице и в шапке-ушанке.

— Я вас не знаю, — ответила Галина.

— Ну как же? А кто вам помог устроиться на работу?

— Это вы? Простите, я вас не узнала. Тогда вы были в плащ-накидке, шел дождь...

— Отойдите в сторону, — сказал он повелительно. Галина последовала за ним, не понимая, что ему от нее надо. Остановились. Военный назвал пароль, который дали ей там, и дальше сказал, что Брюханов не придет, его отозвали обратно. Ей следует продолжать работать здесь. Слушать и запоминать все. Главное — представители каких частей бывают на базе, о чем ведут разговоры, в общем все то, о чем ей говорили там, во время подготовки. К следующему разу он привезет рацию и спрячет в одной из пустующих землянок, которых здесь много.

— Начнем с вами работу. Нужно будет передать собранные данные и условимся на дальнейшее...

Галине только сейчас стало ясно, почему так удачно получилось тогда с попутной машиной. Все это было не случайное стечение обстоятельств. Но что же делать? Как сообщить об этом своим? Не скажешь же обо всем этом первому встречному.

Интендант ушел, как будто растворился в наступающих сумерках. Галина шла к себе в землянку и думала, как ей поступить. Надо было что-то предпринимать.

На другой день, после встречи с интендантом, Галина увидела, как к девушкам, работавшим невдалеке от нее на переборке картофеля, подошел политрук. Они о чем-то весело говорили.

— Кто это? — спросила Галина у своей напарницы.

— Уж не влюбилась ли новенькая? — пошутил кто-то.

— А если и влюбилась?

— Это не базовский. Из особистов, — ответила серьезная пожилая Татьяна Ивановна, тетя Таня, как ее звали здесь девушки.

В тот же день Галина сообщила о себе политруку и попросила срочно передать об этом в отдел Кленова.

На следующий день капитан Андреев приехал на базу.

Андреев достал несколько фотокарточек и положил в ряд перед Галиной на столе. На одной из них она сразу же опознала Брюханова. Все сходилось.

Галина вопросительно посмотрела на Андреева, но ничего не спросила.

— Неправду сказал тебе интендант, Галина, — сказал Андреев, собирая обратно фотокарточки в портфель. — Не отозвали немцы Брюханова обратно и уже не отзовут. Это точно. — И после паузы продолжал: — Скоро все кончится, Галя. Еще день-два, максимум неделя. Интендант заявится, и поставим на этом точку. Только никаких волнений. Придет интендант — делай то, что он будет приказывать.

Андреев отечески улыбнулся.

— Все будет хорошо.

— Понятно, Сергей Петрович, — облегченно вздохнула Галина...

— Вы что-то отвлеклись, мой дорогой, и, вероятно, забыли, что ваш ход, — вывел меня из размышлений Сергей Петрович. — Да и чай у нас остыл.

— Да, нет, не забыл, хожу, хожу, — спохватился я. — Вот только куда? — Конечно же, я совсем забыл и о шахматах, и о чае тоже, так увлек меня рассказ Сергея Петровича. Мысленно я находился далеко отсюда, там на фронтовой базе с капитаном Андреевым и девушкой Галей в ту тяжелую осень сорок первого, которая удалась от нас, сегодняшних, уже более чем на три десятилетия.

— Ну и как, Сергей Петрович, взяли этого интенданта?

— Взяли, это точно. А как же иначе? Шпион оказался осторожным и хитрым. Все вроде мы рассчитали точно. Во время радиосеанса, когда Галя готовилась выходить на связь и нарочно возилась около рации, мы решили — пора, и к дверям. А в это время он надумал проверяться, и мы столкнулись с ним чуть ли не лбами. Он и успел выстрелить в меня. Продырявил правое легкое насквозь. Повалялся я в госпитале тогда.

— А как же Галя? — не унимался я. Сергей Петрович задумался.

— Да, не все в тот первый раз обошлось гладко, — продолжал он, казалось, не обратив внимания на мой вопрос — Опыта не хватало и нам, и разведчикам. Ребят жалко. Очень уж хорошие ребята были. Ну, а Галя? Девушка оказалась смышленной и не из робкого десятка. Потом еще дважды направляли ее в тыл противника. Второй раз дело было без меня. Я в госпитале находился. А последний, третий, раз снова мне пришлось организовывать операцию. Галя отлично справилась с заданием. Наградили ее. Сейчас она Галина Кирилловна. Муж у нее тоже бывший разведчик, вся грудь в орденах. Живут и работают на Камчатке в леспромхозе. Вырастили двух сыновей... После войны сама отыскала меня. Регулярно поздравляем друг друга с праздниками. Вот и это поздравление от нее. В гости приглашает. Надо бы съездить, обязательно надо, да все как-то не соберусь...

Сергей Петрович умолк. Анна Васильевна предложила еще чаю, но я отказался. Время было позднее, да и хозяина заметно утомили воспоминания о прошлом. Я поблагодарил его, пожелал супругам Андреевым спокойной ночи. Сергей Петрович улыбнулся и дружески пожал мне на прощанье руку.

Александр Казицкий СОЛДАТЫ ДЗЕРЖИНСКОГО

В начале 1942 года в итоге успешного наступления войск 3-й и 4-й ударных армий в районе Витебска был разрезан фронт противника на стыке его 16-й и 9-й армий. Наша 4-я ударная армия заняла выгодное положение.

В феврале — марте 1942 года по заданию НКВД СССР при непосредственном участии и поддержке командования, политотдела и отдела контрразведки «СМЕРШ» 4-й ударной армии Калининского фронта на участке обороны Кресты — Усвяты в тыл немецко-фашистской группы армий «Центр» было направлено свыше 10 специальных лыжных отрядов, хорошо вооруженных и снабженных радиостанциями. Они состояли из добровольцев — спортсменов, студентов, молодых рабочих и колхозников, представителей науки и просвещения, прошедших подготовку в отдельной мотострелковой бригаде особого назначения войск НКВД СССР. Командовали ими чекисты. О нескольких эпизодах борьбы этих отрядов мне и хотелось бы рассказать.

На запад от Смоленска отходят две железнодорожные линии — на Оршу и на Витебск, третья, идущая из Ленинграда на юг, пересекая их, образует треугольник «Смоленск — Витебск — Орша», направленный своим острием через Смоленск к сердцу России — Москве. Не нужно быть большим специалистом, чтобы оценить его стратегическое значение. Отсюда шла прямая дорога на Москву, В этом небольшом по площади районе размещались крупные армейские штабы, многочисленные службы, резервы, аэродромы.

Зимой 1941—1942 года гитлеровцы и их пособники чувствовали себя в этом районе спокойно. Партизан там почти не было. Днем и ночью воинские эшелоны на больших скоростях шли к фронту. Тяжелые «бюссинги» с солдатами и офицерами, юркие «оппели» сновали по Минскому шоссе. А рядом на глубине семидесяти сантиметров под землей пролегал кабель связи, по которому передавались шифрованные телеграммы немецко-фашистских войск.

Советскому командованию крайне важно было знать, что происходит в Смоленском треугольнике и за его пределами, где враг сосредоточивает свои резервы. Нужно было нарушить снабжение и переброску вражеских войск, деморализовывать оккупантов, вместе с тем требовалось поднять дух советских людей, оказавшихся под пятой врага, показать им, что Родина о них не забыла, вдохновить их на борьбу с фашистами.

На военных картах леса всегда зеленые, реки синие. На зеленые просторы, пересекая реки и болота, легли красные карандашные стрелки. Они начинались где-то у Старой тропы, шли мимо Слободы, Демидова, Каспли и врезались острыми концами в Смоленский треугольник.

Судьба первого отряда, проникшего в этот район, была трагична. Каратели его обнаружили, начали преследование. И около деревни Марьино Лиознянского района Витебской области он почти весь погиб. Обмороженные, обросшие, почерневшие от чада костров уцелевшие бойцы с трудом выбрались из вражеского тыла.

29 марта 1942 года в треугольник проник наш отряд, носивший кодовое название «Грозный». Командовал им 23-летний коммунист лейтенант Озмитель Федор Федорович. Лейтенант рыл молод, и вся его биография умещалась на неполных двух страницах командирского блокнота: сын бедняка, трех лет остался без отца, с семи лет работал подпаском. Мать одна из первых в селе вступила в колхоз. Подпасок сел за школьную парту, а через несколько лет стал учителем. Правда, образование было небольшим, но учителей не хватало. Пришла пора призываться в армию. Стал Федор пограничником, а затем курсантом Ленинградского училища НКВД. Выпуск состоялся в 1941 году, и сразу — передовая.

Отряд «Грозный» состоял, из молодых, необстрелянных бойцов. Большинство москвичи: подрывники Гриша Демидов и Петя Антипов, пулеметчики Иван Пешков, Валентин Зорин, радист Семен Будницкий. Снайпер Гергард Симон — русский, родившийся в Берлине, стрелок Арон Гуревич, детдомовец — оба воспитанники московского завода «Калибр». Стрелки Саша Матюхин и Семен Солонининкин — рязанские ребята, инструктор — подрывник Николай Макаров, посланец Пензенского комсомола. Опытных было меньше. Иван Белов, Исаак Грудский и Иван Петрушин, бывшие окруженцы, уже прошедшие боевую школу в специальном партизанском отряде чекиста Дмитрия Медведева, а неунывающий младший лейтенант пограничник Николай Пеньков, туляк, до войны комсорг управления канала «Москва-Волга» воевал с белофиннами на Карельском перешейке.

«Грозный» тоже был обнаружен врагом. Но молодой лейтенант-пограничник сумел перехитрить гитлеровцев. Он вывел отряд из Гусинского леса в открытое поле за деревней Толкачи Руднянского района и спрятал бойцов в чуть заметное ложбинке. Снег припорошил лыжню и людей. Каратели обшарили все соседние леса и деревни, но поискать лыжников в открытом поле не догадались...

Согласно заданию Центра отряд Озмителя обосновался на границе двух областей: Смоленской и Витебской, в лесном массиве возле деревни Озеры Дубровенского района. Наступила весна — самое тяжелое время в лесу: кругом вода, на бойцах сухой нитки нет, липкая грязь хуже самого глубокого снега. А тут продовольствие кончилось. В ближайших деревнях и селах пособники оккупантов — полицаи, в поселках и на станциях — фашистские гарнизоны.

Начали с полиции. Ее громили в первую очередь. Отряд установил связь с местными жителями. Нашлось продовольствие, десятки новых помощников. Смоленские комсомолки Галя Меерович, Ольга Рылова,

учительница Вера Кандратьева, пожилые белорусские колхозники Александр Воронецкий, Егор Василенков, Павел Марачев и многие другие стали разведчиками. Они ходили в соседние села, пробирались на железнодорожные станции, под носом врага ремонтировали оружие. Семен Ладохин из деревни Шарино по заданию Озмителя вступил в полицию и предупреждал наших бойцов о всякой опасности. Однажды Ладохин пришел к начальнику волостной полиции в деревне Ольша:

— Скоро с партизанами воевать, а твои лоботрясы с оружием обращаться не умеют! Буду учить. Я-то в армии служи.

И стал Ладохин регулярно приходить в Ольшу и «обучать» полицейских.

— Сначала, — говорил, — научу вас неполной разборке. А потом произведем полную.

Обучение шло успешно, и Семен показал полицейским, как полностью разобрать винтовку. Внимательно проследил, чтобы каждый открутил все, до последнего винтика, и вдруг вспомнил:

— Мне же надо в Скворцы! Я мигом!

Как только он ушел, в заброшенную церковь, где полицейские «изучали» оружие, ворвались пятеро озмителейцев:

— Руки вверх!

Полицейские покорно подняли руки.

Затем наступила очередь оккупантов. В первомайские дни решили пустить под откос первый эшелон, это поручили Вале Лазареву, Грише Демидову и двум местным партизанам-проводникам из деревни Пески.

Дни были холодные. Дул сильный ветер.

Трое суток пробирались подрывники по лесам и болотам, обходя вражеские гарнизоны. В ночь на 29 апреля подошли к железнодорожной насыпи около станции Заольша на перегоне Витебск — Рудня. Целый день, сидя в кустах, изучали систему охраны. А ночью выползли на насыпь. Но их постигла неудача. Советские самолеты бомбили железную дорогу. Движение транспорта было приостановлено. Весь следующий день подрывники продолжали изучать систему охраны, огневые точки и подступы к железной дороге.

Наступила вторая ночь. Местные партизаны остались в охране, а Лазарев и Демидов поползли к насыпи. Их заметили. В воздух взвились ракеты. Насыпь как бы ожила: вспышки выстрелов, трассирующие пули, треск пулеметов и автоматов. Пришлось отходить. В ночь следующего дня опять было тревожно. Ракеты освещали местность. Опять трассирующие пули, как светлячки, проносились вдоль насыпи. И все же подрывники смогли подобраться к полотну железной дороги. Установив под рельсой мину-лягушку, бойцы отошли под грохот приближавшегося эшелона. Раздался характерный щелчок, но взрыва не последовало... Эшелон удалялся на Смоленск. Что делать? Оставить мину до утра? Но ее могут обнаружить, и тогда усилят охрану. Тащить взрывчатку назад в лагерь? В это время вновь послышался характерный гул рельсов: со стороны Витебска приближался воинский эшелон. На этот раз решили использовать капсулю противотанковой гранаты. Едва подрывники отошли, раздался взрыв, лязг платформ, летевших под откос.

Уходить дальше от места крушения стало трудно. Впереди поднятый по тревоге вражеский гарнизон. Кругом вода выше колен. Спасают сучья, оставшиеся от заготовки леса. Замаскировавшись, бойцы заняли круговую оборону в ледяной воде болота и просидели так до следующей ночи. Тем временем каратели, не обнаружив партизан, прекратили их поиск. Спустя двое суток измученные, мокрые и голодные наши товарищи благополучно возвратились на базу.

Позднее разведка донесла, что подорванный эшелон состоял примерно из 50 платформ. Около 30 были загружены, автомашинами, остальные ящиками с боеприпасами. Движение поездов на этом перегоне приостановилось на 20 с лишним часов.

Отряд рос. К нам шли местные жители, окруженцы, люди, считавшиеся «пропавшими без вести». Начинался отряд с двадцати шести человек — стало свыше ста. Могло быть и больше. Но Озмитель брал не всех. Многих направляли в местный отряд, командиром которого стал белорусский чекист Никандр Талерко, комиссаром Евдоким Мельников — председатель Руднянского райисполкома.

Следом за «Грозным» в треугольнике появился еще один отряд, командовал которым пограничник Михаил Бажанов. Он состоял из спортсменов, дружных, сильных ребят. Имена многих были известны в стране: тяжелоатлет Владимир Крылов, боксер Сергей Щербаков, футболист Георгий Иванов. С появлением бажановцев чаще загорелись взрывы на оршанской линии и Минской автодороге.

В мае в район дислокации «Грозного» прибыл из-за линии фронта специальный отряд «Сокол». Его командир — Николай Соколов — сразу же установил контакт с Озмителем, вместе громили вражеские гарнизоны, вели бои с карателями.

На востоке треугольника в Гусинском лесу обосновались отряды под командованием чекистов капитана Григория Хвостова и майора Якова Шпилевого. А дорогу Орша — Витебск контролировали бойцы спецотряда «Фаза».

Жизнь оккупантов и их пособников в этом районе стала невыносимой. Взрывы гремели совсем недалеко от штаба генерал-фельдмаршала Клюге, командующего армейской группой «Центр».

Гитлеровцы вынуждены были усилить охрану дорог. Вдоль насыпи вырубался лес, появились кирпичные будки и дзоты. Круглые сутки по шпалам шагали патрули. Ночью движение эшелонов почти прекращалось. Резвый бег поездов сменился неторопливым пыхтением: чем выше скорость, тем больше вагонов летит под откос при взрыве. Горячие поборники блицкрига стали усваивать простую истину: тише едешь — дальше

будешь. Пропускная способность железных дорог резко снизилась. А диверсии продолжались. Стальной треугольник рвали изнутри и снаружи. И эхо взрывов отдавалось в сердцах людей, которых фашисты хотели превратить в покорных рабов, убедить в незыблемости «нового порядка».

Боевая дружба крепко спаяла воинов-чекистов. Она родилась у дымных костров, когда делили последний кусок хлеба, под плотным огнем, когда пробирались к железнодорожному полотну. В мае Зина Чернышева, фельдшер отряда «Грозный», бросилась в горящий дом, чтобы вытащить смертельно раненного бойца Вальо Лазарева. Шестеро бажановцев: младший лейтенант Борис Галушкин, Сергей Щербаков, Виктор Правдин, Павел Маркин, Иван Головенков, Алексей Андреев, голодные, измученные, несли тяжелораненого товарища Степана Насынова по вражеским тылам за линию фронта. Озмителивцы младший лейтенант Иван Петрушин, бойцы Владимир Кочергин, Василий Калганкин, Николай Фотин, Сергей Мишкин вместе с местными партизанами в июле доставили из треугольника во фронтовой госпиталь Леонида Горшкова. И Насынов и Горшков были спасены.

Ранней весной семь бойцов из отряда Хвостова пробрались в узкий промежуток — всего метров 800 — между Витебским шоссе и железной дорогой около станции Рудня. Здесь их застал рассвет. Укрывшись в яме, поросшей кустарником, решили ждать темноты. Но немцы их обнаружили, открыли огонь и стали обходить со всех сторон. Но вдруг на краю ямы появились продолговатые серые ящики, на них лег человек. Фашисты прекратили стрельбу, видимо, решив, что он хочет сдаться. Стали приближаться к нему, держа автоматы наизготовку. Человек взмахнул рукой. Мощная волна оглушительного взрыва разбросала фашистов. И пока уцелевшие солдаты пытались что-либо сообразить, шестеро бойцов выскочили из ямы и скрылись. Так ценой собственной жизни старший сержант Александр Нахмансон из 1-го полка ОМСБОНа, студент Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана, спас жизнь своим товарищам.

На железной дороге Смоленск — Орша есть станция Красное. Однажды там с бидонами молока появились наши разведчицы Галя Меерович и Ольга Рылова. На путях стояли воинские эшелоны. В дверях теплушек, на платформе — всюду были видны солдаты и офицеры. Девушки ахнули: фашисты были одеты в красноармейскую форму.

— Ясно, — сказал Федор Озмитель, выслушав взволнованный рассказ разведчиц, — гитлеровцы готовят провокацию.

На следующее утро на стол начальника управления в Москве легла радиограмма:

«20 мая 1942 года в 7 часов 30 минут через станцию Красное со стороны Орши на Смоленск прошли два эшелона. Люди одеты в форму командного и политического состава Красной Армии. Один в форме генерала... «Грозный».

Комиссар государственной безопасности взял карандаш и на уголке радиограммы написал:

«Срочно предупредить товарища Жукова...»

Подразделение, которое разведчицы видели на станции Красное, возглавляли ярые энтээсовцы, состоявшие на службе в гитлеровской разведке.

Диверсанты под видом красноармейцев, выходящих из окружения, должны были проникнуть в расположение находившихся в тылу врага частей 4-го воздушно-десантного корпуса генерала Казанкина и конно-механизированной группы 1-го гвардейского корпуса под командованием генерала П. А. Белова, захватить последнего со штабом в плен, возглавить руководство войсками и попытаться склонить их к переходу на сторону немецко-фашистских войск. Даже если бы эта операция не удалась, диверсанты и их хозяева надеялись внести панику в наши войска. Этот план, благодаря сообщению Озмителя, потерпел провал.

Так состоялось знакомство с первым вооруженным формированием, созданным фашистской разведкой из перебежчиков и дезертиров. Этому формированию фашисты дали провокационное название «Русская народная национальная армия». В секретных же документах врага «РННА» именовалась «Зондерфербанд Граукопф» — «Особая часть «Седая голова». Находилась она в ведении Гелена и его ближайшего помощника Эриха Наука, а на фронте подчинялась начальнику разведывательно-диверсионной «Абверкоманде — 2-Б» подполковнику Геттинг-Зеербург Вернеру, штаб которого дислоцировался в Смоленске.

В зондерфербанде готовили шпионов, диверсантов, провокаторов, террористов различных мастей для борьбы с партизанским движением и засылки в глубокий тыл Советской Армии.

На Витебщине, вдоль опушки Щербинского лесничества, раскинулись деревни Новая Земля и Гичи. С южных окраин этих деревень, в районе железнодорожного разъезда Шуховцы хорошо просматривалась автомагистраль Москва — Минск и железная дорога Орша — Смоленск. Именно здесь партизаны чаще всего устраивали засады.

Во второй половине июля 1942 года для пресечения партизанских действий сюда прибыла рота первого батальона гарнизона «Москва» так называемой «Русской народной национальной армии». Командовал ротой некто Григорьев.

Федор Озмитель, посоветовавшись с командирами отрядов Никандром Талерко и Николаем Соколовым, принял решение попытаться склонить роту «РННА» на переход к партизанам. В нашем отряде воевал партизан Марченко. Его жена жила в деревне Новая Земля. Ниточку связи с деревней мы использовали для изучения людей этой роты. Вскоре записка Федора Озмителя через третьи руки попала к командиру роты Григорьеву. Наше командование дорожило связными и теми, кто помогал вести разведку в стане врага. Поэтому в записке, переданной Григорьеву, излагалось предложение о бесконтактном способе связи и условиях перехода роты на

сторону партизан.

Встреча командиров была назначена на двенадцать часов дня. Озмитель прибыл ранее назначенного времени. Находившиеся на месте разведчики доложили командиру, что противник усилил боевую готовность. Это настораживало.

Озмитель приказал приготовиться к возможному бою.

В назначенный час партизанские парламентарии просигналили о начале переговоров. Однако не успели они дать условный сигнал, как раздался минно-пулеметный залп.

— Огонь по провокаторам, — последовала команда Ф. Озмителя.

Как выяснилось позднее, Григорьев, получив записку Озмителя, немедленно переслал ее своему командованию и дальнейшие действия проводил по указанию штаба «РННА». Вскоре после этого, опасаясь возможного разложения, роту отозвали в расположение гарнизона. Так безрезультатно окончилась первая попытка установить связи с «РННА». Однако неудача не огорчила партизанских командиров. Они стали искать новые пути сближения.

— Вот что, Никандр Иванович, — обращаясь к командиру местного отряда лейтенанту Талерко, сказал Озмитель, — укрепите партизанскую оборону со стороны деревень Гичи — Новая Земля — Шеки, а мы усилим разведку.

10 августа 1942 года в деревне Марково неожиданно появились двое одетых в незнакомую военную форму. Это были делегаты: офицер и солдат. Офицер, статный чернобровый парень, был мрачен. Федор Озмитель пригласил его в штабную избу. Разговор был не из приятных. Что мог сказать чекист человеку, изменившему своему гражданскому и воинскому долгу. Озмитель решил вместе с этим офицером передать новую листовку в расположение «РННА» с предложением перейти на сторону партизан.

Во второй половине дня 11 августа 1942 года взводы в полном боевом составе снялись и вышли якобы для организации засады против партизан.

Погрузив на подводы 12 пулеметов, 3 миномета, боеприпасы, радиостанцию, продовольствие и другое ротное имущество 69 человек вышли из деревни Новая Земля. К вечеру перебежчики прибыли в деревню Марково. Командир роты, выстроив солдат и приложив руку к козырьку, отрапортовал Ф. Ф. Озмителю:

— Товарищ командир! Солдаты и офицеры третьей роты первого батальона гарнизона «Москва» из «Русской народной национальной армии» в количестве 69 человек добровольно прибыли в ваше распоряжение. Докладывает бывший старший лейтенант Максютин Михаил Андреевич.

Федор Озмитель внимательно обошел строй. Затем, обращаясь к Максютину, жестко ответил:

— Вам я не товарищ. Вот скоро предстоят бои с карателями. Сможете кровью искупить свою вину перед Родиной. Тогда не только товарищами, может, и друзьями станем. Это полностью относится и к солдатам, перешедшим с вами на сторону партизан. Что касается оружия, то оно останется при вас, — закончил Федор Озмитель.

8 августа 1942 года командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал пехоты фон Шенкендорф отдал секретный приказ о проведении в августе 14 карательных операций против партизан.

Самая крупная из этих операций планировалась в западной части треугольника Смоленск — Витебск — Орша и носила кодовое название «Гриф». Задача этой операции состояла в том, чтобы тремя полками дивизии, усиленными танковыми и артиллерийскими подразделениями, бронепоездами, бомбардировочной авиацией, командами службы, безопасности и военно-полевой жандармерии, уничтожить партизанское движение в этом районе.

10 августа начальник штаба группы армий «Центр» Вёллер довел до сведения подчиненных войск совершенно секретный приказ Главного командования сухопутных войск германской армии, в котором говорилось, что борьба с партизанами и охрана оперативного района рассматривается как часть боевых действий и что командующие группами армий и начальники тыловых районов несут полную ответственность за проведение необходимых мероприятий в этих районах.

Озмитель не случайно говорил о предстоявших боях. По его инициативе в те дни в деревне Заволище Руднянского района собрались партизанские командиры Константин Заслонов, Михаил Антоненков, Николай Соколов, Никандр Талерко, Евдоким Мельников, Виктор Манохин, Евгений Осипов и другие товарищи.

Совещание приняло решение о совместных боевых действиях против карателей. Около 120 партизан во главе с Озмилем заняли оборону вдоль леса в районе белорусских деревень Новая Земля, Гичи, Щербинское лесничество. Отряд Соколова получил задачу встретить противника на рубеже деревень Соловьи — Махначи — Волково — Марково. Бригада Бойко, так стал именоваться спецотряд «Фаза», занял оборону с северной стороны леса, напротив руднянских деревень Волково — Задевалы. Далее по линии Коты — Дряголи — Пезолы расположились партизаны бригады Константина Заслонова. Рядом стоял отряд Антоненкова.

Со стороны Осинторфа около деревень Озеры — Шеки оборону заняли бывшие солдаты «РННА» во главе с Максютиним.

Наступило 16 августа. День был солнечный, теплый. Воздух прозрачен и чист. Партизанская застава вовремя заметила противника. Вереницы автомашин с гитлеровцами мчались по Минской автомагистрали. По сообщениям конных разведчиков каратели также двигались и с севера по большаку, со стороны местечка

Любавичи, охватывая в этом районе лес с двух сторон.

Партизаны могли незаметно выйти из «котла». Это соответствовало бы правилам партизанской войны. Но в тылу отряда стояли партизанские бригады. Совет командиров решил без боя с противником не отступать, ибо даже короткий бой даст возможность другим партизанам подготовиться к встрече с врагом и избежать внезапного удара с тыла. Озмитель принял решение первым ударить по автоколонне врага.

Когда фашисты показались у деревни Кисели, навстречу им вышли автоматчики Михаил Махров и Филипп Клускин. Скрытно пробравшись на окраину деревни, они в упор обстреляли головную автомашину, вызвали панику и скрылись. Это были первые потери врага на участке партизанской обороны.

Лейтенант Озмитель находился возле ветряной мельницы, на западной окраине Киселей, откуда хорошо просматривалась местность. Он хладнокровно наблюдал за продвижением противника.

Оценив выгодность партизанской заставы, находившейся на опушке Киселевского леса, командир решил повторить обстрел карателей на марше. От ветряной мельницы до опушки леса партизаны добирались по-пластунски. А дальше уже каждая тропинка хорошо известна. Еще бросок, и мы у своих оседланных лошадей. Сюда же отступили и автоматчики, Озмитель дал им задание отходить вдоль опушки леса, не выпуская противника с поля зрения. А мы галопом поскакали на заставу. Здесь уже приготовились к бою. Показались автомашины карателей.

— Пушку! — коротко приказал Озмитель.

Это была гордость отряда: 45-миллиметровая пушчонка, подобрали ее в Гусинском лесу, в болоте без колес и ударника. Ударник выковал кузнец Егор Василенков. Правда, у пушки не было прицельного приспособления...

Пушка уже неслась на самодельных колесах, подсакивая на ухабах. Добрый серый конь вскачь тянул телегу, на которой лежали ящики со снарядами.

Не успели артиллеристы развернуть орудие, как моментально все, кто был рядом, превратились в орудийный расчет. Поскольку прицела у пушки не было, наводили на цель через открытый ствол. Первые же снаряды взметнулись у фашистских автомашин. Из строя был выведен станковый пулемет с расчетом. Солдаты горохом посыпались на землю. Новые снаряды догоняли метавшихся карателей.

Боевые столкновения, навязанные партизанами, стихли лишь к 20 часам. С наступлением сумерок как-то внезапно наступила тишина. Ни единого выстрела, ни лая собак...

В течение ночи Ф. Озмитель объехал все заставы. С рассветом прискакали в деревню Марково. Обессиленные, голодные, оставив лошадей у крыльца, мы зашли в дом Поляковых — штабную избу. Усталость буквально валила с ног. Мы забылись тревожным сном.

Разбудили взрывы артиллерийских снарядов.

Под прикрытием артиллерии каратели пошли в наступление на партизан. Потери предыдущего дня вынудили их изменить тактику боевых действий!

Они выставили впереди себя сотни солдат и офицеров из формирования «Зондерфербанд», которые гнали перед собой жителей окрестных деревень. Так начался второй день карательной операции «Гриф».

Юркая партизанская пушечка металась с одного рубежа на другой, трескали пулеметы, немилосердно пожирая боеприпасы.

Во второй половине дня каратели дополнительно ввели в бой восемь танков, танкетки, бронемашины с установленными на них 37-миллиметровыми пушками. В лес проникли вражеские лазутчики-автоматчики...

Дальнейшее организованное сопротивление было нецелесообразным.

— Отходим в глубь леса, — распорядился Озмитель.

Это было 17 августа 1942 года. Наступал вечер, стужались сумерки. Уставшие и голодные, стараясь не шуметь, партизаны осторожно раздвигали ветви кустарника, пробираясь сквозь чащу в глубь леса, где рассредоточились на группы и скрывались в трудно проходимых кустарниках и болотах.

Каратели, окружив лес плотным кольцом, установили на просеках пулеметы. Артиллерия методически обстреливала лесной массив.

От просеки к просеке гитлеровцы шли густой цепью с истошным воплем:

— Рус, сдавайсь! Рус, сдавайсь!

Над верхушками деревьев кружили самолеты. Озмитель быстро понял, что каратели боятся попасть под огонь собственной артиллерии. Он уводил партизан вперед за удалявшимися разрывами снарядов.

Так продолжалось две недели. Уничтожить партизан фашисты все же не смогли. Отряд «Грозный» остался на своем участке и продолжал действовать. В разгар карательной операции группа подрывников пустила под откос очередной вражеский эшелон, девятый по счету.

События, о которых рассказано в этом очерке, были лишь эпизодами партизанской борьбы в Смоленском треугольнике. Гитлеровцы жгли села, убивали женщин, детей, стариков. Они стерли с лица земли Шарино и Марково и много других деревень. Но погасить пламя партизанской борьбы не смогли.

На место ушедших отрядов приходили другие — 16-я Смоленская бригада (комбриг И. Р. Шлапаков), партизанский полк Садчикова, и борьба разгоралась с новой силой.

По-разному сложились судьбы воинов-чекистов, сражавшихся в треугольнике Смоленск — Витебск — Орша в 1942 году.

Весной 1943 года Озмитель вторично был направлен в тыл врага. Воевал на территории Витебской и

Минской областей. Рядом с ним действовал чекистский отряд лейтенанта Бориса Галушкина.

В июне 1944 года в районе озера Палик гитлеровцы окружили крупные силы партизан. Враг стремился уничтожить их до начала наступления Красной Армии. С каждым днем кольцо сжималось все теснее и теснее. Осталось одно — прорыв.

В ночь на 15 июня 1944 года ударные колонны прорыва возглавили коммунисты Федор Озмитель и Борис Галушкин.

Партизаны смогли вырваться из окружения, но на поле боя возле деревни Маковье Борисовского района Минской области остались оба командира и около трехсот партизан — участников прорыва блокады.

5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение специальных заданий командования в глубоком тылу противника и проявленную при этом отвагу и героизм группе чекистов было присвоено звание Героев Советского Союза.

Имя старшего лейтенанта Федора Федоровича Озмителя стояло в одном ряду с героями-чекистами Олегом Бычком, Станиславом Ваупшасовым, Борисом Галушкиным, Николаем Кузнецовым, Виктором Карасевым, Виктором Лягиным, Евгением Мирковским, Владимиром Молодцовым, Николаем Михайлашевым, Валентином Неклюдовым, Николаем Прокопюком, Михаилом Петровым и Александром Шиховым.

Алексей Вергунский

СЛУЧАЙ НА ВЗМОРЬЕ

ПОРУЧЕНО ТЕБЕ...

Гайлитис откинулся на спинку кресла и посматривал на Круминя, читавшего документ о предстоящем приезде Велты в Ригу. Дочитав до конца, Круминь ознакомился с резолюцией, выведенной четким почерком:

«Не исключено, что она прибывает в Ригу по заданию иностранной разведки. Примите необходимые меры. Доложите, кому поручено вести дело Велты...»

Круминь перевел вопросительный взгляд на Гайлитиса, и тот ответил:

— Ты хорошо знал Гунара и его жену Аусму, поэтому дело их дочери Велты решено поручить тебе.

Круминь медленно повернулся к Гайлитису. На его волевом, решительном лице появилась тень растерянности:

— М-да... — протянул он приглушенным голосом. — Тесен мир, Альберт, тесен. На своем опыте убеждаюсь — тесен.

Поднялся из-за стола, достал сигарету, закурил и отошел к окну. Стоял он, высокий, ссутулившийся, и Гайлитису впервые бросилось в глаза, как заметно постарел Круминь.

Приказ заняться делом Велты всколыхнул у Круминя чувства, которые он порой скрывал от самого себя, воскресил в памяти страницы жизни, считавшиеся уже давно забытыми. И тут дело было не столько в Велте, сколько в ее матери Аусме и отце Гунаре. С их семьей у Круминя сложились особые отношения, и ему трудно было еще раз вмешаться в жизнь Аусмы. Он попытался осторожно отказаться от дела Велты.

— Может быть, попросить, чтобы поручили кому-либо другому заняться делом Велты? — глухо сказал он.

Гайлитис не понял. Ему показалось, что он ослышался. Круминь отказывается? Такого никогда не бывало.

— Почему? — мягко спросил он, видя замешательство друга.

Круминь повернулся от окна, хотел было что-то сказать, но сдержался. Гайлитис по-своему понял его состояние. «Устал старик, — подумал он, — устал. Видимо, отдохнуть захотел, а я не проявил заботы, оказался черствым начальником. Однако кому же поручить дело Велты? Ведь только один Круминь близко знает Аусму, и это может сыграть важную роль во всем деле». Он решил успокоить Круминя, взял под руку, прошелся, и это обоим напомнило те далекие годы, когда перед выходом на задание из партизанского отряда в Ригу они вот точно так же ходили по лесу вдвоем, давая друг другу советы, а то и просто молчали.

Круминь рассказал о довоенном знакомстве с Гунаром, о том, что они были когда-то соперниками, и о многом другом, что, по его мнению, требовало «самоотвода» в деле Велты.

— Понимаю тебя, — ответил Гайлитис, — понимаю. Но дело Велты поручить другому нельзя. — Посмотрел в печальные глаза Яниса, продолжил: — Дело Велты ты проведешь отлично.

Понял Круминь, что Гайлитис решение не изменит. А Гайлитис взял его за плечи, потряс, словно намеревался стряхнуть сомнение, вернуть уверенность.

— Тогда вопрос ясен, — ответил Круминь, — пожелай удачи.

И снова, как в прошлые годы, они обменялись традиционным:

— Ни пуха, ни пера.

— Пошел к черту, — ответил Круминь и дружески толкнул Гайлитиса в плечо. Он понимал, что задание выполнять надо.

К НЕЙ ЕХАЛА ДОЧЬ...

Не спалось Аусме, она подымалась с постели, накидывала на плечи халат, открывала окно и подолгу стояла у него, вдыхая свежий морской ветер. Телеграмма Велты: «Мама, встречай завтра, поезд № 1, вагон № 4» — взбудоражила ее. Нельзя сказать, что приезд Велты был неожиданным. Она сама оформляла приглашение и все же, чем меньше оставалось времени до встречи, тем сильнее волновалась.

К ней ехала дочь, которую она потеряла еще девочкой. Казалось, потеряла навсегда. Но вот судьба после долгой разлуки возвращала ей Велту. Какая она теперь?

Аусма отходила от окна, брала в руки фотокарточку улыбающейся молодой женщины, жадно рассматривала ее.

«Доченька моя», — шептала она, прижимая фотокарточку к груди.

Больше двадцати лет ждала Аусма Велту. Чувствовала, что, став взрослой, она сама во всем разберется и уйдет от Гунара. Тоска по матери должна привести ее домой — так полагала Аусма. Снова посмотрела на фотокарточку, подумала, что едет к ней уже взрослая женщина, а не та пятилетняя девочка, которую накануне войны в 1941 году обманым путем увез с собой из дому Гунар.

О, Гунар, сколько несчастья внес он в ее жизнь! С первых и до последних дней их совместной жизни он

так и не стал любящим супругом, заботливым отцом семейства. У него была своя жизнь, которой отдавал все свое свободное время. Сколько Аусма помнила, он был постоянно занят, то выпивками с друзьями, то сборищами айзсаргов¹. Дома появлялся, чтобы переодеться и снова куда-то исчезнуть. Быстро летели годы, один за другим появились дети, а счастье в семью так и не пришло. Особенно обострились их отношения после июля 1940 года, когда в Латвии была восстановлена Советская власть. Аусма обрадовалась этому событию, а Гунар воспринял его враждебно, путался с какими-то подозрительными людьми, домой возвращался усталый и злой. Узнав, что Аусма бывает на митингах, жадно читает газеты и с радостью слушает сообщения радио о первых шагах Советской власти в Латвии, предупредил: «Смотри, не стань большевичкой. Скоро их вешать будем. Моя рука не дрогнет!..» — хлопнул дверью и ушел из дому.

Грозное предупреждение Гунара на какое-то время сдержало Аусму, но бурлящий поток новой жизни все же захватил ее. Как-то в школе, где она работала учительницей, появился Круминь, друг ее детства. Разыскав ее в классе, ни о чем не спрашивая, положил на стол перед нею две брошюры, сказал: «Прочитай. Завтра поедем в депо Засулаукс. Выступишь перед рабочими и расскажешь о школьном образовании в Советском Союзе. Скажешь, что так и в Латвии будет». Улыбнулся, крепко пожал ей руку и ушел.

На следующий день Аусма выступила. Это был один из самых памятных дней в ее жизни. Потом она выступала на заводах, фабриках, мастерских и чувствовала, как правда о Советском Союзе зажигает сердца люден, и в то же время замечала, что общение с рабочими обогащает ее саму. Появилась уверенность в себе, в своих силах, домашние невзгоды отошли на второй план. Но вновь пришел Гунар и, как всегда, грубо сказал: «Все выступаешь? Красной стала? Советую прекратить. И перестань путаться с этим Круминем. Запомни, болтаться ему на виселице. С ним висеть захотела? Повесим!» И больше ни слова, будто бы и в дом пришел лишь для того, чтобы сказать только это.

Раньше, когда Гунар грубил, Аусма сдерживалась, не обостряла отношений, чтобы не слышали их ссор дети, но сейчас молчать уже не могла. Сознание правоты того дела, которому начала служить, придавало ей силы, и впервые за время совместной жизни с Гунаром она ответила:

— За совет спасибо, но выслушай и мой.

Гунар непонимающе уставился на нее. Аусма говорила тихо, но в каждое слово вкладывала всю силу осознанной независимости.

— Если хочешь жить в семье, ходить на воле, то советую порвать с айзсаргами, этими фашистами. Иначе я вынуждена буду... Впрочем, ты понимаешь, о чем я говорю. Будет ли на виселице Круминь — не знаю, но тебе тюрьмы не миновать!

— Ты... Ты думаешь, что и кому говоришь? — захлебнулся Гунар и направился к жене с угрожающе поднятыми кулаками. Аусма не испугалась и с вызовом смотрела в побелевшие от злости глаза мужа.

— Остынь! — властно потребовала она. — Подумай!

Гунар остановился перед нею в нерешительности. Такой свою жену он еще ни разу не видел.

— Та-а-ак, — протянул он, медленно опуская руки и тяжело дыша. — Значит, кто кого?

— Лучше бы по одной дорожке ходить, — примирительно ответила Аусма.

— Никогда! Никогда по одной дорожке с большевиками не пойду! — дал волю гневу Гунар. — Тесна для меня с ними эта дорожка. Не только дорожка. Мир тесен! — прокричал он в исступлении, потрясая кулаками, и забегал по комнате, как разъяренный зверь. — Они отняли у отца магазин, национализировали банк, где были наши деньги! Они сделали нас нищими! И ты советуешь идти с ними по одной дорожке? Нет уж, иди с ними ты. Ты была нищая, и тебе по пути с этими пролетариями. Я пойду своей дорогой, хоть в петлю, но своей!

Аусме хотелось рассказать Круминю о разногласиях с Гунаром, но она не решилась: в то время во многих семьях случались подобные истории. В общественные и семейные отношения, складывавшиеся годами, ворвалась новая жизнь со своими законами, отличными от тех, которыми люди жили раньше, и не каждый находил свое место в новой обстановке. В Латвии шло размежевание сил, касавшееся не только общества в целом, но и многих семей. Коснулось оно и семьи Аусмы.

19 июня 1941 года Гунар исчез из Риги, взяв с собой Велту и оставив дома записку: «С дочкой уехал к родным отдохнуть». Аусма почувствовала что-то неладное, однако вскоре успокоилась — ведь Гунар и раньше неожиданно уезжал к родителям в Лиепая и брал с собой кого-либо из детей. На третий день после его отъезда началась война. Спасая ребят, Аусма ушла на восток с Красной Армией. Однако не удалось ей сохранить сыновей. Младший погиб, когда эшелон попал под бомбежку, а старший, воевавший в партизанском отряде, освобождавший Латвию от фашистов, был убит в бою под Ригой.

Когда Аусма вернулась домой, ее ждал еще один удар: Гунар бежал с гитлеровцами и увез с собой Велту. Не стало детей у Аусмы, не стало семьи.

И вот к ней ехала дочь!

ПРИЯТНОЕ ЗНАКОМСТВО

Четвертые сутки Велта находилась в Москве и не торопилась ехать в Ригу. Она поступала, как учил отец, — осматривалась, проверялась, вживалась в обстановку. До смертельной усталости ходила по городу,

¹ Айзсарги — латвийские буржуазные националисты.

изучала поведение москвичей, манеру держаться, разговаривать и подражала им. За неделю до вылета в Москву ее снабдили одеждой, изготовленной в СССР, и внешне она ничем не отличалась от москвичек, разве что латышский акцент выдавал ее национальность, но это не вызвало подозрений — в Москве много было приезжих людей не только из союзных республик, но и из-за границы. К ним привыкли, не обращали внимания. «Прежде всего научись держаться, как держатся русские и нынешние латыши», — наставлял ее Гунар, и она старалась следовать его советам, ко всему присматривалась, изучала и невольно сравнивала то, что видела, открывала для себя, с тем, что говорили ей о Советском Союзе, Москве и москвичах.

Народная мудрость гласит, что в споре рождается истина, Велта истину постигала в сравнениях. Ее поражали размах жилищного строительства для трудящихся, низкие цены на продукты, чистота и порядок на улицах города, жизнерадостность москвичей, их уверенность в завтрашнем дне, бесчисленные объявления о приеме на работу, очереди за билетами в театры, концертные залы, за хорошими книгами, удивляли группы стариков-пенсионеров, отлично выглядевших, ухоженных, хорошо одетых, проводивших время за игрой в домино, шахматы на скамейках скверов, парков.

Ей случилось наблюдать отъезд детей в пионерский лагерь, и это потрясло ее до глубины души. Вереница автобусов, наполненных говорливой и шумной детворой, тронулась за город под музыку духового оркестра. Колонну эскортировали милицейские машины, освобождая дорогу от транспорта. Детей везли не только торжественно, почетно, но везли бережно. Она не выдержала, спросила оказавшуюся рядом женщину: «Это чьи дети?» Женщина непонимающе посмотрела на нее, ответила просто, обычно: «Как чьи? Рабочих завода «Красный пролетарий». Для женщины это было привычно, а для Велты равносильно неожиданному открытию.

Перед глазами Велты проходил совершенно иной мир, и он был не тем, в котором она жила сама. Она не идеализировала его, не собиралась поспешно менять свое мнение, но все это было ничтожно по сравнению с тем хорошим, что она видела. Усталая, снедаемая сомнениями, возвращалась она к себе в номер гостиницы «Россия», окном выходивший в сторону Кремля, и часами наблюдала неповторимую картину, открывавшуюся ее взору. Она понимала, что должна выполнить то, ради чего приехала, и не могла отказаться от поездки в Ригу.

* * *

Они познакомились в фирменном поезде «Латвия». Авиационный механик, старшина ВВС, назвавшийся Валентином, и молодая светловолосая женщина по имени Велта.

Велта оказалась весьма интересным собеседником, хорошо разбирающимся в искусстве, музыке, современной литературе Запада. Валентин был приятно удивлен, когда она обнаружила неплохие знания авиационной техники.

— А это откуда у вас? — изумился он.

Велта улыбнулась, назидательно ответила:

— Жена летчика, книжные полки которого заполнены технической литературой, а жизнь его как в части, так и дома состоит из бесконечных разговоров об авиации, обладает знаниями наравне с мужем. Нет, нет, я не преувеличиваю, — уверила она. — Чтобы жить с летчиком, надо жить его жизнью.

Валентину хотелось спросить, почему она разошлась с мужем, но он не решился задать такой вопрос.

— К тому же, — продолжала Велта, — когда-то я окончила три курса авиационного института.

— Вот как? — удивился Валентин. — А почему только три?

— Замуж вышла. А потом назначения мужа, переезды. Так и не пойму до сих пор, кто я. Не инженер, не техник, а теперь уже и не жена.

Мягко постукивали колеса на стыках рельсов, поезд подходил к Риге. Валентин смотрел на Велту и про себя отмечал, что ему нравилась ее манера говорить. Легкий латышский акцент придавал ее голосу мягкость, задушевность. И вообще в ней все было настолько красиво, притягательно, что он невольно подумал: «Мне бы такую жену». Подумал и испугался этой мысли, как пугался ее каждый раз, когда решал связать свою судьбу с женщиной. В семейной жизни он был неудачником. На четвертом году супружества от него ушла жена. Ничего не сказала, только с дороги прислала краткое письмо: «Прости. Больше не могу. Я не любила тебя». И все. С тех пор к мысли о браке он относился осторожно. Жил одиноко, порой до боли тоскливо, и завидовал своим товарищам, сумевшим создать крепкие семьи. Часто заглядывал к ним на огонек, чтобы посидеть, посмотреть на чужое семейное счастье, а придя домой, в опостылевшую холостяцкую квартиру, подолгу не смыкал глаз и думал, думал о той, что поступила так несправедливо и жестоко. Время сгладило боль обиды, но в выборе подруги он стал осмотрительнее. Вот почему неожиданно возникшее желание видеть Велту своей женой и удивило и испугало его, но не исчезло, а наоборот, разжигало интерес к Велте, и он мысленно уже прикидывал, подойдут ли они друг другу.

«Сколько же ей лет? — подумал он и заключил: — Видимо, лет тридцать, но выглядит значительно моложе». И это ему тоже нравилось. Он не верил в любовь с первого взгляда, но сейчас чувствовал, что с ним творится что-то неладное. Давно забытое после разрыва с женой чувство любви как бы возникало вновь к совершенно незнакомой женщине, которая вдруг стала настолько желанной, что он готов был тут же просить руки.

— Что, при ярком свете дня ваша попутчица выглядит не так уж молодо, как при свете лампы? — спросила Велта, заметив изучающий взгляд Валентина.

— Нет, зачем же? Вы молоды и привлекательны при любом свете. Только слегка устали, но это не удивительно. Мы и не заметили, как за интересной беседой промелькнула короткая летняя ночь.

— Да, конечно, — согласилась Велта, — лстить мне не надо. Я действительно устала. Годы уже не те.

Валентин хотел было запротестовать, но не успел.

— Не надо, мой друг, — попросила Велта. — А теперь оставьте меня одну. Я обращусь к зеркалу за красотой. Скоро Рига.

Валентин вышел из купе, закрыл за собой дверь и вскоре услышал, как щелкнул за ним замок, улыбнулся женской осторожности. Прохладный утренний ветер врывается в полуоткрытое окно, забирается за ворот рубашки, приятно освежал тело. «Черт возьми, — думал он, — повезло ведь какому-то подполковнику, которому досталась такая интересная жена. Однако почему же они разошлись?»

ВСТРЕЧАЙ, АУСМА

Круминь приказал шоферу ехать на вокзал, а сам отправился туда пешком. Он любил ходить по улицам Риги, наблюдать людскую сутолоку, поток машин, троллейбусов, автобусов — все, что составляло жизнь города, в котором прошла его молодость, годы подпольной работы в буржуазной Латвии, фашистской оккупации. Он любил раскланиваться с многочисленными знакомыми, с которыми когда-то сводила его судьба, и думать над тем, что волновало его. Не изменил он своей привычке и сейчас. Следуя на вокзал, он думал.

Зачем Велта едет в Ригу? К матери? Почему же тогда не приехала раньше? И долгие годы даже не писала? Подобный приезд заранее готовится, ведется переписка, обуславливается время прибытия. А тут все произошло молниеносно. Одно, второе письмо Велты, затем настойчивая просьба: вызови, приеду, встречай. Почему так вдруг? Что случилось?

Найти ответ на все эти вопросы было невозможно, но Круминь хотел заглянуть несколько вперед. Он вспоминал все, что знал, об Аусме и Гунаре. И если о них знал много, то о Велте практически ничего, разве только помнил ее светловолосой, подвижной и веселой девчонкой, которой так гордилась Аусма. Но это было давно, еще до войны. Какая же она сейчас, что за жизнь прожила, с чем едет к матери?

В самом конце платформы в стороне от встречающих на скамейке сидела Аусма. Пришла она на вокзал давно и в нетерпеливом ожидании то ходила по перрону, то садилась на скамейку, доставала из сумочки карточку Велты, всматривалась в нее, боясь при встрече не узнать дочь. Она не заметила, как подошел Круминь, как на плечо легла его сильная рука.

Не ожидала она такой встречи. С тех пор, как ушла на пенсию, редко навещала бывших партизан, давно не видела и Яниса. Как же он постарел! Морщинки глубоко залегли на уставшем, осунувшемся лице, и только глаза были прежними, ласковыми, добрыми. Сначала ей показалось, что в них затаилась какая-то тревога, но она отбросила свои подозрения, когда Янис широко улыбнулся той улыбкой, которая ей нравилась в далекой молодости, и сказал:

— Это же я, Аусма. Разве не узнала?

Она не могла оторвать от него глаз. Друг молодости, боевой товарищ по партизанскому отряду, был рядом. Да какой друг! Это он в 1943 году отыскал ее в хозяйстве кулака, привел в партизанский отряд и сказал: «Медсестрой будешь, сын твой уже большой. Пусть освобождает нашу Родину от фашистов. Он уже мужчина». И пошла за ним Аусма в партизанский отряд. Не знал Янис, что если бы позвал на край света, то, не задумываясь, пошла бы за ним и туда.

— Как чувствуешь себя? Где работаешь? Все там же? — спросила Аусма.

— Там, Аусма, там.

— Тяжело?

— Тяжело, — признался он.

— Отдохнуть надо. На себя посмотри, о себе подумай.

Янис улыбнулся. Забота Аусмы всегда для него была приятной и тронула его сейчас. Юношеская любовь к Аусме давно сменилась чувством чистой дружбы, большой привязанности. В тяжелые минуты жизни он всегда был с нею рядом. Рискуя жизнью, вынес из жестокого боя ее сына. Мальчик скончался у него на руках, а в пышных волосах Яниса появилась первая седина.

— Благодарю за совет, но отдыхать партизанам еще рано.

— А я здесь Велту жду, — сияла от радости Аусма. — Доченьку мою, помнишь ее? Посмотри фотографию. Вот она какая. Красивая, правда?

Говорила она быстро, будто торопилась сказать все, что накопилось за долгие годы ожидания дочери, и боялась, что Янис не выслушает.

— Едет она ко мне. Поняла все, разобралась во всем сама. Уехала от Гунара. Понимаешь? Я уговорю ее остаться со мной. Она у меня единственная. О, как я ждала ее все эти годы! Как ждала, Янис!

— Я рад за тебя, — поддержал он, и Аусме показалось, что голос его дрогнул, да на какую-то секунду отвел глаза в сторону от ее лица.

— Рад за тебя, — повторил он уже твердо. — Пусть и тебе улыбнется счастье. Ты имеешь на это право. Встречай Велту. Я помню ее совсем маленькой и с удовольствием познакомлюсь. Встречай, Аусма.

Вдали на железнодорожных путях показался поезд, и Янис заторопился.

— Прости, я встречаю друга.

Толпа приезжих и встречающих хлынула по перрону. В потоке людей шла и Аусма. Она крепко держала под руку молодую женщину, вытирала платочком счастливые слезы и никого не видела, кроме своей дочери. За ними шел с чемоданами Велты в руках Валентин.

«Ну, что ж, — отметил Круминь, внимательно рассматривая Велту, — волевое лицо, самоуверенна. В Риге, можно сказать, впервые, но чувствует себя, как дома. Знакомство, кажется, состоялось».

КРУМИНЬ ДОКЛАДЫВАЕТ

Гайлитис отодвинул в сторону лежавшие перед ним на столе бумаги и спросил:

— Ну, как дела с Велтой?

— Сейчас доложу, — ответил Круминь, раскрыл папку с документами.

Гайлитис закурил и сквозь дым, повисший между ними, рассматривал своего друга. Каждый доклад Круминя вызывал у него интерес. Круминь умел сообщать не только отдельные факты, собранные доказательства, вынося их на заключение начальника, но, логически осмысливая все материалы дела, расставлял их так, что они как бы намертво подгонялись друг к другу, неопровержимо подтверждая выдвинутую версию. Отдели, отбрось любой из фактов, воедино связанных Круминем, и рухнет вся стройная система доказательств. Круминь обладал способностью предвидеть развитие событий, и не было случая, чтобы он в чем-либо ошибся, оказался неправ.

Сейчас он должен докладывать материалы на Велту. Полтора месяца прошло с тех пор, как появилась она в Риге. К какому выводу пришел Янис, что намерен предложить? И хотя Гайлитис неплохо знал все материалы, все же надеялся услышать что-то новое, возможно, необычное.

Как бы в подтверждение его мыслей, Круминь начал доклад и впрямь необычно.

— Я всегда придерживался того мнения, — говорил он, — что в нашем деле случайности бывают очень редко. Тот, кто с легкостью отбрасывает добытые материалы, расценивая их как случайные, по моему глубокому убеждению, делает непростительные ошибки. Факты требуют, чтобы к ним относились с уважением и, прежде чем выбросить из дела, всесторонне и глубоко исследовали. Вот, к примеру, неделю назад Аусма передала мне этот черновик телеграммы Велты к Гунару. Как поступить с ним? Выбросить как случайный документ или нет?

Круминь подал Гайлитису исписанный мелким почерком лист бумаги и умолк, не мешая читать.

— Как себя чувствует Аусма? — спросил Гайлитис.

— Она, как и все матери, не замечает в поведении дочери того, что заметно со стороны, — ответил не сразу Круминь. В его голосе улавливались нотки сочувствия и осуждения Аусмы.

— Да, но как же письмо? Не на улице же ты его нашел? — спросил Гайлитис, не соглашаясь с Круминем. Он сам хорошо знал Аусму и готов был постоять за нее перед любым, пусть это будет даже Круминь.

— Сама передала мне, потому что возмутилась откровенной ложью Велты. Обрати внимание на окончание письма. Велта пишет, что Аусма скучает по Гунару и просит его приехать в Ригу.

Гайлитис дочитал письмо до конца.

— Аусма приглашает Гунара? Это невероятно!

— И я так думаю, — поддержал его Янис. — Обрати внимание на следующее весьма характерное обстоятельство. Велта направила письмо Гунару 10 июля. Десятого! А уже 25 июля в одно из министерств республики из-за рубежа поступила неожиданная, но настоятельная просьба — принять в Риге делегацию специалистов не в октябре, как было согласовано и намечено ранее, а в первой половине августа.

— Ну, и что же? — не понял Гайлитис. — Какая здесь связь? Письмо и перенос срока прибытия делегации...

Недоумение Гайлитиса не остановило Круминя. Готовясь докладывать выдвинутую версию, он не рассчитывал на легкое согласие и потому приготовился отстаивать свое мнение.

— Поначалу и я так думал и точно такой же вопрос задавал себе. На первый взгляд, эти два факта как будто связи не имеют. Но это только на первый взгляд. А потом я присмотрелся к некоторым обстоятельствам, и они приобрели определенное значение.

Круминь неторопливо достал портсигар, закурил.

— Почему именно после письма Велты с откровенной ложью о приглашении Аусмой Гунара последовала просьба о досрочном приезде делегации?

Гайлитис, хотя и слушал со вниманием, делать выводы не торопился, ожидая, когда Круминь изложит все, что считает нужным.

А тот продолжал:

— В связи с этим меня заинтересовала одна деталь. Не успела делегация как следует разместиться в гостинице и привести себя в порядок после дороги, как ее руководитель стал настойчиво добиваться дать интервью корреспондентам газет и был весьма доволен, когда оно появилось в «Ригас балсс». На память об этом он взял с собой несколько экземпляров газет.

Круминь вынул из папки газету и положил ее на стол. На второй странице две колонки интервью были

обведены красным карандашом.

— Далее, — докладывал он. — Приехав в Ригу, Велта не интересовалась нашими газетами. Но после того как отправила письмо Гунару, каждый день покупала все газеты па латышском и русском языках. А чтобы киоскер не забыл ей оставить газеты, вручила ему подарок. Сообщение о прибытии делегации, а также интервью руководителя восприняла с радостью и не выдержала, поделилась об этом с Аусмой.

Доклад начал увлекать Гайлитиса.

— В составе делегации есть некто Шредер, — продолжал Круминь. — Все было бы хорошо, если бы не одно интересное обстоятельство: Шредер всячески уклоняется от глубокого обсуждения вопросов по специальности. Наши инженеры называют его «западным болваном» и заявляют, что говорить с ним совершенно не о чем. Создается впечатление, что он посторонний человек в делегации.

Круминь закрыл папку с материалами на Велту, вопросительно посмотрел на Гайлитиса.

— Каковы ваши выводы? — спросил Круминь и ответил: — Я полагаю, что ложь Велты в письме к Гунару — не что иное как условность. Шеф Велты полагал, что такая условность не вызовет ни у кого подозрений, и ошибся. Аусма по Гунару скучать не может! — уверенно закончил он. — Газетное сообщение о приезде делегации в Ригу я рассматриваю как сигнал Велте о прибытии связника. Не напрасно же она стала так внимательна к прессе! А вот кто прибыл связником, надо выяснить. Возможно, Шредер. Это мое мнение, разумеется, предположительное. И еще, самое главное. Мне кажется, что Велта либо уже выполнила задание, либо в ближайшее время выполнит. Ей нужен связник, чтобы передать сведения. Иначе не было никакого смысла затевать приезд делегации.

— Какие сведения? О чем? — спросил Гайлитис. — Судя по твоим докладам, она больше всего времени проводит на даче Аусмы да с этим старшиной Валентином. Какие же сведения она могла собрать за это время?

Круминь, как бы раздумывая над вопросом, ответил:

— Сам об этом думал. И неоднократно. У меня сложилось мнение, что Велту, кроме авиатора, никто больше не интересует. Валентин знакомил ее со своими друзьями из других родов войск, но даже франтоватые моряки не производили на нее впечатления. Надо полагать, привязанность Велты к авиаторам не случайна. Я выяснил существенную деталь, которая, по моему мнению, проливает некоторый свет на привязанность Велты к военным авиации. На аэродроме примерно три месяца осваиваются два новых истребителя-перехватчика. Валентин был на курсах по их изучению в Москве и продолжает осваивать сейчас. Надеюсь, ты не станешь возражать, что дружба Велты с Валентином носит весьма направленный характер?

— Ты ждешь возражений? — спросил Гайлитис после некоторого раздумья. — Их не будет. Как всегда, ты умеешь убеждать. Я с тобой согласен. Теперь надо действовать.

НЕДОЗВОЛЕННОЕ

Валентин сидел за кипой секретной литературы. Ему предстояла кропотливая работа по изучению новых истребителей-перехватчиков, поступивших на вооружение в войска. Чтобы их обслуживать, ему, авиационному технику, надо было знать все до винтика. Валентин диву давался, столько в этих крылатых машинах сосредоточено технических новинок.

По складу характера Валентин относился к той категории людей, которые не способны все схватывать на лету. Ему требовалось время, чтобы изучить материал обстоятельно, что называется, мысленно ощупать каждую деталь, блок, агрегат самолета. Но если он что-то усваивал, то это было накрепко. Его голова надежно сохраняла в памяти все, что достигалось упорным и дотошным трудом, но на этот же раз наука явно не шла ему в голову.

Он старался заставить себя разбирать схемы, запоминать рекомендации по эксплуатации самолетов, возможные неисправности и их устранение, заучивать бесконечное число цифр, от которых рябило в глазах, а прилагаемые усилия желаемых результатов не давали. Все, что он читал, с таким старанием пытался запомнить, в сознании оставалось как бы за полупрозрачной пеленой. Он вроде бы и знал прочитанное и в то же время не знал. В памяти сохранялись какие-то обрывки знаний, которые не воспроизводили полностью изученное. Валентин нервничал, однако ничего сделать с собою не мог. Хотел он того или нет, все же должен был признаться, что такому состоянию была причина — он по-настоящему сильно полюбил Велту.

За полтора месяца она стала для него незаменимым человеком, и он не мог минуты прожить, чтобы не думать о ней. Виделась она ему, чувствовалась рядом в учебных классах, у самолетов, в столовой, общеджитии. Она звала, манила к себе, и он нетерпеливо ожидал конца работы, чтобы бежать к ней, смотреть на нее влюбленными глазами, по-юношески робко держать за руку и говорить, говорить...

Чтобы она не обижалась, не отказалась от встреч, Валентин готов был на все. Он остановил свой выбор на ней и лучшей жены не мечтал иметь. Правда, он еще не разобрался в ее чувствах, не успел понять, насколько они глубоки, но уже то, что она тянулась к нему, искала встреч, его радовало.

Размышления Валентина прервал офицер, объявивший, что через час надо сдать секретную литературу. Валентин растерялся, потому что не успел не только законспектировать, но даже прочитать то, что было необходимо для сдачи зачетов, и начал лихорадочно перелистывать страницы учебных пособий и наставлений. Но чем больше торопился, тем меньше мог сосредоточиться на прочитанном. Он упустил время и не понимал,

что будет отвечать строгому полковнику-инженеру. Он сожалел, что из-за Велты забросил учебу, все свободное время проводил с нею, домой возвращался на рассвете, а рано утром был уже в строю, работал. Если бы такая нагрузка длилась день, второй, выдержать было легко. Но когда недосыпания тянулись больше месяца, то к концу дня усталость валила с ног, и Валентин чувствовал, что сдает. Он думал отказаться от встреч, чтобы позаниматься, отдохнуть, но как только Велта появлялась, отбрасывал эту мысль, уезжал в ресторан, театр и бродил до рассвета по Риге, отвозил ее в Булдури, а сам торопился в часть, чтобы не опоздать на работу. Знал Валентин, что и сегодня она будет ждать его ровно в восемнадцать часов.

Он читал быстро, стараясь наверстать упущенное, но ничего из этого не получалось. И тогда достал из внутреннего кармана записную книжку, воровато оглянулся на сидевших за столами и, убедившись, что каждый из них занят своим делом и на него не смотрит, принялся лихорадочно записывать некоторые сведения о новом самолете. Знал, что делает недопустимое, но сознательно шел на это, боясь провалиться на экзамене. С ним и раньше так бывало. Он часто не укладывался в отведенное для занятий время, не успевал выучить нужный материал и из чувства ложного стыда или болезненного самолюбия, желания выглядеть не хуже других тайком делал в записной книжке пометки, чтобы выучить их позже.

Закончил он записывать, когда был объявлен конец самоподготовки, поспешно спрятал записную книжку в карман и некоторое время сидел в оцепенении. В его сознании боролось два желания. Первое — скорее уйти из класса с записной книжкой в кармане и второе — выйти во двор и сжечь ее пока не поздно.

Страх перед экзаменами взял верх, и Валентин ушел с твердым намерением уничтожить записную книжку позже. Во дворе его окликнул офицер: «Валентин, у ворот нашей обители тебя ждет в такси дама сердца. Торопись, пока я не сдал дежурства. Можешь оказаться третьим лишним». Валентин взглянул на часы. Было ровно восемнадцать. Велта, как всегда, была точной.

НА БЕРЕГУ

Воскресный день с утра выдался погожим и обещал быть жарким. Потому рижане устремились на взморье, на золотые пески, в тень изумрудной зелени. Но погода в Прибалтике капризная. К полудню небо заволочило тучами, а к вечеру со стороны моря подул свежий ветерок, и не успели отдыхающие оставить пляж, как на горизонте засверкали молнии, донеслись первые глухие раскаты грома и запенились белые барашки на гребнях серых волн.

Взморье опустело. Среди немногих оставшихся на берегу были Валентин с Велтой. Они сидели на дюне в зарослях ельника и наблюдали, как постепенно разыгрывалась стихия. Валентин снял фуражку, подставил лицо ветру. С детства он любил вот такую погоду, когда порывистый ветер треплет волосы, бьет в лицо. И сейчас он не выдержал, поднялся во весь рост, расстегнул полы пиджака. Ветер отбросил их в стороны, вырвал галстук из-под зажима, закинул за спину, а он, широко расставив руки, вдохнул полной грудью, закричал озорно, вызывая: «Ого-го-го!» Ветер заглушил этот крик, утопил в шуме леса, грохоте волн.

Велта смотрела на восторженное лицо Валентина, обращенное в сторону моря, навстречу штормовому ветру, и думала, что этот взрослый человек похож на своевольного и озорного мальчишку. Сейчас он вызывает ветер, а через минуту что-то сделает такое, над чем и сам не задумывается. А он и в самом деле походил на влюбленного юношу, готового на подвиг ради любимой. Пожелай только Велта, и он бросится в бушующее море, поплывет, споря с клочущими волнами, и покажет, какой он сильный, смелый. Пусть она только посмотрит, оценит его бесстрашие. Но Велта ничего не приказывала, не просила, а смотрела на море и терзалась противоречивыми чувствами.

Встречи с Валентином для нее не прошли бесследно. Опытная женщина, прошедшая тяжелую школу жизни, она хорошо понимала те чистые, благородные чувства, которые питал к ней Валентин. Пожалуй, впервые она столкнулась с настоящей и сильной любовью человека, прониклась к нему уважением и в то же время сожалением. Она не любила Валентина. Не имела на это никакого права. Дома у нее была семья — муж и двое детей, и она не хотела изменять им, но, повинаясь воле отца и шефа, играла роль влюбленной ради выполнения задания, обеспечения своего благополучия. Если бы судьба свела ее с кем-то другим, а не Валентином, если бы она не знала его чувств, то действовала бы решительно, безо всяких переживаний и колебаний. Но тут был Валентин, скромный, тактичный, человек чистой души, доверчивый как ребенок, и ей не хотелось причинять ему неприятности в жизни и службе. Как же тогда быть? Ее ждали отец и шеф, наконец, ожидал прибывший в Ригу Шредер. Надо напрочь отбросить чувство жалости к Валентину и действовать решительно, беспощадно, заботясь о своей судьбе.

По плащу, накинутому на ее плечи, забарабанили крупные капли дождя. Она вздрогнула, пылливо посмотрела в глаза Валентину.

— Замерзла? — спросил он и предложил: — Пойдем.

— Куда? — преодолевая чувство жалости к нему, прошептала она.

Он показал на павильон «Банга», прижавшийся к песчаной дюне.

— Туда бежим.

Первым сорвался с места, схватил Велту за руку и побежал по песку, увлекая ее за собой. В опустевшем павильоне Валентин усадил Велту у окна с видом на залив и заказал вино.

Она пила медленно. Торопиться было ни к чему, за окном павильона во всю хлестал дождь, гроыхало низкое, темное небо, а в обществе влюбленного Валентина она чувствовала себя хорошо, только единственная мысль не давала теперь покоя — как развернутся события дальше?

Пока все шло, как и предусматривалось. Интервью в газете было. По договоренности, на седьмой день после его опубликования она должна начать. Сегодня был именно тот день, седьмой.

«Что волнует ее?» — пытался отгадать Валентин, наблюдая за тем, как настроение Велты менялось буквально по часам. Он хотел спросить об этом, но не решался, и от того, что она была какой-то необычной, ему и самому становилось не по себе.

Сегодня Валентин собирался просить Велту стать его женой, уже представлял семейную жизнь и был убежден, что счастье их будет полным. Но как начать этот разговор?

Тем временем темные тучи ушли к Риге, на горизонте показалась узкая полоса чистого неба. Постепенно она становилась шире, и вот из-под темной тучи, уже далеко отстоявшей от горизонта, медленно стал показываться нижний край красного солнца, лучи которого пробились сквозь пелену дождя и причудливо осветили взморье. Но вот солнце коснулось горизонта, медленно опустилось в бушующие волны моря, и в павильоне стало неуютно, серо и тоскливо.

Валентин запустил руку во внутренний карман кителя, где лежал бумажник, встал из-за стола и направился к официантке. На пол к ногам Велты упала записная книжка. Она подняла ее, полистала, положила на стол и довольно улыбнулась: все шло так, как и предполагалось. Книжка была при Валентине.

Впервые увидела ее Велта в вагоне поезда. Когда утром Валентин вышел из купе, чтобы не мешать ей привести себя в порядок, она закрыла дверь на ключ и первым делом проверила карманы кителя. Обнаружив записную книжку с краткими записями, безошибочно определила их характер. Ей, авиационному инженеру, прошедшей специальную подготовку по советской истребительной авиации, сделать это было нетрудно. В записной книжке были занесены сведения по истребителям. И, хотя эти сведения, как и сами самолеты, были ей известны, она все же решила, что в выполнении задания Валентин с его склонностью вести секретные записи может оказаться нужным человеком. Следовало только выяснить, имеет ли он отношение к новым истребителям, которые, по данным разведки, поступили в авиационные части, а там она знала, что делать. Велта не обрывала ту ниточку, что связала ее с Валентином в поезде, и была довольна, что с каждым днем он все больше привязывался к ней, становился доверчивее, откровеннее. Вскоре она поняла, что Валентин изучает новый самолет и, обрадованная этим, с удесятенной энергией принялась обхаживать его. Действовала, не вызывая никаких подозрений, требуя лишь каждый вечер после работы и все выходные дни проводить вместе. Расчет ее не отличался оригинальностью и был предельно прост — вымотать силы Валентина, лишить его работоспособности и вынудить делать в записной книжке записи по новому самолету. Она верила в рефлекторные, автоматические, действия человека в определенных условиях, полагая, что если эти условия повторять, то человек будет идти по уже знакомому, опробованному пути. Так и Валентин. В какую-то трудную минуту он дрогнул, допустил недозволенное — занес в записную книжку секретные данные. Если поставить его в трудное положение, он вновь поступит точно так же, как делал раньше.

Месяц спустя она пригласила его после работы на пляж в Лиелупе. Когда он заплыл далеко в море, осмотрела карманы кителя. Там была все та же записная книжка, значительно пополненная записями по новому самолету. Она торжествовала победу и дала отцу условную телеграмму. Сейчас записная книжка была при Валентине. Все шло, как нельзя лучше.

— Ты уронил книжечку, — сказала Велта и протянула ее Валентину.

Взгляд ее небрежно скользнул по нему. Валентин побледнел, но тут же взял себя в руки, спросил шутя:

— Надеюсь, адреса моих знакомых женщин ты запомнить не успела?

Засмеявшись, они вышли из павильона. За дверью их охватил холодный морской ветер.

— Завтра вечером я уезжаю, — сказала печально Велта.

— Почему же ты молчала? Я думал, что ты пробудешь здесь дольше...

— Нельзя. В Волгограде меня ждет дочь. Надо ехать.

Они пересекли проспект Буддури, дошли до небольшого домика, стоявшего в глубине двора. Когда Валентин подошел к двери, ведущей с веранды в комнату, Велта попросила:

— Закрой глаза, — и словно слепого ввела за руку в комнату. — А теперь, раз, два, три. Открывай.

Она щелкнула выключателем. Яркий свет люстры осветил комнату, посередине которой стоял сервированный на двоих стол под крахмальной белой скатертью. На столе переливалась на свету серебристой шейей бутылка шампанского, стояли марочный армянский коньяк и легкое вино.

— Я решила попрощаться с тобой. Здесь нам никто не помешает. Мама ушла на ночь к подруге. Мы будем только вдвоем, — объяснила Велта, счастливо улыбаясь.

Они сели за стол. Как гостеприимная хозяйка Велта была внимательна и предупредительна. Радостная с грустинкой улыбка не сходила с ее лица до тех пор, пока Валентин не взял в руки бутылку коньяку, ею заранее открытую...

ШРЕДЕР ВЕСЕЛИТСЯ

Вечер в ресторане «Рига» близился к концу. Просторный зал, оригинально оформленный в латышском национальном стиле, заметно пустел. Было уже поздно, и гости торопились уйти, пожалуй, только один Шредер не спешил оставлять ресторан. Ему нравилась музыка хорошо слаженного оркестра, с одинаковым блеском исполнявшего и современные, и давно забытые танцы и песни. Ему приятно было оттого, что попал в знакомую ресторанный стихию, в которой в былые времена проводил долгие и радостные часы. Давно не отдыхал он так, да еще в обществе молодой женщины, ставшей его партнершей по танцам, красивой, стройной блондинки с голубыми глазами. Правда, к знакомству с нею Шредер сначала отнесся с некоторым недоверием потому, что с первого дня появления в Риге испытывал такое чувство, словно за ним следили каждый час и минуту. Он понимал, что приехал в Ригу не для того, чтобы осматривать с детства знакомый город, удивленно раскрывать глаза при виде благоустроенных районов. И оттого, что его миссия в Ригу носила совершенно иной характер, он не имел права расслабить нервы, хотя на миг забыться о той опасности, которая, как ему казалось, грозила на каждом шагу. И он не забывался. Как рекомендовал шеф, как подсказывал собственный опыт, неделю пребывания в Риге он проверялся, пытаясь обнаружить за собой наблюдение, но ничего подозрительного не заметил. Седьмой день был для него решающим, тем днем, который должен был принести счастье или неудачу. «Так что он принесет?» — тревожно спрашивал себя Шредер и не мог ответить.

Спокойствие оставило его с утра. Чувство опасения возникло с новой силой и все увеличивалось по мере приближения часа заранее обусловленной встречи с Велтой. На поездку в Ригу он возлагал исключительно большие надежды. Успех дела обещал многое, а самое главное — зачисление на официальную работу в разведку, твердый оклад, обеспеченную жизнь. Ради этого стоило рисковать. И Шредер рисковал.

Прежде чем пойти на встречу с Велтой, решил еще раз по возможности запутать следы. Веселье в ресторане, по его мнению, должно было создать впечатление, что он беззаботно проводит время, поступает так, как делают многие иностранцы, заканчивая свое путешествие по России. И все же настораживал каждый пытливый взгляд, брошенный кем-либо из посетителей ресторана. С опасением посматривал он на свою партнершу. «Кто она, эта женщина? — думал он. — Почему оставила молодых веселых парней и проводит вечер со мной?» Шредер считал себя стариком, понимал, что не партнер ей, и это еще больше его настораживало. «Кто она, — преследовала его мысль. Он хотел точно знать, с кем танцует. — Возможно, она сотрудница госбезопасности?» Но в глазах партнерши играло только опьяненное веселье. Почувствовав, что Шредер сжал ее за талию сильнее обычного, она лишь передернула корпусом да кокетливо погрозила пальцем — дескать, нельзя!

«Не она, — решил Шредер. — Тогда кто? Где тот человек, который, наверное, не сводит с меня глаз? Как найти его среди публики? — Он всматривался в каждого сидящего в зале. — Может быть, вон тот худой и длинный тип с пышной рыжей бородой, синяками под глазами, который весь вечер сидит за бутылкой вина да часто курит трубку?» Несколько раз встречались их взгляды, но недолго. Тот скользил взглядом мимо и больше поглядывал на входную дверь, возможно, кого-то ожидая. «Нет, это тоже не он», — заключил Шредер.

Не верилось ему, что за ним не следят. Как ни умалял шеф опасность пребывания в СССР, какие примеры из опыта поездки в Россию ни приводил, Шредер оставался при своем мнении. Он читал, что кое-кого из таких, как он, в Советском Союзе судили, и поэтому нервничал. Когда же нервное напряжение в какой-то мере улеглось, он почувствовал себя значительно легче. Сознание того, что за ним не следят, что все идет, как было задумано, радовало больше, чем выпитое вино, присутствие молодой женщины.

Шредер веселился. Однако в это веселье, кроме его самого, не верил еще один человек — Круминь, сидевший в компании двух молодых чекистов.

Семь дней прошло с тех пор, как Круминь впервые увидел Шредера в Риге, и с того момента потерял покой. Ему казалось, что хотя и очень давно, но уже где-то видел Шредера, а при каких обстоятельствах — вспомнить не мог. Он перебирал в памяти лица сотен людей, с которыми приходилось встречаться за долгие годы жизни, однако среди них Шредера не находил.

У себя в кабинете он часами изучал его фотокарточки, смотрел киножурнал о посещении делегацией заводов, внимательно следил на экране за каждым жестом, движением, походкой Шредера, манерой держаться при разговоре, но все было напрасным. Память упрямо не воскрешала прошлое. На этот раз Круминь решил повнимательней рассмотреть Шредера и потому занял столик поближе. И чем больше наблюдал за ним, тем больше уверялся в том, что где-то уже видел его. В его манере поведения было что-то очень знакомое. Не надеясь на свою память, Круминь попросил бывших партизан и узников застенков гестапо посмотреть киножурнал о посещении делегацией Риги, надеясь, что среди них могут найтись такие, что раньше встречались с Шредером, но и это не принесло успеха.

Оркестр играл последний, прощальный модный танец. Среди танцующих был и Шредер. Танцевал он с азартом. То ли от спиртного, то ли от жары и стремительных движений лицо его покраснело.

Ему было жарко. Он снял и бросил на спинку стула пиджак, отпустил галстук, и под воротником на его шее Круминь вдруг увидел с голубиное яйцо темное родимое пятно и едва не вскрикнул от удивления. Неожиданно не только для сидевших рядом с ним чекистов, но и для самого себя Круминь стремительно поднялся с места, едва не кинулся к Шредеру.

На какие-то считанные секунды поднялся Круминь, но Шредер резко обернулся и встретился с ним

взглядом. Машинально переступая в танце ногами, Шредер мучительно соображал, где он мог видеть этого большого, сильного человека с совершенно лысой головой.

В памяти Круминя совершенно отчетливо, как будто бы это было вчера, а не двадцать с лишним лет назад, всплыл допрос у начальника СД Риги в 1942 году. Именно тогда в кабинет начальника зашел этот самый Шредер с какими-то документами в руках. Был он тогда куда моложе, держался уверенно, подтянуто. В его фигуре чувствовалась офицерская выправка, движения были уверенны. Небольшая голова с копной волнистых, светлых волос, отлично подстриженных, гордо держалась даже перед таким начальником, как руководитель СД города. Одет он был в полувоенную форму, — брюки, заправленные в сапоги, и темная рубашка с открытым воротником, под которым на загоревшей шее виднелось родимое пятно величиной с голубиное яйцо. «Так вот кто ты такой, Шредер? — думал Круминь. — Что же тебя сюда привело? Как ты, бывший сотрудник фашистской карательной службы СД, не побоялся появиться в Риге? Разве не понимаешь, чем может окончиться для тебя эта поездка?»

Впрочем, Шредер работал тогда не в Риге. Круминь вспомнил, как он, вручив какие-то документы начальнику СД, доложил, что доставил из Лиепаи последних, оставшихся в живых, защитников города. Значит, работал он тогда в СД Лиепаи. Но меняло ли это положение сейчас? Опасность ареста от этого не уменьшалась. Так почему же он пошел на такой риск? «Видно, не от хорошей жизни решился на такую поездку Шредер, — решил Круминь. — Или взялся выполнить какое-то серьезное задание. Но какое?»

Оркестр вдруг умолк, и в ресторане наступила непривычная тишина. Шредер вытер лицо и шею платком, быстрым движением подтянул галстук. Он старался не смотреть на Круминя, но и спокойно сидеть за столом уже не мог. «Что делать? Встретаться или не встречаться с Велтой?» — думал он. Это был самый важный вопрос, на который надо было дать ответ сейчас же. У него начала слегка кружиться голова, но не от вина, а от тяжелых мыслей. Несколько успокоившись, подумал: — «Не напрасно ли переполошился? Возможно, этот лысый ко мне никакого отношения не имеет, мало ли людей встречается случайно?»

Дверь, ведущая в ресторан из вестибюля гостиницы, открылась, и в ней показались два иностранца — члена делегации. Они направились к столику Шредера, любезно раскланялись с его партнершей. За столом они разместились так, чтобы просматривать весь зал, видеть каждого человека, выходящего из ресторана.

— Вот это другое дело, — сказал Круминь своим помощникам. — Мне пора уходить, а вы посидите, понаблюдайте за этой компанией.

«Куда же он ушел? — думал Шредер, наблюдая за удалявшимся из ресторана Круминем. — Зачем?» Неприятно засосало под ложечкой.

Круминь вышел на улицу, пересек дорогу, занял пустовавшую скамейку в скверике около оперного театра и стал наблюдать за выходящими из ресторана. Он искал разгадку поведения Шредера. Если Шредер кого-то ждал в ресторане, то кого именно? Велту? Если их встреча заранее намечена, то вряд ли она должна была состояться в таком многолюдном месте, на виду у публики. Круминь это исключал. Чтобы доложить о наблюдении в ресторане, он поднялся, прошел в телефонную будку, набрал номер телефона.

— Это ты, Альберт?

— Что там у тебя, Янис?

Круминь рассказал, как ведет себя Шредер, о приметной родинке. В свою очередь Гайлитис сообщил новость:

— Только звонили из Лиепаи. Бывшие узники СД, два старых коммуниста-подпольщика, смотрели киножурнал и в Шредере узнали следователя СД в Лиепае Бодниекса. Его арест санкционирован прокурором еще в 1944 году.

— Вот и отлично, — довольно ответил Круминь. — Прекрасно, дружище. Мы на правильном пути. Такой матерый волк напрасно в Ригу не приедет. Нет! А как в Булдури?

— Веселятся вдвоем в доме Аусмы. Боюсь, что твой восторг преждевременный. Шредер и Велта веселятся, но только в разных местах. И ничего общего.

— Будет общее. Шредер завтра уезжает и не может, не имеет права, не повидать Велту.

Круминь повесил трубку.

Компания иностранцев вышла из ресторана и задержалась у дверей. Бульвар Падомью был пуст, лишь на трамвайной остановке у городских часов стояло несколько человек. Шредер взял под руку спутницу и в компании своих приятелей направился в сторону вокзала. Когда послышался шум мотора такси, он энергичным движением руки остановил машину, вежливо усадил свою даму, уселся сам и захлопнул дверцу. «Агенскальские сосны. Рынок», — сказал шоферу.

— Вот так бы и давно, — похвалил его Круминь. — Ближе к делу, старина, — и пошел к своей машине, стоявшей на площадке у оперного театра.

— Куда? — спросил сидевший за рулем лейтенант Величко. — За ними?

— В Булдури. К дому Аусмы, — ответил уверенно Круминь.

— А не потеряем их? — усомнился Величко.

— Ничего. Он сам придет к нам.

Величко пожал недоуменно плечами. Уверенность Круминя всегда удивляла его. Часто случалось так, что Круминь принимал решения, которые были буквально противоположны тому, что сделал бы в такой обстановке Величко. Он робко высказывал опасения, а Круминь улыбался, дружески похлопывал по плечу, успокаивал: «Не сомневайтесь, молодой человек. Все будет правильно». И выходило так, что Круминь оказывался прав.

Шредер оглянулся в заднее стекло машины. Он еще не был убежден, что его не преследуют. Предстояло самое трудное и ответственное — выйти незаметно в обусловленном месте, забрать у Велты собранную разведывательную информацию. «Что там она добыла?» — размышлял он, совсем забыв о спутнице.

Она напонила о себе, тяжело вздохнув. И снова у Шредера возникло сомнение. Мысль быстро связала воедино отсутствие преследования и пребывание в машине партнерши. «Зачем же меня преследовать, если сотрудница госбезопасности со мною рядом и контролирует каждый шаг? Купили, как мальчишку», — злился он на себя, думая, как бы побыстрее избавиться от партнерши.

Машина остановилась около рынка.

— Все, — сказал шофер.

— Подождите меня здесь, — попросил Шредер, подал руку спутнице, вывел ее из машины, спросил: — Куда? — А сам подумал: «Если ты сотрудница, то вряд ли поведешь к себе домой. Всякой игре бывает конец...»

К его удивлению женщина ответила:

— Буду признательна. Здесь темно, и я побаиваюсь. Сюда.

Шредер привел ее к двери квартиры. На звонок вышла пожилая женщина, недовольно проворчала: «Уже поздно. Могла бы и раньше прийти». У Шредера отлегло от сердца. Подозрения, терзавшие его весь вечер, оказались напрасными. Он любезно простился и стремительно бросился к такси. Времени до встречи с Велтой оставалось в обрез.

— Булдури. И быстрее, — сказал он шоферу.

В ДОМЕ АУСМЫ

Не сиделось старой Аусме в гостях. Накануне упростила ее Велта уйти на ночь к подруге, чтобы молодежь в доме могла весело провести время. «Ничего не поделаешь, молодым свое, а старикам свое», — решила Аусма, но что-то тянуло ее домой. Было далеко за полночь, когда, наговорившись вволю с подругой, она по пустынным улицам Булдури направилась к себе.

Последнее время жила она в какой-то тревоге. Все в доме было будто хорошо: вернулась дочь, принесла ей счастье и новые заботы, которые она приняла с радостью. Вдвоем жить стало веселее, интереснее, и ее однообразная жизнь приобрела новый смысл. Теперь она подымалась пораньше, готовила завтрак для Велты и ждала ее появления в столовой, заботилась об обеде, ужине, торопилась на рынок. А разговоров? Сколько их, этих разговоров?

И все же что-то беспокоило Аусму. Она еще не могла понять, что именно, но какое-то предчувствие томило ее. Впервые насторожило письмо Велты к Гунару. Зачем Велта написала неправду, что она, Аусма, скучает по Гунару? Разве не говорила ей, что прокляла мужа?

«Ну вот, а говорила будет компания», — подумала она о Велте, окинув взглядом темные окна своего дома. Лишь у одного окна, что выходило во двор и около которого стоял письменный стол, через занавес пробивался свет настольной лампы. «Читает или пишет. Видно, вечеринка не состоялась», — решила Аусма. Привычным движением она беззвучно вставила ключ в замочную скважину, тихо открыла дверь и прошла через веранду в коридор. Дверь в комнату была приоткрыта.

Аусма сняла туфли, надела на ноги старые на войлочной подошве шлепанцы и посмотрела через щель в комнату. Сервировка стола была почти не тронута. «Наверное, гости не пришли», — подумала Аусма. Но вот взгляд ее скользнул на диван, и она вздрогнула: там спал мужчина. На спинке стула висел китель. Сомнений не было: Велта ее обманула, выпроводила на ночь из дому, для того чтобы остаться наедине с мужчиной!

Аусма посмотрела туда, откуда падал свет лампы. Спинной к двери там стояла Велта и с увлечением чем-то занималась: то подносила обе руки к лицу, то опускала к столику. «Что она там делает?» — пыталась отгадать Аусма, дошла до середины комнаты и замерла в оцепенении. Велта аккуратно перелистывала какую-то записную книжку и под сильным светом настольной лампы фотографировала каждый листок. В ее руках еле слышно щелкал затвор небольшого фотоаппарата.

Аусма не могла отвести глаз от записной книжки, резко выделявшейся на полированном темном столе в лучах настольной лампы. Свет был необычно резким, сильным, и Аусма вспомнила, что Велта накануне ездила в магазин, купила новую электролампу и заменила ею старую.

Велта не замечала матери, листала страницы записной книжки и все щелкала затвором фотоаппарата. Аусма не могла пошевелиться, поднять руки, чтобы остановить дочь. Не слушался язык, пересохло в горле. Лишь мозг работал ясно и воспроизводил в памяти все, что делала Велта с момента появления в доме. Она вспоминала и связывала воедино то, что казалось сначала лишь странным в поведении Велты. Теперь эти странности приобретали совершенно иной смысл и значение. Становилось понятным, почему вместо обещанных молодых людей привела в дом и споила военного человека — ей нужна была его записная книжка, почему сменила маленькую лампу на более сильную — лучше фотографировать. Цепочка наблюдений и сопоставлений кончилась, и Аусма приходила к выводу, от которого стыла кровь в жилах.

«Шпионка, — подумала она, и у нее перехватило дыхание. — Значит, не напрасно приходил Круминь, Он подозревал Велту и молчал!» Аусма справилась с нахлынувшей слабостью, двинулась к дочери. Она шла неслышно, делая маленькие шаги, хотя ей казалось, что идет быстро и решительно.

В дом ворвался ветер и громко хлопнул незакрытой дверью. Велта вздрогнула, быстро повернулась и столкнулась лицом к лицу с матерью. Из ее рук выпал и глухо стукнулся о пол фотоаппарат «Минокс». Две женщины, мать и дочь, стояли друг против друга в напряженном, отчужденном молчании.

В доме царила гнетущая тишина, лишь слышно было прерывистое дыхание Аусмы. В ее глазах сверкал гнев. Такой взгляд трудно было выдержать, и Велта отвернулась, бессильно опустив руки.

Аусма медленно нагнулась, подняла с полу аппарат, повертела его в руках. Велта молчала.

«Испугалась», — подумала Аусма, чувствуя, как в груди закипала злость. Лицо дочери казалось ей чужим и враждебным.

Тишину в доме нарушила громкая пощечина. Это Аусма неожиданно сильно, наотмашь ударила по лицу Велту.

— Не смей, — простонала Велта, закрыв лицо руками.

Неожиданный приход Аусмы сорвал то, ради чего она осталась в доме с Валентином, и теперь неизвестно было, чем все это кончится. Как поступит Аусма? Как поступить самой? Пасть на колени и просить пощады или отнять, вырвать из рук матери «Минокс»? Минуту поколебавшись, она решительно взяла Аусму за руку:

— Отдай аппарат.

Аусма крепко держала его в руках и, казалось, готова была умереть, но не отдать.

— Шпионка, — прохрипела, задыхаясь, Аусма. — Я найду, кому его отдать. Ты ответишь за себя и своего отца!

Говорила она негромко, шепотом, но в каждом ее слове было столько ненависти, что Велта растерялась.

— Что ты? — Глаза ее расширились от ужаса. — Ты не посмеешь... Ведь я твоя дочь... Они меня арестуют!

— Я этого и хочу, — резко бросила Аусма и пошла в свою комнату. Но не успела сделать и двух шагов, как сзади на нее набросилась Велта.

— Отдай! — громко закричала она, схватив Аусму за плечи. Сильным движением повернула ее к себе, вцепилась в руку, пытаясь вырвать «Минокс». Но Аусма держала аппарат крепко.

ПРОЗРЕНИЕ ВАЛЕНТИНА

Валентин проснулся в тот момент, когда Велта потребовала от Аусмы «Минокс», и до слуха его донеслось: «Шпионка». Это было не обычное пробуждение, а мучительное и медленное возвращение к действительности, как бы из иного мира. Голова раскалывалась от невыносимой боли, сознание путалось, и на первых порах он не мог понять, что с ним происходит, где находится. Он видел двух женщин и не мог понять, о чем они говорят, о чем ссорятся. Хотел рукой дотронуться до головы, проверить, нет ли температуры, но не смог — все тело было тяжелым, словно налитое свинцом. Сознание постепенно прояснялось, и он пытался вспомнить, что с ним произошло. В его мозгу, не способном еще связать воедино события прошедшего дня, промелькнуло воспоминание о море, штормовом ветре, грохоте волн. Затем все яснее стал вырисовываться образ Велты. Видел он ее то задумчивой на берегу, то загадочно улыбающейся в павильоне «Банга», то веселой и внимательной за столом. Ее улыбка сохранилась в памяти, и Валентин обрадовался этому приятному воспоминанию.

До его слуха доносились слова, которым в иное время он сразу же придавал бы значение, а сейчас с трудом понимал их смысл. «При чем здесь «Минокс»? Зачем кого-то арестовывать? Кто тут и почему оказался шпионкой?» — думал он.

Смутно припоминался ему вечер в доме Аусмы. Он точно знал, что выпил мало, даже очень мало, но не мог представить, как оказался на диване, разделся, да и раздевался ли вообще? Медленно восстанавливалась память, и он припоминал, что после выпитого коньяку на него навалился сон, наступило какое-то безразличие ко всему. Он сопротивлялся неведомой силе, но выстоять не мог и вскоре оставил Велту в одиночестве за столом, а сам лег на диван. Ему хотелось спать и только спать. Больше он вспомнить ничего не мог.

Звон упавшей со стола посуды как бы ускорил восприятие действительности Валентином. Он понял, что в доме что-то случилось серьезное, и потому между Аусмой и Велтой происходит скандал. Он с трудом повернул голову в сторону Аусмы и Велты, чтобы успокоить их, и взгляд его остановился на столике у кровати Велты, на который падал яркий свет настольной лампы. И то, что он увидел, заставило вздрогнуть. На столике в лучах света лежала его раскрытая записная книжка. Сомнений быть не могло — это его книжка, та самая. А как она оказалась на столике у постели Велты? Предчувствие чего-то непоправимого перехватило дыхание Валентина.

— А-а-а, проснулся? — спросила Аусма, посмотрев на его бледное, встревоженное лицо. — Спал или прикидывался? Подымайся, пьяница! — Она оттолкнула дочь, подошла к столику, взяла записную книжку и бросила на диван Валентину. — Вон из дома!

Валентин стиснул книжку в руке, неуверенными шагами подошел к висевшему на стуле кителю, накинул его на плечи и, с трудом удерживаясь, чтобы не упасть, направился к выходу. Он уходил из дома, в который несколько часов назад привела его Велта, и, хотя он еще не полностью отдавал себе отчет, что с ним происходит, все же надеялся, что Велта его остановит. Ведь он любит ее. Любит сильно. Так почему же она молчит?

Валентин открыл дверь, перешагнул порог. Он не помнил, как шел по улицам Булдури, невероятным усилием воли заставляя себя держаться на ногах, и про себя повторял: «Шпионка», «Минокс», «Шпионка», «Минокс». Это было похоже на бред, но он не мог отделаться от этих слов. «Записная книжка — вот что ей надо было». Он рванул с места, чтобы сейчас же пойти в дом Аусмы и задержать Велту. Но тут другая мысль словно поразила его: «Мне тоже придется отвечать!» Он остановился. «Неудачник, — думал он о себе. — Неудачник... Бросила жена, полюбил шпионку, строил розовые планы будущей семейной жизни, а теперь надо готовиться к ответу...»

Валентин не помнил, сколько прошло времени, пока пришел к окончательному решению — задержать Велту. С трудом он доплелся до проспекта Булдури, прислонился к стене какого-то дома, оглядываясь по сторонам в поисках такси. Наконец со стороны Дзинтари послышался гул мотора. Валентин вышел на дорогу, поднял руки вверх. Завизжали тормоза, и перед ним остановился милицейский патруль на мотоцикле с коляской.

— В Комитет госбезопасности, — попросил твердо Валентин. — Скорее!

ПАУКИ В БАНКЕ

Время в разрушенной даче в Булдури текло мучительно медленно. Шредер пришел сюда не на любовное свидание, а на встречу с Велтой и потому нервничал, опасливо прислушиваясь к каждому шороху, порыву ветра. В случае задержания попробуй объясни, почему оказался поздней ночью не в номере гостиницы, где положено быть, а в старой разрушенной даче в ненастную погоду?

Не находил объяснений Шредер и от этого еще больше нервничал, настороженно прислушивался, до боли в глазах присматривался — не идет ли Велта. Она не показывалась, и его брало сомнение, не ошибся ли адресом? Он вспоминал, как ехал на такси, на какой улице сошел, по каким переулкам следовал, но ошибки не находил. Все делал будто бы правильно, ошибки не было: восьмая линия, старая обветшавшая дача на ремонте и потому пустующая все лето.

Так где же Велта? Снова посмотрел на ручные часы, стрелки которых на светящемся циферблате показывали половину третьего, подумал: «Полчаса прошло. Сколько еще можно ждать?»

Уйти в гостиницу и ни с чем приехать домой Шредер не мог. В письме к Гунару Велта подала условный сигнал — прислать человека. Он приехал и возвращаться назад, не выполнив задания, не имел права.

Было три часа ночи, и он стал подумывать, что Велта вообще не придет. Обстановка осложнялась, и Шредер глубоко задумался. Он решал свою судьбу. «Игра стоит свеч», — пришел он к выводу.

Дом Аусмы был недалеко, метрах в пятистах, и Шредер преодолел это расстояние так быстро, что только у самого дома почувствовал, как заколотилось сердце, перехватило дыхание. Спринтерский бег был уже не для него. Он осторожно подошел к дому, заглянул в окно в узкую щель, образовавшуюся между рамой и занавеской. Ему показалось, Велта спокойно сидела в кресле и о чем-то думала.

«Значит, с ней ничего не случилось? Сидит в уютной квартире за сервированным столом, а я должен рисковать?» Взбешенный увиденным, забыв об осторожности, он решительно направился к двери дома.

Негромкий стук вывел Велту из состояния оцепенения, в котором она находилась с тех пор, как Аусма ушла к себе в спальню и громко щелкнула замком. Услыхав стук в дверь, она вздрогнула, и первое, что пришло ей в голову, — это тревожная, полная отчаяния мысль: «Арест». Сил не было подняться с кресла.

Стук повторился негромко, но настойчиво. Велта поднялась, подошла к двери, прислушалась, упавшим голосом спросила:

— Кто там?

Из-за двери донеслось приглушенное:

— Открой. Это я, Шредер.

Чувство облегчения сменилось новой тревогой. Чем объяснить, что она не явилась на старую дачу?

— Сейчас, — ответила Велта и, повернув ключ, пустила его в коридор.

— Почему не пришла, как договорились? — прошипел угрожающе Шредер.

Велта как могла кратко и сбивчиво рассказала все, что произошло у нее с Валентином.

— Где «Минокс»? — спросил Шредер. — У Аусмы? Пусти меня к ней!

Не обращая внимания на Велту, он двинулся к двери. Для него сейчас настала та минута, ради которой он приехал, которая решала его судьбу. Взять фотоаппарат со снимками секретных данных и поскорее вернуться в гостиницу — вот что было главное теперь.

Велта поняла то, что не понимал Шредер. Она отчетливо представила картину, которая могла разыграться в спальне матери. Аусма подымет крик, позовет соседей, и тогда задержат их обоих. Получится тот вариант, которого она боялась больше всего.

Отточенные ногти Велты до крови вонзились в руку Шредера, и это еще больше его взбесило. Пытаясь освободиться от ее цепких рук, Шредер надавил на подбородок снизу вверх и далеко назад запрокинул голову. Велте казалось, что трескаются шейные позвонки, в глазах потемнело, превозмогая боль, достаточно громко и четко, угрожающе простонала:

— Пусти, Бодниекс. Пусти, предатель!

Руки Шредера обмякли. Бодниекс? Больше двадцати лет никто не называл его так, и он уверовал, что забыто все, связанное с этим именем. Он стоял, потрясенный услышанным, и, сам того не замечая, отпустил Велту. Она предупредила зло, за каждым словом переводя дыхание:

— Запомни, Бодниекс. Только назову эту фамилию — поставят тебя к стенке, если не в Риге, то в Лиепае поставят.

Все было так неожиданно, что Шредер не мог сообразить, как вести себя. Кто рассказал Велте о нем? Зачем? О, конечно, Гунар. «Одной веревочкой связал меня с Велтой. Предусмотрителен, стервец, — думал Шредер. — Рассчитывал, что в случае ареста я не стану выдавать его дочь, боясь разоблачения моего прошлого». Велта перевела дух и строго потребовала:

— Веди себя тише. Рядом живет начальник милиции. Ты понимаешь, что это значит? Думать надо!

Притих Шредер.

— Как быть? — после некоторого молчания спросил заискивающе. — Без пленки со снимками записной книжки возвращаться нельзя.

— Уходи, — потребовала Велта. — Я сама заберу «Минокс». Без шума и крика. В 10 часов утра жди у Домского собора.

— Хорошо, — согласился Шредер. — Жду.

Велта открыла дверь, он осторожно вышел во двор. Когда до калитки осталось каких-то пять шагов, с обеих сторон около Шредера оказались Круминь и Величко.

— Руки, Бодниекс, руки.

Шредер не ослышался. Второй раз за вечер назвали его по старой фамилии, которую он носил в годы войны.

Ветер разорвал дождливые тучи, образовав просвет, в который выглянула луна и осветила троих, стоявших у машины около дома Аусмы. «Снова встретились, — подумал Шредер, рассмотрев Круминя. — Не напрасно я его опасался». И вдруг в памяти Шредера мелькнула картина в кабинете начальника СД Риги в 1942 году. Сомнения быть не могло. «Теперь все, — решил Шредер. — Конец».

— Приехали, — сказал сержант, когда мотоцикл остановился у здания Комитета госбезопасности.

Валентин вышел из коляски, размял непослушные ноги, поднял голову и посмотрел на здание. Несколько окон, несмотря на поздний час, были освещены. Его провели в просторный кабинет, где за столом сидел пожилой человек и внимательно читал какие-то бумаги.

Круминь отодвинул от себя документы, посмотрел на Валентина, предложил:

— Садитесь, пожалуйста. Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответил Валентин, подошел к столу, но садиться не стал.

— Вас слушаю, — сказал Круминь.

— Прежде всего, — сказал он, — прошу извинить за столь необычный вид. Я хорошо понимаю, что в такое учреждение являться в таком костюме нельзя. Но меня привел сюда особый случай в моей жизни.

На лице Круминя появилась скупая улыбка.

— Я слушаю вас, — повторил он.

— Я буду краток, — начал Валентин...

ОТКРОВЕНИЕ ВЕЛТЫ

Закрыв дверь за Шредером, Велта вернулась в комнату.

Мысли работали предельно напряженно. «Минокс», любой ценой забрать «Минокс», — думала Велта. Шло время, и в сознании Велты все четче вырисовывался план — разжалобить Аусму: «Должно же дрогнуть ее материнское сердце? — спрашивала она себя. — Должно».

— Мама, выйди. Прошу тебя. Мне поговорить с тобою надо.

Велта заплакала. Плакала она долго и безутешно. Аусма спрятала в кармане шерстяной кофты «Минокс», сунула туда руку и вышла из спальни. С кресла поднялась заплаканная Велта и опустилась перед нею на колени.

— Прости меня, мама! Меня заставили. Понимаешь? Заставили. Я не хотела этого делать, — цеплялась Велта руками за ноги Аусмы.

— Порядочного человека никто подлость делать не заставит, — твердо отрезала Аусма.

— Все вы здесь порядочные, — выкрикнула Велта громко. — Все! Вам здесь легко быть порядочными. Попытайтесь быть порядочной там. Я посмотрю, как это у тебя получится. На все смотрите по-своему, по-иному. Не так, как там, и вам многое не понять. — Голос ее дрожал, каждое слово переполнено обидой, болью, на глазах показались слезы. — Я выросла без тебя, — говорила она голосом, в котором содержался упрек Аусме. — Думаешь, легко расти без матери?

Аусма не смогла понять, почему от слов Велты вдруг тупой болью заныло сердце, ожесточенность, которую только что испытывала к ней, уступила место жалости. Аусма была матерью, и те чувства тепла, которые годами вынашивала к дочери, неожиданно и в самый неподходящий момент напомнили о себе. «Правда ведь дочь, — думала она. — Нелегко ей было расти без меня. Но что ответить? Рассказать трагедию своей

любви и жизни? Поймет ли?»

— Когда мне нужна была твоя ласка, — обидчиво продолжала Велта, — со мною рядом находился отец. — Она умолкла, а затем бросила в лицо Аусмы жестоко и зло: — Отец! А не ты. Но чем он мог помочь мне? Чем? Что он понимал в моих девичьих делах? Какие тайны я могла ему доверить? Первые годы после войны его голова была занята одной заботой — скрыться, чтобы не судили за то, что творил здесь, в Латвии. Но нам надо было как-то жить. Жить! — заплакала Велта. Успокоившись, продолжила: — Нам нужны были деньги. Деньги! Понимаешь? А много ли их мог получить отец за случайно найденную работу? Мы жили впроголодь. Порой днями не было во рту крошки хлеба. И тогда отец заставил меня зарабатывать деньги. Знаешь ли ты, как зарабатывает деньги девчонка в шестнадцать лет?

Велта посмотрела на Аусму долгим взглядом.

— Молчишь? — спросила Велта. — Вот также молчал и виновато смотрел мне в глаза отец, когда я однажды утром принесла и отдала ему в руки свой первый заработок. Он упал передо мною на колени и просил прощения. Но зачем мне были его мольбы? Я ко всему была безразлична и хотела лишь одного — избавиться от этого проклятого мира, необходимости зарабатывать деньги таким путем, каким зарабатывала я. Я! Твоя дочь!

Аусма молчала, потрясенная.

— Тебе этого не понять. Порядочные... Несколько лет спустя отец обрел силу, обзавелся нужными связями среди латышской эмиграции, влиятельных иностранцев. Он решил, что я должна стать разведчицей. Я вышла замуж. У меня сейчас двое детей и прекрасный муж. Но когда у меня появилась семья, я стала бояться выполнять задания разведки. Мне казалось, что меня арестуют, мое счастье рухнет, и я попыталась отказываться от работы. Вот тогда-то и припомнили мое прошлое. Мне пригрозили, что все расскажут мужу. Сама подумай, кому нужна жена с такой репутацией. Вот так и заставили меня приехать в Ригу.

Велта подошла к Аусме, села рядом, положила ей руку на плечо.

— Теперь ты все знаешь. Решай сама. Мое счастье в твоих руках. Отдай мне «Минокс», никому ничего не говори, и я спокойно уеду домой. Буду жить с семьей и благодарить бога за то, что послал мне такую добрую мать. За всю мою жизнь ты ничего хорошего для меня не сделала. Так выполни мою единственную просьбу. Будь матерью.

Аусма поднялась с дивана и направилась к двери.

— Ты куда? — всполошилась Велта.

— Я отнесу «Минокс» куда следует, — ответила твердо Аусма.

— Да ты с ума сошла! — ужаснулась Велта, преградив ей дорогу. — Только через мой труп. Слышишь? Только через мой труп!

У дома остановились машины, слышно было, как громко хлопнули дверцы.

— Кто это? — испугалась Велта.

Дверь раскрылась без стука, на пороге появились Круминь и лейтенант Величко.

— Доброе утро, — приветствовал Аусму Янис и протянул руку.

— Здравствуй, Янис. Здравствуй, — ответила Аусма. Ее холодная, тонкая рука утонула в широкой, горячей ладони Яниса. — Проходите, — пригласила она. — Гостями будете.

— Прости, Аусма, — склонил перед нею голову Круминь. — Не в гости пришли к тебе. Пойми все правильно. Служба есть служба.

— Понимаю, все понимаю, — вздохнула Аусма, отошла в сторону, по щекам ее текли слезы.

Круминь повернулся к Велте, сказал сухо:

— Ваши документы, пожалуйста.

— Вы не имеете права меня задерживать. Я буду жаловаться в посольство, — запротестовала Велта.

Круминь посмотрел документы, ответил:

— Вы нам и нужны. Где «Минокс»?

— Какой «Минокс»? — удивилась Велта и взглянула на Аусму.

Та сидела, привалившись к спинке стула, закрыв глаза. Велта оживилась, приняв молчание Аусмы за поддержку.

— Ищите, — уверенно продолжала она, — я ничего не скрываю, но никакого «Минокса» у меня не было и нет.

«Минокс», — думала Аусма, не открывая глаз. Ей так сидеть было лучше. Только бы не смотреть на Яниса, не выдать тех чувств, которые овладели ею.

— Это провокация или страшное недоразумение, — наступала Велта. — Я приехала к старой, одинокой маме, чтобы побыть вместе, приласкать ее и поддержать.

Быстро подошла к Аусме, обняла за плечи. И не оттолкнула ее Аусма.

— Я понимаю, что меня оклеветал Валентин, — продолжала Велта. — Но поймите, что делает мужчина, когда получает унижительный отказ? Часто клеветает на женщину.

Круминь строго предупредил:

— Меня пока не интересуют ваши отношения с Валентином. Меня интересует «Минокс». Положите его на стол. Иначе я буду вынужден...

— Никакого «Минокса» у меня не было и нет. Оставьте, наконец, нас с мамой в покое! — повысила голос Велта.

Аусма не узнавала ее. Куда девались растерянность и страх, которые овладели ею. Сейчас Велта была

совершенно иной — самоуверенной, умеющей постоять за себя. «Все это потому, что я молчу, — думала Аусма, начиная понимать, что «Минокс» имеет важное значение для Круминя. — Дочь — шпионка, а я пытаюсь скрыть ее преступление, копаюсь в своих чувствах...» — осуждала она себя.

Аусма открыла глаза, отчужденным взглядом посмотрела на Велту, оттолкнула ее от себя. Она отталкивала от себя дочь последний раз в жизни и навсегда.

— Возьми, Янис, — сказала глухо. — Прости, что не сделала этого сразу. Пойми, она моя дочь. Моя...

— Это провокация, — все еще пыталась защищаться Велта. — Здесь все было заранее подстроено, чтобы скомпрометировать меня. Не выйдет! Я буду жаловаться.

— Пригласите конвой, — приказал Круминь лейтенанту Величко, не обращая внимания на Велту. — Прости, Аусма, что побеспокоил. Поверь, иначе нельзя.

— Я верю тебе, Янис, — ответила Аусма и, с трудом переставляя непослушные ноги, ушла в спальню.

ВЕЛТА ИЗВОРАЧИВАЕТСЯ

В своем кабинете Круминь рассматривал фотоснимки, изъятые при обыске у Велты. На одном снимке маленькая Велта на руках улыбающегося Гунара, на другом — в компании молодых людей, внимательно слушающих Гунара, на третьем Гунар был один. Все Гунар, Гунар. Вот он у автомашины. Картинно опершись на полуоткрытую дверцу, раскуривает трубку от зажигалки.

* * *

Круминь приказал привести Велту.

После ареста у нее было достаточно времени обо всем подумать, заново осмыслить всю свою жизнь.

Время, проведенное в Москве, Риге, доме Аусмы с Валентином и его друзьями, оставило в ее сознании глубокий след, открыло мир, о котором она знала слишком мало правды. И то, что она успела узнать, как бы раздвоило ее отношение к этому миру. С одной стороны, она готова была бороться с Круминем до конца. С другой стороны, она чувствовала, что тянется к этому миру, и тогда хотелось рассказать Круминю все о Гунаре, шефе, Шредере, полученном задании, руководителе делегации, все, что знала.

Однако, по ее мнению, такое признание только осложнило бы положение. Конечно, «Минокс», фотопленка со снимками записной книжки были важными уликами, но они ничего не говорили о главном — связи с разведкой. Пусть это будет не убедительно, но историю с «Миноксом» она намеревалась повернуть против Круминя, обвинить его в провокации. Пусть доказывает обратное. Важно, чтобы ушел Шредер — единственный свидетель ее связи с разведкой. Круминь о Шредере не спрашивал, и это еще больше укрепляло ее во мнении, что Шредер скрылся. «Только бы ушел он», — думала Велта, отправляясь на допрос, решив сопротивляться до конца.

— Я требую освободить меня, — стояла она на своем. — История с «Миноксом» — это ваша провокация. Вам вместе с моей матерью не трудно было разыграть этот спектакль. Ведь она ваша давняя знакомая. Вы подсунили ей «Минокс» со снимками записной книжки и теперь хотите обвинить меня.

— Говорить правду будем? — спросил Круминь, не обращая внимания на ее слова.

— Я — жертва провокации, — ответила Велта.

Она хотела разыграть возмущение, но спокойный, даже, пожалуй, излишне спокойный голос Круминя словно окатил ее холодной водой.

— Вам привет от Шредера, — сказал он и протянул фотокарточку, на которой Шредер был заснят в фас и профиль. Это была тюремная фотокарточка. — Да, привет от Шредера, — все так же спокойно повторил Круминь и пояснил: — Задержан в Риге. Да вы, вижу, не рады его приветству?

Велта растерянно молчала. Ее план выпутаться из истории с «Миноксом» и записной книжкой рухнул. Шредер арестован...

— Итак, вопрос вашего появления в Риге по заданию разведки мы, кажется, выяснили? — уточнил Круминь. — Или вам зачитать показания Шредера? — Он вынул из папки несколько листов, исписанных мелким почерком, показал Велте.

Ее учили, что в таких случаях давать показания надо не полно, расплывчато, следить за вопросами следователя и по ним ориентироваться. «Легко было советовать, — подумала Велта, — а попробуй устоять перед Круминем, который, кажется, и без ее показаний все знает».

— Советую не сопротивляться. Теперь это бесполезно. Вы первый раз приехали в Советский Союз? — спросил Круминь.

— Да, — неуверенно ответила Велта и подумала: «Неужели Шредер о приезде в Ленинград сказал?»

— Марта Зингер вам знакома? — спросил Круминь.

— Нет, такой женщины не знаю.

— Не кажется ли вам, что вы и Марта Зингер — одно и то же лицо? — уточнил Круминь.

— Понятия не имею о Марте Зингер, — повторила Велта, наблюдая, как Круминь неторопливо перебирал документы.

— Это вы? — спросил он и показал газету, в которой под крупным заголовком «Туристы из Швеции» был помещен групповой снимок, сделанный на Дворцовой площади в Ленинграде. В третьем ряду красным крестиком обозначена Марта Зингер, изображенная настолько четко, что отказываться было невозможно.

— Да, это я, — призналась Велта.

— Зачем приезжали?

— Приезжала, чтобы изучить обстановку, освоиться в обращении с советскими людьми. Никаких заданий не получала, — торопливо предупредила она, слабо надеясь, что Круминь поверит.

— Не слишком ли дорого обошлось ваше знакомство с обстановкой? — усмехнулся Круминь. — Вам зачитать показания Шредера?

Велта молчала. Круминь не торопил ее, ожидая, когда она соберется с мыслями. Сопротивляться она уже не могла, не только потому что арестован Шредер, но и потому, что постепенно до ее сознания дошла вся вина перед родиной, Аусмой, Валентином и тем же Круминем. Она еще не представляла, что случилось с нею — поддалась ли минутной слабости или желанию быть такой же порядочной, как ее соотечественники в Латвии, но чувствовала, что в ее сознании произошел перелом.

— В Ленинград я приезжала под видом немки, проживающей в Швеции, — медленно начала она. — Мои предки Зингеры еще до революции проживали в пригороде Ленинграда в богатом имении. Я должна была взять горсть земли из их бывшего имения, чтобы высыпать в Швеции на могилу деда.

— Довольно трогательно, — заметил Круминь. — Земля в самом деле нужна была для этого?

Велта улыбнулась, затем зло рассмеялась, а успокоившись, ответила:

— Проба земли нужна для того, чтобы по ее радиации определить, есть ли в районе, где она взята, атомная промышленность.

«Лед, кажется, тронулся», — подумал Круминь, выслушав подробный ответ Велты, и спросил:

— С каким заданием прибыли в Ригу?

— По мнению моего шефа, — ответила она, — на вооружение авиации поступили новые самолеты-истребители. Я получила задание добыть о них сведения. Для этого мне рекомендовали познакомиться с летчиком, инженером или техником и любыми путями получить нужную информацию о самолетах. В поезде я случайно познакомилась с Валентином... Остальное вы знаете.

Велта посмотрела на Круминя и добавила:

— Я прошу вас правильно понять Валентина. Он человек честный, во всех отношениях порядочный. Я жестоко обманула его. Он не виновен. Виновна только я.

По тому, как это было сказано, Круминь понял, что Велта, наконец, решила быть откровенной до конца.

— Кто такой Отто Шредер? — продолжал он допрос.

— Мой коллега по работе. Живет на Западе, имеет свою мастерскую по ремонту мебели, выдает себя за прогрессивного деятеля.

— Зачем он приезжал в Ригу?

— По моей просьбе. Когда я поняла, что имею возможность сфотографировать записи в книжке Валентина, условным письмом сообщила об этом шефу, и он прислал Шредера.

— Что вы писали и кому?

— Я написала отцу, что о нем скучает мать и зовет к себе. Это был условный знак...

— Вы, кажется, еще что-то хотели сказать о Шредере? Продолжайте. Я слушаю.

— Да, хотела, — заявила Велта. — Хочу посоветовать вам внимательно изучить архивы СД в Лиепе, если они сохранились. Правда, по ним он значит не Шредером, а Бодниексом, следователем СД. Так его называл и мой отец.

Круминь раскрыл конверт с фотокарточками, высыпал их на стол и выбрал две, на которых был изображен Гунар. На одной — поливающим клумбу с цветами в садике небольшой виллы. На второй — у автомашины, раскуривающим трубку.

— Это ложь? — спросил Круминь, показывая фотографии Велте.

— Да, — согласилась она. — Отец хотел похвалиться матери, как он живет. Но это неправда.

— Где работает Гунар?

— Мойщиком автомашин в мотеле. Там он и сфотографирован. Конечно, у чужой машины. А эту виллу обещали мне, если я успешно выполню задание.

Велта умолкла, опустила голову и заплакала. Круминь подал ей стакан воды. Она выпила, тяжело поднялась со стула и направилась к выходу. У двери ее ожидал Величко.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Листов. РЕВОЛЮЦИЯ ЗАЩИЩАЕТСЯ (3)
Дмитрий Быстролетов. PARA BELLUM (77)
Иван Карачаров. ЕЕ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ (209)
Александр Казицкий. СОЛДАТЫ ДЗЕРЖИНСКОГО (247)
Алексей Вергунский. СЛУЧАЙ НА ВЗМОРЬЕ (261)

Составитель *Илья Иванович Шмелев*

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Книга 4-я

Редактор **О. А. Ермилина**
Художественный редактор **В. П. Бухарев**
Технический редактор **И. И. Капитонова**
Корректоры **Г. М. Ульянова** и **З. И. Шехмейстер**
ИБ № 1500

Сдано в набор 15.12.78. Подписано в печать 29.05.79. А10004. Формат 84X108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15,96. Уч. изд. л. 17,97. Тираж 100.000 экз. Заказ № 1501. Цена 1 р. 40 к. Изд. инд. ХД-224.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу:
Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».